ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Изотова Надежда Николаевна

КОДЫ ЯПОНСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА И АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

Специальность 24.00.01 — Теория и история культуры (культурология)

Диссертация на соискание ученой степени
доктора культурологии

Научный консультант:
доктор культурологии, профессор
Татьяна Михайловна Гуревич

Москва 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4
ГЛАВА 1. ДУХОВНЫЙ КОД 36
1.1. Код культуры как объект исследования гуманитарных наук: теоретико-методологический аспект 36
1.2. Религиозный синкретизм — онтологическая основа духовного кода 60
1.3. Ценностные ориентации мышления японцев и нормы морали 79
1.4. Трансформация системы ценностей и гендерных стереотипов в условиях глобализации 100
Выводы по главе 130
ГЛАВА 2. КОММУНИКАТИВНЫЙ КОД 134
2.1. Этнокультурные особенности стиля японской коммуникации 134
2.2. Интернет-коммуникации 147
2.3. Культура подарков: традиции и современность 165
Выводы по главе 176
ГЛАВА 3. ПРИРОДНО-ЛАНДШАФТНЫЙ КОД 180
3.1. Зоологический код 180
3.2. Энтомологический код 190
3.3. Флористический код 213
3.4. Гора Фудзи как социокультурный феномен 231
Выводы по главе 242
ГЛАВА 4. ГАСТРОНОМИЧЕСКИЙ КОД 247
4.1. Рис — базисный архетип японской культуры 247
4.2. Сакэ — история и традиции 260
4.3. Эволюция гастрономической культуры 277
Выводы по главе 285
ГЛАВА 5. КОД ПОВСЕДНЕВНОСТИ 288
5.1. Социокультурные особенности отношения японцев к деньгам 288
5.2. Маркеры бытовой культуры 310
5.3. Борьба сумо как способ сохранения и трансляции культурных ценностей 318
5.5. Зодиакальный календарь и традиционная система летосчисления 332

Выводы по главе..... 346
ГЛАВА 6. АНТРОПОНИМИЧЕСКИЙ КОД 350
6.1. Фамильные антропонимы 350
6.2. Мужские имена..... 362
6.3. Женские имена 368
Выводы по главе..... 375
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 377
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ..... 388

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Проблема культурного взаимодействия, интерпретации явлений культуры занимает ключевое место в гуманитарном дискурсе. Актуальность темы исследования определяется возрастающей ролью культуры как социорегулятивного механизма, комплекса нормативов человеческого сознания и социального поведения [1]. Сегодня все сферы человеческой деятельности прямо или косвенно связаны с межкультурным взаимодействием. В.С. Стёпин определяет культуру как систему «исторически развивающихся надбиологических *программ* человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях»[2]. В условиях необратимости глобализационных процессов и нарастания процессов культурной универсализации, радикализации межкультурных противоречий, обостряются проблемы сохранения культурной самобытности народов, соотнесения глобального и локального, определения границ межкультурного сближения. Необходимость ответа на вызовы глобализации (пандемия, экологические катастрофы, терроризм, военные конфликты, искусственное навязывание единых стандартов и образцов культурной жизни в виде вестернизации и т.д.) заставляет задуматься о необходимости выработки общезначимых основ для межкультурного диалога. В этой связи актуализируются векторы взаимодействия культур, призванные обеспечить межкультурный компромисс, толерантное сосуществование различных культурных систем[3].

Кроме того, актуальность данного исследования определяется активным развитием в системе гуманитарного знания лингвокультурологии, продукта «антропологической парадигмы науки о человеке, центром притяжения которой

---

[1] Флиер А.Я. Системный характер нормативной теории культуры // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 2. С. 147–156.

[2] Стёпин В.С. Культура // Новая философская энциклопедия. Т. 2. М.: Мысль, 2001. С. 341.

[3] Глаголев В.С. Межкультурная коммуникация в условиях глобализации : учеб. пособие / В.С. Глаголев [др.]. М.: Проспект, 2016.

является феномен культуры»[4], интегративной области знаний, «вбирающая в себя результаты исследования в культурологии и языкознании, этнолингвистике и культурной антропологии» [5], что стимулирует проведение исследований по выявлению национальной специфики в процессе концептуализации человеческого опыта постижения окружающей действительности.

Как известно, существенным условием межкультурного диалога является понимание ценностных доминант, моделей и стереотипов восприятия мира представителей других культур. Ключевой категорией, целостно фиксирующей всю совокупность национально-культурных особенностей, являются «коды культуры», выступающие фундаментом культурной системы. Как отметил президент России В.В. Путин, всех россиян отличает особый культурный код, который с каждым новым поколением становится все богаче: «…он складывается из поколения в поколение, и каждое поколение добавляет маленькую-маленькую частичку в этот код, которая делает его еще более мощным, делает его еще более состоятельным, жизнеспособным»[6].

Знание «культурных кодов», расшифровка которых открывает исследовательские перспективы для познания особенностей социально-экономического и культурного развития локальных цивилизаций, остается одним из основных ключей к пониманию менталитета, ценностных ориентаций как отдельного индивида, так и «космо-психо-логоса» любого этноса[7], следовательно, успешного осуществления межкультурного взаимодействия. Как точно заметила А. Вежбицкая: «Нельзя найти “идентичность” своей собственной культуры (сколь бы разнородной она ни была), пока глубоко и досконально не познакомишься с

---

[4] Телия В.Н. Русская фразеология : семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 122.

[5] Маслова В.А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Академия, 2001. С. 32.

[6] Путин рассказал об особом культурном коде россиян. 06.04.2018 [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20180406/1518071405.html (дата обращения: 01.04.21).

[7] Гачев Г. Национальные образы мира : Космо-Психо-Логос. М.: Прогресс-Культура, 1995.

другой культурой, вплоть до того, что реакция на это знакомство обновит все твое существо»[8].

Таким образом, актуальность прочтения и интерпретации «кодов культуры» обусловлена необходимостью выявления этнокультурных особенностей представителей другой культуры, специфики их жизненных ценностей и приоритетов, значимых для конструктивного взаимодействия, успешного осуществления межкультурной коммуникации. Вместе с тем назрела необходимость упорядочения кодовых систем, их классификации и анализа. Дешифровка культурных кодов, реконструкция соответствующих им историко-культурных контекстов представляется насущной задачей не только культурологии, но и других гуманитарных дисциплин.

Современное японское общество представляет несомненный интерес для исследователей в силу сочетания в нем восточных и традиционно западных ценностей. В японской культуре много самобытных и уникальных идеалов и установок. Японский философ-идеалист, представитель киотоской школы академической философии Ко:яма Ивао (1905–1993), отмечал, что своеобразный путь формирования японской нации и ее долгая история привели к следующему: «…инициативное и непрерывное развитие, но при этом и консервативность, восприятие и создание нового и в то же время сохранение старого, мирное совмещение старого и нового представляет собой особенность японской нации» [9].

Отметим, что исследование культурных кодов Японии сталкивается с серьезной проблемой: отсутствием общепризнанного единого основания для классификации. Из-за эклектических тенденций японскую культуру называют «загадочной», «парадоксальной», «двусмысленной». Эти определения передают подлинную сложность понимания культурных кодов. Более того, положение

---

[8] Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 28.

[9] 高山岩男。日本民族の心。文化類型学的考察。[Ко:яма Ивао. Душа японской нации], 東京: 玉川大学出版部, 1972. P. 29.

осложняет тот факт, что современная Япония переживает переходный период, во время которого сосуществуют различные конфликтующие и противоречащие друг другу векторы развития.

Большинство тенденций глобализации наносит урон традиционным и цивилизационным особенностям японцев. С одной стороны, происходит расширение границ внешней свободы на основе развития новых видов коммуникации, различных коммуникативных инфраструктур, социальных и политических институтов, с другой — идет процесс усиления отчуждения личности от общества, государства, от других личностей и от собственной природы. На первый план выдвигаются примитивные формы духовной самореализации человека, что приводит к раздробленности, характеризующейся не глобализацией, а вестернизацией, попыткой навязывания неолиберальных ценностей социуму, размыванию традиционной японской идентичности.

Подчеркнем, что особенно актуально исследовать японскую культуру в условиях парадигмальной трансформации, противостояния центробежных и глобализационных тенденций, нивелирующих культурные особенности и нарушающих целостность этнокультурных пространств [10]. И наконец, опыт Японии имеет определенное значение для современной многонациональной и многоконфессиональной России с ее многообразием языков, традиций, этносов и культур. Изучение базовых культурных кодов Японии, представляющих сложный конгломерат религиозных, философских, этических, социально-политических представлений, приобретает особую значимость при осмыслении процессов трансформации в современной России, для осознания собственной национально-культурной уникальности.

Кроме того, актуальность их концептуального культурологического «прочтения» основана на необходимости совершенствования курса на развитие плодотворного сотрудничества с Японией в различных областях, успешное

[10] Чугров С.В. Япония в поисках новой идентичности. М.: Вост. литература, 2010; Япония в ретроспективе смены поколений / О.А. Добринская [и др.] ; под ред. Д.В.Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2020.

осуществление межкультурной коммуникации. Для налаживания настоящего взаимопонимания между Россией и Японией необходимы общие для участников акта взаимодействия знания, касающиеся не только лексико-грамматических особенностей языков, но и культур обеих стран, умение эмпатически и толерантно относиться к представителям другого народа, принимать и правильно интерпретировать «культурные коды», представляющие «зашифрованную» систему ценностей и смыслов.

Анализ и понимание культурных кодов Японии позволят прогнозировать характер отношений с японцами в рамках межкультурной коммуникации, проектировать модели оптимального межкультурного взаимодействия с учетом глубинных и устойчивых факторов мировосприятия, прогнозировать зоны межкультурных расхождений и определять способы их минимизации.

Степень разработанности проблемы. В современном гуманитарном дискурсе стало достаточно частым употребление термина «культурный код». При этом данное понятие остается многомерным, что обусловлено широким спектром вопросов, рассматриваемых в контексте «культурного кодирования», а также тем, что каждая из областей гуманитарного знания рассматривает этот феномен в различных плоскостях, с позиций данной конкретной науки (Carbaugh 2007; Coyle 2018; De Mente 2004; Кобаяси 2009; Coble 2016; Chen, Gotti, Kang *et al.*2018; Vitolla, Raimo, Rubino, Garegnani 2021)[11].

[11] Carbaugh D. Cultural Discourse Analysis: Communication Practices and Intercultural Encounters // Journal of Intercultural Communication Research. 2007. 36 (3). P. 167–182; Coyle D. The Culture Code: The Secrets of Highly Successful Groups. Bantan, 2018; De Mente Boye Lafayette. Japan's Cultural Code Words: 233 Key Terms That Explain the Attitudes and Behavior of the Japanese. Tuttle Publishing, 2004; 小林修一。日本のコード―〈日本的〉なるものとは何か [Кобаяси Сю:ити. Что такое «японский код»], みすず書房, 2009; Cobley P. Codes and Interpretation in Nature and Culture // Cultural Implications of Biosemiotics. 2016. Biosemiotics. Vol. 15. P. 75–90. Springer, Dordrech; Chen C., Gotti G., Kang, T. et al. Corporate Codes of Ethics, National Culture, and Earnings Discretion: International Evidence // J Bus Ethics 151. 2018. P. 141–163; Vitolla F., Raimo N., Rubino M., Garegnani G.M. Do cultural differences impact ethical issues? Exploring the relationship between national culture and quality of code of ethics // Journal of International Management. 27(1). 2021.

Несмотря на неоднозначность трактовок, термин «код» широко используется не только в семиотике, но и во многих других гуманитарных дисциплинах, таких как культурология, психология, лингвокультурология, социология, когнитивная лингвистика, психолингвистика, этнология, философская антропология (Simko, Olick 2020; Doctoroff 2011; May, Chaplin 2008; Norton 2019; Béjar 2014; Spicheva, Polyanskaya, 2020; Merrell 2017)[12].

Проблемы кодирования и декодирования информации в процессе коммуникации неразрывно связаны с проблемой соотношения языка и культуры, языка и мышления, которые были и остаются в фокусе исследований ученых.

Различные научные школы по-разному рассматривают вопросы соотношения языка и культуры, однако практически все признают, что язык и культура неразрывно связаны, о чем свидетельствуют труды как отечественных, так и зарубежных ученых.

В XIX веке В. фон Гумбольдт разработал фундаментальные положения культурфилософской концепции языка о взаимодействии языка и культуры, которые оказали влияние на становление антропоцентрической парадигмы в гуманитарном дискурсе. Объектом теоретического осмысления стали идеи В. фон Гумбольдта[13] о воплощении в языке глубинных и устойчивых черт национальной культуры, детерминирующих специфику всех других форм общественного бытия, концепция «национально-культурных» миров, определяющих своеобразие и менталитет народов; труды И.Г. Гердера[14], Э. Сепира[15], Б. Уорфа[16], А.

[12] Simko C., Olick J.K. What we talk about when we talk about culture: a multi-facet approach // Am J Cult Sociol. 2020; Doctoroff T. The China Code // Soc 48. 2011. P. 123–130; May R., Chaplin K. Cracking the Code: Race, Class, and Access to Nightclubs in Urban America // Qual Sociol 31. 2008. P. 57–72; Norton M. Meaning on the move: synthesizing cognitive and systems concepts of culture // Am J Cult Sociol 7. 2019. P. 1–28; Béjar H. Therapeutic Culture and Self-Help Literature: The “Positive Psychology Code” // Landini T.S., Dépelteau F. (eds) Norbert Elias and Empirical Research. New York: Palgrave Macmillan, 2014; Spicheva D.I., Polyanskaya E.V. Culture codes of scientific concepts in global scientific online discourse // AI & Soc 35. 2020. P. 699–714; Merrell D. The Art of Adventure: Eco, Joyce, and the Open Work // Umberto Eco, The Da Vinci Code, and the Intellectual in the Age of Popular Culture. Cham: Palgrave Macmillan, 2017.

[13] Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000.

[14] Гердер И.Г. Трактат о происхождении языка. М.: ЛКИ, 2007.

Вежбицкой[17], Л. Витгенштейна[18], В.В. Виноградова[19], Ю.С. Степанова[20], Л. Вайсгербера[21], И.А. Бодуэна де Куртенэ[22], А.Н. Афанасьева[23], Ф.И. Буслаева[24], А.А. Потебни[25], П.А. Флоренского[26], М.М. Бахтина[27], Т.В. Цивьян[28], В.Г. Костомарова, Е.М. Верещагина[29], Н.Д. Арутюновой[30], Н.В. Уфимцевой[31] и многих других исследователей о сущности языка и культуры и природы их взаимодействия.

В лингвистике и семиотике код часто отождествляется с языком, поскольку в терминах семиотики язык и код — это знаковые системы. Код относительно естественного языка определяется как совокупность знаковых единиц и правил их употребления. В связи с этим работы Ф. де Соссюра[32], И.В. Арнольд[33], Л.

---

[15] Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993.

[16] Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления в языке // Новое в лингвистике. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960. Вып. 1.

[17] Вежбицкая А. Язык : культура : познание. М.: Русские словари,1996.

[18] Витгенштейн Л. Логико-философский трактат [пер. с нем. Л. Добросельского]. М.: АСТ, 2018.

[19] Виноградов В.В. История русских лингвистических учений. М.: Высшая школа, 1978.

[20] Степанов Ю.С. Константы : словарь русской культуры : опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997.

[21] Вайсгербер Л. Родной язык и формирование духа / пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О.А. Радченко. 2-е изд., испр. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2004.

[22] Бодуэн де Куртенэ И. Общее языкознание : избранные труды. М: Юрайт, 2019.

[23] Афанасьев А.Н. Древо жизни : избранные статьи / Подготовка текста и коммент. Ю.М. Медведева ; вступит. статья Б.П. Кирдана. М.: Современник, 1982.

[24] Буслаев Ф.И. Русский богатырский эпос : русский народный эпос. Воронеж: Центр.-Черноозем. кн. изд-во, 1987.

[25] Потебня А.А. Символ и миф в народной культуре / Ссст., подг. текстов, ст. и коммент. А.Л. Топоркова. М.: Лабиринт, 2000.

[26] Флоренский П. А. Столп и утверждение Истины. М.: Путь, 1914.

[27] Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.

[28] Цивьян Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы. 3-е изд., испр. М.: КомКнига, 2006.

[29] Костомаров В.Г., Верещагин Е.М. Язык и культура. М.: Индрик 2005.

[30] Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998.

[31] Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.-Калуга: Институт языкознания РАН, 2011.

[32] Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / пер. с французского. М.: Едиториал УРСС, 2004.

33 Арнольд И.В. Семантика : стилистика : интертекстуальность : сб. ст. / науч. ред. П.Е. Бухаркин. СПб.: Изд-во С. Петерб. Ун-та, 1999.

Ельмслева[34], Р. Барта[35], Ч.С. Пирса[36], Р.О. Якобсона[37], Ч. Морриса[38], А.Ф. Лосева[39], К. Гирца[40]явились отправной точкой для понимания знакового характера кодов как явления культуры.

Понимание культурного кода как «генератора смыслов» раскрывается в трудах Ю.М. Лотмана[41], М. Фуко[42], У. Эко[43], Э. Кассирера[44]. Необходимо особо выделить концепцию Ю.М. Лотмана о семиосфере как о культурном континууме с разными семиотическими системами, результате и условии развития культуры[45] и кодах как инструментах интерпретации текстов культуры[46] .

В психолингвистике и когнитивной лингвистике термин «код» рассматривается в контексте соотношения мышления и языка. Л.С. Выготский, анализировавший проблему мышления и речи в контексте отношения мысли к слову, выделил в сознании человека язык мысли и вербальный язык, развитие которых идет независимо друг от друга[47] . Развивая идеи Л.С. Выготского, советский лингвист и психолог Н.И. Жинкин предложил гипотезу существования в сознании человека универсально-предметного кода (УПК), составляющего базу

---

[34] Hjelmslev L. Essais linguistiques Copenhague: Nordisk Sprog-og Kulturforlag, 1959. (Travaux du Cercle Linguistique de Copenhague, Vol. XII)

[35] Барт Р. S/Z / под ред. Г.К. Косикова ; пер. с фр. 2-е изд., испр. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

[36] Пирс Ч.С. Избранные философские произведения / пер. с англ. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриев. М.: Логос, 2000.

[37] Якобсон Р.О. Язык в отношении к другим системам коммуникации : избранные работы. М.: Прогресс, 1985.

[38] Моррис Ч.У. Значение и означивание / пер. с англ. В.П. Мурат // Семиотика: антология / сост. Ю. С. Степанов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академ. проект ; Екатеринбург: Деловая кн., 2001. С. 129–143.

[39] Лосев А.Ф. Знак : символ : миф. М.: МГУ, 1982.

[40] Гирц К. Интерпретация культур / пер с англ. О.В. Барсукова и др. М.: РОССПЭН, 2004.

[41] Лотман Ю.М. История и типология русской культуры : семиотика и типология культуры. Текст как семиотическая проблема. Семиотика бытового поведения. История литературы и культуры : [сборник]. СПб.: Искусство-СПб, 2002.

[42] Фуко М. Слова и вещи : археология гуманитарных наук / пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. М. : Прогресс, 1977.

[43] Эко У. Отсутствующая структура : введение в семиологию. СПб.: Симпозиум, 2004.

[44] Кассирер Э. Философия символических форм. Том 2. Мифологическое мышление. М. ; СПб.: Университетская книга, 2001.

[45] Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М.: Языки русской культуры, 1999.

[46] Там же. С. 165.

[47] Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 2007.

мышления[48]. Благодаря УПК, согласно Н.И. Жинкину, происходит движение от мысли к слову, переход с кода сенсорных образов на обычный вербальный язык[49].

Определенный интерес представляет подход к определению кода американского психолога Клотера Рапая[50].

В социологии понятие «культурный код» применяется для анализа социальных явлений и процессов. Значимыми являются труды Джеффри Александера, автора концепции «сильной программы» в культурсоциологии[51]; работы Т. Парсонса, главы школы структурного функционализма[52]; Н. Лумана, создателя концепции социальных систем, рассматривающего код как синоним «дифференциации», так как он разграничивает коммуникативные операции на субсистемы[53]; М. Кастельса, исследовавшего новую информационную эпоху, в которой коммуникация «кодирует» восприятие реальности[54].

В рамках философской антропологии концепцию «культурного кода» разрабатывает историк Л.А. Черная[55]. А.М. Старостин рассматривает предметную и инструментальную составляющую культурного кодирования сквозь призму философской инноватики. Существенным является опыт исследования

---

[48] Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи [Электронный ресурс] // Вопросы языкознания. 1964. № 6. С. 26–38. URL: http://philology.ru/linguistics1/zhinkin-64.htm (дата обращения: 15.09.2021).

[49] Жинкин Н.И. Речь как проводник информации / предисл. Р.Г. Котова, А.И. Новикова. М.: Наука, 1982.

[50] Рапай К. Культурный код: как мы живем, что покупаем и почему. М.: Альпина Паблишер, 2019.

[51] Александер Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология / под ред. Д. Куракина ; пер. с англ. Г. Ольховикова. М.: Праксис, 2013.

[52] Парсонс Т. О структуре социального действия / пер. с англ. М.: Академический проект, 2018.

[53] Луман. Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005.

[54] Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / под науч. ред. О.И. Шкаратана ; пер. с англ. М.: ГУ ВШЭ, 2000.

[55] Черная Л.А. Антропологический код древнерусской культуры. М: Языки славянских культур, 2008.

интерпретации текстов культуры и кодов как ценностно-смысловых доминант Н.А. Симбирцевой[56].

В.Г. Зусман и Т.Б. Сиднева обращаются к изучению поликодового пространства, диалектики границы литературы и музыки для понимания универсальности (вездесущности) культурных кодов [57] . И.Е. Фадеева рассматривает эстетический код культуры, характеризующий современность, в русле когнитивно-семиотического подхода [58] . В.Ю. Михайлин разработал пространственно-ориентированную систему культурных кодов, лежащую в основе каждой культуры и восходящую к общему индоевропейскому прототипу[59].

Значительный вклад в исследование проблемы культурных кодов внесли отечественные культурологи Г.В. Зубко[60], М.П. Завгороднева, С.В. Шустова[61], Е.Е. Бразговская [62] , Е.Я. Режабек, А.А. Филатова [63] , И.Г. Яковенко, А.И. Музыкантский[64], Г. Гачев[65], Н.А. Завьялова[66] и другие.

Тема культурного кодирования активно разрабатывается в лингвокультурологии и этнолингвистике.

---

[56] Симбирцева Н.А. Специфика культурологической интерпретации (тексты культуры и читатели) : монография. Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург. 2017. [Электронный ресурс]. URL: http://elar.uspu.ru/handle/uspu/6409 (дата обращения: 20.09.2021).

[57] Сиднева Т.Б., Зусман В.Г. Литература и музыка как пограничные коды культуры // Международный журнал исследования культуры. 2019. 2(35) [Электронный ресурс]. URL: https://culturalresearch.ru/ru/archives/162-2-35-2019 (дата обращения: 20.09.2021).

[58] Фадеева И.В. Эстетический код культуры: к постановке проблемы // Человек. Культура. Образование. 2017. 1 (23). С. 138–145.

[59] Михайлин В.Ю. Мужские пространственно-ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции : автореф. дисс. ... д-ра философ. наук. Саратов, 2006.

[60] Зубко Г.В. Проблемы реконструкции культурного кода фульбе: Западная Африка : автореф. дисс. ... д-ра культурологии. М.: МГУ, Ин-т стран Азии и Африки, 2004.

[61] Завгороднева М.П., Шустова С.В. Природно-ландшафтный код немецкой культуры: лингвокультурологический и лингводидактический аспекты : монография. Пермь: Перм. гос. нац.-исслед.ун-т., 2019.

[62] Бразговская Е.Е. Семиотика : языки и коды культуры : учебник и практикум для академического бакалавриата. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2019.

[63] Режабек А.Я., Филатова А.А. Когнитивная культурология : учеб. пособие. СПб.: Алтейя, 2010.

[64] Яковенко И.Г., Музыкантский А.И. Манихейство и гностицизм : культурные коды русской цивилизации. М.: Русский путь, 2010.

[65] Гачев Г. Национальные образы мира : Космо-Психо-Логос. М.: Прогресс-Культура, 1995.

[66] Завьялова Н.А. Культурно-коммуникативные формулы как цивилизационных картин мира : дисс. ... д-ра культурологи. М.: Московский гуманитарный университет, 2018.

В рамках лингвокультурологического направления внимание исследователей направлено на изучение и описание реализации кодов культуры в образной системе языка с точки зрения того, как она транслирует культурные коды (М.Л. Ковшова[67], В.А. Маслова[68], В.Н. Телия[69], С.М. Толстая[70], В.В. Красных[71], Г.А. Аванесова, И.А. Купцова [72], В.М. Савицкий [73] и др.). В качестве эмпирической базы актуализации культурных кодов ученые выбирают различные языковые явления. Одни исследователи работают с диалектным материалом и фольклорными текстами (Е.Л. Березович[74], В.М. Мокиенко[75], С.Е. Никитина[76], Н.И. Толстой[77], С.М. Толстая[78]), другие используют данные литературного языка, художественных, религиозных и философских источников (Н.Д. Арутюнова[79],

---

[67] Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2013.

[68] Маслова В.А., Пименова М.В. Коды лингвокультуры : учеб. пособие. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2016.

[69] Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Наука, 1996.

[70] Толстая С.М. К понятию культурных кодов // Сборник статей к 60-летию А.К. Байбурина. — Studia Ethnologica АБ 60. СПб., 2007. С. 23–31.

[71] Красных В.В. Коды и эталоны культуры (Приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2004. Вып. 26. С. 5–19.

[72] Аванесова Г. А., Купцова И. А. Коды культуры: понимание сущности, функциональная роль в культурной практике // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологи : сб. ст. по материалам XLVII Междунар. науч. практ. конф. No 4 (47). Новосибирск: СибАК, 2015. С. 28–37.

[73] Савицкий В.М. Культурные коды: сущность, состав и функционирование в составе общения // Дискурс профессиональной коммуникации. No 1–4. 2019. С. 68–77.

[74] Березович Е.Л. Язык и традиционная культура : этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007.

[75] Мокиенко В.М. В глубь поговорки: рассказы о происхождении крылатых и образных выражений. [3-е изд., перераб.]. СПб.: Авалон: Азбука-классика, 2007.

[76] Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. Монография. 2-е изд. М.: URSS, изд. ЛЕНАНД, 2014.

[77] Толстой Н.И., Толстая С.М. О Словаре «Славянские древности» // Славянские древност: этнолингвистический словарь / под ред. Н.И. Толстого. В 5 т. Т. 1: А–Г. М.: Международные отношения, 1995. С. 5–14.

[78] Толстая С.М. Пространство слова : лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008.

[79] Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998.

О.А. Корнилов[80], М.А. Маслова[81], Л.Г. Веденина[82], И.А. Стернин[83], В.Н. Телия[84], В.И. Постовалова[85] и др.). Значимым для нашего исследования в контексте выделения и интерпретации кодов культуры является тезис В.Н. Телии о том, что код культуры представляет «таксономический субстрат ее текстов», «совокупность окультуренных представлений о картине мира того или иного социума»[86].

В диссертациях с позиций лингвокультурологии на материале различных языков рассматривался пищевой, зооморфный, артефактный, природно-ландшафтный, флористический, темпоральный и другие культурные коды. (Э.А. Гашимов[87], Ф.Н. Гуткелова[88], И.В. Дукальская[89], Е.Г. Кольовска[90], Лянь Сяонань[91], Х. Сарач[92], М.Н. Храмова[93]).

---

[80] Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003.

[81] Маслова В.А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2001.

[82] Веденина Л.Г. Человек. Человек в лингвоэтнокультурном пространстве. М.: Языки славянской культуры, 2017.

[83] Стернин И.А. Исследование значения как феномена языкового сознания : монография. Алматы: Полилингва, 2018.

[84] Телия В.Н. Русская фразеология : семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.

[85] Постовалова В.И. Язык и миропонимание : опыт лингвофилософской интерпретации. М.: URSS, 2017. (История лингвофилософской мысли).

[86] Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Наука, 1996. С. 277.

[87] Гашимов Э.А. Структурно-семантические и прагматические характеристики английского лингвокультурного кода (на материале лексико-фразеологического поля «Продукты питания») : дисс. ... канд. филол. наук. 2005.

[88] Гуткелова Ф.Н. Зооморфный код культуры в языковой картине мира (на материале разноструктурных языков: французского, кабардино-черкесского и русского языков) : дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2009.

[89] Дукальская И.В. Семантические и прагматические характеристики английского лингвокультурного кода «артефакты» : дисс. ... канд. филол. наук. Самара, 2004.

[90] Кольовска Е.Г. Природно-ландшафтный код русской культуры в аспекте лингводидактики : дисс. ... канд. филол. наук. М., 2014.

[91] Лян С. Русский темпоральный код в свете лингвокультурологического подхода (на фоне китаийского языка) : дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008.

[92] Сарач Х. Природно-ландшафтный код культуры (на материале русского и турецкого языков) : дисс. ... канд. филол. наук. М., 2016.

[93] Храмова М.Н. Семантика зооморфных образов в современой европейской культуре : автореф. дисс. …канд. культурологии. СПб., 2015.

Телесному коду русской культуры посвящена монография Д.Б. Гудкова и М.Л. Ковшовой[94], анималистическому коду на материале фразеологизмов и паремий английского языка работа Х.Е. Розенковой и С.В. Шустовой[95], природно-ландшафтному коду немецкой культуры в лингвокультурологическом и лингводидактическом аспекте труд М.П. Завгородневой и С.В. Шустовой[96].

В Японии тему культурного кодирования разрабатывают в различных областях гуманитарного знания. В последние годы вышел целый ряд работ, посвященных анализу различных аспектов японской культуры, осмыслению ее аксиологических оснований, архитектоники и структуры. С. Мацуока, автор концепции «редакционной инженерии», рассматривает японскую культуру с позиций междисциплинарного подхода с использованием инструментария истории, философии, культурологии, литературы, социологии, лингвистики[97]. Ё. Икэгами, Х. Исида, Х. Адзума обращаются к анализу культурных и языковых кодов, информационных технологий с позиций семиотики[98]. Социолог С. Кобаяси областью актуализации «японских кодов» называет японский язык, японскую

---

[94] Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры : материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007.

[95] Розенкова Х.Е., Шустова С.В. Анималистический код английской культуры в лингводидактическом аспекте : монография. Пермь: АНО ДПО «Пермский институт экономики и финансов», 2018.

[96] Завгороднева М.П., Шустова С.В. Природно-ландшафтный код немецкой культуры: лингвокультурологический и лингводидактический аспекты. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т., 2019.

[97] 松岡 正剛.日本文化の核心 「ジャパン・スタイル」を読み解く [Мацуока Сэйго:. Суть японской культуры. Расшифровка японского стиля], 講談社現代新書, 2020 . 352 p.; 松岡正剛, エバレット・ブラウン。 日本力 [Мацуока Сэйго:, Эверетт Браун. Сила Японии], パルコ 、2010. 304 p.

[98] 池上嘉彦 . 文化記号論への招待 –ことばのコードと文化のコード[Икэгами Ёсихико. Приглашение в семиотику: языковые и культурные коды], 有斐閣, 1983. 222 p.

[98] 池上嘉彦 . 文化記号論への招待 –ことばのコードと文化のコード[Икэгами Ёсихико. Приглашение в семиотику: языковые и культурные коды], 有斐閣, 1983. 222p.; 池上 嘉彦. 記号論講義 日– 常生活批判のためのレッスン[Икэгами Ёсихико. Лекции по семиотике: уроки критики повседневной жизни], 筑摩書房, 2020. 630 p.; 池上 嘉彦 .自然と文化の記号論 (放送大学教材) [Икэгами Ёсихико. Семиотика природы и культуры], 放送大学教育振興会, 2002. 204 p.

литературу, семейные традиции [99] . Антрополог К. Комацу исследует мифологические представления и верования в рамках историко-культурного (антропологического) подхода. В представлении ученого, миф — источник народной мудрости, тип социального кодирования, аллегорическая форма выражения общественного сознания[100]. А. Хори исследует гендерные проблемы, «коды желания» — секс и порно-индустрию как составную часть массовой культуры в русле Cultural Studies[101].

Таким образом, можно констатировать, что на сегодняшний день накоплен большой объем специальных исследований (исторических, культурологических, этнографических, филологических, страноведческих, философских, антропологических и других), позволяющих выйти на культурологическое обобщение, выделение и описание культурных кодов Японии. Специфика данной работы потребовала обращения к широкому кругу источников. На концептуализацию исследовательского подхода к изучению культурных кодов Японии оказали влияние работы отечественных ученых-японоведов В.М. Алпатова, С.А. Арутюнова, А.Е. Глускиной, Т.П. Григорьевой, Т.М. Гуревич, Л.М. Ермаковой, Н.А. Иофан, Л.Б. Кареловой, Е.Л. Катасоновой, Н.И. Конрада, А.Е. Куланина, С.Б. Маркарьян, В.Э. Молодякова, Э.В. Молодяковой, А.Н. Мещерякова, Л.Т. Нечаевой, В.В. Овчинникова, А.Н. Панова, Д.В. Стрельцова,

---

[99] 松岡 正剛.日本文化の核心 「ジャパン・スタイル」を読み解く [Мацуока Сэйго:. Суть японской культуры. Расшифровка японского стиля], 講談社現代新書, 2020. 352 p.; 日本のコード―〈日本的〉なるものとは何か [Кобаяси Сю:ити. Что такое «японский код»], みすず書房, 2009. 272 p.

[100] 小松和彦. 聖地と日本人 [Комацу Кадзухико. Священные места и японцы], 角川ソフィア文庫, 2021. 272 p.; 小松和彦. 鬼と日本人 [Комацу Кадзухико. Демоны и японцы], 角川ソフィア文庫、2018, 272 p.; 小松和彦.妖怪文化入門 [Комацу Кадзухико. Введение в культуру японских призраков — ёкай], 角川ソフィア文庫, 2012. 255 p.; 小松和彦. 呪いと日本人 [Комацу Кадзухико. Проклятия и японцы], 角川ソフィア文庫, 2014. 236 p.

[101] 堀あきこ. 欲望のコード―マンガにみるセクシュアリティの男女差 (ビジュアル文化シリーズ) [Хори Акико. Код желания: гендерные различия сексуальности в манге], 臨川書店, 2009. 242 p.

Т.И. Корчагиной, Н.Т. Федоренко, С.В. Чугрова и других. Среди зарубежных авторов можно выделить таких исследователей, как О. Кага, С. Кобаяси, М. Мари, И. Ко:яма, И. Нитобэ, Д. Судзуки, Л. Херн, Т. Ямамото, Ю. Аида и других.

При изучении духовного кода Японии мы опирались на труды Дж. Батлер, Р. Бенедикт, Я.Б. Радуль-Затуловского, К.С. Воркиной, Е.А. Здравомысловой, А.Н. Игнатовича, Е.И. Герасименко, Г.Д. Главевой, Ю. Гэнда, И.А. Жеребкиной, Д. Ивата, С. Ито, Ё. Карибэ, И.С. Клециной, И.С. Кона, Конфуция, Х. Накамура, А.А. Накорчевского, О.О. Розенберга, Н. Сибун, Г.Е. Светлова, Т.Г. Сила-Навицкой, М. Сонода, Ю. Сэнда, К. Сэтияма, Д. Судзуки, А.А. Тёмкиной, Н.Н. Трубниковой, С. Хантингона, Ц.Ватанабэ, М. Усикубо, Х.Б. Эрхарта, М. Ямада и др. Важными источником нашего исследования стали монографии японских культурологов Х. Татибана и И. Курита, посвященные системе ценностей японского общества (в их трудах есть лакуны, связанные с трансформацией системы ценностей в условиях глобализации).

Изучению специфики японской коммуникации посвящены работы российских и зарубежных исследователей: Ю. Аида, Т.М. Гуревич, Х. Като, Ф. Мараини, С. Мацуока, Н. Нагасима, Н.В. Раздорской, А.И. Раздорского, Ю.Б. Стоногиной, С.В. Чиронова, С.В. Чугрова, Н. Хадзимэ. Осмыслению особенностей интернет-коммуникации в Японии способствовали труды Д. Белла, Ж. Бодрийяра, Т. Кимура, Ё. Масуда., А.Ю. Русакова, Х. Садаканэ, М.В. Силантьевой, Х. Суэки, В.П. Терина, Ё. Хасимото, А.В. Шестопала, культуры подарков — В. Ильина, О.Р. Лихолетовой, М. Мосса, К. Янагита и других.

Исследование природно-ландшафтного кода получило освещение в работах В.М. Алпатова, Б. Бодарт-Бейли, В.Е. Борейко, Т.М. Гуревич, Ф.Н. Гуткеловой, М.П. Завгородневой, Н. Ильиной, Э. Ёсикава, Х. Иси, Я. Кавабата, О.А. Корнилова, М. Кониси, И. Кояма, К. Леви-Стросса, С.Б. Макарьян, Э.В. Молодяковой, А.Н. Мещерякова, И. Нитобэ, Э. О:нуки-Тирни, Д.Т. Судзуки, Е.С. Сычевой, Ц. Токугава, К. Умэя, С.В. Шустовой, И. Хироюки, Д. Хэдленда и других.

Вопросы анализа и интерпретации пищевых предпочтений, традиций застолья, ритуалов и обычаев, связанных с едой, разрабатывались отечественными и зарубежными специалистами — философами, культурологами, антропологами, этнологами. Среди них А. Альшевский, С.А. Арутюнов, Р. Барт, Ю. Кобаяси, И. Кумакура, К. Леви-Стросс, Л.В. Никитина, Т. Нисидзима, А.В. Павловская, С. Ацуко, А. Оцуки, Г.Г. Молчанова, Ю. Норманская, К. Хида, М. Элиаде, Т. Ямамото и другие. Из публикаций следует отметить коллективную монографию «Вкус Востока. Гастрономические традиции в истории, культуре и религиях Народов Азии и Африки», в которой рассматриваются социальные, экономические, политические и культурные аспекты роли еды и продовольствия в русле междисциплинарного проекта Food Studies, исследующего сложные взаимосвязи между едой, культурой и обществом[102].

Рассматриваемая в диссертации проблематика, сопряженная с кодом повседневности, нашла отражение в трудах зарубежных (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, А. Шюц, Б. Ванденфельс, П. Бергер, Т. Лукман, М. Вебер, М. Блок, Ж. Ле Гофф, Л. Февр, Ф. Бродель) и российских ученых (Ю.М. Лотман, М.М. Бахтин, Г.С. Кнабе, Б.В. Марков, С.Т. Махлина, М.В. Капкан, Н.Д. Мостицкая, А.В. Дроздова). Значительный вклад в теоретическое осмысление денег как социокультурного и философского феномена внесли Н.Н. Зарубина, Г. Зиммель, К. Маркс, Б. Лиетар, М. Хани и другие.

При изучении маркеров бытовой культуры мы опирались на труды отечественных ученых-японоведов и японских исследователей, в том числе, Е.Л. Ермаковой, И. Ко:яма, А.Н. Мещерякова, К. Мики, Д.Т. Судзуки, П.С. Тумаркина, Н.Т.Федоренко и других.

Среди авторов, анализирующих борьбу сумо как феномен японской культуры, можно выделить Э. Гессе-Вартега, О.В. Иванова, Н.И. Иофан, Ё. Окада, Л. Мацуока, К. Хиро:, Л. Шарнофф.

---

[102] Вкус Востока : гастрономические традиции в истории, культуре и религиях народов Азии и Африки : монография / под ред. И.Т. Прокофьевой, Е.Ю. Карачковой. М.: МГИМО-Университет, 2019.

Особенностям системы летосчисления в странах Азии посвящен фундаментальный труд Л.Р. Концевича[103]; девизы правления Японии изучали В.Р. Горегляд, О.П. Петрова; Н.И. Фельдман, С.Б. Маркарьян, Э.В. Молодякова исследовали календарную систему. Следует также отметить монографию японских ученых И. Токоро, А. Курэ, К. Ёсино, в которой раскрывается взаимосвязь девизов правления с различными аспектами социокультурной жизни Японии[104].

Имена собственные привлекают внимание логиков, философов, культурологов, а также представителей других гуманитарных наук, начиная с периода античности. Существенный вклад в развитие ономастики внесли такие отечественные ученые, как В.И. Даль[105], Е.С. Отин[106], А.Ф. Лосев[107], В.И. Супрун[108], П.А. Флоренский[109] и другие. При изучении антропонимического кода Японии значимыми для нашего исследования стали работы А.В. Суперанской, Н.П. Капула, Ю.А. Рылова, Е.Л. Фроловой. Среди японских ученых особо стоит отметить Х. Мориока — ведущего исследователя фамильных антропонимов, а также антрополога М. Нива, труды которых посвящены изучению места и роли имен собственных в языке и культуре Японии.

Анализ степени разработанности проблемы позволяет сделать вывод о том, что в российской науке накоплен значительный теоретический материал по традиционной японской культуре во всей ее полноте и многообразии. Вместе с тем отсутствуют комплексные фундаментальные исследования культурных кодов

---

[103] Концевич Л.Р. Хронология стран Восточной и Центральной Азии. М.: Восточная литература РАН, 2010.

[104] 所 功, 久禮旦雄, 吉野健一 。2018。元号-年号から読み解く日本史。[Токоро Исаму, Курэ Асао, Ёсино Кэнъити. Как понять историю Японии посредством нэнго:-гэнго:], 文春新書。352 p.

[105] Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4 / [вступ. статья А.М. Бабкина]. М.: ГИС, 1955.

[106] Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. Донецк: Юго-Восток, 2004.

[107] Лосев А.Ф. Философия имени. М.: МГУ, 1990.

[108] Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград: Перемена, 2000.

[109] Флоренский П.А. Имена. СПб.: Авалон, 2007.

Японии. Методы и способы их описания и анализа практически не становились объектом специального исследования, т.е. на методологическом уровне вопрос исследован недостаточно.

Назрела необходимость в систематизации, анализе и культурологическом обобщении существующего материала исторического, этнографического, лингвистического, философского, искусствоведческого характера, в интегральном изучении заявленной темы. Восполнение этой лакуны и стало предметом настоящего исследования.

Область исследования. Область исследования соответствует пункту 24.00.00 «Культурология» паспорта специальности ВАК 24.00.01 «Теория и история культуры», пункту 15 «Роль культуры в современных международных отношениях. Культура и межкультурные отношения» приоритетных направлений научных исследований МГИМО МИД России.

В основе исследования лежит **гипотеза**, согласно которой постижение и интерпретация кодов как ключевых характеристик культуры, которые передают материальный и духовный опыт народа, сохраняют и транслируют культурно значимые смыслы, способствуют пониманию своеобразия уникальных национально-специфичных особенностей, передающихся из поколения в поколение и идентифицирующих культуру. Культурные коды в условиях социокультурной динамики, заключающейся в постоянном самообновлении культуры, трансформации существующих систем и форм, обеспечивают функционирование культурных процессов, обладающих уникальными чертами, и задают вектор развития локальных цивилизаций. Они могут играть роль факторов стабилизации, обеспечивать процессы самоидентификации и эволюционного прорыва социокультурных систем.

Объект исследования — культура Японии.

Предмет исследования — культурные коды Японии.

Цель исследования — комплексное лингвокультурологическое изучение кодов японской культуры, выявление их этнокультурной специфики на базе

анализа структуры, концептуальных и вербально-семиотических оснований, аксиологического потенциала.

Указанная цель диссертационного исследования предполагает постановку и решение **следующих задач**:

– обобщить и систематизировать исследования российских и зарубежных ученых, посвященные сущности понятия «код культуры» в гуманитарном дискурсе, сформулировать авторское определение «кода культуры»;

– разработать модель выделения, описания и классификации основных кодов, отражающих национально-детерминированные признаки японской культуры, на основе анализа их природы, структуры, семантики и прагматики, способов функционирования и актуализации в национальном сознании и языковой картине мира;

– представить этнокультурную репрезентацию исследуемых кодов в обрядах, ритуалах, символах, коммуникативных стратегиях, моделях поведения носителей японского языка, культурных стереотипах, религиозных и мифологических воззрениях, поэтических и прозаических художественных текстах, японской фразеологии;

– определить роль религиозного синкретизма в формировании духовного кода Японии;

– исследовать особенности японской идентичности, ценностных ориентаций и традиционной морали как базовых элементов духовного кода;

– обозначить актуальные проблемы эволюции духовного кода в условиях глобализации и трансформации системы ценностей и гендерных стереотипов;

– осуществить культурологический анализ коммуникативного кода Японии на основе выявления этнокультурных особенностей стиля японской коммуникации, изучить влияние интернета как способа глобальной коммуникации на трансформацию социокультурных процессов, оценить роль культуры обмена подарками в укреплении вертикальных и горизонтальных связей, гармонизации социального взаимодействия;

– описать природно-ландшафтный код, изучить образно-символические, смысловые и ассоциативные составляющие зоологического, энтомологического, флористического кода, выявить аксиологический потенциал горы Фудзи как священного символа Японии;

– раскрыть сущность гастрономического кода Японии, определить вербально-когнитивные и социокультурные признаки, средства поэтической и мифологической актуализации его основных концептообразующих компонентов — риса и сакэ, охарактеризовать особенности эволюции гастрономической культуры на современном этапе;

– реконструировать код повседневности на основе классификации маркеров бытовой культуры, выявить социокультурные особенности монетарного поведения японцев с учетом национально-культурных воззрений; описать семантические, прагматические, поэтически-образные особенности денег как элемента культуры;

– определить роль традиционной борьбы сумо, впитавшей и обобщившей многовековой опыт единоборств, в культурном континууме Японии, выявить устойчивые коннотации, социальные и культурно-исторические факторы, обусловливающие аксиологическую значимость сумо в национальном сознании японцев;

– дать семантический и когнитивный анализ японского зодиакального календаря и традиционной системы летосчисления как компонентов кода повседневности; рассмотреть историю возникновения, причины смены «девизов правления» императора; выявить концептуальную сущность названия новой эпохи Рэйва и его интерпретацию в политическом дискурсе;

– обозначить место и роль антропонимического кода в японской культуре, определить национально-культурную специфику японских фамильных антропонимов, мужских и женских имен в диахронии и синхронии с точки зрения их структуры, семантики и функций.

Методологической базой исследования выступает комплексный междисциплинарный подход, предполагающий анализ культурных явлений с привлечением результатов исследований других научных направлений: когнитивной лингвистики, философии, этнологии, истории, психологии, социологии, антропологии, эстетики и других, что в некоторой степени обусловило методологический плюрализм. Обращение к междисциплинарному подходу продиктовано интегративным характером культурологии, многоаспектным и многоуровневым характером исследования, затрагивающего вопросы, находящиеся в пограничном пространстве лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, антропологии, этнографии, семантики. В рамках культурологии результаты различных областей социально-гуманитарного знания объединяются в целях исследования «актуальных полей», что способствует решению вопроса о «парадоксе сравнимости культур» [110].

В работе также используются следующие подходы: общефилософский подход, способствующий пониманию онтологии объекта; когнитивный подход, представляющий язык как средство познания; аксиологический подход, связанный с изучением культуры как совокупности ценностей; типологический подход, позволяющий определить характерные черты культуры; функциональный подход, исследующий функции данной культуры или ее формы. Этот подход рассматривает каждую культуру как внутренне самодостаточную целостную систему, состоящую из функционально связанных между собой элементов.

При выборе методов исследования учитывались эвристические возможности гипотетического характера культурологии. Нельзя не согласиться с Ю.Н. Солониным и М.С. Каганом, которые указывали на безграничность мира человеческой культуры: «История культуры, изучение существующей культуры, а

---

[110] Силантьева М.В. Проблемы современной культурологии в исследовании взаимодействия культур : современные исследования культуры в России: между наукой и философией // Контуры будущего в контексте мирового культурного развития : XVIII Международные Лихачевские научные чтения, 17–19 мая 2018 г. СПб.: СПбГУП, 2018. С. 448–449.

тем более появление все новых сфер культурной деятельности непрерывно раздвигают фактическое поле изучения. Его не может охватить ни одна существующая научная теория»[111].

На протяжении всего исследования применялись общенаучные логические методы познания, такие как анализ, синтез, индукция, дедукция, диалектика, экстраполяция.

В качестве **методов исследования** были использованы следующие: метод исторического описания; диахронного и синхронного исследования культурологического материала; концептуальный анализ; компонентный и сопоставительный анализ; семантический анализ; социокультурный подход; метод когнитивной и культурно-фоновой интерпретации. Для анализа языкового материала, номинирующего воплощение исследуемых культурных кодов в японском языке, был выбран метод контекстуального анализа, который учитывает историко-этимологические корни японской фразеологии для интерпретации национально-культурных компонентов их семантики. Феноменологический метод позволил упорядочить факты и культурные явления, соотнести различные характеристики культурного кода с целью выявления его структурного содержания. Антропологический подход дал возможность рассмотреть человека и культуру как целостные образования, требующие системного и комплексного изучения, представить культурный код как своеобразный маркер принадлежности к японской культуре. Гносеологический метод позволил изучить культурный код сквозь призму познания окружающей действительности в качестве концентрированного опыта многих поколений японцев.

При помощи критического метода была выстроена модель трансформации системы ценностей и гендерных стереотипов, дана оценка влияния процессов глобализации на механизмы формирования и эволюции культурных кодов.

---

[111] Культурология : учебник / под ред. Ю.Н. Солонина, М.С. Кагана. М.: Высшее образование, 2007. С. 40.

Теоретическую основу исследования составляют труды, посвященные осмыслению понятия «код культуры», которые уже были названы, ряд научных методов и подходов в рамках теории и истории культуры и лингвокультурологии, а также исследования отечественных и зарубежных ученых различных областей научного знания, сыгравших важную роль в разработке рассматриваемой темы:

– концепция В. Фон Гумбольта о взаимосвязи языка, мышления и духовной жизни народа, получившая развитие в трудах М.М. Бахтина, Л. Вайсгербера, Е.М. Верещагина, Э. Гуссерля, С.Д. Кацнельсона, В.Г. Костомарова, А.А. Потебни, Э. Сепира и др.;

– семиотический подход к изучению культуры (Э. Кассирер, Ч. Пирс, Ю.М. Лотман, В.Н. Топоров, Б.А. Успенский, М. Фуко, У. Эко и др.);

– идеи, заложенные в работах по философии и культурологии (С.С. Аверинцев, Р. Барт, М.М. Бахтин, Ж. Бодрийяр, В.С. Библер, К. Гирц, Л.Н. Гумилев, А.Я. Гуревич, М.С. Каган, К. Леви-Стросс, Д.С. Лихачев, Ю.М. Лотман, М.К. Мамардашвили, Э.С. Маркарян, А.А. Пелипенко, Г.С. Померанц, С.Л. Франк, А.Я. Флиер, М. Хайдеггер, Л.А. Уайт, К. Юнг, К. Ясперс и др.);

– теория межкультурной коммуникации (Д.Б. Гудков, В.С. Глаголев, А.Н. Самарин, А.П. Садохин, М.В. Силантьева, И.А. Стернин, С.Г. Тер-Минасова и др.);

– работы в области лингвокультурологии (Л.Г. Веденина, С.Г. Воркачев, В.В. Воробьев, В.И. Карасик, В.В. Колесов, В.В. Красных, В.А. Маслова, Г.Г. Слышкин, В.Н. Телия, С.Г. Тер-Минасова и др.);

– труды в области когнитивной лингвистики (Н.Ф. Алефриенко, Н.Н. Болдырев, Л.С. Выготский, А.А. Залевский, А.А. Леонтьева, А.Р. Лурия, Р.М. Фрумкина и др.);

– концепция языкового мировидения, ключевым элементом которой является фразеология (Ю.Д. Апресян, Л.Г. Вайсбергер, Ю.Н. Караулов, О.А. Корнилов, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова, А.А. Потебня и др.);

– исследования японской культуры российской японоведческой школы (В.М. Алпатов, С.А. Арутюнов, Т.М. Гуревич, Т.П. Григорьева, Л.М. Ермакова, А.Н. Игнатович., Н.И. Конрад, Т.И. Корчагина, Ю.Л. Кужель, О.Р. Лихолетова, В.П. Мазурик, А.Ф. Прасол, Г.Е. Светлов, Е.Л. Скворцова, Е.В. Маевский, А.Н. Мещеряков, А.А. Накорчевский, С.В. Неверов, Л.Т. Нечаева, А.Р. Садокова, Г.Е. Светлов, Н.Т. Федоренко и др.).

Эмпирическую базу исследования составили материалы и источники широкого спектра: религиозные, историко-философские, лингвистические, психологические и социально-психологические, произведения фольклора, литературы, поэзии, тексты научно-популярной литературы, газетные статьи, материалы, собранные автором во время работы в Японии[112], данные сплошной выборки из толковых, двуязычных, этимологических, синонимических, словообразовательных, фразеологических, философских, исторических, электронных словарей, из сборников пословиц и поговорок, информация из энциклопедических справочников и сети интернет.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

– Впервые в отечественной культурологии и японоведении предлагается инновационная интерпретация японской культуры на основе комплексного анализа национальной специфики ее культурных кодов, которые передают материальный и духовный опыт народа. В настоящее время ощущается нехватка фундаментальных, четко структурированных лингвокультурологических работ — описания культуры определенной нации через призму культурных кодов, позволяющих выявить ее аксиологические основания.

– Сформулирована авторская трактовка категории «код культуры», разработаны и внедрены модели описания актуальных для японского национального самосознания этических и аксиологических категорий.

[112] В разные годы в течение 15 лет автору приходилось работать референтом-переводчиком Посольства СССР/РФ в Японии, консультантом в японских компаниях, преподавателем русского языка как иностранного в японских университетах.

– Изучены мировоззренческие основания японской культуры в контексте культурно-исторической динамики, выявлены ее основные характеристики на основе выделения, описания и классификации базовых кодов культуры.

– Раскрыты место и роль японских культурных кодов в сохранении и трансляции культурных ценностей и смыслов, обеспечении национальной самопрезентации, выявлена их национальная специфика и аксиологический потенциал.

– Определены интегративные методы исследования в рамках комплексного междисциплинарного подхода, осуществлен анализ кодов японской культуры на основе систематизации исторических событий, упорядочения значительного корпуса материала по культуре Японии (лингвистического, этнографического, литературного, фольклорного, философского и др.) в синхронии и диахронии.

– Проанализирован значительный корпус фразеологического материала, номинирующего воплощение исследуемых кодов в японском языке; представлена этнокультурная репрезентация исследуемых кодов в обрядах, ритуалах, символах, коммуникативных стратегиях, моделях поведения носителей японского языка, культурных стереотипах, религиозных и мифологических воззрениях, поэтических и прозаических художественных текстах, японской фразеологии.

– В научный оборот введены оригинальные материалы на японском языке: труды современных японских философов, историков, культурологов, лингвистов, искусствоведов, в которых представлены новейшие положения японской гуманитарной мысли об особенностях японской культуры в различных ее проявлениях.

Хронологические рамки исследования определяются историей японской культуры от ее истоков. Исследование доведено до 2021 г., в него включен анализ различных аспектов социокультурного развития японского общества сквозь призму интерпретации культурных кодов.

Положения, выносимые на защиту:

– Культурный код является основой концептуализации мира, частью культурного процесса, который позволяет описать динамику культурного развития в соотношении традиций и инноваций. Каждая эпоха имеет свой набор культурных кодов. Кодом могут выступать явления, события, обладающие определенной символической значимостью; объекты материальной и духовной культуры, реалии окружающего мира; флора, фауна, национальная кухня; культурные практики — обряды, фестивали, праздники, спортивные состязания, игры; поведенческие нормы и стереотипы; прецедентные тексты, паремии, фразеологизмы.

– В настоящем исследовании код культуры определяется как ценностная матрица, включающая константы культуры, инструмент соотнесения информации с определенными знаками (символами), в концентрированном виде фиксирующими и транслирующими содержание ценностей и смыслов.

– Проявление кодов, удельный вес того или иного кода в культуре, а также знаки, в которых они воплощаются в вербальном или невербальном выражении, всегда национально детерминированы и обусловлены социокультурными и историческими особенностями развития общества. Культурные коды — идентификационный этнический маркер, каркас культурной системы, фиксирующий модели и стереотипы восприятия мира, гарант защиты и сохранения национально-индивидуальных, уникальных культурных особенностей, которые передаются из поколения в поколение.

– Иерархия кодов представляет открытую, но при этом постоянно меняющуюся, не имеющую жестких границ систему моделирования национально-специфичной картины мира. Основными типологическими характеристиками «культурного кода» являются универсальность, культурно-историческая детерминированность, системообразующая и регулятивная функции, коммуникативные возможности, способность обрастать новыми смыслами.

– Рассматривая код культуры как совокупность знаков, смыслов, которые зашифрованы в материальной и духовной деятельности человека, объектах

природы, в японском культурном континууме в качестве основных рассмотрены духовный, коммуникативный, природно-ландшафтный, гастрономический, код повседневности, антропонимический код. Каждый из них отражает национально-детерминированные признаки культуры, характеризуется максимальной значимостью для членов социума, способствует инкультурации и самоидентификации личности, сохранению национальной идентичности.

– Духовный код определяет место человека в мироздании, интегрирует существенно важные ценностные доминанты, нравственные нормы и эталоны, отраженные в коллективном сознании. Онтологическое основание духовного кода — религиозный синкретизм. Взгляды японцев на основополагающие аспекты бытия сформировались под влиянием синтоизма, буддизма, даосизма и конфуцианства. Синтоистские культ предков, идея божественного происхождения японской нации актуализировались в таких характерных чертах японского национального характера, как сплоченность, глубокое осознание своей самобытности и уникальности, уважение к старшим. Буддизм наполнил новым содержанием ключевые метафизические категории: жизнь, судьба, счастье, смерть, сосредоточил внимание индивида на внутренних проблемах. Даосизм и конфуцианство сыграли роль регулятивно-поведенческой основы японского общества.

– Восприятие мира в единстве и целостности получило концептуальное оформление в мировоззрении японцев. Осознавая разницу между субъектом и объектом, причиной и следствием и т.д. в духе привычной для европейцев логики, японцы зачастую рассматривают их не как противоположности, а как взаимодополняющие элементы, переходящие друг в друга, наподобие даосской модели *инь-янь*.

– Характерными чертами японского мировосприятия являются «интуитивный и эмоциональный» образ мышления, обостренное чувство времени, связанное с четкой и стремительной сменой времен года, природными катаклизмами, а также ограниченностью пространства островной страны. Каждый момент жизни на

фоне линейности и цикличности времени переживается в его сиюминутности, который приобретает черты «мимолетности», «потусторонности». Японцам чужды поиски абстрактной истины, они предпочитают непосредственный эмоциональный контакт с человеком и природой. В их мышлении преобладают интуиция над рационализмом, партикуляристские ориентации над универсалистскими, конкретность над абстрактностью. Рационализм признается только на инструментальном уровне. Эти традиционные особенности японского мышления проистекают из типичного представления о конечной реальности как о «здесь и сейчас».

– Современный этап развития японского общества характеризуется трансформацией системы ценностей, размыванием традиционной японской идентичности. Своеобразный «цивилизационный дрейф» затрагивает все сферы социокультурной жизни. Сложный комплекс демографических, социально-экономических и социокультурных факторов оказывает влияние на трансформацию гендерных отношений, представляющих конгломерат традиционных и эгалитарных взглядов. Традиционные семейные ценности постепенно теряют свою значимость, уступая место так называемым альтернативным ценностным ориентациям — профессиональной деятельности, карьерному росту, самостоятельно достигнутому социальному положению, личной и материальной независимости. Изменяются гендерные ожидания, увеличивается брачный возраст, растет число разводов и одиноких неработающих людей, что ведет к дельнейшему падению рождаемости.

– Речевая культура японцев меняется. За последние десятилетия коммуникация стала более экспрессивной, все больше людей ориентируется на западные традиции и стандарты. В поведении, в том числе коммуникативном, ярче проявляется индивидуальность. Экспансия интернета во все сферы жизни вносит амбивалентный характер — приводит не только к изменению в информационной культуре, появлению новой субкультуры интернет-сообществ, но и ведет к социокультурным трансформациям, серьезным психологическим

потрясениям и духовным девиациям, в которых отражаются все противоречия современного общества.

– В отличие от европейской культуры, которая в паре «человек — явление природы» подчеркивает главенствующее положение человека во вселенной, традиционная японская культура характеризуется неприятием антропоцентристской модели мира и утверждением архаической идеи тождества природы и человека. Природно-ландшафтный код является отражением не только мифологического сознания, древних культов и ритуалов, но и историко-культурной и социально-политической жизни японского народа. Природно-ландшафтный код следует рассматривать в контексте всей духовной культуры, так как он сохраняется как этнокультурная традиция, передающая из поколения в поколение представления о мире и месте человека в нем. Компоненты природно-ландшафтного кода обладают культурно-значимой семантикой, высоким коннотативным потенциалом. Символические значения наиболее ярко проявляются во фразеологизмах, отражающих архетипические представления японцев, связанные с их культурными традициями. Фитонимы, зоонимы, энтосемитизмы служат источником различных метафорических обозначений, транслируют не только универсальные, общие для всех культур смыслы, но и когнитивный элемент семантики, который понятен только носителям японского языка.

– Благодаря своим семиотическим функциям еда может служить символом в различных жизненных ситуациях. Анализ вербально-когнитивных, социокультурных признаков, средств поэтической и мифологической актуализации концептообразующих компонентов японского гастрономического кода — риса и сакэ — выявляет их архетипический характер, эксплицирует духовную, сакральную значимость как ключевых элементов японской культуры, с которыми связаны представления, охватывающие всю сферу бытования человека: жизнь, смерть, работу, семью, связь поколений, смену сезонов.

– Под влиянием глобализации и экспансии ценностей массовой культуры традиционная японская бытовая гастрономическая культура претерпевает глобальные трансформации, гастрономические пристрастия японцев меняются. Еда и сам процесс питания обретают новые значения: наблюдаются процессы рационализации и унификации питания, упрощается культура трапезы, сокращается потребление риса. В рационе домашнего питания преобладают западные продукты и блюда быстрого приготовления, японцы все чаще предпочитают есть в одиночестве, а традиционная японская кухня *васёку* теряет популярность.

– Лингвокультурологический анализ лексико-семантических характеристик фамильных антропонимов, мужских и женских имен доказывает, что они содержат в своей семантике национально-культурный компонент, несут фоновые знания, связанные с историей и культурой, отражают ценностные ориентации и особенности восприятия окружающего мира японцев, что позволяет отнести их к артефакту культуры.

Научно-теоретическая и практическая значимость исследования.

Диссертация является первой в российской науке работой, в которой японская культура рассматривается сквозь призму базовых культурных кодов. Попытка научного осмысления обозначенной темы и освящение ряда актуальных вопросов, связанных с интерпретацией и анализом данного когнитивного понятия, определяют новизну и научную значимость исследования.

Диссертационная работа вносит вклад в дальнейшее развитие лингвокультурологических и междисциплинарных исследований, посвященных изучению особенностей социально-экономического и культурного развития локальных цивилизаций, позволяет наметить перспективные направления изучения японской культуры. На основе междисциплинарного подхода продемонстрирован аксиологический потенциал кодов японской культуры, что может служить основанием для конструктивного межкультурного диалога.

Систематизирован репрезентативный корпус эмпирического материала, характеризующего национально-культурную специфику японской культуры.

Выводы и теоретические наработки автора в части концептуализации философско-культурологического понятия «культурный код» могут быть полезны для осмысления актуальных процессов динамики ценностных траекторий культуры, совершенствования методологического аппарата кросс-культурных исследований. Продемонстрированный в диссертационном исследовании подход к интерпретации кодов японской культуры может быть рекомендован к использованию при изучении различных видов дискурса в рамках определенного культурного контекста.

Практическая значимость работы определяется тем, что результаты исследования могут найти применение в учебной практике в высших учебных заведениях, осуществляющих подготовку студентов-международников к профессиональной коммуникации, будут способствовать формированию у них компетенций, предполагающих умение корректно формулировать мысли, используя адекватные языковые средства, анализировать национальные особенности языка, принимать и правильно интерпретировать этнокультурные особенности поведения собеседника; в преподавании японского языка и русского как иностранного; при подготовке курсов и программ по лингвострановедению, межкультурной коммуникации, культурологии, а также составить основу для спецкурсов, посвященных истории и специфике японской культуры. Так как в работе представлена широкая теоретическая и эмпирическая база, выводы диссертации могут быть использованы исследователями для дальнейшей разработки проблематики, сопряженной с изучением японской культуры, а также могут найти применение в тематике научно-практических конференций и симпозиумов, посвященных проблемам культуры.

Обоснованность и достоверность результатов исследования обеспечиваются многообразием методов, используемых автором, методологической обоснованностью концепции исследования, всесторонним

анализом научных трудов отечественных и зарубежных ученых по предмету диссертации, опорой на фундаментальные научные подходы к изучаемой проблеме, а также обеспечением репрезентативности обладающих новизной эмпирических данных.

Апробация результатов исследования.

Материалы диссертации регулярно использовались в практике преподавания русского языка как иностранного в Японии, японского языка в МГИМО МИД России, ВКИЯ МИД России в течение более чем 30-летней педагогической деятельности, а также включались в спецкурсы «Лингвокультурология» (в частности, в разделах, связанных с культурными особенностями, социальным и семейным укладом, религиозными воззрениями, этнопсихологическими особенностями японского народа).

Многолетняя преподавательская практика, общение с носителями японского языка представили идеальную возможность собрать обширный культурологический материал и, самое главное, «погрузиться» через язык в японскую культуру и почувствовать ее целостный самобытный характер.

Основные результаты исследования изложены автором в научных статьях в журналах, входящих в перечень ВАК при Минобрнауки России, публикациях, индексируемых в международных базах Web of Science и Scopus, в иных периодических печатных изданиях, монографиях и учебных пособиях, докладах на международных и всероссийских конференциях и других научных дискуссионных площадках, наиболее важные из которых перечислены в Списке публикаций.

Структура диссертации определена целями и задачами научного исследования. Диссертация состоит из введения, шести глав, 21 параграфа, заключения и списка литературы.

ГЛАВА 1. ДУХОВНЫЙ КОД

1.1. Код культуры как объект исследования гуманитарных наук: теоретико-методологический аспект

Одним из ключевых понятий культурологии, позволяющих приблизиться к пониманию роли и механизмов функционирования культуры, способов ее саморегуляции, является термин «культурный код». Гуманитарные науки термин «код» (от лат. codex — свод законов) заимствовали из теории информации и информатики. Большая советская энциклопедия (БСЭ) (1970) определяет «код» как «систему условных знаков (символов) для передачи, обработки и хранения (запоминания) различной информации (код Морзе, телеграфный код и т.д.)»[113].

Стоит также упомянуть, что понятие кода распространилось из теории связи, о чём писал Р. Якобсон [114].

В точных науках для трактовки данного термина используют два подхода: во-первых, «код» — «правило или совокупность правил, в соответствии с которыми производится отображение дискретных сообщений сигналами в виде определенных сочетаний символов вторичного алфавита»[115]. Во-вторых, «кодом» также называют «набор знаков вторичного алфавита, используемый для представления знаков или их сочетаний первичного алфавита[116]. Приведенное определение свидетельствует о многозначности понятия. Стоит отметить, что в культурологии и семиотике, несмотря на широкое употребление данного термина, также отсутствует его однозначная трактовка.

---

[113] Большая советская энциклопедия. Код [Электронный ресурс]. URL: http://niv.ru/doc/encyclopedia/bse/articles/5731/kod-sistema-uslovnyh-znakov.htm (дата обращения: 11.01. 2020).

[114] Якобсон, Р.О. Язык в отношении к другим системам коммуникации : избранные работы. М.: Прогресс, 1985.

[115] Чепкунова Е.Г. Пособие к подготовке к экзамену по дисциплине «Теоретические остновы информатики» : учеб. пособие. Раздел «Кодирование информации». Казань: Казанский университет, 2012. С. 13–14.

[116] Там же. С. 12.

Большой толковый словарь по культурологии (2003) определяет «культурный код» как «ключ к пониманию данного типа культуры (дописьменный, письменный, экранный периоды)», «совокупность знаков (символов), смыслов (их комбинаций), которые заключены в любом предмете материальной и духовной деятельности человека»[117].

В энциклопедии «Постмодернизм» (2001) «код» трактуется как «понятие, широко используемое в семиотике и позволяющее раскрыть механизм порождения смысла сообщения»[118].

В семиотике термин «код» подразумевает соответствие между планом выражения и планом содержания знака. Немецкий философ Эрнст Кассирер (1874–1945) рассматривал культуру как знаковую систему, продукт «символического мышления и поведения», подменяющего собой объективную реальность. «Человек живет отныне не только в физическом, но и в символическом универсуме. Язык, миф, искусство, религия — части этого универсума, те разные нити, из которых сплетается символическая сеть, запутанная ткань человеческого опыта» [119] . Инструментом «кодировки» реальности философ считал «символические формы» — «не отпечатки или копии бытия, а векторы и способы структурирования, «органы» — не столько овладения, сколько «наделения смыслом»[120].

Называя человека *animal symbolicum* «символическим животным», Кассирер указывал на его неспособность иметь дело с действительностью без искусственных средств — языковых форм, художественных образов, мифических

---

[117] Кононенко Б.И. Большой толковый словарь по культурологии. М: Вече, 2003 [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/1797 (дата обращения: 25.01. 2020).

[118] Постмодернизм : энциклопедия / сост. и науч. ред. А.А. Грицанов, М.А. Можейко. Минск: Интерпрессервис ; Книжный Дом, 2001 [Электронный ресурс]. URL: http://niv.ru/doc/philosophy/encyclopedia-post-modern/208.htm (дата обращения: 20.01. 2020).

[119] Кассирер Э. Избранное : опыт о человеке : введение в философию человеческой культуры (1945) [Электронный ресурс]. URL: http://kulturoznanie.ru/?work=opyt_o_cheloveke (дата обращения: 11.01. 2020).

[120] Кассирер Э. Философия символических форм. Том 2: Мифологическое мышление. СПб.: Университетская книга, 2001.

символов и религиозных обрядов. Характерные черты человеческой жизни, на которых зиждется весь прогресс человеческой культуры, по Кассиреру, — это жизнь и страдание в «символической вселенной» — мире воображаемых эмоций, страхов, иллюзий, утрат и разочарований. Истоки культуры Кассирер видит в способности творить искусственный мир, обозначая окружающую реальность определенными символами и знаками, отличающимися «универсальной применимостью», «изменчивостью» и «подвижностью». Вербальные и другие знаковые обозначения в повседневной жизни, науке и искусстве не только передают ту или иную информацию, но и фиксируют и сохраняют социально значимые и подлежащие трансляции ценности. «Принцип символизма с его универсальностью, значимостью и общеприменимостью — волшебное слово, то самое «Сезам, откройся!», которое позволяет войти в специфически человеческий мир, в мир человеческой культуры. Если человек обладает таким магическим ключом, дальнейшее развитие ему обеспечено»[121].

Итальянский писатель, философ, профессор семиотики Умберто Эко (1932–2016), получивший известность в России благодаря романам «Имя Розы» (1980) и «Маятник Фуко» (1988), проанализировав идеи основоположников семиотики — де Соссюра, Л. Ельмслева, Р. Барта, Ч.С. Пирса, разработал семиотическую концепцию культуры — «знакового универсума». Согласно У. Эко, код — это «система, устанавливающая: 1) репертуар противопоставленных друг другу символов; 2) правила их сочетания; 3) окказионально взаимооднозначное соответствие каждого символа какому-то одному означаемому» [122] . Код непременное условие коммуникации: «Код — это модель, являющаяся результатом ряда условных упрощений, производимых ради того, чтобы

[121] Кассирер Э. Избранное : опыт о человеке : введение в философию человеческой культуры (1945) [Электронный ресурс]. URL: http://kulturoznanie.ru/?work=opyt_o_cheloveke (дата обращения: 15.01. 2020).

[122] Эко У. Отсутствующая структура : введение в семиологию. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 57.

обеспечить возможность передачи тех или иных сообщений»[123]. В результате «кодирования» «определенное означающее связывается с определенным означаемым» [124] . Коммуникация, предполагающая обмен взаимоодназначной информацией, является «миром сигнала». Если же в процессе коммуникации участвует человек-«интерпретатор», однозначность информации пропадает, и она превращается в «мир смысла». Согласно У. Эко, «всякий коммуникативный акт перенасыщен социально и исторически обусловленными кодами и от них зависит»[125]. У. Эко выделял 1) коды восприятия; 2) коды узнавания; 3) коды передачи; 4) тональные коды; 5) иконические коды (фигуры, знаки, семы); 6) иконографические коды; 7) коды вкуса; 8) риторические коды; 9) стилистические коды; 10) коды бессознательного.

Помимо основных денотативных значений, устанавливаемых кодом, появляются коннотативные значения, которые определяются с помощью вторичных кодов — лексикодов. В результате коммуникативные системы превращаются в конвенциональные, в них происходит непрерывный процесс означивания — семиозис. Задачи семиологии У. Эко видел в том, чтобы, описывая коды как системы ожиданий, намечать «контуры соответствующих систем ожиданий, значимых в универсуме психологических феноменов и способов мышления»[126].

Французский философ и литературовед Роберт Барт (1915–1980) выделял пять основных кодов: герменевтический, проайретический, символический, семный и референциальный. Код в интерпретации Р. Барта — «пространство цитации», диапазон, в котором располагаются всевозможные культурные «голоса», сплетающиеся в Текст: «то, что мы называем здесь Кодом, — это не реестр и не парадигма, которую следует реконструировать любой ценой; код — это

---

[123] Там же. С. 83.

[124] Там же. С. 69.

[125] Эко У. Отсутствующая структура : введение в семиологию. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 38.

[126] Там же.

перспектива цитации, мираж, сотканный из структур; он откуда-то возникает и куда-то исчезает — вот все, что о нем известно; порождаемые им единицы <...> это осколки чего-то, что уже было читано, видено, совершено, пережито: код и есть след этого уже; отсылая к написанному ранее, иначе говоря, к Книге (к книге культуры, жизни, жизни как культуры), он превращает текст в каталог этой Книги»[127].

Один из основателей современной семиотики и структурно семиотического литературоведения Ю.М. Лотман (1922–1993) в работе «Внутри мыслящих миров», впервые опубликованной в Лондоне в 1990 г., разработал концепцию культуры как семиосферы. Семиосфера — пространство семиозиса, процесса порождения, функционирования, интерпретации, переработки культурных текстов, «результат и условие развития культуры» [128] . Единицей семиозиса следует считать не отдельный язык, а все присущее данной культуре семиотическое пространство. «Язык есть функция, сгусток семиотического пространства. Вне семиосферы нет ни коммуникации, ни языка»[129].

Ю.М. Лотман трактует семиосферу как «синхронное семиотическое пространство, заполняющее границы культуры и являющееся условием работы отдельных семиотических структур и одновременно их порождение [130] . Инструментом интерпретации текстов культуры, их «дешифровки» он называет коды, «постоянно обновляющиеся во всем пространстве семиозиса» [131] . «На любом синхронном срезе семиосферы сталкиваются разные языки, разные этапы их развития, некоторые тексты оказываются погруженными в несоответствующие им языки, а дешифрующие их коды могут вовсе отсутствовать»[132]. «Иерархия кодов», по Ю.М. Лотману, позволяет актуализировать в реальности семиосферы

---

[127] Барт Р. S/Z. / под ред. Г. К. Косикова ; пер. с фр. 2-е изд., испр. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 45.

[128] Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров : человек — текст — семиосфера — история. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 166.

[129] Там же. С. 164.

[130] Там же. С. 4.

[131] Там же. С. 165.

[132] Там же. С. 168.

«разные уровни значимости» [133] . При этом ни один код, как бы сложно иерархически построен ни был, не может дешифровать всего культурного текста. «Код эпохи — это не единственный, а преобладающий шифр», — указывал Ю.М. Лотман. Таким образом, он выделял доминирующие, дополнительные, подчиненные, совместимые и несовместимые коды. Совместимость культурных кодов обеспечивает успех межкультурной коммуникации. «Если в ходе культурных контактов создается соединение двух совместимых иерархий кодов, то мы получаем новый культурный тип. Если же сталкиваются два несовместимых кода, происходит их взаимное разрушение: культура теряет свой язык» — отмечал о[134].

Несмотря на то, что в семиотике язык и код как знаковые системы неразрывно связаны, Ю.М. Лотман призывал разграничивать употребление данных терминов: «Фактически подмена термина “язык” термином “код” совсем не так безопасна, как кажется. Термин “код” несет представление о структуре только что созданной, искусственной и введенной мгновенной договоренностью. Код не подразумевает истории, то есть психологически ориентирует нас на искусственный язык, который предполагается идеальной моделью языка вообще. “Язык” же бессознательно вызывает у нас представление об исторической протяженности существования. Язык — это код плюс его история»[135].

Русский философ, культуролог М.М. Бахтин (1895–1975) считал код и язык несовместимыми понятиями. «Семиотика занята преимущественно передачей готового сообщения с помощью готового кода <…> Код — только техническое средство информации, он не имеет познавательного творческого значения. Код — нарочито установленный, умерщвленный контекст»[136].

---

[133] Там же. С. 186.

[134] Лотман Ю.М. История и типология русской культуры : семиотика и типология культур : текст как семиотическая проблема : семиотика бытового поведения : история литературы и культуры. СПб.: Искусство-СПб, 2002. С. 59.

[135] Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гнозис ; Прогресс, 1992. С. 15.

[136] Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 352.

Рассматривая историю осмысления понятия «культурный кода» в семиотике, мы приходим к выводу, что, несмотря на широкое использование данного термина, нет его однозначного понимания и строгого определения. Его основные функции — связать знак со значением, перевести и интерпретировать мир номинаций в мир смыслов. Код — основа коммуникации, способ передачи любого типа сообщений. В каждой культуре существует строгая иерархия кодов, которая представляет открытую, универсальную, самодостаточную, но при этом постоянно меняющуюся, не имеющую жестких границ систему моделирования картины мира. Код — ключ к расшифровке глубинных культурных явлений, стереотипов поведения и ценностей, детерминированных этнокультурой.

Несмотря на различные подходы к пониманию сущности данной когнитивной категории, термин «код» широко используется не только в семиотике, но и во многих других гуманитарных дисциплинах, таких как культурология, психология, лингвокультурология, социология, когнитивная лингвистика, психолингвистика, этнология, философская антропология. Исследователи различных направлений гуманитарного знания обращают внимание на огромный потенциал данного концептуального понятия. Нельзя не согласиться с французским философом и теоретиком культуры Мишелем Фуко (1926–1984), который обратил внимание на ключевую роль кодов в жизни человека, на их регулятивную функцию в формировании мировосприятия личности: «Основополагающие коды любой культуры, управляющие ее языком, ее схемами восприятия, ее обменами, ее формами выражения и воспроизведения, ее ценностями, иерархией ее практик, сразу же определяют для каждого человека эмпирические порядки, с которыми он будет иметь дело и в которых будет ориентироваться»[137].

Проблемы кодирования и декодирования информации в процессе коммуникации неразрывно связаны с проблемой соотношения языка и мышления, которые были и остаются в фокусе исследований многих ученых.

---

[137] Фуко М. Слова и вещи : археология гуманитарных наук / пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. М.: Прогресс, 1977. С. 37.

Выдающийся философ XX в. Людвиг Витгенштейн (1889–1951), размышлявший о функциях, сущности, связи языка с миром, в работе «Логико-философский трактат» (1921), разграничивая понятия «мысль» и «язык», подчеркивает, что язык «преодолевает мысли», что в речи всегда присутствует скрытый контекст. «Повседневный язык есть часть человеческого организма, не менее сложная, чем прочие составляющие. Человек не в состоянии извлечь непосредственно из языка его логику. Язык облекает мысли в разные одежды. Причем так, что по внешней форме одеяния невозможно определить форму мысли под ним, потому что внешняя форма одеяния не предназначена для обнажения формы тела» [138].

Аналогичную мысль формулирует советский психолог Л.С. Выготский (1896–1934) в работе «Мышление и речь»: «Речь по своему строению не представляет собой простого зеркального отражения строения мысли. Поэтому она не может надеваться на мысль, как готовое платье. Речь не служит выражением готовой мысли. Мысль, превращаясь в речь, перестраивается и видоизменяется. Мысль не выражается, но совершенствуется в слове...» [139].

Развивая идеи Л.С. Выготского, советский лингвист и психолог Н.И. Жинкин (1893–1979) разработал концепцию УПК — «универсального предметного кода», базового компонента мышления, существующего в сознании человека. В 1964 г. в журнале «Вопросы языкознания» была опубликована статья «О кодовых переходах во внутренней речи», в которой ученый поставил цель «исследовать стык между языком и речью, узнать, в какой форме зарождается у человека мысль и как она реализуется в речи»[140].

---

[138] Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / [пер. с нем. Л. Добросельского]. М.: Издательство АСТ, 2018 [Электронный ресурс]. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31261079 (дата обращения: 10.01. 2020).

[139] Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 2007.

[140] Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания, 1964. № 6. С. 26–38 [Электронный ресурс]. URL: http://philology.ru/linguistics1/zhinkin-64.htm (дата обращения: 20.04. 2020).

Результаты экспериментов, основанных на методике речевых помех, подтвердили гипотезу о возможности невербального мышления при переходе от языковой коммуникации на особый код внутренней речи — «универсальный язык» или «предметно-схемный код»[141].

Концепция механизмов внутренней речи, основанная на кодировании, получила дальнейшее развитие в работе «Речь как проводник информации» (1982), в которой Н.И. Жинкин рассматривал многоплановое взаимодействие в коммуникации языка, речи и интеллекта как единого универсального инструмента мысли. «Противопоставленность дискретных кодов языка «языкам интеллекта» породила смешанный код — внутреннюю речь, которую нужно рассматривать как универсальный предметный код, ставший посредником не только между языком и интеллектом, между устной и письменной речью, но и между национальными языками»[142], — пишет Н.И. Жинкин[143] .

Согласно концепции Н.И. Жинкина, этот невербальный код не имеет никакого отношения к языку как системе знаков, формируется в сознании каждого человека в процессе сенсорного восприятия окружающей действительности. Универсальный предметный код представляет собой язык схем и наглядных образов, формирующихся в сознании человека в результате чувственного восприятия, отголосков интонаций, слов — всего, что запечатлено памятью. При помощи этих образов осуществляется мышление человека. УПК обеспечивает денотативное отражение действительности, семиотическое преобразование сенсорных сигналов в предметную структуру.

Н.И. Жинкин считал УПК «языком интеллекта», инструментом перевода мысли на язык человека: «Интеллект, для которого предназначается сообщение, не понимает естественного языка. У него есть собственный информационный

---

[141] Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. 1964. № 6. С. 26–38 [Электронный ресурс]. URL: http://philology.ru/linguistics1/zhinkin-64.htm (дата обращения: 20.04. 2020).

[142] Жинкин Н.И. Речь как проводник информации / предисл. Р.Г. Котова, А.И. Новикова. М.: Наука, 1982. С. 18–19.

[143] Там же.

язык. На этом языке он строит гипотезы, доказательства, делает выводы, выносит решения и т.д.» [144] ; интеллект «вырабатывает понятия, суждения, делает умозаключения и выводы с тем, чтобы отразить действительность и указать мотивы человеческой деятельности. Все эти операции не зависят от того, на каком языке говорит человек. Вот почему интеллект сохраняет за собой самую общую, но универсальную функцию управления — это кодирование в виде универсального предметного кода (УПК)»[145]. Таким образом, благодаря УПК, согласно Н.И. Жинкину, происходит движение от мысли к слову, переход с кода сенсорных образов на обычный вербальный язык.

Американский психолог Клотер Рапай, основываясь на теории «импритинга» — «запечатления», фиксирования в памяти определенной личностно значимой информации, «сочетания некоего опыта и сопровождающих его эмоций», определяет культурный код как «бессознательный смысл той или иной вещи или явления, будь то машина, еда, отношения, даже страна в контексте культуры, в которой мы воспитаны»[146].

Согласно К. Рапаю, запечатленные в детстве эмоциональные образы управляют мышлением и определяют будущие действия. «Запечатленный образ и код — это примерно как замок и шифр к нему. Зная последовательность цифр и букв, вы можете открыть замок»[147]. Постижение эмоций и смыслов, которые несут в себе культурные коды различных народов, их расшифровка, дает ключ к пониманию поведения людей и межкультурных отличий. «Понимание культурных кодов обеспечивает нас прекрасным новым инструментом, своего рода новыми очками, через которые мы можем изучить себя и свое поведение. Оно переворачивает наше представление о мире, меняет наши взгляды на все вокруг. Более того, оно подтверждает истину, которую мы всегда интуитивно

---

[144] Жинкин Н.И. Речь как проводник информации / предисл. Р.Г. Котова, А.И. Новикова. М.: Наука, 1982. С. 18.

[145] Там же. С. 88.

[146] Рапай К. Культурный код: как мы живем, что покупаем и почему. М.: Альпина Паблишер, 2019. С. 13.

[147] Там же. С. 19.

ощущали: несмотря на общую человеческую природу, люди разных стран действительно очень разные», — подчеркивает К. Раптай[148].

В социологии представители всех теоретических направлений использовали категорию «культурный код» для анализа социальных феноменов общественного бытия [149] . В рамках структурного функционализма и неофункционализма культурные коды были определены как ценностные принципы и стандарты координации социального действия (Т. Парсонс)[150], как бинарные положительные и отрицательные ценности-значения, способствующие или препятствующие коммуникации (Н. Луман)[151], как ценности, производственные задачи и проекты (М. Кастельс)[152].

Профессор Йельского университета Джеффри Александер, автор концепции «сильной программы» в культурсоциологии, которая рассматривает культуру как действенную силу, важнейший фактор структурирования социокультурной реальности, исследует культурные коды и нарративы в различных областях социальной жизни. Целью культурной социологии Д. Александер считает поиски явных и скрытых смыслов, которые определяют историю цивилизации, иными словами, «связь семиотических кодов с социальной и психологической средой в их действии»[153]. Александер отождествляет культурсоциологию с социальным психоанализом, призванным «вывести на свет социальное бессознательное, открыть людям мыслящие через них мифы, чтобы они смогли в свою очередь

---

[148] Рапай К. Культурный код: как мы живем, что покупаем и почему. М.: Альпина Паблишер, 2019. С. 19.

[149] Яковенко Ю.И., Багаева Т.Л., Тащенко А.Ю. Основные теоретические подходы к определению культурных кодов в социологии // Вестник РУДН. Серия «Социология». Июль 2015. Том 15. № 3. С. 19–31.

[150] Парсонс Т. О структуре социального действия / пер. с англ. М.: Академический проект, 2018.

[151] Луман Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005.

[152] Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / под науч. ред. О.И. Шкаратана ; пер. с англ. М.: ГУ ВШЭ, 2000.

[153] Александер Дж. Обещание культурной социологии: технологический дискурс и сакральная и профанная информационные машины // Контексты современности-II : Актуальные проблемы общества и культуры в западной социальной теории : хрестоматия / сост. и общ. ред. С.А. Ерофеева. 2-е изд., доп. и перераб. Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2001. С. 92.

создать мифы новые» [154] . По мнению ученого, «”плотное описание” (“thick description”) кодов, нарративов и символов создают упорядоченные сплетения социального смысла»[155].

Согласно точке зрения Александера, «культурные множества состоят из культурных кодов, образуя мощную структуру символических отношений, независимых от конкретной воли или речи социального деятеля. Культурные коды, как и живой язык, построены на знаках, содержащих и означающее, и означаемое»[156]. Как отмечает С.А. Кравченко, по Дж. Александеру, социальные реалии изначально не являются хорошими или плохими, священными или вульгарными, демократическими или антидемократическими. Они обретают определенное качественное, ценностное содержание только в результате *означения* как процесса кодирования реалий, что в итоге формирует характер социального знания [157].

В рамках философской антропологии концепцию «культурного кода» разрабатывает историк Л.А. Черная. Рассматривая типологию и периодизацию древнерусской культуры через смену антропологических кодов, она выделяет телесный код в языческие времена; доминирование «души» в решении проблемы человека в период принятия и утверждения христианства; признание познающего разума как сущности человеческой натуры в переходный период от Средневековья к Новому времени [158] . Как указывает Л.А. Черная, «антропологический подход дает как бы «внутренний» ключ, кроющийся в самом

---

[154] Александр Дж. Смыслы социальной жизни : культурсоциология / под ред. Д. Куракина ; пер. с англ. Г. Ольховикова. М.: Праксис, 2013. С. 44.

[155] Там же. С. 62.

[156] Александер Дж. Обещание культурной социологии: технологический дискурс и сакральная и профанная информационные машины // Контексты современности-II : Актуальные проблемы общества и культуры в западной социальной теории : хрестоматия / сост. и общ. ред. С.А. Ерофеева. 2-е изд., доп. и перераб. Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2001. С. 92.

[157] Кравченко С.А. Культуральная социология Дж. Александера (генезис, понятия, возможности инструментария) // Социологические исследования. 2010. № 5. С. 13–22. С. 16.

[158] Черная Л.А. Антропологический код древнерусской культуры. М.: Языки Славянской Культуры, 2008.

человеке, к дешифровке столь богатой, разнообразной и одновременно склонной к умалчиванию о себе древнерусской культуры» [159].

Представляет интерес классификация «культурных кодов», разработанная Е.Е. Бразговской. Определяя «культурный код» как исходное понятие семиотики, она предлагает следующие основания для их классификации: по степени распространения конвенции коды могут быть всеобщими или ограниченными; по признаку договоренности — двусторонними или односторонними; в зависимости от природы носителя и сферы употребления — вербальными, телесными, поведенческими, регуляторными, эстетическими, жанровыми, стилистическими[160].

А.М. Старостин, рассматривающий предметную и инструментальную составляющую культурного кодирования сквозь призму философской инноватики и «философии русской души», обращает внимание на многообразие подходов к проблеме культурного кода цивилизации, на невозможность их интегрировать в рамках монодисциплинарного подхода. По его мнению, дальнейшие поиски «некоего «культурного генотипа», существование которого задает не только разные вариации локальных цивилизаций, но и закладывает возможные системно-цивилизационные барьеры», требуют междисциплинарного синтеза, который пока не состоялся, но попытки его предпринимаются в рамках когнитологии и когнитивной культурологии, а также в гуманитарной синергетике[161].

Тема культурного кодирования активно разрабатывается в лингвокультурологии и этнолингвистике. Как отмечают многие исследователи (М.Л. Ковшова, В.А. Маслова, В.Н. Телия, С.М. Толстая и др.), национальная «культурная» информация, заложенная в национальном языке, «закодирована» в семантической структуре слова, в его внутренней форме, поэтому культурное

---

[159] Черная Л.А. Антропологический код древнерусской культуры. М.: Языки Славянской Культуры, 2008. С. 5.

[160] Бразговская Е.Е. Семиотика : языки и коды культуры : учебник и практикум для академического бакалавриата. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2019. С. 51–53.

[161] Старостин А.М. Нематериальное наследие России в контексте концепции культурного кода цивилизации // Журнал Института Наследия. 2017. № 1 (8) [Электронный ресурс]. URL: http://nasledie-journal.ru/ru/journals/117.html (дата обращения: 25.05. 2020).

явление, вербализуясь в языке, может стать национально-культурным кодом. «Преобразование языковой компетенции в культурную основано на интерпретации языковых знаков в категориях культурного кода»[162].

Код — составляющая единица культуры. По определению Н.И. Толстого и С.М. Толстой, «культура есть иерархически организованная система различных кодов, т.е. вторичных знаковых систем, использующих различные формы и материальные средства для кодирования одного и того же содержания, которое сводится к «картине мира», к мировоззрению данного социума. Эти различные коды стало возможным соотнести друг с другом посредством перевода с языка на язык через общий для них содержательный план, который служит языком-посредником»[163].

В.Н. Телия называет кодом культуры «таксономический субстрат ее текстов. Этот субстрат представляет собой совокупность окультуренных представлений о картине мира того или иного социума — о входящих в нее природных объектах, артефактах, явлениях, выделяемых в ней действиях и событиях, ментофактах и присущих этим сущностям их пространственно-временных или качественно-количественных измерениях» [164] . По мнению В.Н. Телии, коды культуры реализуются, как правило, в сакральных текстах, паремиях, метафорах, фразеологизмах, так как именно они обладают повышенной степенью символичности.

В дефиниции В.В. Красных, код культуры — это «сетка», которую «культура “набрасывает” на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его» [165] . Коды культуры «задают и предопределяют метрически-

---

[162] Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Наука, 1996. С. 277.

[163] Толстой Н.И., Толстая. С.М. О Словаре «Славянские древности» // Славянские древности. М.: Индрик, 1995. С. 5–14. С. 7.

[164] Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В.Н. Телия. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 13–24. С. 20–21.

[165] Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. С. 232.

эталонную сферу, участвующую в структурации и оценке материального мира»[166]. В качестве базовых В.В. Красных определяет шесть кодов: соматический, пространственный, временной, предметный, биоморфный, духовный, остальные могут выделяться среди них. «Коды культуры как феномен универсальны по природе своей, свойственны человеку как homo sapiens. Однако их проявления, удельный вес каждого из них в определенной культуре, а также метафоры, в которых они реализуются, всегда национально детерминированы и обусловливаются конкретной культурой»[167].

Д.Б. Гудков кодами (соматическим, зооморфным, природно-ландшафтным и др.) называет вторичные семиотические системы. «Те или иные объекты окружающего нас мира (как природные, так и артефакты), помимо выполнения своих прямых функций, обретают еще и функцию знаковую, оказываются способными нести некие добавочные значения»[168].

М.Л. Ковшова также отождествляет систему кодов культуры и «знаки разной субстанции»[169]. При этом в вербальном коде культуры ключевая роль отводится фразеологизмам, зародившимся на пересечении языка и культуры с целью описания и оценивания того, что происходит в мире, сквозь призму устойчивых образов и ценностных ориентиров: «…выбор реалий для создания образа фразеологизма не случаен. Слова — компоненты фразеологизма являются именами не реалий (в широком смысле этого слова), а культурных знаков, т.е. реалий, получивших культурное переосмысление <...> Интерпретация слов — компонентов фразеологизма как культурных знаков обосновывается их культурной значимостью в том или ином тематическом коде культуры, где

---

[166] Красных В.В. Коды и эталоны культуры (Приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2004. Вып. 26. С. 5–19. С. 19.

[167] Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. С. 298.

[168] Гудков Д.Б. Единицы кодов культуры: проблемы семантики // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2004. Вып. 26. С. 39–50. С. 39.

[169] Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. С. 173.

данные слова — компоненты фразеологизма раскрывают свой культурный смысл»[170].

Коды актуализируются не только в языковых текстах, но и в других культурных явлениях, в том числе памятниках материальной культуры. Одним из важнейших свойств культурных кодов С.М. Толстая предлагает считать их вторичность: «элементы кода, имеющие свое определенное — докодовое значение, вторично используются в коде для обозначения других объектов и сущностей» [171] . Вторично используемые знаки имеют не только языковую природу, но и внеязыковую: это могут быть созданные человеком вещи (предметный код), действия (акциональный код), различные природные объекты (астральный, животный, растительный код) и др. Необходимые условия для образования культурного кода — гомогенность, системность и конвенциональность ее знаков [172].

Е.Л. Березович определяет культурный код как «понятие парадигматики языка культуры», представленное «не только определенными лексическими группировками, но и связанными с ними фольклорными текстами, верованиями и проч.» [173] . Коды подразделяются на субстанциональные и концептуальные. Субстанциональные «определяются на основании общности плана выражения — материальной, субстанциональной природы знаков, составляющих код; концептуальные выделяются на основании смысловой общности элементов, которые могут соотноситься с разными материальными воплощениями смысла (растительный код, зоологический, кулинарный и т.п.)»[174].

---

[170] Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. С. 174–175.

[171] Толстая С.М. Пространство слова : лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. С. 336.

[172] Толстая С.М. К понятию культурных кодов // Сборник статей к 60-летию А.К. Байбурина. Studia Ethnologica АБ 60. СПб., 2007. С. 23–31. С. 28.

[173] Березович Е.Л. Язык и традиционная культура : этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007. С. 15.

[174] Там же. С. 340.

В.А. Маслова и М.В. Пименова трактуют культурный код как таксономию «элементов картины мира, в которой объединены природные и созданные руками человека объекты (биофакты и артефакты), объекты внутреннего и внешнего миров (физические и психические) явления»[175], «набор способов социальной памяти, свод ценностей и правил игры коллективного сосуществования, выработанная людьми система нормативных и оценочных критериев»[176]. По мнению исследователей, «пространство культурных кодов насыщено архетипическими представлениями, отражающими коллективную психологию, определяя все действия людей, их цели и результаты их деятельности»[177].

Н.А. Симбирцева кодом культуры называет «совокупность знаков и их комбинаций внутри историко-культурного периода, получившую вербальное и (или) невербальное выражение в текстах культуры, обладающую интерпретативной устойчивостью в пространственно-временном континууме и сохраняющую коммуникативный потенциал на уровне личностного восприятия и социально-культурных практик»[178].

Г.В. Зубко определяет код как «ядро», «исходную знаковую структуру, своего рода матрицу, содержащую как бы в еще не проявленном виде все компоненты культурной парадигмы народа и его поведения»[179].

Г.А. Аванесова и И.А. Купцова, исследуя сущность кодов культуры и их функциональную роль в культурной практике, отмечают, что коды в культуре составляют «упорядоченное множество взаимосвязанных между собой предписаний, стандартов, ограничений и установок по отношению к разным видам деятельности (коммуникативной, преобразовательно-технологической, семантической, аксиологической, познавательной, эстетической и т.п.),

---

[175] Маслова В.А., Пименова М.В. Коды лингвокультуры : учеб. пособие. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2016. С. 16.

[176] Там же. С. 3.

[177] Там же С. 16, 24.

[178] Симбирцева Н.А. Код культуры как культурологическая категория // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 1. С. 157–167. С. 157.

[179] Зубко Г.В. Проблемы реконструкции культурного кода фульбе: Западная Африка : автореф. дисс. ... д-ра культурологи ; МГУ, Ин-т стран Азии и Африки. М., 2004. С. 10.

центральное звено которых составляет множество знаков (символов), смыслов и их комбинаций» [180] . По мнению авторов, код культуры универсален, он функционирует во всех исторических эпохах. Он самодостаточен, но при этом открыт к изменению, появлению новых вторичных культурных кодов. Для формирования кодов культуры требуется продолжительное время: «Для формирования и обновления институционализированных и рационально осмысленных кодов (общественной коммуникации, символики политической жизни) потребуется по меньшей мере период активной жизни 2–3 поколений (в пределах от 70 до 100 лет). Базовые коды культуры, которые зачастую трудны для выявления и рефлексии, требуют гораздо больше времени для созревания, по-видимому, не одно столетие; меняются же они в крайне замедленном темпе»[181].

Культурные коды соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями. Они универсальны по своей природе, но детерминированы субъективным (традиционным этническим) фактором, поэтому кодирование культурного пространства всегда носит национальный характер и является специфическим для каждого этноса[182].

В зависимости от средств языка культуры выделяют более десятка кодов, среди которых называют природный, антропный, соматический, артефактный, зооморфный, растительный, пространственный, временной, предметный, пищевой, религиозный и т.д.[183].

В.М. Савицкий, рассматривая сущность, состав, функционирование культурных кодов в процессе общения, справедливо указывает на многогранность этого феномена, наличие у него регулятивного, семиотического, культурного и

---

[180] Аванесова Г.А., Купцова И.А. Коды культуры: понимание сущности, функциональная роль в культурной практике // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологи : сб. ст. по материалам XLVII Междунар. науч.-практ. конф. No 4 (47). Новосибирск: СибАК, 2015. С. 28–37. С.34.

[181] Там же. С. 35.

[182] Красных В.В. Этнопсихология и лингвокультурология. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. С. 232.

[183] Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код культуры : материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007. С. 96–99.

когнитивного аспектов. Описывая понятие *образный код*, ученый трактует его как систему устоявшихся в практике общения нормативных образов, которые входят в этнокультуру и служат знаками фрагментов реальности. По мнению В.М. Савицкого, любая воспринимаемая органами чувств сфера реальности может выполнять функцию культурного кода. «В сфере духовной жизни культурный код может выражаться через любую воспринимаемую органами чувств область реальности, в которой материальные предметы, приобретая образный характер, преобразуются в идеальные формы бытия» [184] . Характеризуя регулятивную, семиотическую и ретрансляционную функции культурных кодов, В.М. Савицкий определяет коды как «многочисленные, взаимопересекающиеся, пронизывающие текст, порой трудно уловимые, но реально существующие, словесно выраженные темы, мотивы, которые выполняют знаковую (символическую) функцию в процессе общения»[185].

Несмотря на различные подходы в интерпретации онтологического статуса и функционирования культурного кода, ученые сходятся во мнении о том, что культурный код не столько описывает культурные явления, сколько стал частью культурного процесса, его смысловым ядром. Как верно отмечает В.М. Савицкий, культурный код — явление многогранное; его толкования, которые встречаются в философских, культурологических и лингвистических трудах, отражают разные его грани[186].

В Японии изучением специфики, структуры и архитектоники культуры, ее культурных кодов занимаются многие ученые. Японская культура с многовековыми традициями и ярко выраженным национальным колоритом — предмет фундаментальных научных исследований Мацуока Сэйго:. Мацуока — известный ученый, писатель, литературный критик, директор инновационной

---

[184] Савицкий В.М. Культурные коды: сущность, состав и функционирование в составе общения // Дискурс профессиональной коммуникации. No 1–4. 2019. С. 68–77. С. 72.

[185] Савицкий В.М. Этноспецифика культурных кодов // Этническая культура. 2020. No 3 (4). С. 40–44. С. 41.

[186] Там же. С.40.

Лаборатории генной инженерии, рассматривает японскую культуру с позиций междисциплинарного подхода с использованием инструментария истории, философии, культурологии, литературы, социологии, лингвистики. В его монографиях «Суть японской культуры. Расшифровка японского стиля»[187], «Сила Японии» [188] (в соавторстве с американским антропологом, журналистом и фотографом Э.К. Брауном) представлен подробный и углубленный анализ вопросов становления и развития культуры Японии, изложены истоки ее формирования, а также факторы, которые оказали решающую роль на ее развитие. Мацуока знакомит читателей с культурными кодами-подсказками, которые позволяют понять, в чем состоит «суть» и «сила» японской культуры[189].

Ученый анализирует синтоистские и буддийские воззрения, влияние китайской цивилизации на развитие культуры, роль слоговой азбуки *кана*, этногенез японцев, особенности японского мировосприятия, категории эстетического мировоззрения *ваби-саби*, мифологические представления и верования, связанные с рисом и многое другое. Автор объясняет, почему японцы любят нерифмованные трехстишья из 17 слогов; по какой причине японских богов стали называть *ками*; рассказывает об особенностях учения японского актера и драматурга Дзэами Мотокиё (1363–1443). Исследуя японскую культуру, Мацуока использует ключевые коды-понятия, которые позволяют «расшифровать» ее суть: 柱 — «столб», 結び — «связь», «узел», 神 — «бог», 間 — «интервал», «промежуток», 家 — «дом», «семья».

---

[187] 松岡 正剛 .日本文化の核心 「ジャパン・スタイル」を読み解く [Мацуока Сэйго:. Суть японской культуры. Расшифровка японского стиля], 講談社現代新書, 2020. 352 p.

[188] 松岡 正剛, エバレット・ブラウン。 日本力 [Мацуока Сэйго:, Эверетт Браун. Сила Японии], パルコ 、2010. 304 p.

[189] The Japan Society — Japan Power (Nihon Ryoku). Review by Mikihiro Maeda. [Электронный ресурс]. URL: https://www.japansociety.org.uk/review?review=243 (дата обращения: 24.08.2021).

Согласно Мацуока, основа японской культуры — почитание предков, синкретизм буддийских и синтоистских верований [190]. По мнению ученого, заимствование из Китая риса, железа и иероглифов полностью изменили Японию [191]. «Японская культура — высококонтекстная, и ее квинтэссенция заключается в недосказанной информации и представлениях, которые на первый взгляд кажутся трудными для восприятия»[192]. Как подчеркивает Мацуока, очень полезно смотреть на Японию «глазами иностранцев», это помогает «заново ее открыть»[193].

Культуролог Ямамото Мотоко считает, что понять «культурный код» Японии можно, познакомившись с ее искусством, обычаями и праздниками[194]. В книге «Японская культура. Визуальный анализ», опубликованной в 2019 году, в преддверии Олимпиады в Токио, которая должна была состояться летом 2020 г., но была перенесена из-за пандемии коронавируса, она рассказывает о традиционных видах искусства, таких как театр Но, Кабуки, Бунраку, чайная церемония, каллиграфия, икебана, бонсай, о ремеслах (изготовление деревянных, бамбуковых, лаковых изделий, керамики, японской бумаги), о японских боевых искусствах и ежегодных праздниках, об устройстве традиционного японского дома и сада и т.д.

Философ Фудзита Масакацу, почетный профессор университета Киото, в монографии «Пять ключевых слов, с помощью которых можно “прочитать”

---

[190] 松岡 正剛, エバレット・ブラウン。 日本力 [Мацуока Сэйго:, Эверетт Браун. Сила Японии], パルコ 、2010. 304 p. P. 252–254.

[191] 松岡 正剛.日本文化の核心 「ジャパン・スタイル」を読み解く [Мацуока Сэйго:. Суть японской культуры. Расшифровка японского стиля], 講談社現代新書, 2020. 352 p. P. 17.

[192] 松岡 正剛.日本文化の核心 「ジャパン・スタイル」を読み解く [Мацуока Сэйго:. Суть японской культуры. Расшифровка японского стиля], 講談社現代新書, 2020. 352 p. P. 6.

[193] 松岡 正剛, エバレット・ブラウン。 日本力 [Мацуока Сэйго:, Эверетт Браун. Сила Японии], パルコ 、2010. 304 p. P. 7.

[194] 山本素子.日本文化. ビジュアル解体新書 (SB ビジュアル新書) [Ямамото Мотоко. Японская культура. Визуальный анализ], SB クリエイティブ, 2019. 195 p. P. 3.

японскую культуру», рассматривает концепцию «сердца» (心) японского поэта Сайгё (1118–1190), «цветка» （花） актера и драматурга Дзэами Мотокиё (1363–1443), толкование «зла» （悪）буддийского монаха Синрана (1173–1263), идею «непостоянства», «изменчивости» （無常） в интерпретации поэта и писателя Ёсида Кэнко (1283–1350), «утонченность» (風雅) в поэзии поэта Мацуо Басё (1644–1694). Как справедливо отмечает Фудзита, «глобализация, порождая неравенство и конфликты, отдает приоритет погоне за прибылью. Для подтверждения собственной идентичности используется клевета, “чужих” подвергают остракизму. Нужно уважать другие культуры, однако, чтобы наладить с ними диалог, в первую очередь, следует создать “автопортрет” собственной культуры»[195].

Японский антрополог Комацу Кадзухико, почетный профессор Международного центра по изучению японской культуры (国際日本文化研究センタ), автор монографий «Священные места и японцы», «Демоны и японцы», «Японцы, ставшие богами», «Введение в культуру японских призраков — ёкай» и др. [196] исследует мифологические верования и представления как социокультурные явления, исток формирования современного человека. Актуальность мифа ученый объясняет тем, что мифы и легенды оказывают влияние на все сферы жизнедеятельности человека, раскрывают смысл многих

[195] 藤田 正勝 . 日本文化をよむ 5 つのキーワード[Фудзита Масакацу. Пять ключевых слов, с помощью которых можно «прочитать» японскую культуру»], 岩波書店, 2017. 182 p. P. 7.

[196] 小松和彦. 聖地と日本人 [Комацу Кадзухико. Священные места и японцы], 角川ソフィア文庫, 2021. 272 p.; 小松和彦. 鬼と日本人 [Комацу Кадзухико. Демоны и японцы], 角川ソフィア文庫、2018, 272 p.; 小松和彦.妖怪文化入門 [Комацу Кадзухико. Введение в культуру японских призраков — ёкай], 角川ソフィア文庫, 2012. 255 p.; 小松和彦. 呪いと日本人 [Комацу Кадзухико. Проклятия и японцы], 角川ソフィア文庫, 2014. 236 p.

явлений, в том числе помогают постичь «секреты, закодированные в японской культуре»[197].

Тема культурных кодов активно разрабатывается в русле семиотических исследований. Значимыми для нашего исследования стали труды почетного профессора Токийского университета лингвиста Икэгами Ёсихико «Приглашение в семиотику: языковые и культурные коды», «Лекции по семиотике: уроки критики повседневной жизни», «Семиотика природы и культуры» [198] . Как указывает Икэгами, «языковой код довольно подвижный, так как он допускает субъективную интерпретацию… Код имеет дополнительную связь с контекстом и способствует его расшифровке и интерпретации (если код сильный, контекст не нужен)[199].

Хори Акико занимается исследованием гендерных проблем и массовой культуры. В монографии «Код желания: гендерные различия сексуальности в манге» Хори анализирует порно-комиксы для мужчин и женщин, выявляет гендерные различия в речевом и сексуальном поведении персонажей манги[200].

Кобаяси Сю:ити изучает японскую культуру с позиций социологии. «Японскими кодами» считает японский язык, японскую литературу, идеи

---

[197] 小松和彦. 聖地と日本人 [Комацу Кадзухико. Священные места и японцы], 角川ソフィア文庫, 2021. 272 p. P. 6.

[198] 池上 嘉彦 . 文化記号論への招待 –ことばのコードと文化のコード[Икэгами Ёсихико. Приглашение в семиотику: языковые и культурные коды], 有斐閣, 1983, 222p.; 池上 嘉彦. 記号論講義 日– 常生活批判のためのレッスン[Икэгами Ёсихико. Лекции по семиотике: уроки критики повседневной жизни],筑摩書房, 2020, 630 p.; 池上 嘉彦 .自然と文化の記号論 (放送大学教材) [Икэгами Ёсихико. Семиотика природы и культуры], 放送大学教育振興会, 2002. 204 p.

[199] 自然と文化の記号論 (放送大学教材) [Икэгами Ёсихико. Семиотика природы и культуры], 放送大学教育振興会, 2002. 204 p. P. 37.

[200] 堀あきこ. 欲望のコード―マンガにみるセクシュアリティの男女差 (ビジュアル文化シリーズ) [Хори Акико. Код желания: гендерные различия сексуальности в манге], 臨川書店, 2009. 242 p.

патернализма и конфуцианских норм поведения, регламентирующих отношения в семье, семейное государство[201].

Итак, подводя итоги, можем констатировать, что краткий обзор социокультурного функционирования понятия «код» в некоторых областях гуманитарного знания показал растущий интерес отечественных и зарубежных ученых к теме культурного кодирования, многоаспектную разработку данной проблематики. Различные подходы к определению и осознанию данного концептуального понятия обусловлены его сложностью и многомерностью, семантической нагруженностью и функциональной подвижностью. Дискуссионные моменты, связанные с неоднозначностью трактовки термина «культурный код», не являются предметом рассмотрения данной работы, вместе с тем необходимо отметить, что труды многих японских ученых носят скорее описательный, а не аналитический характер. Для них характерно преобладание исследований по частным вопросам. Зачастую в таких работах представлены ценные наблюдения, однако обобщающие выводы в них, как правило, отсутствуют. Показательно, что результаты исследований в области экономики и общественно-политической жизни почти не используются при изучении культурных кодов Японии. Нельзя также не указать на тенденции к апологетике, присущие даже лучшим японским исследователям. Эти тенденции выражаются в идеализации своеобразия японской культуры, в стремлении видеть японское общество как «надклассовое», романтизации мировосприятия японцев.

Очевидно, что вопрос выявления и классификации культурных кодов Японии как ценностно-смыслового компонента любой культуры разработан недостаточно. В связи с этим представляется необходимым дальнейшее осмысление и систематизация исследований в данной области.

---

[201] 日本のコード―〈日本的〉なるものとは何か [Кобаяси Сю:ити. Что такое «японский код»], みすず書房, 2009. 272 p.

1.2. Религиозный синкретизм — онтологическая основа духовного кода

Духовный код — фундамент культуры любого общества, система ценностей, моделей и стереотипов восприятия мира, нравственных установок, характеризующих менталитет народа. Это код «изначально онтологичен, он пронизывает все наше бытие, обусловливает поведение и деятельность в обществе» [202] . Духовный код отличается совокупностью универсальных характеристик, выполняющих «человекоформирующую и человековозвышающую роль в становлении стереотипов поведения, жизненных позиций, социальных ожиданий, мировоззренческих и смысложизненнных предпочтений и ожиданий индивидов»[203].

Говоря о роли религии в жизни японского общества, необходимо подчеркнуть, что «регулятивная функция религии в Японии ничуть не слабее, а, может быть, даже сильнее, чем на Западе», что «религия в Японии осуществляет вполне определенную регулятивную функцию, формируя у людей серию устойчивых национальных стереотипов»[204].

Самобытное духовное сознание японцев складывалось на фоне сложных и противоречивых явлений культуры. В нем теснейшим образом переплелись ритуальные элементы, идеи и верования самых разных традиций: это и синтоизм, и конфуцианство, и буддизм, даосизм, позднее христианское вероучение, самые различные светские идеи и представления западной культуры[205].

---

[202] Маслова В.А. Духовный код с позиций лингвокультурологии: единство сакрального и светского // Метафизика. 2016. № 4(22). С. 78–97. С. 83.

[203] Бабосов Е.М. Культурный код нации: сущность и особенности // Наука и инновации. 2016. 3 (157). С. 48–50. С. 48.

[204] Пронников В.А., Ладанов И.Д. Японцы. М.: Наука, 1983. С. 89–90.

[205] Розенберг О.О. Труды по буддизму. М.: ГРВЛ «Наука», 1991. (Библиотека отечественного востоковедения); Буддизм в Японии. М.: Наука, 1993 ; Нихон Рёики — Японские легенды о чудесах: Свитки 1-й, 2-й и 3-й / пер., предисл. и коммент. А.Н. Мещерякова. СПб.: Гиперион, 1995. (Литературные памятники древней Японии); Буддийская философия в средневековой Японии. М.: Янус-К, 1998; Игнатович А.Н. Буддизм в Японии : очерк ранней истории. М.: Наука, 1988; Уотс А. Путь Дзэн. Киев : София, 1993; Хамфриз К. Дзэн-буддизм. М.: Фаир-пресс, 2002; Кацуки С. Практика дзэн. М.: Амрита-Русь, 2004; Гарри И.Е. Дзэн-буддийское миросозерцание Эйхэй Догэна. М.: Восточная литература, 2003; Главева

Традиционно для обозначения данного явления японской культуры используют термин синкретизм [206] . Синкретизм в значительной мере оказал влияние на все стороны жизни японского общества, придал японской культуре многогранность. Ведь японское общество, обладая всеми характерными особенностями, является крайне самобытным, не похожим ни на какое другое культурным явлением.

Распределение взаимодополняющих ролей, которые играли три религии-учения в традиционном японском социуме, сформулировал монах школы Тэндай по имени Дзихай. Его идея о том, что синто — это корень, конфуцианство — ствол и ветви, а буддизм — плоды и цветы древа японской религиозности, в дальнейшем была подхвачена синтоистским мыслителем Ёсида Канэтомо (1435-1511) [207] . Эта крылатая фраза стала своеобразным символом, образным выражением того синкретизма, который сложился под влиянием ряда исторических, политических и идеологических факторов. Как справедливо указывает Д.Г. Главева, «синто-буддийский синкретизм является попыткой совмещения “внешнего” (синтоитского) и “внутреннего” (буддийского) взглядов на мир и процессы, протекающие в нем»[208].

При этом, на наш взгляд, происходило не просто заимствование идей, а их тщательная адаптация, растворение, переработка под потребности и особенности японской культуры. В итоге получилась единая, стройная система понимания организации бытия, причем как мира феноменов, мира невидимого божественного, но при этом постоянно присутствующего рядом, так и мира вполне реального, земного.

Д.Г. Традиционная японская культура: Специфика мировосприятия. М.: Вост. лит., 2003; Huffman J. Modern Japan: an Encyclopedia of History, Culture, and Nationalism. New York: Garland Pub, 1998. 316 p.

[206] Игнатович А.Н. Философские, исторические и эстетические аспекты синкретизма (на примере «чайного действа»). М.: Русское феноменологическое общество, 1996.

[207] Светлов Г.Е. Путь богов. М.: Мысль, 1985. С. 80–83.

[208] Главлева Д.Г. Традиционная японская культура : специфика мировосприятия. М.: Восточная литература, 2003. С. 57.

История сосуществования, взаимодействия и взаимовлияния *синто,* буддизма и конфуцианства крайне сложна, а иногда и противоречива[209].

На протяжении всей истории японского общества, как бы глубоко не проникали заимствованные идеи и учения, существовала некая духовная основа, свойственная только Японии — 神道 *синто:* букв. «путь богов»[210]. Как пишет Э.В. Молодякова, вся история страны так или иначе связана с синто, поскольку оно есть ядро культуры. Без него японец — не японец, а Япония — не Япония. Синто дает возможность каждому японцу осознать свою национальную самоидентификацию[211].·

Как заметил один из исследователей японской религии: «Для миллионов японцев синто означает <...> аморфный способ ”ощущения себя японцем”»[212].

Синто: — древняя японская религия, и хотя ее истоки до сих пор не установлены, ученые единодушны в том, что она возникла и развивалась в Японии независимо от китайского влияния. Как отмечает В.М. Алпатов, японский язык и синто: единственные действительно исконные компоненты японской культуры[213].

Синто: представляет собой род древней мифологии, ибо в раннем синтоизме речь идет о сверхъестественном мире — мире богов и духов 神 *ками*, которые издревле почитались японцами[214]. Известно, что истоки синтоизма восходят к глубокой древности и включают в себя все присущие первобытным народам формы верований и культов: тотемизм, анимизм, магию, культ мертвых, культ

---

[209] Handbook of contemporary Japanese religions / Prohl, Inken; Nelson, John. Leiden: Brill, 2012. 652 p.

[210] Bocking B. A Popular Dictionary of Shinto. Surrey: Curzon Press, 2005. 211 p.; Hardacre H. Shinto: A History. New York: Oxford University Press, 2017. 698 p.; Breen J. A New History of Shinto. Chichester: Wiley-Blackwell, 2010. 264 p.; Cali J. Shinto Shrines: A Guide to the Sacred Sites of Japan's Ancient Religion. Honolulu, 2013. 328 p.

[211] Молодякова Э.В. Синто в послевоенные годы // Синто. Путь японских богов: [Сб.: В 2 т.] / Междунар. науч. о-во «Синто». СПб.: Гиперион, 2002. Т. 1: Очерки по истории синто / отв. ред. Е.М. Ермакова и др. 2002. С. 312–351. С. 347.

[212] Spae Joseph J. Shinto Man. Tokyo: Oriens Institute for Religious Research, 1972. P. 65.

[213] Алпатов В.М. Япония. Язык и культура. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 20, 22.

[214] 伊藤聡。 神道とは何か [Ито: Сатоси. Синто:]。 中央公論新社. 2012 年。306 p。

предков и т.д. Древние японцы одухотворяли все окружающие их явления природы и с благоговением относились к посредникам с миром духов и богов — к магам, колдунам и шаманам. Только позже под влиянием буддизма первобытные синтоистские шаманы стали жрецами, которые совершали ритуалы в честь различных богов и духов в специально сооружавшихся для этого храмах.

В *синто* нет основателя религии, нет абсолютного божества, создателя всего сущего. Функция создания мира реализуется через взаимодействие различных богов, исполняющих возложенные на каждого миссии. Огромное количество божеств постоянно живет рядом с человеком, от них невозможно что-либо утаить, поэтому и поступки, и помыслы должны быть чисты. Для японца *синто* — это нечто большее и всеобъемлющее, чем религиозные представления. Это естественный и гармоничный порядок всего сущего, весь окружающий его мир, сама жизнь во всех ее проявлениях.

Священных книг в каноническом понимании в синтоизме нет, однако существуют древние записи, считающиеся авторитетными у синтоистов и представляющие главную историческую и духовную основу (летописно-мифологические своды «Кодзики» («Записи о деяниях древности», 712 г.) и «Нихонсёки» («Анналы Японии», 720 г.).

Согласно синтоистским верованиям, к богам *синто* относятся предки ныне существующих японцев, соответственно, умершие также со временем приравниваются к богам. В более позднем синтоизме оформляется комплекс идей 国体 *кокутай* (букв. «тело государства»), согласно основным положениям которого, небесные боги до сих пор продолжают жить во всех японцах и действовать через них, а император — это, по существу, живой бог.

Очевидно, что на сознание японцев большое влияние оказал тот факт, что они не просто созданы по образу и подобию бога, а являются потомками и преемниками божественного. При этом синтоизм, как духовная составляющая, присутствовал и присутствует в повседневной жизни японцев на протяжении всей истории Японии, беспрерывно, столетиями закрепляя данное положение.

Этот духовный момент крайне важен для самосознания нации вообще и для японского этноса в частности. Прямая сопричастность с сакральным, исключительность божественного происхождения формирует установку на высоконравственное существование человека. Именно глубокая укорененность морали в религиозном сознании оказала огромное влияние на менталитет нации.

Центральное место в японской традиции занимает культ предков. Уважение к старшим, ответственность, доброта, терпимость, чувство солидарности, неконфликтность, вежливость во взаимоотношениях — именно синтоизм заложил этические основы японского социума и определил в целом нравственный тон всей японской культуры на последующие века. Нравственное поведение является нормой для повседневной жизни, но при этом японцы не просто следуют внешним этическим нормам, а стремятся их принять и осмыслить. Как писал известный журналист, исследователь японского национального характера Лафкадио Херн в книге «Душа Японии. Кокоро», вышедшей в 1907 году, великая синтоистская мысль заключается в том, что мертвые продолжают пребывать на земле и влияют не только на мысли и дела людей, но и на явления природы. «Они определяют смену времен года, ветра и дождя, счастье и несчастье государств и отдельных личностей. Словом — они являются невидимыми силами, скрывающимися за всеми явлениями»[215].

Японцы считают, что духи предков и различные божества постоянно присутствуют рядом с человеком. В японской синтоистской традиции нет разделения, а тем более противопоставления мира реального, земного и мира божественного. Есть единый мир вокруг, который в силу вездесущего присутствия божественного сакрален. В связи с этим к божествам, особенно богам местности, относятся как к уважаемым членам коллектива. Считается, что 神 *ками* выступают покровителями местного населения. Чтобы боги не сердились,

[215] Херн Л. Из книги «Душа Японии. Кокоро». Лучшие японские легенды, истории и предания, или для чего мы постигаем японский язык : нулевой уровень / сост. О.Н. Кун. М: АСТ ; Хранитель ; Восток-Запад, 2008. С. 66.

им часто приносят нехитрые дары, кормят, устраивают для них праздники — 祭り *мацури.* Существует поверье, что во время праздников души предков спускаются на землю, чтобы повеселиться вместе с живыми. Это скорее именно совместное проживание, а не подобострастное поклонение.

Под влиянием подобных представлений об окружающем мире у японцев сложилось и особое представление о семье. Японская семья, как пишет американский исследователь Х. Байрон Эрхарт, «...состоит не только из живущих людей, но также из умерших предков и еще из не рожденных потомков <...> Мир предков определяется своим взаимодействием с потомками, которые относятся к ним с искренним благочестием, в ответ на что предки даруют потомкам жизнь и благодать»[216]. Такое расширенное понимание семьи со множеством прямых и косвенных родственных связей позволяет рассматривать весь японский этнос в конечном итоге как одну большую семью. При этом чувство, которое испытывает японец к своей стране, как подмечает Л. Херн, «гораздо глубже того, что именуется у нас патриотизмом»[217]. Именно отсюда берет свое начало, так удивляющая европейцев, сплоченность японцев и в праздники, и во время бедствий, которая часто неверно трактуется как подавление общественной необходимостью личной индивидуальности.

Но, как отмечают японские исследователи, процесс гармоничного взаимодействия божеств и людей не является односторонним процессом бесконечного почитания и ублажения божеств человеком. В частности, Сонода Минору, настоятель синтоистского храма Титибу, считает, что когда живущие почитают и утешают души умерших предков в случаях упадка душевных сил, они тем самым восстанавливают и приумножают запасы жизненной энергии друг друга[218]. При этом происходит именно взаимное обогащение содержания жизни.

---

[216] Эрхарт Х.Б. Религиозные традиции Японии // Религиозные традиции мира. В 2-х т. Т. 2. М.: Крон-Пресс, 1996. С. 545.

[217] Херн Л. Душа Японии. М.: Муравей, 1997. С. 307.

[218] Сонода Минору. Мир синто. М.: Научная книга, 2001. С. 69–70.

Помимо духов предков, согласно представлениям древних японцев, весь окружающий мир населен богами — 神 *ками*. Все окружающие предметы, растения, животные, явления природы — все, что мог наблюдать человек, имеет свою душу, своего *ками.* Японским божествам свойственны все эмоции человека. Соответственно, человек должен придерживаться моральных установок не столько из страха наказания перед богами, сколько из чувства ответственности за сохранение гармонии в отношениях социума с окружающим миром.

Боги присутствуют не только в предметах, но во всех делах и помыслах. «Хотя ни предки, ни боги, разумеется, невидимы, существование каждого их них воспринимается как олицетворение общей одухотворенности»[219].

Этот духовный стержень и поддерживает жизнь каждого индивида. Все вокруг одухотворено, проникнуто божественной сущностью, все объединяет единый космос. Похожее представление о том, что во всем сущем заключён «буддийский нрав», существует в дзэн-буддизме. Это известная формула — «все в одном, одно во всем».

Сонода указывает, что именно одухотворенность и стоит рассматривать как субстанцию, которая привносит в жизнь людей смысл, оказывает умиротворяющее воздействие и образует устои жизни, делая людей счастливыми. На наш взгляд, он очень точно подмечает суть японского менталитета, когда «люди, собираясь, не просто создают общество, они устанавливают между собой духовные связи, связи с глубинной сущностью этого самого общества как зоны их совместного проживания»[220].

Основной идеей синтоизма является 晴 *харэ* — «чистота». Отпечаток этого понятия в японской культуре можно найти повсеместно. *Харэ* проявляется не только в физической чистоте, но и в чистоте помыслов. Это и особое, сакральное отношение к белому цвету как символу чистоты и т.д. Конечно, на начальных этапах синтоизма в требовании чистоты превалировал момент физической

[219] Там же. С. 31.
[220] Там же. С. 21.

чистоты, а именно: перед всеми значимыми обрядами, перед общением с богами необходимо 禊 *мисоги* — «обязательное очищение, омовение», которое заключалось в смывании с себя грязи. Перед всеми синтоистскими храмами всегда стоит небольшой колодец или емкость с проточной водой, которой нужно вымыть руки и прополоскать рот, перед тем как зайти в храм и обратиться к богам.

Все основные категории и понятия *синто* вытекают или находятся в тесной взаимосвязи с требованием соблюдения чистоты. Сильнейшим 汚れ *кэгарэ* — «загрязнением» считаются загрязнения, связанные со смертью и кровью. В связи с этим впоследствии все похоронные обряды возьмет на себя буддизм, так как синтоистские священники часто отказывались участвовать в похоронных церемониях. В целом «загрязненное» — *кэгарэ* будет трактоваться как нарушение естественного миропорядка. «Загрязнение, скверну» — *кэгарэ* необходимо обязательно смывать или очищать, иначе она будет порождать 曲がし *магаси* — «искривление, искажение», которое надо 直る *наору* — «выпрямлять, исправлять» различными очистительными обрядами — お祓い *о-хараи*.

В значении нарушения нормы традиционной японской морали наряду с *кэгарэ* употребляется и понятие 罪 *цуми*, которое обычно переводится как «грех, вина». Но именно в синтоистской традиции наиболее адекватным, на наш взгляд, будет рассмотрение этого понятия все же в значении — «нарушение», что подразумевает несоблюдение норм поведения, принятых в социуме.

Помимо необходимости соблюдать чистоту как физическую, так и нравственную в синтоизме можно выделить еще одно пожелание нравственного порядка — следовать воле богов или естественному пути. Попытаемся разобраться, что для японской традиции является следованием естественному порядку вещей. При отсутствии в *синто* четких заповедей, запретов и установок существуют лишь, как отмечает А.А. Накорчевский, общие пожелания жить «по совести», то есть быть открытым, честным, прямодушным, справедливым. 随神

каннагара — «пожелание следовать воле богов», т.е. поступать так, чтобы *ками* были довольны, выполняет в *синто* роль единственного положительного морального требования[221]. Следовательно, из моральных установок, присущих именно синтоистской традиции, наиболее существенными являются следующие: следование естественному порядку вещей и соблюдение чистоты.

Как уже отмечалось выше, общение с богами в рамках синтоизма носит коллективный характер, буддизм обращается непосредственно к индивиду и его внутреннему миру.

Невозможно вести разговор о японской культуре без подробного анализа влияния буддийского мировоззрения на каждую ступень ее развития[222]. «В сущности, нет ни одной области японской культуры, которая не была бы задета буддийским влиянием»[223], — подчеркивает профессор буддийской философии Судзуки Дайсэцу Тэйтаро (1870–1966), автор более ста работ на японском и английском языках о буддизме и дзэн-буддизме.

Зародившийся в середине I тыс. до н.э. буддизм стал известен в Японии в первой половине VI в.[224]

Нравственно-религиозные постулаты буддизма оказали влияние на прагматическое и далекое от глубокого осознания религиозных корней своего мировоззрения японское национальное сознание. «Самое главное — это умение контролировать свою душу. Надо уметь сдерживать свои желания и победить себя. Надо вести себя правильно, держать душу в чистоте и быть верным своим

---

[221] Накорчевский А.А. Синто. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Азбука-классика ; Петербургское Востоковедение, 2003. (Мир Востока). С. 153–154.

[222] Трубникова Н.Н. Традиция «исконной просветленности» в японской философской мысли. М.: РОССПЭН, 2010.

[223] Судзуки Д.Т. Дзэн и японская культура. СПб.: Наука, 2003. С. 245.

[224] В официальной исторической хронике «Нихонги» (обнародована в 720 г.) называется точная дата знакомства японцев с первой мировой религией — 13-й год правления императора Киммэя (552 год по европейскому летосчислению) (См.: Игнатович А.Н., Светлов Г.Е. Лотос и политика. М.: Мысль, 1989. С. 36.)

словам. Надо перестать желать, забыть гнев, держаться подальше от зла и никогда не забывать, что жизнь бренна»[225].

Репрезентация буддийских ценностей в японском национальном сознании находит свое отражение в понимании того, что для достижения 悟り *сатори* — «просветления» и 涅槃 *нэхан* — «нирваны» нужно освоить 四諦 *ситэй* — «четыре истины»: «Этот человеческий мир полон страданий（苦 *ку* — «страдание»). 生 *сэй* — «жизнь», 老 *ро:* — «старость», 病 *бё:* — «болезнь», 死 *си* — «смерть» — страдание. Встреча с неприятным человеком — страдание, разлука с любимым — страдание. Недостижение желаемого — тоже страдание. 執着 *сю:тяку* — «привязанность» к чему бы то ни было — страдание» [226].

Страдания бытия в соответствии с буддийскими канонами вызываются 愛欲 *айбо:* — «мирскими страстями», которые вселяются в душу человека. Мирские страсти своими корнями уходят в 欲望 *ёкубо:* — «жажда, сильное желание». Эта жажда порождается сильной привязанностью к жизни. «Все то, что видит глаз и слышит ухо, начинает желать человек. Он даже начинает желать смерти. Это и есть истина причины страдания. Если уничтожить все корни мирских страстей, исчезнет и страдание. Это и есть истина уничтожения страдания» [227] . Материальные блага в сознании японцев под воздействием буддизма приобретают негативную коннотацию, связанную с «несчастьем», «страданием», «неправедной жизнью».

Другой характерной чертой японского мировоззрения является фатализм, продиктованный буддийскими взглядами.

По общепринятым представлениям японской личности, как страдания людей имеют свои причины, как к просветлению ведет правильный путь, так и все на

---

[225] 仏教聖典[Учение Будды].]: 仏教伝道協会、Буккё: сэйтэн [Учение Будды]. Токио, Общество проповедования буддизма, 1985. С. 11.

[226] 仏教聖典[Учение Будды].]: 仏教伝道協会、Буккё: сэйтэн [Учение Будды]. Токио, Общество проповедования буддизма, 1985. С. 38.

[227] Там же.

этом свете является результатом «стечения обстоятельств» — 因縁 *иннэн* (因 — причина, 縁 — связь). *Иннэн* также переводят на русский язык, как «судьба», «рок», «участь»[228].

«По стечению обстоятельств все появляется на этом свете и по стечению же обстоятельств все исчезает. Как сеть образована из связанных друг с другом ячеек, так и все на этом свете связано между собой. Если кто-нибудь думает, что ячейка сети может существовать сама по себе, то он глубоко ошибается. Ячейка только в связи с другими ячейками может быть ячейкой. Каждая ячейка является частью других смежных ячеек»[229].

Причину страдания и печалей буддизм видит в привязанностях и призывает от них отказаться. «Если не станет привязанности, бесследно исчезнут страдания и печали»[230].

Жизнь в представлении японцев мимолетна, но при этом она постоянно меняется. «Все предметы желаний 無常 *мудзё*: — “непостоянны”, они есть страдание, они все время меняются. Все существующее непостоянно, все есть страдание, все меняется, нет ни 我 *га* — “я”, ни ничего “моего” — 我が物 *вагамоно*»[231]. «Поистине мир, как сон. Сокровище тоже, как призрак. Все как на картине. Хотя мы видим низкие и высокие места на ней, на самом деле их нет, они нарисованы на одной плоскости. Все на свете, как струящийся от жары воздух»[232].

Большое влияние на формирование японского национального характера оказывает тезис о сиюминутности земного бытия. Буддизм учит ценить каждое мгновение. «Если мечтать о будущем, беспокоиться о еще не произошедшем, если сожалеть, думая только о прошлом, человек высохнет, как срезанный тростник.

---

[228] コンサイス和露辞典「第３版 [Японо-русский словарь Консайсу, 3-е издание]. 三省堂、928 p.

[229] 仏教聖典. P. 41–42.

[230] Там же. P. 43.

[231] Там же. P. 49.

[232] Там же. P. 55.

Не надо жалеть о прошлом. Не надо ожидать будущего. Надо жить только настоящим мгновением»[233].

В этом контексте не менее важным представляется отношение японцев к проявлению страстей и желаний, сформировавшееся под влиянием буддийских постулатов. Появлению страстей, следовательно, и страданию, согласно буддийским канонам, способствуют «пять желаний». «Они возникают, когда глаза видят приятные формы, уши слышат приятные звуки, нос чувствует приятный запах, когда от приятного вкуса текут слюни, когда руки чувствуют приятное прикосновение. Поистине эти пять желаний являются ловушками. Когда человек попадает в них, у него в душе рождаются страсти, и он начинает страдать.

Человека одолевает то, что видят глаза, слышат уши, чувствует нос, язык, чувствует кожа и желает душа. Из них побеждает самое сильное, и человек попадает под власть этого желания»[234].

Бороться с «пятью желаниями» можно лишь работая над своей душой. «Если человек научится владеть своей душой и возьмет ее под свой контроль, другие пять желаний не смогут ее соблазнить».

Японцы стараются избегать крайностей, придерживаться «среднего пути» — 中道 *тю:до*: «Человек думает, что есть чистое и грязное, и делит все на чистое и грязное. Но на самом деле нет вещей ни чистых и ни грязных. Чистое и грязное — все это ошибочные представления души человека»[235].

Счастье и несчастье, печали и радости, добро и зло в буддизме неразрывно связаны между собой. «Если есть печали, есть и радости. Если есть радости, есть и печали. Если стать выше печалей и радостей, зла и добра, тогда только исчезнут привязанности»[236].

Согласно «Учению Будды», путем к просветлению и достижению состояния, свободного от страданий и мирских страстей, служит 正しい八正道 *тадасий*

---

[233] Там же. P. 191.
[234] 仏教聖典. P. 117–118.
[235] Там же. P. 61–62.
[236] Там же. P. 191.

хассё:до: — «правильный восьмисоставный путь», 四つの正しい見方 *ёцу но тадасий миката* — «четыре точки зрения», 四つの正しい勤め *ёцу но тадасий цутомэ* — «четыре нормы правильного поведения», 五つの力 *ицуцу но тикара* — «пять сил» и 六つ道 *ёцу мити* — «шесть обыкновений»[237].

正しい八正道 «правильный восьмисоставный путь» — это правильные взгляды, правильное мышление, правильные слова, правильные дела, правильный образ жизни, правильные стремления, правильная память и правильное сосредоточение[238].

Кроме того, стремящийся к просветлению человек должен постоянно заботиться о чистоте деяний своего тела, языка и души. Заботиться о чистоте деяний своего тела — значит «не умерщвлять живые существа, не воровать и не совершать прелюбодеяния. Заботиться о чистоте деяний своего языка — значит не лгать, не сквернословить, не лицемерить и не болтать лишнего. Заботиться о чистоте деяний души — значит не жаждать, не гневаться и не смотреть на вещи неправильно»[239].

Четыре точки зрения следующие: тело человека осквернено и не следует к нему привязываться; любое чувство порождает страдание; душа человека постоянно находится в движении, она непрерывно меняется; все на свете происходит от причин и условий, поэтому ничего вечного на этом свете нет[240].

Четыре нормы правильного поведения заключаются в том, чтобы предотвращать зло, которое еще не возникло; пресекать зло, которое уже возникло; способствовать возникновению добра; растить уже возникшее добро.

Пять сил: верить, стараться, обдумывать свои поступки, созерцать, просветлять свой разум.

---

[237] Там же. P. 166.
[238] 仏教聖典. P. 39.
[239] Там же. P. 123.
[240] Там же. P. 167.

Шесть обыкновений — это щедрость, соблюдение заповедей, терпение, подвижничество, созерцание и разум. Если усвоить эти шесть обыкновений, можно с этого берега заблуждения переправиться на тот берег просветления[241].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что основную предпосылку страданий буддизм находит не в каких-то конкретных бедах, формах зла, одолевающих человека, а в 無常 *мудзё:* — «непостоянстве, мимолетности всех вещей и явлений бытия». *Мудзё:* — букв. «отсутствие постоянства», очень важный буддийский термин, влияющий на все сферы жизни японцев. *Мудзё:* означает «изменчивость, быстротечность, бренность, эфемерность, непостоянство». Принцип *мудзё:* учит подниматься над суетой обыденности, ценить каждый момент жизни в его уникальности и неповторимости, при этом четко осознавая всю бренность, эфемерность человеческого существования.

«Сама по себе изменчивость часто становится объектом восхищения. Ведь она означает движение, прогресс, вечную молодость, она ассоциируется с добродетелью непривязанности, которая характерна для буддистов, а также и для японского народа», — отмечает Д.Т. Судзуки[242].

Надежную опору в этом неустойчивом, зыбком мире, подлинную гармонию буддизм усматривает в развитии души, в отрешенности от хрупкости, иллюзорности «видимой» красоты, в отказе от собственного «я», в самозабвении — 無我 *муга*, букв. «отсутствие собственного “я”». Д.Т. Судзуки определяет состояние *муга* как «не-эго», «не-ум», отождествляет его с пустотой 空 *ку:* [243], которая является высшей реальностью, Абсолютом. Согласно японо-русскому словарю БЯРС, *муга* — 1) отсутствие собственного «я» 2) самозабвение, экстатическое состояние. Выражение 無我夢中 *мугамутю*: букв. «отсутствие собственного “я” во сне» означает «находиться в экстазе». В восточной традиции отказ от собственного «я» означает способ достижения блаженства. Так

[241] Там же. P. 168.
[242] Судзуки Д.Т. Дзэн и японская культура. СПб.: Наука, 2003. С. 425.
[243] Там же. С. 234.

вырабатывается ключевое понятие буддизма 涅槃 – *нирвана* как «умиротворенность, блаженство, абсолютная гармония», которую обретает человек в процессе угасания страстей, преодоления зависимости от внешнего мира.

В XII в. в Японию из Китая проник дзэн-буддизм, оказавший огромное влияние на все виды искусства, которые развивались в Японии. Для дзэн-буддизма характерно убеждение в том, что истину невозможно выразить в словах, ее можно постичь, освободив сознание не только от традиционных путей, по которым движется мысль, но и от мысли вообще. Такое бессознательное в дзэнской практике называется 無心の心 *мусин но кокоро* — «умом, который не является умом», 止まらぬ心 *томарану кокоро* — «умом, который не ведает остановок», 捨てて捨てぬ心 *сутэтэ сутэну кокоро* — «умом оставленным, но все-таки не оставленным». Примечательно, что в данном случае лексема «ум» передается иероглифом 心 *кокоро*, «сердце, душа». «Как и сердце для русских, 心 *кокоро* для японцев является центром духовной жизни человека, неким константным понятием менталитета. 心 *кокоро* — это внутренняя сущность, определяющая человека», — отмечает Т.М. Гуревич[244].

Как заметил Д.Т. Судзуки, «восточная мысль, восточная культура делают особый акцент на реализации психического состояния отсутствия ума. Когда оно не реализуется, ум всегда сознает свои деяния, и это называется “остановкой ума”»[245].

«В обращении к посетителям буддийского монастыря 万福寺 *Мампуку-дзи* написано о том, что дзэн — это учение, утверждающее, что 浄土 *дзё:до* — «Чистая земля» (буддийский рай) находится «только в сердце самого человека» — ただ心の浄土 *тада кокоро но дзё:до*.

---

[244] Гуревич Т.М. Человек в японском лингвокультурном пространстве : монография. М.: МГИМО-Университет, 2005. С. 110.

[245] Судзуки Д.Т. Дзэн и японская культура. СПб.: Наука, 2003. С. 130.

Одним из принципов дзэн-буддизма является 浮流文字教下別伝自記心音信見性成仏 — «не опираться на знаки, сообщать учение вне догматов, прямо обращаться к сердцу человека, к его природе, которая и есть Будда»[246].

Философия дзэн совпадает в целом с философией буддизма махаяны, однако она имеет и свой опыт реализации. Этот метод состоит в непосредственном проникновении в тайну бытия, которая согласно дзэн, и есть сама реальность. Дзэн обращается к интуиции, непосредственности, парадоксу. «Есть определенная правда в том, что восточное сознание интуитивно, тогда как западное — логично и дискурсивно. Правда, интуитивный разум имеет свои минусы, но, когда он обращается к самому сокровенному в жизни, то есть к тому, что относится к религии, искусству, метафизике, он может проявить себя и с самой сильной стороны. И дзэн особенно подчеркивает этот факт в *сатори*. Высшая истина жизни и истина вещей в целом должны быть поняты интуитивно, а не концептуально, и это интуитивное схватывание является основанием не только философии, но и всякой культурной деятельности. Именно этой идеей дзэнская форма буддизма обогатила художественное наследие японского народа»[247].

Как уже отмечалось, многие исследователи называют синкретизм характерной чертой религии в Японии. «Дзэнские буддисты — иногда конфуцианцы, иногда даосы, а иногда даже синтоисты; дзэнский опыт можно также объяснить с помощью западной философии», — писал Д. Т. Судзуки[248].

Даосизм и конфуцианство возникли в Китае и представляют собой менее регламентированные религиозные воззрения, чем синтоизм и буддизм. Хотя даосизм и конфуцианство никогда не существовали в Японии в качестве самостоятельных религий, и многие исследователи их таковыми не считают, они оказали влияние на формирование философской и этической системы Японии,

---

[246] Гуревич Т.М. Человек в японском лингвокультурном пространстве : монография. М.: МГИМО-Университет, 2005. С. 111.

[247] Судзуки Д.Т. Дзэн и японская культура. СПб.: Наука, 2003. С. 247.

[248] Там же. С. 51.

взгляды японцев на основополагающие аспекты бытия [249] . Китайские идеи, связанные с гармонизацией человеческой жизни, слились с представлениями о *ками*, природе и ритуалах. И в наши дни очень многие ритуалы в Японии совершаются в соответствии с китайским календарем, включающим много характерных черт даосизма. Все важные события в жизни японцы стараются приурочить к «счастливому» дню в календаре, очень популярные приемы гадания также уходят своими истоками в даосизм.

В «Дао дэ цзин» Лао-цзы пояснил, что такое Дао (высший путь естества) и рассмотрел его в применении к каждой сфере человеческой жизни. Дао — это некая мистическая, своего рода божественная космическая сила, управляющая Вселенной. Цель даоса — самоустранение, поиск, следование Дао и слияние с природой. Эта идея отражается во взглядах на человека. Цель человеческой жизни — жить в соответствии с Дао и не нарушать естественного хода вещей.

«Способность видеть суть — есть дар проникновения; уменье уступать — есть признак силы. Зажечь фонарь интуитивного виденья и осветить им сущность бытия! Но совершив сие, можно понять мгновенно: нет места ни несчастиям, ни бедам, на том пути, что возвращением к исходному зовется»[250].

«Недеяние», покой, пассивность, уход от общества и воссоединение с природой ведут к гармонии, миру и счастью. «Первоединство заключено в извечном недеянии, ибо оно всегда вне целей, вне желаний, — при этом все обретает свой истинный порядок»[251]. Опираясь на эту философию «недеяния», даосы считают, что ничто не может нарушить естественный путь жизни, рано или поздно все приходит к своей противоположности. «Кто в состоянии держать

[249] Радуль-Затуловский Я.Б. Конфуцианство и его распространение в Японии / отв. ред. Н.И. Конрад. М. ; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1947; Мартынов А.С. Конфуцианство. «Лунь юй». В 2 т. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001; Торчинов Е.А. Даосизм. СПб.: Андреев и сыновья, 1993.

[250] Лао-цзы. Дао Дэ Цзин. Два вектора на Графике Первоединства / пер. с кит., предисл., илл. А.Ю. Гольштейна. Орл.: ИНБИ, 2003. С. 54.

[251] Там же. С. 186.

обычной меры грань? Кто знает час, когда прямое вдруг становится обратным? Правда рождает ложь. Добро рождает зло»[252].

Конфуцианство, как и даосизм, не является в Японии отдельной религией, однако конфуцианские идеалы — особенно уважительное отношение детей к родителям и верность граждан — своим правителям стали неотъемлемой частью японской жизни и японского сознания.

В основе учения Конфуция — пути достижения гармонии с людьми и миром. Идеальное общество основывается на принципах гуманности (仁 (人間愛 *нингэнай*). Конфуций учил, что каждый мог бы жить как 君子 *кунси* — «благородный человек». Жизнь такого человека основывается на пяти принципах: 仁 *нин* — «гуманность», 義 *ги* — «правда», «справедливость», 礼 *рэй* — «церемонии», «этикет», 智 *ти* — «ум», 信 *син* — «искренность».

Согласно учению Конфуция, «Гуманность — это любовь к людям»[253]. «Гуманность — это истинный Небесный закон, и когда он утрачен, тогда нет ни порядка, ни гармонии»[254]. Гуманность проявляется в милосердии, человеколюбии, олицетворяет все духовные качества человека. «Победить себя и вернуться к церемониям значит стать гуманистом. И в тот день, когда человек победит себя и возвратится к церемониям, Вселенная возвратится к гуманизму»[255]. Согласно учению Конфуция, Небо наделило человека добродетелями, но человек не в силах побороть свои страсти, поэтому он нарушает небесные законы, разрушает мир и себя вместе с ним. Церемонии, а в лексико-семантическое поле иероглифа 礼 *рэй* входят такие понятия, как «уважение», «благодарность», «вознаграждение», «этикет», служат своего рода правилами, выражающими незыблемые небесные законы. Победа над страстями при помощи «церемоний» может очистить, исправить человеческую натуру.

---

[252] Там же. С. 96.

[253]Конфуций. Беседы и суждения. Лунь Юй. СПб.: Кристалл, 2001. С. 105.

[254] Там же. С. 20.

[255] Там же. С. 95.

Жизнь благородного человека основывается на пяти видах «правильных» отношений. Это отношения отца и сына, правителя и подданного, старшего и младшего брата, мужчины и женщины, друзей. Особое внимание уделяется отношениям внутри семьи. В ней должно быть абсолютное почтение к старшим. 孝 *ко:* — «сыновний долг» — основа нравственности. «Если мы будем рачительны в отдании последнего долга родителям и будем вспоминать (т.е. приносить жертвы и прочее.) об отошедших, то народная нравственность улучшится». «Сыновья почтительность и братская любовь — это корень гуманности», — учил Конфуций [256] . Разработанное Конфуцием «учение о сыновней почтительности» 家父長制 *кафутё:сэй* перекликается с традиционным синтоистским «культом предков» 先祖崇拝 *сэндзосю:хай*, до сих пор являющимся основой этической системы ценностей японского общества.

Заповедь Конфуция: «Когда родители живы, служить им по правилам, когда они умрут, похоронить их по правилам и по правилам приносить им жертвы», японцы неукоснительно соблюдают на протяжении веков[257].

Учение Конфуция учит умеренности. Слово 中庸 *тю:ё:* означает «золотая середина». «О том благородном муже, который в еде не заботится о насыщении, в жилище не ищет комфорта, быстр в деятельности, осторожен в речах и обращается, для исправления себя, к людям нравственным, можно сказать, что любит учиться»[258].

Нравственное учение немыслимо без 忠 *тю* — «преданности», 信 *син* — «искренности», 義 *ги* — «справедливости». «Принимать за руководительное начало преданность и искренность и обращаться к справедливости — это значит возвышать добродетель»[259].

---

[256] Там же. С. 5.
[257] Конфуций. Беседы и суждения. Лунь Юй. СПб: Кристалл, 2001. С. 23.
[258] Там же. С. 9.
[259] Там же. С. 100.

Учение Конфуция о нравственности оказалось понятно и близко японскому национальному сознанию, его стали рассматривать не как систему, навязанную извне, а как учение, которое смогло влиться в подлинную японскую действительность.

1.3. Ценностные ориентации мышления японцев и нормы морали

Согласно теории многополярного мира, в международных отношениях главным актором являются цивилизации, а не государства [260] . В книге «Столкновение цивилизаций» [261] С. Хантингтон рассматривает Японию в ряду других цивилизованных зон как страну, характеризующуюся четырьмя особенностями: одним языком, одной нацией, одной религией, одним государством. Японцы и сами считают себя представителями одной рафинированно культурной нации и такого же государства. Эти представления в первую очередь поддерживают *синто* и императорская система.

Считается, что 序門 *дзёмон,* ранняя культура доисторической Японии (XIII тыс. до н.э. – 300 г. до н.э.) — исконная японская культура, а 弥生 *яёи* (300 г. до н.э. – 300 г. н.э.) — заимствованная[262].

Некоторые ученые полагают, что история культуры 序門 *дзёмон* превышает 10 тыс. лет. Это культура, «впечатанная» в бессознательное и глубинное сознание японцев, культура общества, в котором действуют принципы единения с другими, взаимного уважения и совместного процветания, оптимального разделения социальных ролей и сосуществования. Это так называемая горизонтальная культура, твердыней которой является семейное общество во главе с 皇尊 *сумэрамикото* (императором), и которая зиждется на единении с природой. Полагают, (хотя на этот счет имеются и разные мнения), что место возникновения

---

[260] Дугин А.Г. Теория многополярного мира. М.: Евразийское движение, 2013.

[261] Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. С. 56.

[262] 日本の歴史全２６巻–東京, 2002。 2 巻 P. 34. Нихон-но рэкиси дзэн 26 кан. [История Японии в 26 томах], Токио, 2002. Т. 2. С. 34.

культуры *дзёмон* — географический центр Японии, гора Кураияма в префектуре Гифу. Что же касается культуры 弥生 *яёи*, то она, вероятно, возникла в районе Идзумо, который испытал сильное влияние со стороны государства Сирагэ (Силла), находившегося на Корейском полуострове [263].

Эта культура породила вертикальное дискриминационное общество с сильным стремлением к господству. Можно предположить, что в Японии продолжает существовать культура вертикального сословного общества: *яёи.* В учебниках истории, изданных по заказу командования бывшей японской армии, японцев учили, что народ Ямато — «божественный народ». «Народ — потомок богов широко распространил систему, полученную в наследство от престола богини Аматэрасу. Аборигены были вынуждены, забрав с собой «дзёмоновскую» глиняную посуду, отправиться из теплой, благодатной земли в долгий путь на холодный северо-восток. Но и оттуда их вскоре вытеснили. Тогда они двинулись с Хоккайдо через бурные воды омывающего его северного моря на острова Осима, Тисима, Сюмусю и погибли там. Поэтому все мы, живущие сейчас на Японских островах — верноподданные Его величества. Иначе говоря, народ Ямато — это единый народ, ведущий происхождение от народа — потомка богов» [264].

История появления божеств, создания мира и японских островов подробно изложена в записях летописно-мифологических сводов «Кодзики» и «Нихон сёки».

Божественная чета Идзанаги и Идзанами создали японские острова и родили множество божеств. Наиболее важной и почитаемой считается богиня солнца Аматэрасу, появившаяся из капель воды, омывшей левый глаз Идзанаги во время «очищения». При разделе Вселенной между детьми Идзанаги богиня Аматэрасу, старшая сестра, получает в свое владение «Равнину высокого неба», т.е.

---

[263] Там же.

[264] 八切止夫。日本原住民史。社品者、２００４年, 264 p. P. 31. Ягири Томэо. История коренных жителей Японии, Асахи симбунся,1972. 264 с. С. 31.

обиталище богов, ее брат Цукиёми, бог луны, — царство ночи, а бог ветра Суса-но-о — равнину моря. Однако за свой буйный характер Суса-но-о был изгнан божествами с неба и оказался в местности Идзумо, где и стал прародителем земных божеств. А для управления землей, так называемой Срединной Страной Тростниковых Долин, Аматэрасу послала своего внука Ниниги, ставшего первым императором Японии[265].

Конечно, это крайне сжатое изложение мифологических представлений японцев, но оно четко показывает основную идею, стоящую перед составителями сводов, — подкрепление на сакральном уровне власти императора как прямого потомка богов. Особый интерес представляет и другая сторона данного повествования.

Будучи в ссылке на земле, бог Суса-но-о совершает героические поступки и рождает разнообразных земных божеств, которые и являются предками живущих на японских островах людей[266]. И хотя в отличие от императора, ведущего свое начало от небесных богов, люди — это потомки более низких по божественной иерархии земных божеств, тем не менее они не сотворены богами, а рождены ими. И это очень важное отличие, так как оно не только снимает противопоставление между богами и людьми, но и обеспечивает прямую наследственность, прямой духовный контакт с сакральным миром каждому японцу.

Как пишет Оно Мотонори, «...все люди рождены от бога. Следовательно, они — дети богов. Любой из детей богов, роженный от бога, воспринял “божественную святость”»[267].

---

[265] Кодзики: Записи о деяниях древности. Свиток 1: пер. с яп. / сост. Р.В. Грищенков ; общ. ред. Р.В. Грищенков ; предисл. Е.М. Пинус. СПб.: Кристалл, 2000. С. 16–23.

[266] Нихон сёки — Анналы Японии. В 2 т. / пер. и коммент. Л.М. Ермаковой, А.Н. Мещерякова. Т. 1. Свитки I–XVI. СПб.: Гиперион, 1997. С. 39. (Литературные памятники древней Японии).

[267] Ерёмин В.Н. Синто в наши дни // Синто — путь японских богов. Т.1. СПб.: Гиперион, 2002. С. 55.

Данное положение «божественной сущности» и исключительности японской нации неоднократно использовалось в идеологических целях. Наиболее яркий пример — расцвет национализма в предвоенные и 40-ые годы прошлого столетия Японии, когда этот сюжет активно использовался для пропаганды исключительности японской нации.

Многие японские культурологи считают чувство национальной принадлежности, японский патриотизм одной из главных составляющих «японского духа, который получил выражение в так называемом «культе императора», идеологии «императорского пути» — 皇道 *ко:до:*, другими словами, в 天皇主義 *тэнно:сюги*.

Формально *тэнно:сюги* можно было бы перевести как «японский монархизм», однако такой перевод не отражает в полной мере тот широкий круг проблем, который ассоциируется с понятием «тэнноизм» в истории и современности Японии. Идеология «тэнноизма», имеющая центральное значение для понимания содержания довоенного государственного национализма (1868–1945), сохраняет в трансформированном виде свою жизнеспособность и сегодня.

Более того, именно ценности этой идеологической системы, представляющей в своей основе официальное переосмысление архаических мифов, служат ключом к пониманию многих черт национального характера японцев, особенностей их мировоззрения, социально–политических представлений, социокультурных ориентаций[268].

История европейских стран сплошь состоит из завоеваний, заговоров, насилия. Европейские династии держались 20–30, самое большее 400-500 лет, короли казнили правых и неправых, что приводило к бедствиям народных масс, которые стали бороться за свои права. Основы западной морали складывались в условиях постоянной борьбы и конфликтов за утверждение прав.

[268] Сила-Новицкая Т.Г. Культ императора в Японии. М.: Наука, 1990. С. 4.

В Японии все обстояло иначе. Ни сам император (天皇 *тэнно:*, дословно переводится как «небесный правитель»; титулом *тэнно:* обозначались и обозначаются только японские верховные правители, иностранные короли и императоры именовались обычно в японской литературе 皇帝 *ко:тэй*), ни его приближенные никогда не держали в руках оружия. Это позволило японской императорской династии, единственной в мире, успешно управлять своим народом на протяжении 2 тыс. лет. В I в. в хронике Ханьшу, повествующей об истории китайской династии Хань, упоминалась страна по имени *Ва*. Можно рассматривать вышеупомянутый текст как первое письменное свидетельство о существовании объединенных мифическим императором Дзимму-тэнно племенных союзов, или царств, которые впоследствии станут государством — Японией [269] .

Японский народ на протяжении веков испытывал к императору чувство благодарности — 恩 *он*. Иероглиф *он* имеет значения «одолжение, благодеяние, милость, благосклонность, благодарность». *Он* чисто японское понятие, эквивалента ему нет даже в Китае. Чувство *он* — основа японской морали *до:току*. Выражение 恩返しをする (букв. «вернуть *он*») переводится как «отплатить за добро», при этом японский вариант коннотирует гораздо более широкий круг проблем и ассоциаций, чем русский эквивалент. *Он* — это чувство к императору, «символу государства и единства нации», к родителям, воспитавшим и вырастившим детей, к учителю и т.п. О человеке, лишенным *он*, говорят: 恩を仇で返す (букв. «вернуть *он* с помощью зла») «отплатил злом за добро». Содержанием *он* является благодарность, взаимопомощь, сотрудничество, материальная выручка. Нормы *он* до сих пор присутствуют в различных формах общения и проявляются в деятельности различных слоев японского общества, хотя современная молодежь считает *он* пережитком прошлого.

---

[269] Нелли Дёлэ. Япония вечная. М.: Астрель, 2003. С. 17.

Особенности японской культуры и японской идентичности во многом определяются природными условиями и географической изоляцией. Япония не сталкивалась с большими нашествиями иноземцев и завоеваниями страны, не знала долгих голодных лет. Этим и объясняется стабильность японской культуры и тяготение японцев к такой стабильности. Если для западной цивилизации характерна общая установка на враждебность природы и ее завоевание, то для восточной цивилизации — адаптация к природе и примирение человека с ней. Богатые, но стремительно меняющиеся природные и климатические условия, вынуждали японцев на постоянный поиск путей наиболее эффективных способов взаимодействия с окружающей средой. В соответствии с этой целью выстраивается весь образ жизни японской нации: и система нравственных ценностей, и религиозные представления, и социальное устройство общества. Возможно, «природный» фактор оказал на формирование японской идентичности и мышления гораздо большее влияние, чем на какую-либо другую культуру.

Японский культуролог Курита Исаму обозначил японскую культуру и менталитет японского народа термином 雪月花 *сэцугэцука* (снег, луна, цветок). «Природа неразрывно связана с японской культурой и национальным сознанием. Снег, луна, цветок — это символы. Снег символизирует смену времен года и быстротечность времени. Луна представляет космос, вселенную, вечность. Цветок ассоциируется с жизнью, которая постоянно изменяется во времени и пространстве. Японцы считают, что во всех проявлениях природы, даже когда они носят агрессивный характер по отношению к человеку, присутствуют гармония и порядок»[270].

Курита отмечает, что в национальном сознании японцев природа носит священный, сакральный характер. «В наше время природа расценивается с точки зрения ее использования в утилитарных целях или в качестве объекта научного исследования. Однако в Японии отношение к природе имеет более глубокий,

[270] 栗田勇。雪月花の心。[Курита Исаму. Японская идентичность], 東京、1987. 191 p. P. 31.

сакральный характер. Его можно сравнить с воззрениями на природу древних греков, которые видели в ней, в первую очередь, созидательную, животворящую силу. Недаром японский поэт Мацуо Басё (1644–1694) называл природу 造化 *дзо:ка*, что означает “творение”, “создание”»[271].

Подобное отношение к окружающей природе характерно практически для всех японцев, являя собой смесь восхищения, благоговения и поэтической лирики.

Окружающая японцев природа всегда была не только удивительно прекрасной, но и удивительно жестокой. Проливные дожди, изнуряющая жара, разрушительные землетрясения, цунами, тайфуны, оползни постоянно сотрясали Японию. Это приводило к осознанию человеком уязвимости жизни, ее сиюминутности. Отсюда очень острое чувство момента, ценности времени: «завтра» может не наступить, поэтому надо уметь увидеть прекрасное в каждом моменте жизни, прочувствовать каждую секунду, уметь разглядеть за неприглядной внешностью внутреннюю, духовную красоту, которая будет цениться гораздо больше внешней. И если каждая минута может стать последней, то человек должен выстраивать свою жизнь таким образом, чтобы каждый момент при случае мог стать достойным окончанием земного пути.

Широко распространенное среди иностранцев мнение об уникальной, специфической японской вежливости, как представляется, не что иное, как проявление реакции японского социума на географическую ограниченность пригодной для проживания территории и суровые природные и климатические условия.

На протяжении всей истории развития человечества идет постоянный диалог между двумя способами существования: открытым, динамическим, который называют «западным», и замкнутым, статичным — «восточным». Возрастание конфликтности в современном обществе показывает, что проблема организации и

[271] Там же. P. 29.

протекания диалога культур — одна из наиболее сложных проблем современного общества.

Японский философ Татибана Хитоси в исследовании, посвященном системе ценностей современных японцев, называет нынешнее поколение «взрослыми наивными детьми»[272].

Японцы не склонны к абстрактному мышлению, их интересуют только реальные, осязаемые вещи, имеющие непосредственно приложение к человеку. Поиски абстрактной истины чужды японцам. Понятие «философия» проявилось в Японии лишь в период Мэйдзи (1868–1912) для обозначения западных философских учений, имеющих форму рационально выраженного научного знания. В связи с этим, начиная с Накаэ Тёмина, многие японские ученые того времени утверждали, что философия как таковая отсутствует в японской науке[273]. Японскую традицию в области философской мысли исследователи называют «экзотической», поскольку ее основные направления заимствованы из иностранных источников, главным образом из Китая, Кореи, Индии и в новое время из немецкого идеализма и американского прагматизма. В немецкой философии японцев интересовал не столько рационализм, сколько учение о спасении человека, именно поэтому в Японии немецкая философия потеснила англосаксонскую.

С точки зрения ряда ученых, придерживающихся националистических воззрений, механизм мышления японцев коренным образом отличается от мышления любых других наций. Профессор Цунода Таданобу утверждал, что все прочие народы мира воспринимают гласные и согласные звуки исключительно левым полушарием мозга, которое отвечает за логическое мышление. Японцы же воспринимают левым полушарием только согласные звуки, а при переработке гласных и неязыковых звуков у них доминирует правое полушарие,

---

[272] 立花　均。日本人の価値観。[Татибана Хитоси. Ценности японцев], ペリカン社、2009. 240 p. P. 27.

[273] Философская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/5402/ (дата обращения: 11.03.2015).

ответственное за эмоционально-интуитивное мышление. Исходя из изложенного, большинство людей не в состоянии продвинуться дальше границ логики, тогда как японец способен воспринимать мир еще и интуитивно[274].

На наш взгляд, для мировосприятия японцев характерно отсутствие разделения субъекта и объекта, столь типичное для западного мышления. Японский язык отразил это слияние, сделав границу между субъектом и объектом настолько неосязаемой, что часто становится непонятным, где в предложении субъект восприятия, а где объект. Эта особенность мировосприятия отражает характерную черту образа жизни и мышления японцев: погружение и растворение в стихии непосредственного опыта, когда и человек, и мир становятся как бы одним целым.

Непосредственный опыт играет очень важную роль в жизни японца. Японцы интроспективно воспринимают и объясняют эту область. Если концептуальные рассуждения заходят слишком далеко в область абстрактного мышления, японец быстро утрачивает к ним интерес. Он хочет мыслить менее абстрактно, более конкретно и более реалистично. Но быть реалистичным не означает для японца неизбежное возвращение к фактическому реализму, для него это лишь более реалистическое отношение к действительности непосредственного опыта.

Отметим, что среди всех явлений реального мира наиболее близким для человека является он сам и мир его чувств. Поэтому японцы высоко чтят естественные желания и наклонности человека. Эту черту японского мировосприятия профессор философии Токийского университета Накамура Хадзимэ называет «натуралистическим видением жизни»[275]. Особенно ярко она проявилась в синтоизме. Согласно синтоистским представлениям, плоть не является злом, наслаждаться радостями, которые она предоставляет, — не грех. Исходя из этого, дух и тело не являются противоборствующими силами. Как заметила американский антрополог Рут Бенедикт (1887–1948): «Несмотря на тот

[274] Алпатов В.М. Япония: язык и общество. М.: Муравей, 2000. С.31.

[275] Moore Ch.A. Editor’s supplement: the enigmatic Japanese mind. Essentials of Japanese philosophy and culture. Tokyo, 1973. P. 293.

факт, что Япония является одной из великих буддийских стран, ее мораль в этом пункте явно противоречит учению Будды Гаутамы и священным книгам буддизма. Японцы не осуждают наслаждения. Они — далеко не пуритане и считают, что телесные удовольствия хороши и достойны того, чтобы их культивировать, ценить и стремиться к ним»[276].

Японцы стараются избегать (насколько возможно) конфронтации, что в свою очередь приводит к стремлению сохранить стабильность с помощью минимальных изменений, не прибегая к радикальным решениям. Они уклоняются от рационального компромисса, основанного на выборе из числа альтернативных возможностей. Однако это не является лишь отказом от рациональности. Рациональность в ее западном понимании продиктована интересом к перманентному и универсальному порядку, выходящему за узкие рамки пространства и времени. Но японская мысль занята главным образом ограниченным местным и временным порядком.

Неотъемлемой особенностью любого японского пейзажа являются его малые масштабы. Японцы не знают мест с ровной линией сухопутного горизонта, их со всех сторон окружают море и горы. Малые масштабы японского пейзажа сказались на специфике отношения японцев к малым формам. Любовь японцев к малым формам позволяет им глубже проникать в суть вещей. История японской культуры — это история постоянного стремления добиться лаконичности. Японская поэзия прошла путь от *нагаута* до *танка* и даже *хайку.* Японские парки, которые были огромны в эпоху Хэйан (794–1192), постепенно дошли до миниатюрности.

Японцы предпочитают концентрировать свое внимание на форме, а не на содержании, не признают подчеркивания неравенства, выделения слабого и сильного. Для традиционного японского мышления и поведения характерно стремление к конформизму, сглаживанию всех острых углов.

---

[276] Бенедикт Рут. Хризантема и меч : модели японской культуры. СПб.: Наука, 2007. С. 215.

Наряду с противопоставлением «вышестоящий — нижестоящий», большое значение имеет признак 内外 — *ymu-como* — «свой — чужой», который связан с включением того или иного человека в состав группы, в которую входит говорящий, или исключением из нее. Это противопоставление во многих случаях очень значимо для японского общества. Так, в разговоре с клиентом о сотрудниках своей компании, их действия будут описываться скромными формами. Аналогично скромные формы употребляются в разговоре с гостями о членах своей семьи. Люди, не входящие в группу 内 *ymu*, называются 外 *como* — «чужими». К ним необходимо обращаться в вежливом стиле. В зависимости от ситуации говорящий может ощущать себя представителем различных групп — от семьи до государства.

Признак «свой — чужой» в целом оказывается даже более значимым, чем признак «вышестоящий — нижестоящий». Например, любой иностранец в Японии, независимо от его возраста и социального положения, будет относиться к «чужим».

Профессор Инатоми Эйдзиро, анализируя особенности японского образа мышления и его влияния на структуру языка, отметил, что в японском письменном языке слова не отделяются одно от другого. В европейских языках предложение состоит из отдельно стоящих слов, в японском же предложении трудно отделить один элемент от другого. Японское предложение — это сложное целое, а не комбинация из отдельных слов или фраз. Японцы эту характерную черту своего языка особенно остро ощущают тогда, когда пытаются написать японский текст латиницей. Отсутствие четкого разделения между членами предложения соответствует отсутствию ясного сознания индивидуального в реальной жизни: японец не сознает себя индивидуальностью, он видит свое существование только в сложной (составной) картине мира [277].

[277] 稲 富 栄 次 。日本人と日本文化 [Инатоми Эйдзиро. Японцы и японская культура] 、東京、理想者。1963. 212 p. P. 531–535.

Японский философ Накамура Хадзимэ пишет, что японцы склонны в большей мере акцентировать эмоциональные, чем познавательные факторы, поэтому логической точности в языке они предпочитают эмоциональную конкретность. В японской грамматике существует мало средств для точного выражения пространственных и временных категорий, существительные не имеют ни рода, ни числа, ни артиклей; глаголы не изменяются по лицам и числам; в японском языке нет относительных местоимений, и поэтому «трудно сказать, что чем определяется»[278].

Отсутствие концептуализации общего и единичного, универсального и индивидуального в японском мышлении обусловило тот факт, что «одной из наиболее характерных черт японского языка является отсутствие четкого обозначения числа. Однако это не относится к личным местоимениям, особенно первого и второго лица. Единственное и множественное числа в первом и втором лицах четко различаются. Это явление в языке указывает на то, что японцы, не склонные измерять объективный мир какой-то определенной единицей, весьма чувствительны к различиям между “я” и “мы” в человеческих отношениях»[279].

Согласно Накамура Хадзимэ, японцы принимают мир в его конкретности, органической нерасчлененности; японский язык соответствует такому уровню мышления: слова в нем передают конкретные предметы, эмоциональные оттенки, в то же время они лишены четких границ, позволяющих отделить содержащееся в одном слове понятие от понятия, выраженного другим словом. Граница между «общим» и «единичным» существует только лишь в мире человеческих отношений, но ее нет в представлениях японцев о материальном мире и в японском языке, выражающем отношения этого материального мира.

---

[278] Nakamura Hajime. Consciousness of the individual and the universal among the Japanese // The Japanese mind: Essentials of Japanese philosophy and culture / ed. by Ch.A. Moore. Tokyo: Charles E. Tuttle, 1986. P. 181.

[279] Nakamura Hajime. Consciousness of the individual and the universal among the Japanese // The Japanese mind: Essentials of Japanese philosophy and culture / ed. by Ch.A. Moore. Tokyo: Charles E. Tuttle, 1986. P. 181.

Расплывчатость японской речи особенно сильно проявляется в манере говорить «нет». Японцы крайне редко используют категоричное отрицание. Однако оно вполне уместно в кругу родственников или близких друзей. Русскому «нет» соответствует японское いいえ *ийэ*, которое считается очень формальным и категоричным. Вместо いいえ *ийэ* используется множество различных оборотов речи, которые можно истолковать и как «да», и как «нет». В связи с этим в речь вводятся «мягкие» обороты отрицания. Например: 考えて見ましょう — «давайте подумаем», в бизнесе и политике 検討 します — «мы рассмотрим вопрос», すこし御待ちください — «немного подождите, пожалуйста», まあまあですね — «так себе», そんなところですね — «примерно так». Все эти обороты произносятся для того, чтобы не сказать «нет», но намекнуть собеседнику, что, скорее всего, будет отрицательный ответ.

Иногда, чтобы избежать категоричного *ийэ,* японцы переводят разговор на другую тему, ссылаются на плохое самочувствие и занятость. Другая форма отказа, когда японец по поводу какой-нибудь просьбы говорит, что он приложит все усилия и старания, но, если результат будет отрицательным, он просит заранее извинить его. Это один из видов отказа. В этом случае японцы говорят: さあ、どうでしょうか、やってきますが、できるかどうか — «я, конечно, сомневаюсь, но попробую сделать, не ручаюсь за то, что получится». Это означает отказ, хотя выглядит в виде формального согласия.

В области науки те характерные черты японского мышления, о которых говорилось выше, находят свое выражение в предпочтении, отдаваемом японцами прикладным наукам, в отвержении рационалистических, абстрактных исследований, в непонимании сущности свободы научных исследований.

Анализ духовного кода был бы неполным без увязки с 道徳 *до:току* — основными нормами традиционной японской морали. Это слово имеет китайское происхождение. В этимологии первого иероглифа 道 присутствуют значения

«дорога, путь, долг, мораль, учение, способ», второй 徳 имеет значение «нравственность, добродетель, мораль».

Восточная философская традиция часто называет *до:* путем, обладающим жизнедарящими силами, испускающим лучи света, подобно солнцу. В этом плане *до:* идентично понятию *дао*, трактуемому в философии и этике Китая как вечная и неотъемлемая первопричина всего духовного и материального, отождествляемая с источником всех вещей и явлений в мире — с природой. По японским понятиям истинный путь выражается в любви к родителям, соблюдении национальных традиций.

В буквальном переводе японское слово мораль — *до:току* означает «путь добродетели». И здесь, как представляется, уже заложено существенное отличие японского понимания нравственности от русского или европейского — это не свод правил, а именно путь, движение по пути нравственного совершенствования. Японская культура не устанавливает некие высокие нравственные идеалы, она как бы очерчивает бесконечно далекую перспективу возможного нравственного развития личности. Человек японской культуры в своем нравственном росте может двигаться быстрее, медленнее, но он не может быть вне этого пути. Проступок, преступление расценивается как отклонение от верного пути, и если человек вовремя не осознал этого, и не вернулся на путь добродетели, то его дальнейшее существование не представляется возможным. Существование вне морали подрывает устои общества и ведет к хаосу. Если попытаться охарактеризовать этические представления японцев в целом, то на первый взгляд они представляются совершенно нестрогими, но при более детальном рассмотрении оказываются абсолютно непреложными.

Моральные установки в японской традиции всегда воспринимались как не само собой разумеющееся, уже заданное, а как следование естественному пути, который гарантирует порядок в отношениях между людьми.

Второй иероглиф слова мораль 徳 *току*, помимо вышеперечисленных значений имеет еще одно смысловое значение — «быть благодарным, ценить». На

наш взгляд, именно второе смысловое значение наиболее точно отражает специфику понимания морали, присущее японскому обществу. Нравственное существование, путь добродетели — это именно путь благодарности.

Японский толковый словарь определяет понятие «мораль», как базовое основание общественной жизни, как основные принципы поведения, которые должен соблюдать каждый человек для сохранения порядка в социуме [280].

Японец, воспитанный в духе *до:току*, должен обладать следующими качествами:

1). 捨て身 *сутэми* — букв. «выбросить себя» — «самоотречение» и связанное с ним 無欲 *муёку* — «бескорыстие». «Самоотречение» — букв. «отсутствие желаний». Благородный человек использует свои достоинства не для себя, а для всех. С точки зрения норм западной морали, а в последнее время и российской, самоотречение, забвение собственных интересов зачастую воспринимается как абсурд. У японцев самоотречение стоит на первом месте и все остальные нормы вытекают из него.

2). 互助互譲 *годзё годзё:* — «взаимопомощь и готовность идти на компромисс». Суть этого качества в том, чтобы думать о других больше, чем о себе. Некоторые люди не только не принимают принцип *годзё годзё:*, но зачастую враждебно встречают саму мысль о возможности подобного отношения к окружающим. Для западного человека *годзё годзё:* — проявление трусости, попрание прав человека, дискриминация личности. А истинный японец понимает, что соблюдение норм *годзё годзё:* при общении с окружающими так же необходимо, как соблюдение правил уличного движения на городской магистрали.

Принцип *годзё годзё:* перекликается с коллективизмом, идеями русской «соборности», когда интересы общества ставятся выше интересов отдельной личности.

---

[280] 新明確国語辞典 Tokyo, 1997. 1557 p. P. 989. Синмэйкаку кокуго дзитэн [Новый толковый словарь японского языка]. Токио, 1997. 1557 с. С. 989.

3). Нормы 義理人情 *гири–ниндзё:*. Данный термин трудно переводить на иностранные языки, так как в других странах нет его этического эквивалента. *Гири* обычно переводят как «моральный, нравственный долг». Иероглиф 義 *ги* имеет такие значения, как «справедливость, долг, честь, самоотверженность, рыцарство», 理 *ри* — «основание, причина, довод, правда, справедливость, закон». Лексема «долг» в русском языке может иметь и отрицательное значение, *гири* коннотирует только положительные ассоциации.

人情 *ниндзё:* переводится как «гуманность, человеколюбие». 人 *хито* — «человек» и 情 *дзё:* — «чувство, любовь, жалость, сострадание, теплое чувство». Понятие *гири* тесно связано с понятием 恩 *он* — «чувство благодарности». Поскольку японцы испытывают чувство благодарности к обществу, они не могут быть равнодушны к желаниям окружающих и проявлять безразличие, заботясь о своем личном благе. *Гири* — это и обязательство, и ритуал выполнения обязательства, и долг благодарности. *Гири* проявляется в широком смысле — в общении вышестоящего с нижестоящим, во взаимодействиях между равными, в ритуалах общения между соседями и сослуживцами.

«*Гири* <…> ничего подобного не имеется в английских наиболее важных аспектах человеческих отношений: начальник — подчиненный, родители — дети, муж — жена, братья — сестры, друзья и иногда даже враги и деловые отношения. С большой натяжкой можно сказать, что *гири* является проявлением заботы о других, от которых человек получил в долг признательность и расположение, и решимостью реализовать их надежды, иногда даже за счет самопожертвования», — отмечают культурологи Гиллеспи и Сугиура[281].

Между *гири* и *ниндзё:* существует тонкое психологическое различие. Так, если подчиненный делает подарок вышестоящему начальнику, которого в душе не уважает, то это *гири*. Но если начальник, который догадывается о таком

[281] Gillepshi Jone K., 杉浦洋一。日本文化英語で紹介する辞典。Гиллепси Джон К., Сугиура Ё:ити. Нихон бунка эйго дэ сё:кай суру дзитэн [A Bilingual Handbook on Japanese Culture]. Tokyo： ナツメ社, 1996. 335 p. P. 150.

отношении, при этом испытывает искреннее чувство благодарности, то это *ниндзё:*. Таким образом, можно констатировать, что *гири* — атрибут социальных отношений, *ниндзё:* — подлинные, искренние чувства. Вот как характеризует *гири* Нода Ёсиюки: *Гири* — это обязанности человека по отношению к другому. Содержание и интенсивность исполнения этих обязанностей зависят от социального статуса. Есть *гири* ребенка по отношению к родителям, ученика — к учителю, подчиненного к начальнику, должника — к заимодавцу и т.д.[282]

Человек не имеет права требовать от другого исполнения обязанностей *гири*. Он должен ждать, когда тот добровольно станет их осуществлять. Человек, не проявляющий *гири* по отношению к тому, к кому оно должно проявляться, рассматривается в Японии как личность, достойная презрения, однако считается, что *гири* нельзя получить принуждением, и тот, кто заставляет другого исполнять *гири*, сам оказывается его нарушителем. Любой в Японии, исполняющий долг *гири* или принимающий его от другого, входит составным звеном в цепь взаимоотношений. В связи с этим можно сказать, что нормы *гири* пронизывают японскую культуру сверху донизу.

Отношения *гири* неизменны. Раз возникнув между двумя людьми, они продолжают жить до конца их дней. Это характерно для бытовых, деловых, профессиональных взаимоотношений.

Те, кто отступают от норм *гири*, теряют лицо. Их престиж в глазах окружающих сильно падает, они воспринимаются в качестве беспардонных и даже безнравственных личностей. В свою очередь отступники испытывают чувство стыда, «не могут смотреть людям в глаза».

4). 謙虚 *кэнкё* — «скромность и сдержанность». Скромность и сдержанность одна из основных норм японской морали. В японском обществе проявления скромности ждут от любого, независимо от его социального положения. Самоуверенность и выпячивание собственных достоинств не приветствуется,

[282] Noda Yoshiyuki. Introduction to Japanese law. Tokyo: University of Tokyo Press, 1989. P. 175–179.

необходимо проявлять вежливость и предупредительность по отношению к окружающим. Достоинства скромности иллюстрирует пословица: 満は損をまねき謙は益を受く — «гордыня ведет к поражению, а скромность вознаграждается». Еще одна поговорка о скромности: 能ある鷹は爪を隠す — «умный ястреб прячет свои когти». Это означает, что действительно одаренные люди не выставляют свои способности. Другими словами, в японском обществе не принято выделяться, кичиться своим богатством или своими достижениями. Именно на это намекает поговорка 出る杭は打たれる — «торчащий кол забивают».

Понятие скромности в Японии изначально происходит из предположения, что личная честь ценится так же, как и честь любого другого. Другими словами, каждый имеет право на уважение своего достоинства. Такое отношение долгие годы защищало групповое сознание и гармоничный жизненный уклад японцев.

5). 恥 *хадзи* — «стыд, стеснительность, деликатность». *Хадзи* занимает важное место в моральном сознании японцев, проявляется в японском этикете и обязывает вести себя порядочно, скромно. Японскую определительную конструкцию 恥を知る *хадзи о сиру* (букв. «знать стыд») можно перевести как «добродетельный», «порядочный человек». Таким образом, в японском понимании «человек чести» никогда в своем поведении не может допустить такого поступка, за который ему будет стыдно перед окружающими.

Рут Бенедикт разделила культуры на две категории: культуру вины и культуру стыда, к которой причислила Японию. В рамках культуры стыда, ориентированной на внешнее отношение, главное в том, чтобы недостойное поведение не вышло наружу. Пока о нем не знают люди, стыдиться нечего. Культурам стыда, отмечает Бенедикт, не свойственна исповедь, даже перед богами. Их ритуалы скорее направлены на обеспечение удачи, чем на искупление.

Культуры стыда полагаются на внешнюю мотивацию поведения, в отличие от культур вины, т.е. внутреннего осознания греха[283].

Японский писатель Мисима Юкио писал, что мораль японцев — мораль пристального внимания к внешней стороне жизни. Человек японской культуры всегда задается вопросом: не опозорю ли я себя? Не будут ли презирать меня окружающие? Это мораль видимостей, когда выглядеть здоровым гораздо важнее, нежели быть здоровым. Казаться смелым, решительным гораздо важнее, чем быть таковым[284]. Как это ни парадоксально, если человек лишь выглядит смелым, но таковым не является, он вдвойне достоин уважения, так как подразумевается, что поставив себе некую цель (в данном случае быть смелым), он будет обязан добиваться соответствия внутренней стороны внешнему содержанию. Зачастую именно «видимость» является механизмом нравственного самосовершенствования японца. Если же японец совершает неподобающие действия, ставит в неудобное положение других, нарушает установленные порядки, он переживает чувство вины — 罪 *цуми*.

6). 犠牲心 *гисэйсин* — дух «жертвенности». Данный перевод не совсем соответствует сути понятия, так как *гисэйсин* — это добровольное и сознательное желание отплатить за добро и благодеяния, получаемые от нации и общества. Человек готовится подчинить свое «я» тем, к кому он испытывает чувство *он*, отдать им все, вплоть до жизни. Говоря о *гисэйсин*, нельзя не упомянуть о 武士道 *бусидо:* (букв. «путь воина») — моральном кодексе самураев, в котором очень ярко выразился дух японской нации. Главные идеи *бусидо:* отражены в книге 葉隠れ *Хагакурэ*, что означает «сокрытый в листве». Тексты, вошедшие в эту книгу, написаны представителями военного сословия — самураями, и адресованы они также в первую очередь воинам. К концу XII в. термин «самурай» (букв. «тот, кто

[283] Бенедикт Рут. Хризантема и меч : модели японской культуры. СПб.: Наука, 2007. С. 32–33.

[284] Ямамото Цунэтомо, Мисима Юкио. Хагакурэ нюмон. Самурайская этика в современной Японии. СПб.: Евразия, 1996. С. 266–277.

прислуживает знатному человеку») стал полным синонимом *буси*. Слово *бусидо:* состоит из трех иероглифов. Первые два составляют слово *буси* — единственное слово из нескольких имеющихся в японском языке для обозначения понятия, наиболее точно передающего сущность воина. В первом иероглифе 武 *бу* ключом является иероглиф со значением «останавливать»止. А второй частью знака — сокращенный вариант идеограммы, обозначающей «копьё». Древний китайский словарь Шу Вэнь дает следующее пояснение: *бу* заключается в способности подчинить себе оружие и, следовательно, остановить копье. В другом древнекитайском источнике (книге Цзы Чуань) мы находим более подробное толкование, в котором говорится, что *бу* включает в себя 文 *бун*, то есть литературу, каллиграфию и в более широком смысле все невоенные искусства. *Бу* запрещает насилие и подчиняет оружие — останавливает копье[285] .

Иероглиф 士 *си* в современном японском языке имеет значение «военный, воин, мужчина и даже благородный человек». А первоначально в Китае этим словом определялись люди, которые обладали мастерством в определенной сфере и занимали свое положение в обществе благодаря учености, однако были готовы взять в руки оружие, когда это необходимо. Таким образом, *буси* — это человек, способный сохранять мир не только военными средствами, но и с помощью искусства.

Третий иероглиф 道 *до:* обозначает «путь» — важнейшее для большинства восточных философий понятие, в данном случае объединяющее эти на первый взгляд несовместимые качества — *бун* и *бу* в образе жизни «идеального человека»[286].

В *Хагакурэ* рассматриваются такие нравственные понятия, как честь, смерть, доблесть, преданность господину, достоинство, самосовершенствование, долг, самообладание. Красной нитью в *Хагакурэ* проходит идея смерти. Многие

[285] Кодекс бусидо. Хагакурэ. Сокрытое в листве. М.: Эксмо, 2004. С. 8.
[286] Кодекс бусидо. Хагакурэ. Сокрытое в листве. М.: Эксмо, 2004. С. 8–9.

исследователи характеризуют эту идею как презрение к смерти, однако можно определить ее и как презрение к жизни. «Путь самурая обретается в смерти <…> Если укрепляя свое сердце решимостью каждое утро и каждый вечер, человек сможет жить так, словно тело его уже умерло, путь будет для него свободен. Вся жизнь его будет безупречна, и он добьется успеха на своем поприще»[287]. *Хагакурэ* воспитывает у воина презрение к человеку, который не добился поставленной цели и продолжает жить.

В *Хагакурэ* описываются многие сферы жизни, даже нормы речевого поведения, которые определяют манеры языковой личности в современной Японии. «Основная суть говорения заключается в том, чтобы вовсе не говорить. Если ты считаешь, что ты можешь сделать что-то и обойтись при этом без слов, тогда молча делай свое дело. Если же ты считаешь, что без слов не обойтись, тогда будь скуп на слова и говори только то, что подсказывает тебе здравый смысл»[288]. Аналогичную мысль передают пословицы: 二度聞いて一度 物言え– «больше слушай, меньше говори»; 口は禍の門 — «рот — ворота несчастий».

Самообладание — одна из главных черт, составляющих основу современного японского этикета. Если человек в сложной ситуации начинает выражать гнев или в счастливые моменты своей жизни бурно радуется, на него смотрят как на недостойного. Чрезмерное проявление эмоций беспокоит окружающих. Если человеку грустно, он должен взять себя в руки и улыбаться, чтобы никто не догадался о его истинных переживаниях. Многие иностранцы считают, что японцы часто улыбаются без повода, иногда в неподобающих случаях. Однако улыбка японцев — результат вековых исторических традиций, закрепленных в кодексе *Бусидо:*. «Радуйся со счастливыми и не показывай другим своих слез», — учит *Хагакурэ*.

---

[287] Там же. С. 27.
[288] Там же. С. 134.

1.4. Трансформация системы ценностей и гендерных стереотипов в условиях глобализации

Япония всегда отличалась особым отношением к традиционным ценностям. Особенности ее географического положения позволили, с одной стороны, широко воспринять культуру Восточной Азии, с другой стороны, в полном объеме сохранить свою национальную самобытность. При этом воспринятая континентальная культура, изменяясь и перерабатываясь, приобретала специфический японский колорит. В мировоззренческих основаниях культур главным считаются не лежащие на поверхности (и потому бросающиеся в глаза в первую очередь) некие овеществленные формы, а нечто повторяющееся из века в век, из эпохи в эпоху, что может текстуально оформляться, а может и не оформляться, но передается по живой цепочке поколений — от учителя к ученику[289].

В истории страны можно отчетливо проследить смену бурного проникновения зарубежной культуры периодами резкого сокращения масштабов этого проникновения, когда накопленный культурный материал подвергался усвоению и переработке. «Япония, географически относясь к Азии, с точки зрения истории культуры не абсолютно азиатская страна; как это ни странно на первый взгляд, можно сказать, что она близка Европе» — писал Ко:яма Ивао в работе «Культурная типология», вошедшей в сборник «Душа японской нации»[290]. По мнению автора, своеобразие восприятия японцами иностранной культуры возникло благодаря ритмической смене периодов культурного общения Японии с зарубежным миром и периодами ее культурного затворничества. «Заморская

[289] Скворцова Е.Л. Японская культура сегодня: проблемы и решения (на примере анализа воззрений Сугиямы-Лебра Такиэ) // Культурология. 2017. 1(80). С. 80–97. С. 82.

[290] 高山岩男。日本民族の心。文化類型学的考察。[Ко:яма Ивао. Душа японской нации], 東京: 玉川大学出版部, 1972. 204 p. P. 35.

культура всегда воспринималась японцами как мировая и как идеальная культура», — подчеркивал Кояма[291].

О японцах часто пишут как о народе, стремящемся к самоанализу и самопознанию. В Японии даже сложился особый исследовательский жанр — *«Нихондзин рон»* (теории о японцах) и *«Нихон бунка рон»* (теории о японской культуре).

История «бумов *Нихондзин рон*» началась с ростом национального самосознания в период борьбы за пересмотр неравных договоров с европейскими державами в конце эпохи Мэйдзи. У истоков «*Нихондзин рон*» находятся две классические работы японского философа Миякэ Сицурэй «Правдивый, добрый и красивый японец»[292] и «Лживый, страшный и злой японец»[293], в которых можно обнаружить схематически намеченные две основные модели «*Нихондзин рон*»: модель «теории превосходства» и модель «теории недостатков» японского народа.

Почва для последнего бума *«Нихондзин рон»* была подготовлена высокими темпами роста экономики в 60-е годы, сопровождавшимся подъемом националистических настроений в стране. В тогдашних прогнозах японских и западных культурологов появились предсказания о наступлении «века Японии», поскольку перспективам экономического роста Японии ничто не угрожает, в первую очередь, им не угрожает «деградация» японской системы ценностей. Трудолюбие, прилежание японцев, стремление к социальной гармонии, скромность и сдержанность, чувство долга, вертикальная иерархия в межличностных отношениях, групповое сознание, любовь к природе, патриотизм — эти ценности, которые исследователи связывали с особенностями японского

---

[291] Там же. P. 36.

[292] 三宅 雪嶺。真善美日本人。[Миякэ Сицурэй. Правдивый, добрый и красивый японец]、政教社、1891 のち講談社学術文。[Электронный ресурс]. URL: https://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/980637 (дата обращения: 20.11.2020).

[293] 三宅 雪嶺。偽悪醜日本人。[Миякэ Сицурэй. Лживый, страшный и злой японец]、政教社、1891 [Электронный ресурс]. URL: https://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/900414 (дата обращения: 20.11.2020).

национального характера, были объявлены ведущими факторами высоких темпов роста японской экономики.

В теоретическом обосновании японского культурного своеобразия преобладало стремление признать «неизменными» и «окончательными» «достоинства» и «недостатки» японского общества и культуры в силу их японской специфики. Так, у философа Накамура Хадзимэ японская культура и японский образ мышления наделены такими чертами, как «дух терпимости», «слабо выраженный дух прямого критицизма», «акцент на человеческих отношениях», «почитание семейной морали», «признание верховной власти государства», «абсолютное подчинение какому-либо отдельному лицу», «культ императора», «замкнутый характер сект», «склонность к моральному самоанализу», «слабая способность мыслить логически», «интуитивные и эмоциональные тенденции», «отсутствие способности формировать комплексные понятия», «любовь к простым символическим представлениям»[294].

Современный этап общественного развития характеризуется существенными преобразованиями во всех сферах социокультурной деятельности. С одной стороны, глобализация открывает возможности для расширения коммуникативного и культурного пространства, а с другой — порождает множество проблем деструктивного характера. В условиях глобализации происходит унификация культуры, стираются межнациональные культурные границы, утрачивается культурная самобытность народов. Современные средства массовой информации разрушают прежние культурные и социальные институты, которые формировали идентификационный процесс. Это зачастую приводит к путанице мировоззренческих оснований, подрыву жизненных ориентиров, трансформации и девальвации системы ценностей. Как отмечает А.А. Пелипенко, «современная ситуация в мире характеризуется диффузным

[294] Nakamura Hajime. Basic Features of the Legal, Political and Economic thought of Japan. In the Japanese Mind: Essentials of Japanese Philosophy and Culture. Накамура Хадзимэ [Основные черты правовой, политической и экономической мысли Японии]. University of Hawaii Press, 1967. 372 p. P. 143–163.

взаимопроникновением культурно-цивилизационных систем, что размывает не только традиционные геополитические фронтиры, но и сам привычный дискурс рассмотрения этнокультурных и цивилизационных различий по линии Восток — Запад»[295].

Многие ученые и общественные деятели бьют тревогу по поводу размывания традиционной японской идентичности [296] . «Не получится ли так, что “унификационная” революция земного шара, т.е. глобализация и глобальные стандарты, вызовет в Японии начальные изменения идентичности японцев, утрату присущих им взглядов на государство и приверженности ему, слепое следование принципам западной цивилизации, с ее ”законом джунглей”? Не добавят ли японцы к чертам своей идентичности богатство, силу и прочие символы личного процветания?», — пишет японский исследователь Карибэ Ёсихито [297]. По его мнению, «японцы, располагающие такими чертами национального характера, как устремленность к сотрудничеству и сосуществованию, при дальнейшем развитии и распространении глобальных стандартов пойдут по пути усредняющего слияния с другими народами и восприятия единых для всех норм, утрачивая свою самобытность»[298].

Угрозу национальному социокультурному порядку видит в глобализации американский культурантрополог японского происхождения Сугияма-Лебра Такиэ. Сугияма-Лебра критикует разрушительное действие постмодернизма, получающего все большее распространение во всем мире. Она также выступает

---

[295] Пелипенко А.А. Отношения Запада и Востока: перспективы культурного взаимодействия // Культура и образование. 2016. 4(23). С. 14–22. С. 15.

[296] Тушков А.А., Черникова Э.М. К вопросу об идентичности как фактору национального самоопределения Японии // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. 2(104). С. 165–167; Чугров С.В., Карелова Л.Б. Япония как «обычная страна»: метаморфозы политической идентичности (аналитический обзор опросов общественного мнения) // Социологический журнал. 2020. 26(1). С. 87–108; Мошняга П.А. Японская культура в глобализирующемся мире // Знание. Понимание. Умение. 2008. 3. С. 24–29.

[297] Карибэ Ёсихито. Традиционная японская идентичность с древних времен до эпохи глобализации : дисс. …канд. ист. наук. Москва, 2004. С. 123.

[298] Карибэ Ёсихито. Традиционная японская идентичность с древних времен до эпохи глобализации : дисс. …канд. ист. наук. Москва, 2004. С. 173.

против бинарной логики и структуры межличностных отношений в оценке традиционной японской культуры. Сугияма отдает дань ностальгии по «старой доброй Японии» и встает на защиту традиционных культурных ценностей и самого понятия культуры[299].

Известный японский писатель, ученый и психолог Кага Отохико в книге «Теории счастья в несчастной стране» пишет: «Послевоенные годы были очень трудными, но в будущее люди смотрели с оптимизмом и верили, что для обеспечения экономического роста нужно упорно трудиться. Сейчас же мы находимся в конце темного тоннеля, и выхода из него не видно. Япония уже прошла пик своего капиталистического развития, и в ближайшие десятилетия нас ждет сокращение населения и упадок»[300].

В мировосприятии японцев четко прослеживается амбивалентность духовного и материального. 心 *кокоро* (сердце, душа) противопоставляется 物 *моно* (вещь, материя), а материальный достаток, «богатство вещей» не может восполнить или заменить «богатство сердца». Однако в нынешнем постиндустриальном обществе деньги и материальные ценности становятся мерилом жизненного успеха. Характеризуя общество потребления, Жан Бодрийяр писал: «”Целевые” и трансцендентные ценности (ценности финальные и идеологические) уступают место ценностям окружения (реляционистским, имманентным, бесцелевым), которые исчерпываются в момент отношения (“потребляются”)»[301].

Непрерывный процесс тиражирования новых потребностей становится характерной чертой постиндустриального общества. Потребление ставится во главу угла гедонистических ценностных ориентаций личности, а свойства, статустность товаров и брендов переносится на его владельца. Человек становится имманентен знакам, образам, «симулякрам», появляются новые

---

[299] Скворцова Е.Л. К вопросу об особенностях современного развития японской культуры // Litera. 2016. 3. С. 44–59 [Электронный ресурс]. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=19572 (дата обращения: 25.06.2021).

[300] 加賀乙彦。不幸な国に幸福論 [Кага Отохико. Теории счастья в несчастной стране]、集英社 、2010. 240 p. P. 170.

[301] Бодрийяр Ж. Общество потребления. М.: Республика, 2006. С. 149.

модели социокультурного поведения, диктующие индивидам правила статусной дифференциации, превращая человеческую жизнь в симуляцию, манипуляцию знаками.

Одна из серьезных проблем современного японского общества — «нескончаемая и недостижимая гонка за наслаждениями», «внешними ценностями», деньгами, вещами, славой, красотой. Удовлетворив одно желание, люди сразу же начинают хотеть чего-то другого, и так до бесконечности.

Еще одна характерная черта общества потребления — «ошибочные стремления». Причиной «ошибочных стремлений» является страх обмануть надежды родителей, пойти наперекор общепринятому мнению и системе ценностей группы, к которой принадлежишь. Человек попадает в зависимость от моды и духа времени, успехов и неудач окружающих.

Климатические, географические, исторические, культурные факторы способствовали развитию коллективистского типа сознания у японцев. Сохранение гармонии в группе, поддержание хороших отношений с людьми — основа человеческих отношений. В традиционной японской системе ценностей и при суждениях о таковых важнейшее значение придается отзывчивости, заботе о других и сочувствию. Каждая из этих ценностей взывает к сотрудничеству человека с человеком, к их неразрывному единению, к укреплению и развитию жизненного потенциала. Безусловно, японцам присущ постоянный страх «нарушить гармонию» в коллективе. Коллективистское сознание приводит к тому, что человеку очень трудно воспитать в себе индивидуализм. Это ставит индивида в зависимость от других людей и снижает его самооценку.

Рассматривая особенности национального характера японцев, можно назвать гораздо более ярко выраженную, чем у других народов, зависимость от чужого мнения и оценки окружающих. Это объясняется культурными и социальными особенностями развития общества. Присутствие рядом другого человека для многих является источником излишней тревоги и напряжения. Японцы отмечают, что им присуще ощущение контроля, чувство, «как будто за ними постоянно

наблюдают». В японской психиатрии даже появился диагноз «страх по отношению к другим людям». «Это специфическая японская болезнь, ее редко можно встретить в Европе, США и других странах. Она может проявляться также в разнообразных фобиях — человек может испытывать страх, считая, что от него плохо пахнет, или ему кажется, что, когда он смотрит на других людей, он причиняет им сильное беспокойство, вызывает у них чувство неприязни»[302].

В конце девяностых годов XX века в среде молодежи резко возросло число людей, страдающих «фобией уродства». Она выражается в том, что «человек считает себя внешне уродливым, безобразным, поэтому несчастливым»[303].

Японцы очень привязаны к 場 ба — «месту». Даже сейчас, когда в стране разрушена 年功序列 *нэнко: дзё:рэцу* — «система повышения на службе за выслугу лет» и 終身公用 *сю:син ко:ё:* — «система пожизненного найма», многие боятся оторваться от 職場 *сёкуба* — «места службы», от различных групп — одноклассников, сокурсников по университету, родителей одноклассников своих детей, соседей и т.д.

Свойственная японцам психология «здесь» и «сейчас» также не позволяет оценить собственное положение с точки зрения долгосрочной перспективы и приводит к ограничению кругозора, мешает найти людей с различными взглядами, системой ценностей и жизненным стилем.

Нынешняя Япония в условиях развертывания глобализационного процесса не может выйти из экономической рецессии. Экономические проблемы, острая конкурентная борьба, страх оказаться без работы приводят к тому, что общество пропитывается эгоизмом и нигилизмом.

Можно предположить, что в японском обществе основной враждебной силой человеку оказывается «повседневность», то есть бесконечная череда ничем не отличающихся друг от друга дней. Бессмысленное существование, отчуждение от

---

[302]加賀乙彦。不幸な国に幸福論 [Кага Отохико. Теории счастья в несчастной стране]、集英社 、2010. 240 p. P. 38–39.

[303] Там же. P. 14.

внешнего мира, попытка спастись от бед в одиночку, отгородиться от чужих несчастий оборачивается угрозой жизни человека в тех случаях, когда ему нужна помощь.

Согласно данным опроса общественного мнения, проведенного правительством Японии в июне 2020 г., 63,2 % опрошенных испытывают «чувство тревоги и беспокойства» в повседневной жизни. 56,7 % тревожат перспективы жизни в старости, 54,2 % заботит состояние собственного здоровья, 42,4 % — состояние здоровья членов семьи, 42,1 % — уровень дохода[304].

Ежегодно, начиная с 2012 г., опрос о тревожности среди японцев осуществляет компания SECOM. Проведенный в июне 2020 года опрос показал, что более 70 % респондентов испытывали тревогу по тому или иному поводу. Больше всего тревожатся женщины в возрасте 20–29 и 30–39 лет, в каждой группе — по 80 %. Самый низкий показатель у женщин возрастных групп 50–59 и 60–69 лет, по 64 %.

Восемь лет подряд среди причин для беспокойства лидировала «жизнь в старости, пенсия». Сейчас же лидирует «распространение инфекционных заболеваний» (61,7 %), что отражает серьезные социальные и экономические изменения из-за глобальной эпидемии нового коронавируса[305].

Активное включение Японии в процессы глобализации привело к духовной переориентации в обществе. В последнее время многие ученые и общественные деятели говорят о кризисе японского языка, вызванном тотальной англификацией. Английский язык становится доминирующим для интеллектуальной элиты всего мира, на нем создается огромная информационная база. Вне зависимости от страны проживания, люди все больше читают и пишут на английском,

---

[304] 内閣府ホームページ Найкаку фу хо:му пэ:дзи [Официальный сайт правительства Японии] [Электронный ресурс]. URL https://survey.gov-online.go.jp/r01/r01-life/2-1.html (дата обращения: 08.08.2020).

[305] 第 9 回「日本人の不安に関する意識調査」[9-й опрос о тревожности] [Электронный ресурс]. URL: https://www.secom.co.jp/corporate/release/2020/nr_20200716.html (дата обращения: 23.06.2021).

происходит своего рода лингвистическая утечка мозгов. Упрощенная лексика и грамматика «американского английского» оказывает влияние и на японский язык, зачастую не лучшим образом. Японизированные версии заимствованных из английского языка слов засоряют японский язык, делая неузнаваемыми даже для носителей языка, из которого эти слова были заимствованы. Так, например, английское *trouble* превращается в トラブル *торабуру, love* в ラブ *рабу*, deflation в デフレ *дэфурэ* и т.д.

Член Ассоциации поддержки японского языка (日本語を大切にする) Такахаси Ходзи даже подал в суд на телерадиовещательную корпорацию *Эн Эйч Кей*, потребовав выплаты 1,41 млн иен (14 тыс. долларов) за моральный ущерб, причиненный использованием иностранных заимствований вместо традиционных японских слов. В интервью информационному агентству Франс Пресс адвокат Такахаси Мията Муцуо заявил следующее: «Его опасения основаны на том, что Япония слишком американизирована. Существует мнение, что Япония становится просто американскими задворками»[306].

Широкий резонанс в Японии получила книга писательницы и критика Мидзумура Минаэ «Когда погибает японский язык». «Английский, пожалуй, становится наиболее распространенным языком на планете за всю историю человечества. Если пустить это явление на самотек, то пропасть между английским и остальными языками будет только увеличиваться <…> Таким образом, появляются предпосылки для того, чтобы все неанглийские языки постепенно превратились в своего рода общинные языки, использующиеся только в бытовом общении. Мне кажется, все языки вне англоязычного мира сейчас стоят на такого рода распутье», — пишет Мидзумура[307]. По ее мнению, внедрение

---

[306] 水村 美苗「日本語は亡ひるのか？」| nippon.com. [Мидзумура Минаэ. «Японский язык погибает»?] [Электронный ресурс]. URL: https://www.nippon.com/ru/people/e00003/ (дата обращения: 15.05.2013).

[307] 水村 美苗「日本語は亡ひるのか？」| nippon.com. [Мидзумура Минаэ. «Японский язык погибает»?] [Электронный ресурс]. URL: https://www.nippon.com/ru/people/e00003/ (дата обращения: 15.05.2013).

в послевоенные годы американской модели демократического образования, когда основной упор стал делаться на легкость восприятия, привело к «плачевным результатам». «После войны количество часов родного языка в японских школах стало постепенно сокращаться, и вместо чтения шедевров довоенной литературы учеников стали заставлять читать простенькие тексты, которые они могли бы написать и сами. В результате такого обучения японцы стали ожидать от книг простоты и легкости, а довоенная классика практически ушла из жизни современников». «После поражения в войне были сильны тенденции отрицать все японское, и сейчас я чувствую, что в головах современных японцев наша страна все больше походит на придаток Америки. Современная японская проза как будто скопирована с американской и для колорита немного украшена японскими реалиями», — подчеркивает Мидзумура Минаэ[308].

Трансформация системы ценностей затрагивает все сферы социокультурной жизни, в том числе гендерные отношения. Необходимо отметить, что в рамках антропоцентрической парадигмы проблема гендерных отношений и стереотипов приобрела статус междисциплинарной и изучается многими гуманитарными науками. Актуальность исследования гендерного дискурса обусловлена возрастанием темпов трансформации современных обществ, динамикой происходящих в них процессов. Именно гендерные отношения и сексуальность в настоящее время в центре повестки дня, поскольку на них экстраполируются многие более масштабные и серьезные проблемы. Культурное и, в частности, гендерное разнообразие воспринимается многими людьми как угроза потери самых базовых ориентиров в непредсказуемом и изменчивом мире [309] . Особенности гендерного дискурса — предмет изучения различных областей гуманитарного знания: философии, культурологии, социологии, политологии, филологии и др. наук. Российские исследователи (К.С. Воркина,

[308] Там же.

[309] Тартаковская И.Н., Лунин И.И. Социальные трансформации гендера и сексуальности в свете идей И.С. Кона // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. С. 14–19. С. 5.

Е.И. Герасименко, И.А. Жеребкина, Е.А. Здравомыслова, А.А. Тёмкина, А.В. Кирилина, И.Н. Тартаковская, И.С. Кон, И.С. Клецина, Н.Л. Пушкарев, Е.Э. Шишлова [310] и др.) отмечают, что изменения в гендерных отношениях выражаются в снижении неравенства в отношениях мужчины и женщины в правовых, социальных, культурных и психологических аспектах, а также проявляются в тенденции на сохранение индивидуальности и развитие толерантности как на личностном, так и на межличностном уровне.

В условиях мультикультурности наиболее остро встает проблема самоопределения человека: идентичность сегодня воспринимается как «диффузная, формируемая путем взаимопроникновения разных ценностных стандартов» [311] . Диффузный, подвижный характер идентификаций распространяется на такие формы идентичности, как гендерная. И.С. Кон определяет гендерную идентичность как конструирование, включающее, помимо осознания собственной половой принадлежности, сексуальную ориентацию, «сексуальные сценарии», гендерные стереотипы и гендерные предпочтения[312]. По мнению американского философа Джудит Батлер, гендер является «перформативным» по сути: идентичность (идентичности) конструируется и утверждает себя в самом акте представления, а не выражает некую внутреннюю,

[310] Воркина К.С. Японская семья как феномен культуры : дисс. … канд. культурологии. М., 2019; Герасименко И. Е. Гендер в коннотативном пространстве русской лингвокультуры : монография. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2008; Жеребкина И.А. Субъективность и гендер: гендерная теория субъекта в современной философии антропологии. СПб.: Алетейя, 2007; Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 15–24; Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Институт социологии РАН, 1999; Тартаковская И.Н. Гендерная социология. М.: Вариант ; Невский простор, 2005; Кон И.С. Сексуальная культура в России. М.: АСТ, 2018; Клецина И.С. (ред). Гендерная психология. СПб.: Питер, 2009; Пушкарева Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя, 2007; Шишлова Е.А. Гендер как инновационный научный и философский дискурс // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 1(28). С. 148–152.

[311] Силантьева М.В. Диффузная идентичность — современная версия гражданской идентичности // Вестник МГИМО-Университета. 2012. №2 (23). С. 173–179. С. 177.

[312] Кон И.С. Введение в сексологию. М.: Логос ; Высшая школа, 1999. С. 184.

предшествующую говорению сущность [313] . Легитимизация возможности изменения пола или сексуальной ориентации позволяет говорить о «выходе за пределы традиционных бинарных категорий гендера “мужчина — женщина” и переосмыслении отношения к норме и маргинальности различных типов гендерной идентичности»[314].

Регламентируя поведение и оказывая влияние на вербальную коммуникацию, гендерные стереотипы актуализируются в общественном сознании и отражают набор характеристик, приписываемых определенному полу. Это «культурно и социально обусловленные и закрепленные мнения об атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов и их отражение в языке»[315].

Трансформация гендерных стереотипов в любой культуре свидетельствует о глубоких внутренних изменениях ценностно-смыслового ядра культурных кодов, национального сознания. В связи с этим изучение лингвосоциокультурного аспекта трансформации гендерных стереотипов в контексте культурологического знания представляется особенно актуальным.

Различные временные периоды истории диктовали свои нормативные представления о гендерном поведении и гендерной идентификации. На каждом этапе истории Японии характер гендерных отношений детерминировался уровнем социокультурного развития. В древности Япония была матриархальным обществом, семейная собственность переходила по наследству женщинам.

В эпоху Камакура (1185–1333) и Муромати (1333–1573) получила распространение система 家 *иэ* (иероглиф 家 *иэ* имеет два значения: «дом» как жилое здание и «семья» — сообщество людей, проживающих вместе), которая

---

[313] Батлер Дж. Гендерное беспокойство // Антология гендерной теории / сост. и комментарии Е.И. Гаповой, А.Р. Усмановой. Минск: Пропилеи, 2000. Гл. 1. Субъекты пола/гендера/желания. С. 297–346.

[314] Мелко С.В., Кудрина А.В. Представления о гендере и гендерной идентичности в современном психоанализе // Развитие личности. 2016. № 3. С. 165–186. С. 178.

[315] Кирилина А.В. Гендер. Лингвистические аспекты. М.: Институт социологии РАН, 1999. С. 44.

привела к четкой дихотомизации мужского и женского, доминированию мужчин во всех сферах общественной жизни.

Система *иэ* представляла разветвленный семейный уклад, включающий не только членов одной семьи, но и их слуг, наемных работников и т.п., в давние времена она могла составлять население всей деревни. «Специфическими особенностями института *иэ* являются исчисляющаяся многими поколениями долговременность и общность социально-экономических интересов членов семьи, совместно проживающих в жестких рамках единого коллектива», — отмечает Т.М. Гуревич[316].

«Главе семьи должны подчиняться все. Далее лица женского пола подчиняются лицам мужского пола — в частности, жены мужьям, а младшие члены семьи подчиняются старшим. Дети обязаны не только слушаться родителей и деда с бабкой, но и соблюдать отношения подчинения между собой: младший брат подчиняется старшему, младшая сестра старшей. Правила подчинения реализуются мягко и принимаются с готовностью, но охватывают даже мелочи: например, за столом старшему сыну подают еду первым, следующему по старшинству — вторым, и так далее — исключение делается только для маленького ребенка, который не обязан ждать. Этот обычай породил забавное выражение, которым в шутку обозначают второго сына: хиямэси-сан, «братец Стылый Рис» — так описывал отношения в патриархальной семейной иерархии писатель, исследователь японского национального характера Лафкадио Херн[317].

В эпоху Эдо (1603–1868) под влиянием конфуцианства, ставшего официальной религией сёгуната Токугава, социализация стала всецело предопределяться сословной и гендерной принадлежностью. Женщинам предписывалось следовать «шести конфуцианским добродетелям»: послушанию,

---

[316] Гуревич Т.М. Лингвокультурологический анализ концептосферы человек в японской языковой картине мира : дисс. д-ра культурологии. М.: МГУ, 2006. С. 107.

[317] Мир по-японски: эстетические и этические ценности в японской культуре / Сост. Е. Маевский. СПб.: Северо-запад, 2000. С. 58.

чистоте, доброжелательности, бережливости, скромности и усердию. Широкое распространение получил постулат учения Конфуция: «мужчина вне и женщина внутри», предполагавший участие мужчин в общественной и политической жизни, заботу о материальном обеспечении семьи, роль женщины сводилась к заботе о детях и ведению домашнего хозяйства.

В 1717 г. был опубликован трактат, касающийся воспитания женщин, — 女大学 *онна дайгаку* «Великое учение для женщин». Исследователи приписывают его Каибара Экикэн (1630–1714), выдающемуся конфуцианскому ученому, философу, ботанику, автору известных медицинских трактатов[318].

«Великое учение для женщин» окончательно закрепило гендерную асимметрию в приватной и публичной сферах. Основная мысль трактата — женщина должна подчиняться мужчине, а ее деятельность не может выходить за пределы дома. Мир женщины, таким образом, замыкался на домашних обязанностях, которые ей следовало выполнять всю жизнь, а также на рождении и воспитании детей.

«Главной обязанностью девочки в доме родителей является проявление почтительности к отцу и матери». Выйдя замуж, молодая женщина «должна смотреть на мужа как на своего господина и служить ему со всей учтивостью. Она не может его ослушаться». Муж уподоблялся небу: «Женщина должна смотреть на своего мужа так, будто он является самим Небом»[319].

По мнению автора *онна дайгаку*, женщин ставят ниже мужчин «врожденные недостатки натуры», которые могут разрушить брак: «семь или восемь из десяти» будут склонны «к непослушанию, злобе, клевете, зависти или глупости»[320].

---

[318] Ko D., Haboush J. K., Piggott J.R. Women and Confucian Cultures in Premodern China, Korea, and Japan. Berkeley: University of California Press, 2003. 350 p. P. 199.

[319] Женщина в Японии. Часть 1 [Электронный ресурс]. URL: http://www.liveinternet.ru/users/levasseur/post176161267/ (дата обращения: 10.03.2015).

[320] 近代テジタルライブラリー 女大学 [Современная электронная библиотека: Великое учение о женщинах] [Электронный ресурс]. URL: http://kindai.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/754896/ (дата обращения: 03.03.2015).

В эпоху Мэйдзи (1868–1912) была введена система обязательного образования для мужчин и женщин: женщины должны были не просто подчиняться супругу, как это было в эпоху Эдо, но служить ему опорой не только в домашних делах, но и в воспитании детей и продвижении по службе. Однако образование для мужчин и женщин было далеко не равноценным, занятия в женских школах были ориентированы главным образом на обучение ведению домашнего хозяйства.

В это время вошло в обиход выражение 良妻賢母 *рёсайкэмбо,* которое означает «хорошая жена и разумная мать». Оно не так распространено сегодня, но прочно укоренилось в подсознании японцев, оказывая влияние на традиционные полоролевые паттерны: работающий мужчина и женщина, занимающаяся домашним хозяйством.

Равные права независимо от пола японцам были гарантированы только после Второй мировой войны конституцией 1946 г.

В современном японском обществе в условиях глобализации происходят существенные изменения в ценностных установках брачно-семейной сферы, что влечет за собой утрату институтом семьи своих традиционных признаков в том виде, в котором они были присущи на протяжении длительного исторического периода.

Согласно опросу, проведенному страховой компанией 明治安田生命 Мэйдзи Ясуда Сэймэй, только 40 % японских мужчин и женщин в возрасте от 20 до 40 лет придерживаются традиционного мнения, по которому мужчина должен работать полный рабочий день, а женщина заниматься домашним хозяйством[321].

Количество зарегистрированных браков каждый год сокращается: в 2020 г. было заключено 525 490 браков, что на 12,3 % меньше, чем в 2019 г. Согласно

[321] The Japan Times, 20.07.2014. Ingrained ideas on gender roles [Электронный ресурс]. URL: http://www.japantimes.co.jp/opinion/2014/07/19/editorials/ingrained-ideas-gender-roles/#.VoF7VlLTSSo (дата обращения: 17.03.2015).

статистическим данным, возраст вступления в брак в 2020 г. составил 31 год у мужчин и 29,4 года у женщин[322].

Раньше «срок годности» женщин для брака сравнивали с рождественским тортом: «Лучше всего выходить замуж до 24 лет, 25 — еще ничего, потом — уже объедки» — общественное давление принуждало женщин выходить замуж как можно раньше[323]. Женщин, которые рожают первого ребенка в возрасте 35–40 лет становится все больше. Эта тенденция снижает возможности для рождения второго и третьего ребенка и ведет к дальнейшему снижению рождаемости.

Одна четверть всех японских браков заключается из-за беременности невесты, это так называемый «брак по залёту» (できちゃった婚 *дэкитяттакон*). По мнению профессора социологии Сэнда Юки, не исключено, что для многих японцев дети — это единственная причина, по которой они задумываются о браке[324].

Хотя существует 恋愛 *рэнай* — «брак по любви», часто заключается взаимовыгодный для семей お見合い *омиай* — «брак по сватовству». 仲人 *нако:до* — «посредник» подбирает пары, исходя из социального статуса жениха и невесты. До 60-х гг. XX в. договорных браков в Японии заключалось больше, чем браков по любви, а затем их число стало сокращаться и в 2013 году составило всего 7,7 %[325].

---

322 厚生労働省 [Официальный сайт Министерства здравоохранения, труда и благосостояния Японии] [Электронный ресурс]. URL: https://www.mhlw.go.jp/toukei/saikin/hw/jinkou/geppo/nengai20/dl/gaikyouR2.pdf (дата обращения: 15.06.2021).

323 クリスマスケーキの解説。日本語俗語辞典 [Рождественский торт. Словарь просторечных выражений] [Электронный ресурс]. URL: http://zokugo-dict.com/08ku/christmas-cake.htm (дата обращения: 03.06.2021).

324 千田 有紀。日本人の家族観変化する意識・変化しない制度. [Сэнда Юки. Японская семья. Сознание меняется, порядок остается] [Электронный ресурс]. URL: http://www.nippon.com/ja/currents/d00095/ (дата обращения: 08.08.2014).

325 がベージニュース [Garbage news] [Электронный ресурс]. URL: http://www.garbagenews.net/archives/2096011.html (дата обращения: 05.09.2014).

Гражданский кодекс запрещает супругам иметь разные фамилии (если жена оставляет свою девичью фамилию, брак формально не признается). Кроме того, при заключении брака требуется указать письменно, кто является главой семьи. Естественно, большинство женщин вынуждены брать фамилию мужа и соглашаться на его главенство в семье. Однако в последние годы этот закон стал вызывать недовольство со стороны женщин, что привело к увеличению числа людей, живущих в гражданском браке. Опрос 7 000 мужчин и женщин в возрасте до 60 лет, проведенный в октябре 2000 г., показал, что возможность выбора фамилии каждым из супругов поддерживают 70,6 % респондентов, и лишь 14,4 % считают, что супруги обязаны иметь одну и ту же фамилию[326].

С 1969 г. наблюдается устойчивая тенденция к росту так называемых 熟年離婚 *дзюкунэн рикон* (букв. «разводов в зрелом возрасте») супружеских пар в возрасте 50–60 лет, проживших вместе более 25 лет. Примечательно, что, как правило, инициаторами таких разводов становятся женщины. Они не хотят жить с опостылевшим мужем, который всю свою жизнь посвятил работе и не уделял семье и детям никакого внимания. Таких мужей называют 壮大なゴミ *со:дайна гоми* — «величественный мусор».

После реформы пенсионной системы в апреле 2007 г., предусматривающей разделение пенсии супруга в случае развода, число «разводов в зрелом возрасте» значительно увеличилось[327].

Эти тенденции свидетельствуют о том, что прежняя нуклеарная семья, характерная для индустриального общества, оказалась в кризисном состоянии. Разрушение системы пожизненного найма, упадок японской системы управления, размывание моральных устоев привели к трансформации традиционных патриархальных полоролевых стереотипов.

---

[326] 毎日新聞、18.11.2020.

[327] 離婚 — Wikipedia. [Развод] [Электронный ресурс]. URL: https://ja.wikipedia.org/wiki/離 (дата обращения: 03.09.2014).

За последние десятилетия произошел массовый приток женщин на рынок труда, что связано с резким сокращением рабочей силы и падением рождаемости. Еще в начале XXI в. количество семей, где работают оба супруга, превысило количество семей с одним кормильцем. Согласно статистическим данным Министерства здравоохранения, труда и благосостояния Японии, в 2019 году женщины составляли 53,3 % работающего населения страны [328].

Согласно теории «womenomics», продвижение женщин в обществе служит катализатором экономического роста. Именно поэтому основой стратегии экономического развития и ключевым элементом «трех стрел экономической политики», известной под названием «абэномика», Абэ Синдзо провозгласил увеличение числа работающих женщин, «создание общества, в котором женщины будут сиять». «Необходимо создать такие условия, в которых было бы возможно совмещать воспитание детей и уход за больными с работой. Основой основ также является ликвидация стереотипов о роли женщины, которые все еще существуют в обществе», — заявил С. Абэ, выступая на 69-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2014 г. [329]

Несмотря на усилия, предпринимаемые японским правительством, гендерная асимметрия в японском обществе остается большой проблемой.

В «Глобальном докладе о гендерном неравенстве», опубликованном Всемирным экономическим форумом (ВЭФ) 31 марта 2021 года, Япония среди 156 стран заняла 120-е место. Несмотря на то, что по сравнению с декабрьским опросом 2019 года она поднялась на одну позицию с 121-го места, она все еще среди отстающих. Япония значительно отстает от других стран в сфере участия женщин в политической жизни: в Палате представителей количество женщин составляет 9,9 %, а в кабинете министров — 10,0 %. На рейтинг также повлиял

---

[328] 厚生労働省本省。働く女性の事情 [Сайт Министерства здравоохранения, труда и благосостояния Японии. Положение работающих женщин] [Электронный ресурс]. URL: https://www.mhlw.go.jp/bunya/koyoukintou/josei-jitsujo/dl/19-01.pdf (дата обращения: 03.07.2020).

[329] 内閣府ホームページ。Официальный сайт правительства Японии [Электронный ресурс]. URL: http://www.kantei.go.jp/jp/96_abe/statement/2014/0925enzetsu.html (дата обращения: 03.10.2015).

тот факт, что за последние 50 лет женщины ни разу не становились премьер-министрами. По экономическому положению женщин Япония опустилась с 115-го до 117-го места из-за разницы в доходах мужчин и женщин и соотношения руководителей сравнительно со среднемировыми показателями[330].

По мнению Миура Мари, профессора юридического факультета университета София, продвижению женщин в политике мешают гендерные паттерны и стереотипы. В японском обществе доминирует предубеждение о том, что «политика — сугубо мужское дело». Если женщина демонстрирует типичное мужское поведение, она лишается симпатии избирателей, отдающих свой голос за неё как за представительницу слабого пола[331].

С точки зрения исследовательницы искусственного интеллекта Курокава Ихоко, функционирование женского и мужского мозга отличается. Как утверждает Курокава, существует две модели нейронной активности мозга или эмоциональности: мужская, целеустремленная, нацеленная на решение проблем, и женская, эмпатическая, ориентированная на процесс. По мнению Курокавы, в древности мужчины были добытчиками и защитниками своей территории, благодаря чему мужской мозг эволюционировал, выработав навыки выявления и решения проблем. Женский мозг сумел адаптироваться для выполнения основных женских функций — сохранения очага и воспитания детей. В состоянии стресса люди подсознательно принимают, обрабатывают и передают информацию в соответствии с одной из двух моделей. Мужчины, как правило, прямолинейны, прагматичны и нацелены на решение проблем, тогда как женщины воспринимают окружающий мир интуитивно и сосредоточены на переживаниях[332].

---

330 The Global Gender Gap Report 2021 [Электронный ресурс]. URL:. https://jp.weforum.org/reports/global-gender-gap-report-2021/in-full (дата обращения: 03.06.2021).

331 三浦 まり。日本の女性議員 どうすれば増えるのか[Миура Мари. Как увеличить число женщин-депутатов в Японии?], 朝日新聞出版, 2016. 392 p.

332 黒川伊保子。コミュニケーション・ストレス 男女のミゾを科学する[Курокава Ихоко. Стресс общения: научный подход к проблеме гендерных различий], PHP 研究所, 208 p.

Необходимо отметить, что такой биологически детерминированный подход к мужским и женским ролям сегодня подвергается критике со стороны приверженцев идеи социального конструирования гендера[333].

В наши дни стираются границы между мужскими и женскими гендерными стереотипами: с точки зрения японских женщин, неженатых мужчин, которые в состоянии создать семью по традиционному образцу и обеспечить ей достойное существование, катастрофически мало.

В 2006 г. писательница Фукасава Маки придумала новый термин 草食男子 *со:сёку данси* «травоядные мужчины» [334], который сразу же стал очень популярным, а в 2009 г. даже вошел в десятку самых модных новых слов года. Так названа субкультура вялых, апатичных, робких гетеросексуальных мужчин в возрасте от 20 до 39 лет, которые в отличие от своих отцов почти не заинтересованы в карьере и имеют двойственное отношение к сексу и женитьбе.

Автор бестселлера «Травоядные мужчины меняют Японию» Усикубо Мэгуми считает, что в той или иной степени к таковым можно отнести до 2/3 японцев в возрасте от 20 до 34 лет. Их мировоззрение разительно отличается от стереотипов «плотоядных хищников» — мужчин-трудоголиков старших поколений. Больше, чем работа и свидания с женщинами, их прельщает выбор модной одежды и косметики. «Травоядные» считают роль, которая традиционно отводилась мужчинам, слишком обременительной, они не готовы брать на себя финансовые расходы, ухаживая за девушками, и обеспечивать будущую семью[335].

---

[333] Шмелева Н.Б., Хайсарова Г.М. Гносеологические основания возникновения и развития теории социального конструирования гендера // Вестник казанского технологического университета. 2013. Том 16. № 18. С. 346–351; Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А. Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследования социальной политики. 2003. Том 1. № 3/4. С. 299–321.

[334] 草食系男子日本語俗語辞書。 [Травоядные мужчины. Словарь Нихонго дзокуго] [Электронный ресурс]. URL: http://zokugo-dict.com/15so/sousyokudansi.htm (дата обращения: 08.02.2015).

[335] 牛窪恵。草食系男子「お嬢マン」が日本を変える [Усикубо Мэгуми. Травоядные мужчины меняют Японию]、講談社、2008。192 p.

Появление таких ярко выраженных женственных мужчин — это протест против образа жизни старшего поколения и ответ на все более самоуверенное поведение женщин.

В японском социуме растет беспокойство относительно финансового и социального воздействий, осуществляемых «травоядными» мужчинами. Их низкий уровень доходов, а также определенное безразличие к сексу способствуют развитию двух самых главных проблем Японии: слабеющей экономики и сокращению рождаемости, вызванному не только уменьшением количества детей у женатых пар, но прежде всего ростом холостого населения.

По результатам переписи населения 2010 г., количество неженатых мужчин в возрасте 30–35 лет составило 47,3 %, а незамужних женщин — 34,5 %. 80 % взрослых холостых японцев продолжали жить с родителями [336]. По данным Министерства труда, здравоохранения и благосостояния Японии, в 2019 г. 35 % мужчин и 23,9 % женщин в возрасте 35–39 лет не вступили в брак. По прогнозам, в 2040 г. процент неженатых мужчин увеличится до 39,4 % и незамужних женщин — до 24,9 %[337].

В Белой книге мер против снижения рождаемости 2019 г. Кабинета министров Японии приводятся данные, согласно которым среди людей в возрасте 30–34 лет в среднем не состоит в браке каждый второй мужчина и каждая третья женщина. По данным исследования, которое провели в 2015 г., не имеют своей семьи 47,1 % мужчин и 34,6 % женщин этого возраста. В следующем возрастном сегменте 35–

---

[336] 家族形成格差」の時代“パラサイト・シングル”の末路. [Почему японской молодёжи трудно создать семью? Расслоение в обществе продолжается. Закат эры «одиночек-паразитов»] [Электронный ресурс]. URL: http://www.nippon.com/ja/in-depth/a01002/ (дата обращения: 08.08.2015).

[337] 令和２年版厚生労働省白書 [Белая книга Министерства труда, здравоохранения и благосостояния Японии. 2020 г.] [Электронный ресурс]. https://www.mhlw.go.jp/content/000684406.pdf (дата обращения: 03.06.2021).

39 лет, эти показатели составляют 35 % (каждый третий мужчина) и 23,9 % (каждая четвертая женщина)[338].

Профессор Ямада Масахиро, занимающийся гендерными исследованиями, определил данное явление как форму социального паразитизма и ввел в научный оборот термин パラサイト・シンル *парасайто сингуру* «паразит-одиночка». Изданная в 1999 г. книга Ямада «Эра одиночек-паразитов» получила широкий общественный резонанс[339].

«Паразиты-одиночки», как отмечает исследователь, наносят ущерб экономике страны. Проживая с родителями, они тратят деньги только на хобби и развлечения и, даже имея нестабильный доход, могут позволить себе вести достаточно комфортный образ жизни. По данным Министерства общенациональных дел, местного самоуправления и связи, число «паразитов-одиночек» в возрасте от 20 до 34 лет составило 10 млн 640 тыс. человек. Каждый шестой в возрасте 35–44 лет (2 млн 950 тыс.) продолжает жить с родителями[340].

Особенно это касается девушек, которые вместо того, чтобы встречаться с молодым человеком без стабильного заработка, годами живут с родителями в ожидании достойного жениха. Молодые люди также не спешат покидать родительский дом. «Возможно, если бы они стали много зарабатывать либо встретили девушку, которую бы не волновал доход партнера, то с радостью бы женились, однако такое случается редко, и поэтому все больше молодых японских мужчин живут с родителями. Возможно, это и является причиной, по

---

[338] 平成 30 年版少子化社会対策白書 [Белая книга мер против снижения рождаемости. 2019 г.] [Электронный ресурс]. URL: https://www8.cao.go.jp/shoushi/shoushika/whitepaper/measures/w-2018/30pdfhonpen/30honpen.html (дата обращения: 08.02.2015).

[339] 山田昌弘。パラサイト・シングルの時代 [Ямада Масахиро. Эпоха паразитов-одиночек], ちくま新書、1999. 204 p.

[340][調査] 結婚もせず親と同居"ハラサイトシング゛ル、今はパ゜ラサイト中年に。３００万人…２０～３４歳のハラサイト１０００万人超 [Исследование феномена паразитов-одиночек: почему они не женятся и живут с родителями, какова их численность] [Электронный ресурс]. URL: http://uni.2ch.net/test/read.cgi/newsplus/1335946886/ (дата обращения: 08.02.2015).

которой японцы так неактивны в создании пар», — отмечает профессор М. Ямада[341].

Социолог Гэнда Ю:дзи привлек внимание еще к одной серьезной социокультурной проблеме японского общества: одиноким безработным людям. Он назвал их СНЭП (SNEP) (от англ. Solitary Non-Employed Persons). В 2013 г. Гэнда опубликовал книгу «SNEP» (孤立無業 /SNEP/), и термин «СНЭП» сразу же вошел в список 50 самых популярных слов года.

SNEP — это человек в возрасте от 20 до 60 лет, который нигде не работал и никогда не состоял в браке. Его постоянное окружение сводится к членам семьи, либо он все время проводит в одиночестве. Число таких людей неуклонно растет — за 10 лет с 2001 г. по 2011г. увеличилось вдвое — с 850 тыс. до 1 млн 620 тыс. человек.

Трое из каждых четырех SNEPов живут с родителями и родственниками, причем даже не пытаются искать работу.

В последнее время количество SNEPов стало резко увеличиваться среди женщин и выпускников ВУЗов. Особенно быстро феномен стал распространяться среди молодых людей, которые нигде не работают и не учатся. На сегодняшний день все чаще, независимо от пола, возраста и уровня образования, тот, кто не находит работы, автоматически изолируется от общества. Изолированность становится все более обычным явлением для безработных японцев.

Среди родителей SNEPов много пенсионеров, которым уже за 70. Если сейчас SNEPы живут на сбережения и пенсию родителей, то после их смерти лишатся средств к существованию. Дальнейший рост числа SNEPов приведет к обострению социально-экономических проблем в обществе[342].

---

[341] 家族形成格差」の時代“パラサイト・シングル”の末路[Почему японской молодёжи трудно создать семью? Расслоение в обществе продолжается. Закат эры «одиночек-паразитов»] [Электронный ресурс]. URL: http://www.nippon.com/ja/in-depth/a01002/ (дата обращения: 13.08.2015).

[342]玄田 有史。孤立無業（SNEP). [Гэнда Ю:дзи. Одинокие неработающие люди (SNEP)]、日本経済新聞出版社, 2013. 236 p. P. 10–11.

Изменение ориентации личности на внесемейные ценности сопровождается отчуждением, приводит к распространению эгоистических одиночно-коммунальных форм существования. Проблема сокращения рождаемости — 少子化 *сё:сика* становится все более острой. В 2020 г. в Японии зафиксировано самое низкое число новорожденных за всю историю учета статистики рождаемости с 1899 г.: 840 тыс. 832 человека, что на 24 тыс. 407 новорожденных меньше, чем в 2019 г. Количество новорожденных находится на уровне ниже миллиона пятый год подряд, с 2016 г. Коэффициент рождаемости на одну женщину составил 1,34 — это один из самых низких показателей в мире [343] . Исследователи предсказывают дальнейшее падение рождаемости и увеличение числа одиноких мужчин среднего возраста. «Если посмотреть на количество одиноких мужчин 50–70 лет, то ясно, что за 20 лет с 1985 по 2005 г. их число увеличилось в 4–5 раз. Если это продолжится, к 2030 г. каждый четвертый мужчина в возрасте 50–70 лет будет жить один», — отмечает Кадзухико Фудзимори из «Mizuho Information & Research Institute, Inc.»[344].

В японском обществе в последние несколько лет активизировалось движение против гендерного детерминизма, за признание прав сексуальных меньшинств. В апреле и мае 2019 г. Исследовательский институт ЛГБТ и сексуальных меньшинств провел крупномасштабное исследование с участием 428 тыс. 36 человек в возрасте от 20 до 69 лет. Результаты скринингового опроса показали, что 10 % опрошенных причисляют себя к ЛГБТ-сообществу (геи, лесбиянки, трансгендеры, бисексуалы)[345]. На вопрос о сексуальной ориентации и гендерной идентичности, 7 % респондентов ответили, что не являются гетеросексуалами

---

[343] 厚生労働省 [Официальный сайт Министерства здравоохранения, труда и благосостояния Японии] [Электронный ресурс]. URL: https://www.mhlw.go.jp/toukei/saikin/hw/jinkou/geppo/nengai20/dl/gaikyouR2.pdf (дата обращения: 15.06.2021).

[344] Япония в 2030 г. Страна, в которой исчезли семьи [Электронный ресурс]. URL: http://news.leit.ru/archives/13775 (дата обращения: 27.03.2015).

[345] LGBT意識行動調査2019を実施、公表 — LGBT総合研究[Опрос на тему: отношение к ЛГБТ. 2019. Исследовательский институт ЛГБТ. [Официальный сайт] [Электронный ресурс]. URL: https://lgbtri.co.jp/news/2410 (дата обращения: 03.06.2021).

(лицами, испытывающими сексуальное влечение исключительно к лицам противоположного пола), 6,1 % опрошенных не считают себя цисгендерами (термин, обозначающий людей, гендерная идентичность которых совпадает с предписанным при рождении полом)[346].

Необходимо отметить, что исторически к мужской гомосексуальности в Японии относились лояльно. В отличие от христианской и мусульманской культур, в Японии никогда не было жесткого религиозного запрета на гомосексуализм, геи не становились объектами агрессии и не преследовались законом. В феодальной Японии, начиная со Средних веков и вплоть до эпохи Мэйдзи (1868–1912), в среде самураев и буддийских монахов были распространены романтические отношения между мужчинами и юношами. Наиболее известными примерами таких романтических союзов считаются отношения между сёгуном Асикага Ёсимицу и Дзэами, основателем драматической традиции театра Но, а также связь молодого самурая Мори Ранмару и его сюзерена, военачальника Ода Нобунага. Такие отношения получили в японском языке название 男色 *дансёку* (男 — мужчина, 色 *сёку* — «цвет, колорит, чувственные наслаждения». *Дансёку* в купеческом обществе и в среде простых горожан описываются в произведениях известного писателя XVII века Ихара Сайкаку. Как справедливо отмечает профессор Токийского университета Сэтияма Каку: «В этом японское общество разительно отличалось от западного, где подобное поведение воспринималось через призму христианства как греховное и подлежало наказанию как преступление» [347].

Гомосексуальные отношения в самурайской среде получили название 若衆道 *вакасю:до*: — «путь юноши» или сокр. 衆道 *сю:до:*. Считалось, что отношения

[346] Schilt K, Westbrook L. Doing Gender, Doing Heteronormativity: Gender Normals, Transgender People, and the Social Maintenance of Heterosexuality // Gender & Society. 2009. № 23(4). P. 440–464.

[347] Сэтияма Каку. Свободы сексуальных меньшинств: права человека в XXI веке. 9.06. 2015 [Электронный ресурс]. URL: https://www.nippon.com/ru/currents/d00174/?pnum=2# (дата обращения: 03.06.2021).

опытных взрослых самураев с молодыми воспитанниками учат молодых людей мужеству, преданности, честности, воспитывают в них чувство прекрасного. Учение *сю:до* нашло отражение в японской литературе, в том числе в кодексе самураев «Хакагурэ» и других произведениях. Историки Ивата Дзюнъити и Ватанабэ составили список из 457 произведений XII–XIII вв., в которых описывается жизнь юношей, вставших на путь *сю:до:*[348].

В эпоху Мэйдзи появились студенческие общежития, где процветала однополая любовь, которую, например, описывает Мори Огай (1862–1922) в «Сексуальной жизни» («Vita sexualis», 1909). Однако в ходе модернизации, проводившейся в эпоху Мэйдзи, внедрялась западная медицина, считавшая гомосексуализм заболеванием, и укоренилось восприятие однополой любви как извращения[349].

Нагаясу Сибун, активист ЛГБТ, автор книг «Однополое партнерство: хрестоматия»[350], «Система однополого партнерства» и др., отмечает, что такое явление, как трансгендерность кажется вполне приемлемым для японской культуры: переодевание в одежду представителей противоположного пола было распространено в Японии.

В качестве примера можно привести не только актеров 女がた *оннагата* театра Кабуки (актеры мужского пола, играющие исключительно женские роли) или актрис труппы Такарадзука (в театре Такарадзука все роли, в том числе и мужские, исполняют женщины), но и самых обычных людей, которые переодеваются в одежду противоположного пола во время традиционных праздников и фестивалей.

---

[348] Watanabe Tsuneo. Iwata Junichi. The Love of the Samurai: A Thousand Years of Japanese Homosexuality. 1990. Heretic Books ; First Edition (January 1, 1990). 160 p.

[349] Сэтияма Каку. Свободы сексуальных меньшинств: права человека в XXI веке. 9.06. 2015. [Электронный ресурс]. URL: https://www.nippon.com/ru/currents/d00174/?pnum=2# (дата обращения: 03.06.2021).

[350] 永易 至文. 同性パートナー生活読本 [Нагаясу Сибун. Однополое партнерство: хрестоматия], 緑風出版, 2009. 187 p.; 永易 至文. 同性パートナーシップ制度, 日本加除出版, 2016. 320 p.

В современной Японии есть немало трансвеститов-телезвезд, таких как Мацуко Делюкс — популярнейший трансвестит и ведущая известного телешоу, писательница, журналистка, которая также принимает участие в качестве гостя в самых разных телепередачах и активно снимается в рекламе. На телевидении пользуются популярностью и транссексуалы, например, Харуна Аи, певица, телеведущая, победительница конкурса красоты «Мисс международная королева» в 2009 г. В манге тема чувственной любви между юношами представлена в таком эстетическом жанре как BL (Boys' Love). Вследствие внедрения культурной политики «Cool Japan» этот жанр завоевал большую популярность также и за пределами Японии[351].

Несмотря на толерантное отношение к сексуальным меньшинствам, Япония единственная страна из стран «Большой семерки», которая не одобрила закон, разрешающий однополые браки. Японское законодательство не предусматривает заключение браков между людьми одного пола, 24 статья действующей японской конституции определяет брак как союз мужчины и женщины. «Брак заключается только при взаимном согласии обеих сторон (букв. полов 両性) и существует при условии взаимного сотрудничества, в основу которого положено равенство прав мужа и жены»[352]. При этом среди японских юристов существует мнение, что однополые браки следует легализовать, поскольку смысл данной статьи в уходе от старой модели семьи, где главе семьи принадлежат преимущественные права, и нужно «оба пола» в высказывании «согласие обоих полов» трактовать в том числе и как «женщина и женщина» или «мужчина и мужчина»[353]. Для официального правового признания однополых союзов в Японии требуется

---

[351] Нагаясу Сибун. Сексуальные меньшинства в Японии. Миф о толерантности. 28.10.2016 [Электронный ресурс]. URL:https://www.nippon.com/ru/currents/d00253/ (дата обращения: 04.06.2021).

[352] 日本国憲法 | e-Gov法令検索 [Конституция Японии] [Электронный ресурс]. URL: https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=321CONSTITUTION (дата обращения: 03.06.2021).

[353] Сэтияма Каку. Свободы сексуальных меньшинств: права человека в XXI веке. 9.06. 2015 [Электронный ресурс]. URL: https://www.nippon.com/ru/currents/d00174/?pnum=2# (дата обращения: 07.05.2021).

внести изменения в конституцию, что предусматривает проведение общенационального референдума, для созыва которого его инициатору необходимо иметь две трети голосов в обеих палатах парламента.

Движение за принятие закона об ЛГБТ активизировалось после того, как в марте 2021г. окружной суд г. Саппоро признал, что отсутствие юридического признания однополых браков в стране нарушает конституцию. Суд постановил, что «отказ предоставлять однополым парам законодательное право на брак является неконституционным, поскольку нарушает право на равенство» [354].

В апреле 2021 г. группа депутатов правящей Либерально-демократической партии заявила, что будет добиваться принятия закона о ЛГБТ на текущей сессии парламента в июне. Предварительный план законопроекта, представленный на заседании Комитета специальной миссии Либерально-демократической партии по вопросам сексуальной ориентации и гендерной идентичности, требует, чтобы правительство разработало базовый план по содействию пониманию лесбиянок, геев, бисексуалов и транссексуалов и пересматривало свою политику в этом отношении каждые три года. Он также призывает компании и школы обеспечивать возможности для проведения консультаций по вопросам, с которыми сталкиваются представители ЛГБТ-сообщества. Комитет пытался внести аналогичный законопроект в 2016 году, но встретил сопротивление в ЛДП. Внутри ЛДП по-прежнему существует решительная оппозиция такому закону, в основном со стороны консервативных членов[355]. По данным опроса, проведенного JNN (Japan News Network), 57 % респондентов выступают за принятие закона о ЛГБТ на сессии парламента в июне 2021 г., 24 % опрошенных — против[356].

---

[354] 同性婚を認めないのは「違憲」　札幌地裁が初の判断 — BBCニュース [Отказ признать однополый брак является некоституционным. Решение суда Саппоро] [Электронный ресурс]. URL:https://www.bbc.com/japanese/56424717 (дата обращения: 03.06.2021).

[355] ＬＧＢＴ法、今国会成立目指す＝自民特命委が議論再開 8.04.2021. [Комитет специальной миссии ЛДП будет добиваться принятия Закона о ЛБГТ] [Электронный ресурс]. URL: https://www.jiji.com/jc/article?k=2021040800955&g=pol (дата обращения: 03.06.2021).

[356] ＪＮＮ世論調査.07.06.2021. [Опрос JNN] [Электронный ресурс]. URL: https://news.tbs.co.jp/newseye/tbs_newseye4285909.html (дата обращения: 07.06.2021).

Лояльность к проблемам ЛГБТ-сообщества в Японии постоянно растет. Так, например, в марте 2009 г. правительство разрешило японским гражданам вступать в брак с однополыми партнерами в странах, где однополые браки узаконены на общенациональном уровне. Начиная с 2012 г. в Токио в апреле проходит гей-парад Rainbow pride. Ежегодно число участников парада увеличивается. Если в 2012 г. в шествии приняли участие 3 тыс. чел., то в 2019 г. — уже около 11 тыс. В 2020–2021 гг. из-за пандемии коронавируса парад проходил в онлайн-формате[357].

В 2015 году муниципалитет токийского района Сибуя принял постановление о признании однополых отношений «эквивалентными браку». Однополым парам стали выдавать специальные «сертификаты партнерства», которые признаются некоторыми страховыми компаниями, дают возможность пользоваться семейными скидками на мобильные телефоны и подавать заявки на переезд в государственное жилье. Согласно исследованию, проведенному муниципалитетом районом Сибуя, по состоянию на 31 марта 2021 г. система партнерства охватывает 103 муниципалитета, число жителей которых составляет 37,1 % от общего населения страны, в местные органы власти за сертификатом партнёрства обратилась 1741 пара[358].

Результаты опросов показывают, что большинство японцев поддерживают легализацию однополых браков или партнерств[359]. Рост числа сторонников прав ЛГБТ в Японии выявило исследование, проведенное в конце 2019 г., — о поддержке однополых союзов заявили 72,6 % респондентов. 87,7 % респондентов поддержали принятие законов и постановлений, запрещающих издевательства и

---

[357] 東京レインボープライド2021 [Парад Rainbow pride.2021] [Электронный ресурс]. URL: https://tokyorainbowpride.com/pride-parade/ (дата обращения: 06.06.2021).

[358]渋谷区・虹色ダイバーシティ 全国パートナーシップ制度共同調査（2021.3.31時点） [Исследование муниципалитета района Сибуя системы партнерства. 31.03.2021] [Электронный ресурс]. URL: https://www.city.shibuya.tokyo.jp/assets/kurashi/psinfo_202103.pdf (дата обращения: 06.06.2021).

[359] Chisaki Watanabe. Majority of Japanese Support Same-Sex Marriage, Poll Shows. 29.11.2015 [Электронный ресурс]. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2015-11-29/majority-of-japanese-support-same-sex-marriage-poll-shows (дата обращения: 06.06.2021).

дискриминацию в отношении сексуальных меньшинств, а 69,9 % всех респондентов согласились с системой, которая позволяет усыновлять или опекать детей ЛГБТ-парам, если их не могут вырастить родители[360].

Телефонный опрос, проведенный газетой «Асахи» в марте 2021 г., также продемонстрировал увеличение числа приверженцев однополых браков и постепенное снижение количества их противников. Если в 2015 г. за легализацию однополых браков выступали 41 % опрошенных и 32 % — против, то в 2021 г. 65 % японцев поддержали однополые браки, число критически настроенных составило 29 %. При этом активнее всего (86 % положительных ответов) в защиту прав ЛГБТ-движения выступили молодые люди в возрасте 18–29 лет, число поддерживающих однополые союзы среди 30-летних составило 80 %, среди 60-летних — 66 %, в возрастной группе респондентов старше 77-лет — 37 % [361].

Все большее число людей осознает, что их гендер не совпадает с полом, определенным при рождении, и меняют его на основании Специального закона о расстройстве гендерной идентичности (性同一性障害特例法), который вступил в силу в 2004 г. Закон позволяет изменить свой пол в семейном реестре, и все больше японцев официально его меняют: в 2004 году их было всего 97, а в 2019 — 948 человек, что является рекордным показателем. По официальным данным, общее число японцев, сменивших пол, с момента вступления Специального

---

[360] “同性婚に対する意識調査報告書”. 2020 年 10 月 14 日 [Доклад о результатах опросов об отношении к однополым бракам] [Электронный ресурс]. URL: https://www.marriageforall.jp/wp-content/uploads/2020/10/同性婚に関する意識調査報告書_公刊版.pdf (дата обращения: 24.08.2021).

[361] 同性婚、法律で「認めるべき」65 % 朝日新聞世論調査 [Опрос газеты «Асахи» об отношении к легализации однополых браков. 22.03.2021] 2021 年 3 月 22 日 [Электронный ресурс]. URL: https://www.asahi.com/articles/ASP3P7DSCP3MUZPS003.html (дата обращения: 06.06.2021).

закона о расстройстве гендерной идентичности в силу в 2004 г. составило 9625 человек[362].

Выводы по главе

В современном гуманитарном дискурсе стало достаточно частым употребление термина «культурный код». Рассматривая историю осмысления данного понятия в различных областях гуманитарного знания, мы приходим к выводу, что, несмотря на широкое использование, нет его однозначного понимания и строгого определения, что обусловлено его сложностью и многомерностью, различными подходами к интерпретации. Подводя итоги данного параграфа, сформулируем основные выводы.

На наш взгляд, ведущие функции культурного кода — связать знак со значением, перевести и интерпретировать мир номинаций в мир смыслов. Код — основа коммуникации, способ передачи любого типа сообщений.

В каждой культуре существует строгая иерархия кодов, которая представляет открытую, универсальную, самодостаточную, но при этом постоянно меняющуюся, не имеющую жестких границ систему моделирования картины мира. Код — ключ к расшифровке глубинных культурных явлений, стереотипов поведения и ценностей, детерминированных этнокультурой. В рамках исследования представляется релевантной дефиниция культурного кода как ценностной матрицы, включающей константы культуры, инструмента соотнесения информации с определенными знаками (символами), позволяющей перейти от значения к смыслу, к объективизации субъективного значения. Результаты исследования доказали многомерный характер и функциональную подвижность данного концептуального понятия. Установлено, что основными характеристиками кода культуры являются коммуникативные возможности, способность в концентрированном виде фиксировать и транслировать содержание ценностей и смыслов.

---

[362] Трансгендеры в Японии: в 2019 году 948 человек официально изменили пол. Nippon.com [Электронный ресурс]. URL: https://www.nippon.com/ru/japan-data/h00911/ (дата обращения: 06.06.2021).

Мировоззренческие основания культуры определяет духовный код, воплощенный в национальной психологии, базовых ценностях, стереотипах и моделях поведения. Он служит смысловым и нормативным выражением жизненных интенций, придает векторную определенность социальным траекториям личности.

«Онтологические составляющие» японского духовного кода — синтоизм, буддизм, даосизм и конфуцианство, заложили этические основы японской культуры и повлияли на формирование взглядов японцев на все основополагающие аспекты бытия.

Синто:, национальная религия японского народа, будучи религией со всеми присущими ей атрибутами, занимает специфическое место как в представлении индивидуума, так и в национальном сознании. Японцы воспринимают синто: не как религию, а как обычай, как нечто, неразрывно связанное с их естественным окружением, средой, в которой они живут. Другими словам, синто: связывается с чувством принадлежности ко всему японскому. Хотя синто: и не формулирует никакого конкретного свода моральных правил и предписаний, тем не менее именно синто: задает вектор нравственному сознанию японской личности. Культ предков, идея божественного происхождения японской нации формирует такие характерные черты японского этноса, как уважение к старшим, сплоченность, глубокое осознание своей самобытности и уникальности.

Буддизм оказал влияние на формирование ключевых взглядов японцев на жизнь, смерть, место и роль человека в мироздании, принес в японскую культуру понимание четкой обусловленности причины и следствия поступков, личной ответственности не только за свою судьбу, но и счастье последующих поколений (концепция кармы). Сосредотачивая внимание на внутренних проблемах человека, буддизм предполагает интроспективный подход к миру. Нравственное совершенствование, в буддийской традиции понимаемое как отказ от собственного «я», от всего того, что выделяет человека как индивида, обособляет его от других людей, становится вектором духовного развития личности.

Конфуцианство сыграло роль регулятивно-поведенческой основы японского общества. Адаптируя конфуцианское этическое учение под особенности национально-культурной традиции, наполняя теоретические идеи новым содержанием, японцы использовали его в качестве основы воспитания и образования.

Стержневой элемент китайской натурфилософии и религиозного сознания — жизнь в соответствии с *дао* и невмешательство в него — был воспринят японцами как самоустранение, уступчивость, отказ от желаний и от борьбы, воссоединение с природой, достижение гармонии.

Необходимо подчеркнуть, что традиционный духовный код японского народа всегда включал такие приоритеты, как культ предков, коллективизм, сакральное отношение к природе, острое чувство момента, патриотизм, стремление к сглаживанию острых углов, скромность, сдержанность, дух жертвенности, бережное отношение к традициям.

Современный этап общественного развития характеризуется трансформацией всех сфер социокультурной деятельности. Проведенный анализ показал, что в Японии большинство тенденций глобализации наносят урон традиционным и цивилизационным особенностям японцев. Экспансия наднациональных универсалистских смыслов и практик, не отвечающих ориентациям японского социума, способствует трансформации культурных кодов, «перекодировке» их глубинных цивилизационных и национально-культурных оснований.

Динамичные изменения во всех сферах жизни японского социума оказывают влияние на трансформацию гендерных отношений, представляющих конгломерат традиционных, уходящих корнями в конфуцианскую мораль, и эгалитарных взглядов. Известно, что патриархальные маскулинные установки сочетаются с пересмотром гендерных стереотипов и ролей. Вместе с увеличением количества женщин, ведущих скорее мужской (с точки зрения японской традиционной морали) образ жизни, перестройкой нормативных представлений о брачно-семейных и гендерных отношениях размываются четкие границы дихотомии

«феминность» — «маскулинность», что ведет к эмансипации женщин и феминизации мужчин, распространению андрогинности. Брачно-семейные отношения постепенно теряют свою значимость: процесс «демаскулинизации» гендерных норм влечет за собой утрату институтом семьи своих традиционных признаков. Об этом свидетельствуют снижение рождаемости, увеличение брачного возраста, нежелание все большего числа японских женщин жертвовать карьерой ради семьи. Несмотря на усилия правительства, проблема гендерной асимметрии, связанная с меньшим, чем в других развитых странах, участием женщин в экономической и политической жизни, остается острой.

Кроме того, деструктуризации традиционной модели семьи способствует движение за сексуальное равноправие, пропаганда нетрадиционных типов семейных отношений, рост приверженцев однополых браков.

Однако, несмотря на происходящие изменения, институт брака для большинства японцев остается незыблемым, а семья служит одним из внутренних стабилизаторов, которые удерживают общество в устойчивом состоянии.

ГЛАВА 2. КОММУНИКАТИВНЫЙ КОД

2.1. Этнокультурные особенности стиля японской коммуникации

В работах японских исследователей можно выявить три различных подхода к истолкованию специфики коммуникационных процессов в Японии. Одна часть авторов акцентирует внимание на культурно-исторических факторах, обусловивших своеобразие языка и стиля коммуникации, — гомогенности населения, влиянии религиозных традиций, особенностях исторического развития японской культуры (Э. Инатоми, Х. Кисимото, Н. Нобухиро и др.). Другая часть исходит из структуры социальной организации и межличностных отношений в Японии и пытается с помощью социальных факторов объяснить характер японской коммуникации (Ю. Аида, К. Итикава, Ю. Тани, К. Цуруми). Третьи в своем подходе сочетают анализ культурно-исторических и социальных факторов (Т.М. Гуревич, Ю.Б. Стоногина, В.П. Терин, С.В. Чиронов, С.В. Чугров, Х. Като, Ё. Сугимото, Ф. Мараини, Н. Хадзимэ, Ё. Сугимото).

Большая часть авторов исходит из заданности социальной и культурной среды и рассматривает своеобразие коммуникационного процесса с точки зрения отражения в нем ранее выявленных социальных особенностей японского общества, его культурно-исторической специфики. Для других характерен социолингвистический подход, исходя из которого, особенности структуры межличностных отношений в японском обществе определяются на основе анализа языка и стиля коммуникации.

Среди культурно-исторических факторов, предопределивших оригинальные черты японской коммуникации, исследователи называют «монистичность мировосприятия» японцев, преобладание конкретного и эмоционального мышления, нерасчлененность индивидуального и универсального, интуитивизм, алогичность и иррациональность японской мысли, погруженность человека в

среду его непосредственного опыта, удаленное от континента островное положение Японии, влияние религиозных традиций синтоизма и буддизма.

По определению японского ученого Нагасима Нобухиро, для западной цивилизации типичной является форма «коммуникации максимального сообщения», для японской — «форма минимального сообщения». Сущность «коммуникации минимального сообщения» состоит в том, что коммуникатор — передатчик информации сначала схватывает содержание информации, а затем выражает его в немногих словах. Сообщение должно неси в себе большую возбудительную силу, чтобы вызвать «взрыв» информации в уме получателя.

Успех зависит не только от качества сообщения, но также и от способности реципиента инстинктивно понять его. Чем больше опыт у передатчика и получателя информации, тем легче осуществляется коммуникация. Поэтому отношения между ними должны быть близкими и личными. «Для этого типа коммуникации особенно подходит субъективная информация, но даже объективная информация невольно становится субъективной из-за нечеткости сообщения»[363].

В отличие от этого, в «коммуникации максимального сообщения» передатчик информации сначала анализирует ее, затем упорядочивает и преобразует в сообщение, которое должно быть по возможности точным, ясным и логически последовательным. Успех коммуникации почти полностью зависит от способности передатчика информации составить логически связное сообщение, от получателя требуется только лишь понимание используемого языка информации. Отношения между коммуникатором и реципиентом могут быть далекими и безличными. В этом типе коммуникации даже субъективная по своему характеру информация приобретает черты объективной.

Японское мышление и японский язык лишены логической точности и четкости, свойственных западному «формулообразному мышлению». Японцев с

[363] Nobuhiro N. A reversed word: or is it? The Japanese way of communication and their attitudes toward alien cultures // Modes of thoughts. Essays on thinking in Western and non-western societies / eds. by R. Norton, R. Finnengan. London: Faber and Faber, 1973. P. 92–111. P. 95.

детства обучают не строгой логике мышления, не грамматике с ее правилами, а строгому и запутанному языку вежливости. В индоевропейских языках люди стремятся к четкой передаче содержания, используя установленные грамматические правила. Японцы, напротив, предпочитают фокусировать свое внимание на форме. Этот формализм, подчас лишенный внутренней логики, затрудняет для западного человека понимание японца и его культуры.

Одной из основных черт японского мышления и японской национальной культуры является преобладание «инсулярного» («островного мышления»), которое резко противопоставляет «свое» и «чужое». Как уже не раз отмечалось, японцам свойственно культивирование чувства группового единства среди «своих» — 内 *ути* и резкое противопоставление «чужих» — 外 *сото*. В японском языке прослеживается четкое разграничение в использовании лексики между группой «мы» и «не мы». Даже слова, обозначающие иностранные предметы, иногда отличаются от слов, которые используются для названий японских предметов. Говорить так нужно не потому, что японские предметы лучше или хуже иностранных, а только лишь потому, что неяпонские элементы не подходят для японской группы и считаются отличными. Так, например, японского императора называют 天皇 *тэнно*:, императоров других стран — 皇帝 *ко:тэй.*

Контраст между группами «мы — японцы» и «не мы — иностранцы» (外人 *гайдзин* «иностранец», букв. «чужой») явственно обнаруживается в чтении одного и того же иероглифа: например иероглиф 丸 *мару* «судно» в названии японских судов читается *мару*, иностранных — *го*, иероглиф 島 *сима* «остров» в названии японских островов читается *сима* или *дзима*, иностранных — *то:* или *до:*.

Противопоставление японского неяпонскому в языке четко отражает дихотомию 内 *ути* и 外 *сото* в японском образе мышления. Япония как страна является группой *ути*, все неяпонское находится вне группы, соответственно, является 外 *сото.*

«Инсулярное, групповое» мышление стоит на грани между культурно-историческим и социальным факторами. В противостоянии групп «мы — японцы» и «не мы — иностранцы» оно выступает как культурно-исторический фактор, в более узком противостоянии групп «своих» и «чужих» — как социальный фактор, действующий в рамках японского общества.

К числу социальных факторов, обусловивших своеобразие японского стиля коммуникации, можно отнести такие особенности межличностных отношений, как преобладание «вертикальных» (иерархических) отношений; акцентирование отношений 縁 *эн* «связь», основанных на родственно-земляческих связях; сохранение патерналистских отношений типа «глава иерархической группы и ее младшие члены» — 親分—子分 *оябун-кобун*. Господство «вертикальных» отношений в японском обществе, поддержание тесных групповых контактов и единства способствовали развитию «несвободного, фиксированного» стиля коммуникации, соответствующего строго ранжированным отношениям между людьми.

Характерной чертой японского стиля коммуникации является нечеткость, а подчас и двусмысленность языка. Широкую распространенность в Японии «невербальной коммуникации» связывают с влиянием синтоистских религиозных верований, дзэн-буддизма и конфуцианского морального кодекса. В дзэн-буддизме коммуникация может поддерживаться вообще без слов. Считается, что два монаха, молча смотрящие в лицо друг другу, могут вести разговор глазами и душами. «Исторически Японию называли *котоагэсэну куни* (букв. “страна, где люди не спорят”) — традиционная черта японской культуры <…> как раз и заключается в том, что невербальная коммуникация играет очень важную роль в повседневных взаимодействиях японцев», — подчеркивают американские психологи Ё. Уно и Р. Розенталь[364].

[364] Uno Yoshiyasu, Rosenthal Robert. Tacit communications between Japanese experimenters and subjects // Psycholgia-An International Journal of Psychology in the Orient. Kyoto, 1972. Vol. 15. № 5. P. 21–222. P. 213.

Основной причиной, способствовавшей развитию невербальных форм и нечеткости языка коммуникации, можно назвать то обстоятельство, что японцы в течение многих столетий жили в маленьких замкнутых общинах, между которыми существовала небольшая мобильность. В этой связи у них сложилась такая близость в отношениях друг с другом, что они могут понять чувства другого по едва заметным жестам и выражениям лица.

Японский социолог Сакаиа Таити нечеткость японской коммуникации связывает с господством установки на косвенное выражение чувств: «…в японском обществе говорить четко и определенно считается невоспитанностью. Поэтому в нашей стране выработалось искусство общения, так сказать, передачи информации от сердца к сердцу, когда, ничего не говоря четко и определенно, самим своим поведением, выражением лица, недомолвками добиваются взаимного понимания <…> слова — это всего лишь “общие намерения”, и полностью доверять им нельзя»[365].

Стараясь сохранить гармоничные отношения, японцы всегда пытаются понять противоположную сторону и зачастую не могут настоять на своем, что является результатом уклончивости и неопределенности в высказывании собственной позиции. Они стараются избегать дискуссий и дебатов, характерных западному стилю коммуникации, предпочитая предварительную подготовку с целью заранее выяснить мнение противоположной стороны. Традиционная японская «телепатическая коммуникация» 以心伝心 *исин дэнсин* — «от сердца к сердцу» — также, по мнению японских исследователей, мешает успешному осуществлению коммуникации, особенно в бизнесе, «превращает японцев в людей, не способных принимать решения» [366].

---

[365] Таити Сакаиа. Что такое Япония. М.: Партнер Ко. ЛТД., 1992. С. 206.

[366] 2012年4月号「コミュニケーション能力「コミュニケーション能力が低い日本人を脱却する方法」。[Как избавиться от японцев с низким уровнем коммуникативных навыков] [Электронный ресурс]. URL: http://www.nnn.co.jp/dainichi/rensai/miotukusi/110412/20110412037.html (дата обращения: 08.03.2012).

Японцам часто трудно произнести слово «нет», и их попытки прибегнуть к уклончивому отказу часто приводят к критике. «Японцы не склонны прямо отказать и воспринимают согласие как добродетель; поэтому в общении между ними и людьми из других стран часто возникают проблемы. Различные варианты уклончивого отказа делают японцев трудно понимаемыми или вовсе непонятными для западных собеседников»[367].

Аида Ю:дзи называет японское общество «обществом тесного круга», «интимным обществом», отличительными чертами которого он считает отсутствие сословного расслоения в его современном западном понимании, слияние «личного» и «общественного» в сознании человека, ощущение тесной взаимосвязи между людьми. «Мы образуем интимный мир, мир бессловесного совпадения желаний, мир взаимопонимания»[368].

Нечеткость японского стиля коммуникации в первую очередь вызвана стремлением к сохранению гармонии в обществе. Даже в «директивном языке» (т.е. в языке тех текстов и заявлений, с помощью которых пытаются контролировать, управлять и оказывать влияние на будущее поведение людей) японцы стараются пользоваться не столько «прямыми», сколько «косвенными» деликатными средствами воздействия на слушателей и читателей.

На Западе политики в своих предвыборных речах рисуют избирателям картины будущего и дают обещания, адресуясь к ним на прямом «директивном» языке. Если их обещания оказываются невыполненными, избиратель теряет доверие к этим политикам и политике вообще. В Японии же такого большого разочарования в политиках и политике нет, что объясняется отчасти языком предвыборных кампаний. В политических платформах партий почти не используется прямой «директивный язык», в них дается мало обещаний на

---

[367] Моримото Т. [Притворство и искренность в японском языке]. Токио: Синтёся, 1988. С. 63; Япония. Как ее понять. М.: АСТ ; Астрель, 2006. С. 17.

[368] 会田雄次。日本人とは何か。日本人の意識こうぞうとコミュニケーションの特質。[Аида Ю:дзи. Кто такие японцы? Структура японского сознания и особенности коммуникации]、東京: 講談社、1973. 237 p. P. 79–80.

будущее. Эти платформы представляют собой скорее негативную реакцию на политический курс других партий. Коль мало обещаний, то мало и разочарований у избирателей в деятельности избранников. Японцы прямой технике влияния на народ в политической сфере предпочитают «косвенную».

В рекламе и бизнесе японские предприниматели также ориентируются на «косвенный, эмоциональный язык». Член японского социума больше всего хочет сохранить «гармонию» в повседневной жизни. Любого рода жалоба является причиной трений и замешательства для всех сторон. Любого рода прямая конфронтация или использование прямого языка становится причиной беспокойства для других. Если возникает какое-либо конкретное затруднение, то одна из сторон быстро приносит извинения, и все беспокойства улаживаются.

Ответы японцев на обещания и обязательства, столь часто не понимаемые иностранцами, также носят, по существу, косвенный характер и тем самым отличаются от прямых и недвусмысленных ответов американцев и европейцев.

Косвенный «директивный» язык дополняется также невербальным языком, языком жестов. Характерный для Японии язык жестов отличается от широких и открытых жестов западного человека, японцы предпочитают едва заметные и тонкие жесты. Как правило, они стилизованы, и поэтому их легко понять и даже можно предсказать. Певцы, например, запоминают и повторяют одни и те же жесты для выражения какой-либо определенной эмоции. Многие жесты актеров театра Кабуки и театра Но имеют строго определенное значение. Жесты отражают отсутствие у японцев в их действиях спонтанности и непредсказуемости.

Господство формализированной и фиксированной коммуникации в Японии объясняется характерной для Японии вертикальной структурой отношений в обществе. «Несвободная фиксированная коммуникация» соответствует фиксированной системе межличностных отношений. Без знания рангового порядка повседневное поведение людей и коммуникация весьма затрудняется.

Формализм порождает у японцев стремление скрывать свои чувства. Человек не может говорить то, что он хочет сказать, поскольку сказать — это означало бы неучтивость и грозило бы ему неприятными последствиями. При господстве фиксированных ранжированных отношений коммуникация низводится до обмена ничего не значащими словами. Отсюда рождается и недоверие к слову, присущее японцам.

К характерным чертам японской коммуникации можно отнести наличие «замкнутой коммуникации». Под «замкнутостью» понимается значительная распространенность «интраперсональных» форм коммуникации, т.е. таких форм, в которых информация не адресуется собеседнику открыто в межличностных контактах, а превращается в «беседу с самим собой». Впервые на склонность японцев к «интраперсональной коммуникации» указала японский социолог Цуруми Кадзуко. Распространенность «интраперсональных» форм коммуникации Цуруми связывает с «многослойной структурой» японского общества и особенностями психологии японцев. «При изучении структуры личности в каком-либо обществе в течение относительно длительного отрезка времени видно, что наибольшей устойчивостью к изменениям обладает не рациональное сознание, а именно эмоции (система мотивов поведения), сохраняющие поэтому и более длительное воздействие на личность. Как бы сравнительно быстро ни изменялись идеологические воззрения под влиянием общественных событий, воспитания, прочитанных книг или друзей, формы любви и ненависти, коммуникации не подвержены столь быстрым изменениям <…> Как бы сравнительно резко ни менялись представления о материальном мире, типы чувств обладают большим постоянством» [369] . «Закрытость» в межличностных отношениях обусловлена многослойной структурой японского общества, которое «не признает ни противоположностей интересов, ни противоположностей ценностей и идеологий,

[369] 鶴見和. 好奇心と日本. 新版. 多重構造社会の理論 [Цуруми Кадзуко. Любопытство и японцы. Новое издание. Теория общества с многослойной структурой]、 藤原書店、 2020. 272 p. P. 10.

ни наличия самого противоречия»[370]. По мнению Цуруми, «сведение к минимуму прямого контакта между группами, индивидуумами позволяет избежать их непосредственного противостояния»[371].

Рассматривая особенности японской коммуникации, необходимо обратиться к концепции «редакционной инженерии» Мацуока Сэйго:. В Японии его называют «интеллектуальным гением», «главным энциклопедистом» современной эпохи[372]. Сфера научных интересов Мацуока — исследования японской культуры, создание «новых медиа» [373] и системных разработок в области методологии, которая объединяет информационную культуру и информационные технологии[374].

В 1987 г. он создал Лабораторию редакционной инженерии, в 2000 г. открыл онлайн-школу редактирования ISIS.

«Редакционная инженерия» — это комплексная методология, анализирующая человеческое мышление, системы социальной коммуникации и творчество. Ее истоки восходят к 80-м гг., когда Япония вступила в эру информационных технологий. В то время, как информатика предполагала обработку символьной информации (букв, цифр, знаков операций и др.), Мацуока сосредоточился на «семантической информации», которая сопровождает человеческое сознание, эмоции и действия. Теоретические основы «редакционной инженерии» заложили

---

[370] 鶴見和. 好奇心と日本. 新版. 多重構造社会の理論 [Цуруми Кадзуко. Любопытство и японцы. Новое издание. Теория общества с многослойной структурой], 藤原書店, 2020. 272 p. P. 121.

[371]鶴見和. 好奇心と日本. 新版. 多重構造社会の理論 [Цуруми Кадзуко. Любопытство и японцы. Новое издание. Теория общества с многослойной структурой], 藤原書店, 2020. 272 p. P. 121.C. 121.

[372] 季刊政策経営研究(Quarterly journal of public policy & management). 2000. Vol. 3. P. 202–225. Editor-in Chief Interview: «Ongoing Edition of Globalization» [Электронный ресурс]. URL: https://www.murc.jp/wp-content/uploads/2012/07/202.pdf (дата обращения: 24.08.2021).

[373] Новые медиа — это новейший цифровой формат существования средств массовой информации в сети Интернет, а также способ распространения контента и новые формы коммуникации. «Новые медиа» объединяют технологии и сетевые ресурсы, к которым относятся не только информационные сайты в сети интернет, но видеохостинги, социальные сети, блоги и другие ресурсы.

[374] セイゴウちゃんねる, 松岡正剛 [Официальный сайт Мацуока Сэйго:] [Электронный ресурс]. URL: https://seigowchannel-neo.com (дата обращения: 24.08.2021).

концепция деконструкции, изложенная французским философом постструктуралистом Ж. Деррида в его программной работе «О грамматологии», вышедшей в 1967 г.[375], междисциплинарная теория самоорганизации и идеи Марвина Ли Минского, американского ученого в области искусственного интеллекта, одного из основателей Лаборатории искусственного интеллекта в Массачусетском технологическом институте[376]. Рассматривая различные аспекты жизнедеятельности как «материнские коды», Мацуока разработал способы их первичной «очистки» и систематизации в целях «перекодировки образа мира», поиска утраченного первоначального смысла. Согласно Мацуоке, «редакционная инженерия» в условиях наступления эры «информационного потока», в котором «знания» (知) распределяются фрагментарно, должна разработать совокупность моделей, методов и приемов для работы с «живыми информационными технологиями» с целью формирования, организации, обработки и использования информации, то есть «знаний».

Область «редакционной инженерии», которую Мацуока называет «материнскими кодами» (マザーコード), очень широка. К ней относятся следующие категории: «все, что связано с телесной оболочкой» (身体に起因するもの) — эмоции: радость, гнев, горе, веселье; наслаждение, чувства, отношение к жизни и смерти, физические недостатки; «любимые занятия» (好みから発するもの) — развлечения, хобби, музыка и танцы, прикладное искусство; «интуиция и откровения» (直感あるいは啓示によるもの) — религия, видения, сны, состояние транса; «знания, полученные в ходе обучения» (学習性の堆積によるもの) — переработка знаний, эмпирический опыт, поведенческий тренинг; «все, что вызывает яркие эмоции (экспрессию)» (表現構成が喚起するも) — искусство, живопись, художественная литература, кино, театр; «все, что связано с игрой» (ゲ

[375] Автономова Н.С. Философский язык Жака Дерриды. М.: РОССПЭН, 2011.

[376] Minsky, Marvin Lee. The Emotion Machine: Commonsense Thinking, Artificial Intelligence, and the Future of the Human Mind. New York: Simon & Schuster, 2007.

ーム適用によるもの) — игры с элементами соревнований, спорт, телевизионные викторины, реклама; «иконография» (図像にひそむもの) — буквы и иероглифы, картины, узоры, аллегории, карты мира, тотемы; «смыслы, которые передает ход вещей» (物事が伝えるもの) — мифы, легенды, повествования, устные предания, иллюстрации; «все, что принадлежит истории» (歴史に内属するもの) — войны, политика, социокультурное развитие, инциденты, СМИ; «элементы повседневной жизни» (日常性によるもの) — общение, этикет, мораль, ревность, романтика, ненависть, семья, друзья, знакомые. В каждой из этих категорий заключается двадцать пять видов информации, как то: числовая, прагматическая, информация о явлениях, об интерпретации, теоретическая, психологическая, визуальная, стилистическая, структурная, временная, акустическая, сюжетная, новостная и др.

Для обработки первичной информации (データ情報) Мацуока предлагает использовать пять методов: сбор, отбор, классификацию, типологизацию и систематизацию данных. Для редактирования «семантической составляющей» применяются пятьдесят девять приемов, в том числе краткое изложение (резюме), моделирование, упорядочивание, обмен, адаптация, комментарий, фокусирование, трансформация, искажение, структурирование, перевод, украшение и др. Кроме того, широко используются аллегории, намеки, мимикрия, элементы драмы, игры и др.[377] Ключевыми из этих шестидесяти четырех техник и методов Мацуока называет синтез (総合) и творчество (創造)[378].

«Коммуникация нуждается в “редактировании”. Для этого необходимо использовать память, мышление, методы воспроизводства и записи. Редактируемый материал скрывает большое количество данных. В различных явлениях, фактах, тенденциях можно обнаружить метапрограммы и метаигры. Образ мира также повторно редактируется. Информация, генерируемая буквами,

---

[377] 知の編集工学 [Редакционная инженерия знаний] [Электронный ресурс]. URL: https://sendatakayuki.web.fc2.com/etc5/syohyou241.html (дата обращения: 24.08.2021).

[378] セイゴウちゃんねる, 松岡正剛 [Официальный сайт Мацуока Сэйго:] [Электронный ресурс]. URL:https://seigowchannel-neo.com (дата обращения: 24.08.2021).

символами, знаками, языками, научными системами, машинами, архитектурой, городами, ритуалами и исполнительским искусством проходит через процесс предварительной «очистки» и систематизации, позволяющий решить вопрос о конкретных направлениях и способах ее дальнейшего использования», — утверждает Мацуока[379]. По мнению ученого, «образ мира» может быть изменен путем создания «автономной редакционной реальности» и моделирования «сценариев различных перцептивных и социальных действий»[380].

В 2000 г. Мацуока открыл онлайн-школу редактирования ISIS (イシス編集学校). Ее слушатели — люди от 10 до 80 лет. Среди них школьники, домохозяйки, студенты, художники, дизайнеры, рекламные агенты, люди различных творческих профессий. Как подчеркивает Мацуока, одна и та же информация может храниться и перемещаться на самых разных материальных носителях. Она не может творить Материю, но может Материю организовывать, форматировать, конструировать. По мнению ученого, информация состоит из кодовых элементов (コード-素）и узлов соединения (ノード-結）. Сознательное перемещение этих компонентов позволяет изменять конечную информацию. Таким образом, смысл «редактирования» заключается в том, чтобы рассматривать повседневную жизнь, социальные и природные явления, культурную деятельность как информацию и уметь управлять всеми ее элементами. Мацуока характеризует данную методологию как ОС (операционную систему) жизнедеятельности, способ преодоления сложности взаимодействия с огромным объемом знаний и развития творческих способностей [381].

На концептуализацию методологии исследования коммуникации и человеческого сознания Мацуока большое влияние оказала буддийская

---

[379] 方法論 | セイゴオちゃんねる [Официальный сайт Мацуока Сэйго:] [Электронный ресурс]. URL: https://seigowchannel-neo.com/works (дата обращения: 24.08.2021).

[380] 松岡正剛　。知の編集工学 [Редакционная инженерия знаний]. 朝日新聞出版, 2001. 346 p. P. 156.

[381] イシス編集学校とは — イシス編集学校 [Школа редактирования ISIS)] [Электронный ресурс]. URL: https://es.isis.ne.jp/outline/about/ (дата обращения: 24.08.2021).

философия. Совместно с профессором Киотосского университета Тоса Наоко он разработал интерактивную систему, которая получила название «дзэнский компьютер» (ZENetic Computer). Эта система основана на стремлении воссоединить сознательное и бессознательное в духовном мире человека, опираясь на принципы буддизма, восточную философию и традиционную японскую культуру с помощью использования техники рисования тушью в стиле *сансуйга* (山水画)[382], хайку[383], дзэнских коанов[384]. Авторы проецируют стиль общения, выработанный школами дзэн на протяжении сотен лет, в компьютерный мир[385]. Пользователь создает трехмерную картину тушью в стиле *сансуй* на дисплее, используя виртуальную кисть. Система классифицирует состояние сознания пользователя и генерирует историю, предназначенную для пробуждения его сознания. В историю включаются хайку, дзэнские коаны. Сюжет, построенный из этих элементов, не является законченным повествованием, как в фильмах и романах, а представляет собой нелинейный набор отрывочных фрагментов, вопросов, на которые нет ответа[386].

Интерактивная система предлагает форму аллегорического общения, основанную на провокации. Пользователь реагирует на объекты, будь то графическое изображение, хайку или диалог с Мастером, манипулируя виртуальной каллиграфической кистью, граблями дзэнского сада камней или просто хлопая в ладоши. Подсознательные усилия вдохновляют пользователя на

---

[382] Сансуйга (山水画) — пейзажная живопись, изображение гор и воды. Горы — олицетворяют активную устойчивую мужскую силу «янь», вода — пассивную, изменчивую женскую силу «инь». Их единство составляет гармонию мира.

[383]Хайку — 17-сложное стихотворение, состоящее из трёх ритмических частей по 5-7-5 слогов.

384 Коан — форма дзэнской практики: короткое повествование, вопрос, диалог, фраза, которые не поддаются логическому объяснению и включают парадокс, головоломку, доступные лишь интуитивному пониманию.

[385] Tosa, Naoko, and Seigow Matsuoka. ZENetic Computer: Exploring Japanese Culture // Leonardo. Vol. 39. No. 3. 2006. P. 205–228. JSTOR [Электронный ресурс]. URL: www.jstor.org/stable/20206218 (дата обращения: 24.08.2021).

[386] Tosa, Naoko, Matsuoka, Seigow, Miyazaki, Koji. Interactive storytelling system using behavior-based non-verbal information: ZENetic computer // Conference: Proceedings of the Eleventh ACM International Conference on Multimedia, Berkeley, CA, USA. November 2–8, 2003. P.446–447.

поиск способов связать отдельные эпизоды в единое целое, что сокращает разрыв между сознательным и бессознательным «Я». Этот процесс взаимодействия называется *Ma* (間 — «промежуток», «расстояние», «пространство»). *Ma* представляет собой метод создания целого из порождающей пустоты, которая порождает свободный простор, живительную атмосферу, пробуждающую в душе новые, неожиданные переживания. Активная пустота, требующая своего заполнения, подчеркивает эфемерность опыта, выводит за пределы вербального, формально-логического мышления, обыденного сознания. В конце виртуального путешествия пользователь вступает в диалог с быком, который в дзэн-буддизме служит метафорой истинного «Я», символизирует внутреннюю природу сознания[387].

Разработчики программы «дзэнский компьютер» Мацуока и Тоса позиционируют ее как «специфический способ межкультурной коммуникации, возможность лучше понять японскую культуру»[388].

2.2. Интернет-коммуникации

Изучение интернет-коммуникаций носит интегративный характер, находясь на стыке социологии, психологии, философии, культурологии. Нельзя не согласиться с мнением А.А. Пелипенко, который указывает, что интернет — самостоятельная подсистема культуры, «ключевой фактор культурно-антропологической эволюции»[389].

Один из основных вопросов, возникающих в процессе изучения новых информационных технологий, — вопрос о «виртуализации человека» в

---

[387] Хиксон Л. Десять сезонов просветления: дзенские поиски быка // Что такое просветление? / под ред. Джона Уайта. М.: Изд-во Трансперсонального Института, 1996. С. 194–205.

[388] Tosa, Naoko, and Seigow Matsuoka. ZENetic Computer: Exploring Japanese Culture // Leonardo. Vol. 39. No. 3. 2006. P. 205–211. JSTOR [Электронный ресурс]. URL: https://www.jstor.org/stable/20206218 (дата обращения: 24.08.2021).

[389] Пелипенко А.А. Интернет как феномен эволюции культуры // Власть. 2015. С. 163–169. С. 165.

киберпространстве, о влиянии интернета как новой формы коммуникации на трансформацию социокультурных процессов, сохранение культурной идентичности и традиционных ценностей.

Можно предположить, что интернет как средство социальной коммуникации, позволяющее оперативно доносить различную информацию, будет продолжать оказывать положительное влияние на мировое сообщество, способствуя формированию транснационального пространства. Вместе с тем все более остро будут вставать вопросы о том, что происходит с человеком в процессе продолжающегося «информационного взрыва», каковы социокультурные последствия распространения информационных технологий.

Исида Хидэтака и Адзума Хироки в монографии «Новая теория символов: когда встречаются мозг и медиа» рассматривают современные технологии как инструмент кодирования познания, общения и поведения в «эпоху технического бессознательного». «Мы живем в эпоху гиперконтроля <…> По мере того, как с помощью новых технологий становится возможной бессознательная визуализация, в будущем возникнут такие проблемы, как “ответственность за бессознательные желания”» [390] . По мнению авторов, цифровая реальность угрожает личной свободе и личному пространству человека.

Япония — общепризнанный лидер в области информационных и коммуникационных технологий (ИКТ). Японскими учеными (Хаяси Юдзиро, Умэсао Тадао, Кохияма Кэнъити) еще в 1960-х – 1970-х гг. прошлого века была сформулирована теория 情報社会 *дзё:хо: сякай* «информационного общества».

Основные направления развития информационного общества сформулировал основатель Института информационного общества Масуда Ёнэдзи (1905–1995) в работе «Информационное общество как постиндустриальное общество». Масуда предвидел, что основой будущего информационного общества — «компьютопии»

---

[390] 石田英敬, 東浩紀 . 新記号論 脳とメディアが出会うとき [Исида Хидэтака, Адзума Хироки. Новая теория символов: когда встречаются мозг и медиа], ゲンロン, 2019. 450 p. P. 18.

— станут компьютерные технологии, а информационная революция превратится в новую производительную силу и сделает возможным массовое производство когнитивной, систематизированной информации, технологий и знаний. «Информационное общество будет новым типом общества, полностью отличающимся от существующего в настоящее время индустриального общества», «производство информационного продукта, а не продукта материального, будет движущей силой образования и развития общества», — писал Масуда [391] . Инновации в информационной технологии Масуда считал «скрытой силой социальной трансформации, которая выражается в радикальном увеличении количества и качества информации, а также в возрастании объемов ее обмена»[392].

По мнению ученого, в глобальном информационном обществе произойдет трансформация общечеловеческих ценностей. В отличие от индустриального общества, движущей силой которого является потребление товаров, основной целью в новом обществе будет реализация «ценности времени». Главным субъектом социальной активности станет «свободное сообщество», а политической системой будет являться демократия участия. «Это будет общество согласия, с небольшим правительством и государственным аппаратом»[393].

Не все предсказания Масуды сбылись, но некоторые оказались пророческими, в частности, относительно возможностей компьютерных технологий замещать либо усиливать умственный труд человека.

Жизнь современного человека трудно представить без интернета, который стал незаменимым инструментом для работы, образования и общения. Япония в этом отношении не является исключением.

Согласно статистическим данным, опубликованным 29 мая 2020 г. Министерством внутренних дел и коммуникаций, в сентябре 2019 г. почти 9 из 10 японцев пользовались интернетом. Число пользователей достигло 113 миллионов

---

[391] Masuda Y. The Informational Society as Post-Industrial Society. World Future Society, 1981. P. 29.

[392] Там же. P. 49.

[393] Там же. P. 46.

424 тысяч человек или 89,8 % населения страны. В 1997 г. эта цифра составляла всего лишь 9, 2 %, в 2001 г. — 46,3 %, а к концу 2009 г. уже 78 %. 90 % пользователей — это население в возрасте 13–69 лет. Увеличилось число пользователей в возрасте до 12 лет и старше 60 лет. Среди пожилых людей старше 80 лет в 2019 г. в онлайн выходили 57,5 %, в 2015 г. их число составляло лишь 20,2 %[394].

Как показывают полученные данные, 63,3 % пользователей предпочитают выходить в сеть со смартфонов, на втором месте по популярности компьютеры — 50,4 %, на третьем планшеты — 23,2 %.

Тенденцией последних лет является сокращение пользователей, использующих компьютеры, и увеличение числа японцев, выходящих в интернет при помощи смартфонов[395].

Интернет все глубже проникает в структуру современного японского общества, актуализируясь в социокультурных трансформациях, изменениях в информационной культуре; появляются новые формы коммуникации — новое «виртуальное» поле социального взаимодействия, формируется специфическая субкультура интернет-сообществ. Вместе с тем, как и любое новшество подобных масштабов, он порождает множество мифов, страхов и социальных проблем. Так было в свое время с телеграфом, телефоном, а затем с радио и телевидением. И одним из основных «социальных» страхов, связанных с сетью, является так называемая интернет-зависимость или «интернет-аддикция» (Internet Addiction Disorder, или IAD)[396].

По мнению японских исследователей, постоянное использование интернета становится серьезной социальной проблемой. Ученые исходят из возможности

---

[394]総務省｜情報通信統計データベース [Официальный сайт Министерства внутренних дел и коммуникаций. Статистическая база данных] [Электронный ресурс]. URL: http://www.soumu.go.jp/johotsusintokei/index.html (дата обращения: 13.07.2020).

[395] Там же.

[396] Psychology.ru — Психологические исследования феномена интернет-аддикции [Электронный ресурс]. URL: https://www.psychology.ru/internet/ecology/04.stm (дата обращения: 11.01.2016).

развития зависимости (аддикции) не только от вводимых в организм материальных сущностей, но и от производимых субъектом действий и сопровождающих их эмоций. Вопросы поддержки и развития интернет-технологий, которые ранее рассматривались только в контексте утилитарного использования сети, стали ассоциироваться с психическим здоровьем населения. О синдроме привязанности к интернету начали говорить как о новой болезни, подобной пристрастиям к наркотикам или алкоголю. К основным симптомам наркотической интернет-зависимости, по мнению ученых, можно отнести долгое пребывание в сети, неисполнение своих служебных обязанностей, а также снижение интереса к общественной жизни и учебе.

Среди интернет-зависимостей различают несколько типов: «игровая зависимость», когда пользователь всецело поглощен онлайн-играми; «зависимость от связей», возникающая за долгие часы, проведенные в Фейсбуке, Твиттере и других социальных сетях; «зависимость от контента», то есть от информационного наполнения сайта, такого как фото, видео и т.п.; «зависимость от интерактивных приложений с азартными играми», куда входят аукционы и часть игр для социальных сетей.

Резкий рост киберзависимых людей японские исследователи связывают в первую очередь с распространением смартфонов и социальных сетей.

С появлением смартфонов доступ в интернет стал значительно проще и удобней. С одной стороны, большой экран таких устройств позволяет с комфортом просматривать странички в интернете, а также пользоваться навигатором и общаться в соцсетях. С другой стороны, к смартфонам очень быстро привыкают, что вызывает нарекания со стороны окружающих: пользователь с головой уходит в свою «игрушку» и не реагирует на внешние раздражители. Где бы ты ни находился, от тебя ожидают немедленного ответа. К тому же иногда пользование мобильным телефоном в общественном месте может привести к серьезным проблемам.

Как отмечает агентство Киодо, симптомы смартфономании могут включать следующие признаки:

1. Я чувствую беспокойство, когда под рукой нет телефона.
2. Я ношу телефон с собой в туалет или ванную.
3. Я продолжаю пользоваться мобильным, даже находясь с близкими друзьями.
4. Мне больше нравится писать сообщения в Твиттер, чем разговаривать с людьми.
5. Я часто без какой-либо надобности беру телефон в руки.
6. Если ко мне кто-то обращается, когда я пользуюсь телефоном, пусть даже это мой ребенок или другой близкий человек, меня это раздражает.
7. Я пользуюсь телефоном за рулем.
8. Даже в состоянии сильной усталости я настаиваю на том, чтобы пользоваться телефоном.
9. Я могу пропустить важный момент спортивной игры, поскольку набиваю текст на телефоне.
10. В прошлом мне довелось потерять друга или любимого человека в результате отношения к телефону [397].

Для борьбы со смартфономанией японский дизайнер Моринага Кунихико запустил линию одежды под названием *Focus: Life Gear*, которая блокирует сигналы связи. «Мы взяли технологии пошива верхней одежды, которая защищает нас от дождя и ветра, и использовали их в одежде, которая убережет нас от шквала информации», — говорит дизайнер. Убрав свой смартфон в карман такой куртки, человек моментально становится недоступен для звонков и интернет-соединения[398].

---

[397] Kyodo News. 31.01.2013.

[398] Focus: Life Gear Fashion Could Ease You from Your Smartphone Addiction [В фокусе: Линия одежды Лайф Гиар избавит от смартфомании] [Электронный ресурс]. URL: http://www.ubergizmo.com/2014/05/focus-life-gear-fashion-could-ease-you-from-your-smartphone-addiction/ (дата обращения: 13.07.2015).

Количество времени, которое школьники проводят в интернете, ежегодно увеличивается. В 2013 г. Министерство здравоохранения Японии провело опрос 100 тыс. школьников. Было выявлено, что доля учеников старшей школы, проводящих в интернете ежедневно более 5 часов, возросла с 9 % до 15 %. По данным Министерства, около 510 тыс. японских подростков в возрасте от 12 до 18 лет страдали от интернет-зависимости[399].

С декабря 2017 г. по февраль 2018 г. был проведен аналогичный опрос 64 тыс. школьников из 103 средних и старших школ по всей Японии. Результаты исследования показали, что 930 тыс. учащихся страдают от интернет-зависимости: в средних школах около 10,6 % учеников мужского пола и 14,3 % женского. Среди учащихся старших школ зависимость от интернета была выявлена у 13,2 % молодых людей и 18,9 % девушек. Для выявления интернет-зависимых специалисты выделили восемь признаков. Ученик определялся в категорию «интернет-зависимый», если на основании его ответов можно было выделить пять или более признаков из восьми.

Данные другого онлайн-исследования по использованию сети интернет молодежью показали, что в 2018 г. интернет использовали более 90 % детей в возрасте от 10 до 17 лет. Среднее время, проведенное в сети, для этой возрастной группы составило 2 часа 49 минут, что на 9 минут больше, чем в предыдущем году. Среди старшеклассников среднее время составило 3 часа 37 минут, увеличившись за год на 3 минуты. При этом учащиеся младших классов школы пользовались сетью 1 час 58 минут, что на 21 минуту больше, чем в 2017 г., а ученики средней школы находились онлайн 2 часа 44 минуты, что на 15 минут дольше, чем годом ранее. Около 60 % использования приходилось на смартфоны. Чаще всего молодежь смотрит видео, играет в игры и общается в сети. Согласно результатам исследования, несмотря на то, что интернет благодаря удобству и

[399] Half a Million Japanese Students ‘Addicted’ to Internet — Japan Real Time — WSJ [500 тысяч японских школьников страдают от интернет-зависимости] [Электронный ресурс]. URL: blogs.wsj.com/japanrealtime/2013/08/07/half-a-million-japanese-students-addicted-to-internet/ (дата обращения: 11.07.2015).

огромному количеству развлекательного контента стал неотъемлемой частью повседневной жизни как взрослых, так и детей, у чрезмерного использования сети есть и обратная сторона — оно может приводить к зависимости, расстройствам сна, уменьшению контактов с друзьями и депрессии [400].

По мнению Хасимото Ёсиаки, профессора Института междисциплинарных информационных исследований, автора работ «Рождение нецифрового поколения» (ネオデジタルネイティブの誕生), «Японцы и медиа — меняющаяся повседневность» (メディアと日本人―変わりゆく日常) и др., наибольшая степень зависимости наблюдается у пользователей социальных медиа. Хасимото называет это «зависимостью от связей».

«Люди становятся приверженцами социальных медиа по разным причинам, но, пожалуй, главное вознаграждение за потраченное в соцсетях время — это частичное избавление от чувства одиночества, удовлетворенность от того, что у тебя всегда есть возможность поделиться своими чувствами и мыслями с другими. В то же время многие часто заходят в сеть из чувства беспокойства, что если они не будут этого делать, то друзья онлайн могут внезапно отвернуться от них либо начнут злословить за спиной и т.д.», — отмечает Хасимото[401].

Другими словами, погружение в сети не обязательно является развлечением, многие пользователи заходят в них снова и снова, потому что не могут этого не делать. Соцсети «затягивают» и отнимают слишком много времени, заменяя реальные социальные контакты пустым общением и ненужной информацией. Виртуальная реальность входит в повседневную жизнь в качестве компьютерных симуляций реальных вещей, поступков, социальных взаимодействий.

---

[400] 平成 30 年度 青少年のインターネット利用環境実態調査。政府統計[Исследование об использовании молодежью интернета в 2018 году. Статистические данные правительства Японии] [Электронный ресурс]. URL: https://www.soumu.go.jp/main_content/000635133.pdf (дата обращения: 30.07.2020).

[401] 橋元 良明。「ネット依存」の日本的特徴は「きずな依存」[Хасимото Ёсиаки. «Зависимые от связей»: особенности японской Интернет-зависимости] [Электронный ресурс]. URL: http://www.nippon.com/ja/currents/d00102/ (дата обращения: 03.03.2016).

Эпоху постмодернизма французский философ Жан Бодрийяр справедливо называл «эрой тотальной симуляции», в которой «люди имеют дело не с реальностью, а с гиперреальностью, воспринимаемой гораздо реальнее, чем сама реальность». «Симуляция — это больше не симуляция территории, референтного существа, субстанции. Она есть порождение моделями реального, лишенного происхождения и реальности: гиперреального» [402] . Характеризуя специфику коммуникации в «пространстве симуляции», философ говорил о самом акте как об игре, симуляции разговора, потому что ни собеседников, ни смысла сообщений в сетевом пространстве уже не существует. «Здесь играют в то, будто говорят друг с другом, слушают друг друга, общаются, здесь разыгрываются самые тонкие механизмы постановки коммуникации. Контакт ради контакта становится родом пустого самособлазна языка, когда ему уже просто нечего сказать»[403].

Японцы в большей степени, чем жители других стран, склонны к «зависимости от связей» благодаря социокультурным особенностям японского общества.

Как уже отмечалось ранее, японцев отличает стремление к конформизму, им свойственна групповая логика, отсутствие самостоятельности в принятии решений, уходящие корнями в японскую деревенскую общину, что легко приводит к созданию общества, состоящего из закрытых групп, в которые принимают только «своих». Примером может служить группа старшеклассниц или мам, водящих своих детей в один детский сад (т.н. ままとも — «мамы-друзья»). Между членами таких групп связь более тесная, чем между просто друзьями и знакомыми; от каждого требуется заботиться о других членах группы. Все должны вести себя одинаково, а при отказе от участия в общем деле часто случается, что остальные члены группы перестают тебя замечать и общаться, ты оказываешься один. Примечательно, что японское выражение 仲間はずれ,

[402] Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. О.А. Печенкиной. Тула: Тульский полиграфист, 2013. С. 16.

[403] Бодрийяр Ж. Соблазн. М.: Ad Marginem, 2000. С. 282.

которое обычно переводится, как «изгой», «отщепенец», «белая ворона», в дословном переводе означает «исключенный из группы приятелей».

Ученики средней школы попадают в зависимость и часто подвергаются издевательствам, если немедленно не прокомментируют сообщение в соцсетях лидера группы или не поставят «лайк».

По результатам исследования «О чем думают японцы», проводимого телекомпанией NHK каждые 5 лет, в сознании японцев сейчас сильна тенденция обращать особое внимание на «связи с другими». Самым популярным ответом на вопрос, как лучше проводить досуг, был «делать то, что мне нравится», зато на втором месте оказался ответ «упрочить отношения с друзьями и семьей»[404].

После Великого землетрясения в Восточной Японии в 2011 г. слово 絆 *кидзуна* «связь» приобрело необычайную популярность. В 2011 г. иероглиф 絆 «связь» был выбран иероглифом года, за него проголосовали 61 тыс. человек[405]. Во время трагедии соцсети сыграли положительную роль в укреплении «связей» между людьми, что привело к увеличению пользователей.

Одна из самых популярных японских соцсетей Микси, созданная в 2004 г. и просуществовавшая до мая 2020 г., имела некоторые отличительные особенности, в которых выражалось стремление японцев к приватности и нежеланию смешивать социальные группы.

Секретность в Микси являлась приоритетом: многие пользователи выбирали нечто абстрактное для своего профиля вместо нормальной фотографии, большинство придумывали никнеймы вместо того, чтобы использовать свое настоящее имя, и, возможно, самое важное то, что пользователи могли видеть

---

[404] 橋元 良明。「ネット依存」の日本的特徴は「きずな依存」[Хасимото Ёсиаки. «Зависимые от связей»: особенности японской интернет-зависимости] [Электронный ресурс]. URL: http://www.nippon.com/ja/currents/d00102/ (дата обращения: 03.03.2016).

[405] 2011 年 「今年の漢字」 | 事業・活動情報 | 公益財団法人 日本漢字能力検定協会 [Официальный сайт Ассоциации проверки иероглифической грамотности. Иероглиф 2011 года] [Электронный ресурс]. URL: http://www.kanken.or.jp/project/edification/years_kanji/2011.html (дата обращения: 23.04.2013).

каждого, кто заходил на их страничку. Кроме этого, элементы профиля можно было защитить паролем или выбрать опцию «только для друзей».

Все это позволяло пользователю в той или иной степени скрыть свои личные данные от тех, кто не входит в его социальный круг; возможно, здесь наблюдается аналогия с таким социокультурным явлением, как 内 — 外 *ути - сото* — деление на «своих» и «чужих».

В Микси насчитывалось свыше 700 тыс. сообществ: города, районы, школы, университеты, клубы и даже станции метро могли создавать свои сообщества, в которых происходили бурные обсуждения местных новостей или тематические беседы. Время от времени участники некоторых сообществ устраивали реальные встречи вне сети オフ会 — «офф-кай» [406].

Такие группы возникали стихийно и достаточно быстро распадались, так как их связывали исключительно сиюминутные прагматические интересы и поверхностное общение. При этом «разрывалась» связь между групповыми и универсальными ценностями, между общением и реальными переживаниями.

В среде пользователей Микси неоднократно было зафиксировано социальное явление, впоследствии получившее название mixi 疲れ «Микси-усталость», которое заключается в том, что молодые люди, чрезмерно увлекающиеся сетевым общением, начинают чувствовать усталость от него, постепенно разрывают все контакты и в конечном итоге удаляют свою учетную запись. Микси являлась очень мощным средством общения, побуждающим отвечать на все поступающие комментарии. Постепенно это переходило в зависимость, и человек начинал всеми силами стремиться следить за новыми записями и оставлять свои комментарии к ним как можно раньше. С ростом числа друзей и сообществ, на который подписан участник, поток сообщений увеличивался и превышал

[406] mixi — Wikipedia [Электронный ресурс]. URL: https://ja.wikipedia.org/wiki/Mixi (дата обращения: 13.03.2016).

возможности человека следить за ними. В свою очередь, это вызывало чувство истощенности и постепенное угасание интереса к Микси[407].

Японские блоги отличаются от российских и американских. В них очень редко встречаются политические высказывания, в основном они посвящены ежедневным настроениям авторов. Возможно, что необычайно частому использованию социальных медиа способствует традиционный обычай вести дневники, особенно популярный среди женской части населения.

Японские девушки быстрее становятся «зависимыми от связей», чем японские мужчины. Это связано с особенностями японской культуры. В начале XI в. придворная дама Мурасаки Сикибу написала первый психологический роман в истории литературы — «Повесть о Гэндзи». Начиная с эпохи Хэйан (794–1185) в Японии укоренилась традиция женских дневников, были созданы «Дневник Сарасина», «Дневник эфемерной жизни», «Записки у изголовья» и другие.

Кроме того, раньше в женских старших школах существовала традиция обмениваться дневниками, письмами и записками, и частично этот обычай также перетек в социальные медиа. Среди женского населения Японии сохраняется тенденция сбиваться в группы с довольно тесным общением. В прошлом школьницы ходили группами в туалет на переменах, их называли «туалетные друзья»[408].

В настоящее время меры по излечению от интернет-зависимости и ее профилактике разрабатываются на государственном уровне. Разъяснительную работу по опасности одной из самых масштабных социальных проблем проводят в школах. Семьи также призывают обращать больше внимания на предотвращение такой зависимости, не упуская из виду ее начальные симптомы, а

---

[407] mixi 疲れとは何？ Weblio 辞書 [Что такое «Микси-усталость?». Словарь Weblio] [Электронный ресурс]. URL: https://www.weblio.jp/content/mixi 疲れ (дата обращения: 23.01.2015).

[408] 橋元 良明。「ネット依存」の日本的特徴は「きずな依存」[Хасимото Ёсиаки. «Зависимые от связей»: особенности японской интернет-зависимости] [Электронный ресурс]. URL: http://www.nippon.com/ja/currents/d00102/ (дата обращения: 03.03.2016).

также своевременно обращаться в соответствующие лечебные заведения за помощью по ликвидации этих симптомов.

В стране открыты две специализированные клиники, занимающиеся лечением этого распространенного недуга, одна из них находится в префектуре Канагава и специализируется на лечении алкоголизма и интернет-зависимости[409]. Японское правительство ставит целью организацию большего количества медицинских учреждений подобного профиля, а также открытие оздоровительных лагерей для зависимых от интернета подростков. Их главным отличием будет уклон на реабилитацию интернет-зависимых детей и их скорейшую адаптацию к реальной жизни[410].

Начиная со второй половины 1990-х годов, когда интернет стал распространяться в японском обществе, на киберпространство, как на новую форму социального взаимодействия, возлагали большие надежды. Это было обусловлено теми возможностями, которые предоставляет интернет, как способ глобальной коммуникации: мгновенный доступ к информации, возможность свободно и открыто обсуждать различные вопросы, выйдя за рамки ограничений, обусловленных взаимоотношениями между людьми или социально-экономическим положением, принятыми в реальном мире, отсутствие ограничений, связанных со временем и пространством. Вместе с тем ежегодно растет число преступлений, совершаемых в сети интернет. В 2020 г. в Японии было совершено 9,88 тыс. арестов по делам о киберпреступлениях, что стало самым высоким показателем за все время ведения подобной статистики. За последние пять лет этот коэффициент вырос на 17,9 %[411]. Нередко объектами

---

[409] 久里浜医療センター｜HOME [Медицинский центр Курихама] [Электронный ресурс]. URL: http://www.kurihama-med.jp/index.html (дата обращения: 26.02.2016).

[410] Japan's Government Predicts Internet Fasting Camps Will Cure Addicted Teens. [Японское правительство считает, что оздоровительные лагеря вылечат подростков от интернет-зависимости] [Электронный ресурс]. URL: http://mashable.com/2013/11/26/japanese-internet-fasting-camps/ (дата обращения: 16.01.2016).

[411] Japan number of cleared cyber crime cases 2020. Statista [Электронный ресурс]. URL: https://www.statista.com/statistics/746963/japan-number-of-cyber-crime-arrests/ (дата обращения: 06.07.2021).

киберпреступлений становятся несовершеннолетние. Они сталкиваются с информацией, содержащей насилие, пропаганду самоубийств, наркотических и психотропных веществ, нетрадиционных сексуальных отношений.

По данным Национального полицейского управления Японии, в 2020 г. 1819 несовершеннолетних стали жертвами преступлений, связанных с использованием соцсетей. Общий показатель снизился на 12,6 % по сравнению с предыдущим годом, но число учеников начальной школы, ставших жертвами онлайн-преступлений, увеличилось. Среди пострадавших больше всего учащихся старших классов — 917 человек, 695 учеников средней школы и 84 ученика начальной школы. Около 90 % случаев были связаны с нарушением Закона о наказании за действия, связанные с детской проституцией и детской порнографией, а также защитой детей, вступившего в силу в 1999 г., а также местных постановлений, запрещающих вовлечение несовершеннолетних в сексуальную активность[412]. Число случаев похищений детей увеличилось с 29 до 75 [413].

Нередко в сети пользователи подвергаются «кибербуллингу» — «интернет-насилию» — оскорблениям, насмешкам, травле, клевете и угрозам. В апреле 2021 г. Парламент Японии принял законопроект, упрощающий выявление пользователей социальных сетей, которые анонимно публиковали клеветнические сообщения. Согласно процедуре, время, необходимое для выявления тех, кто публиковал злонамеренные комментарии в интернете, будет сокращено до трех–шести месяцев. Правительство надеется, что пересмотренный закон, который

---

[412] Act on Punishment of Activities Relating to Child Prostitution and Child Pornography, and the Protection of Children. Act No. 52 of May 26, 1999 [Электронный ресурс]. URL: http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail_main/?printID=&ky=work&re=02&page=18&vm=03&id=100 (дата обращения: 05.07.2021).

[413] 子どものＳＮＳ被害、１８１９人　高校生最多、小学生は増―警察庁：時事ドットコム.[По данным Национального полицейского управления, 1819 детей пострадали в соцсетях: больше всего старшеклассников, число жертв онлайн-преступлений среди учеников младшей школы также увеличилось]. 11.03.2021 [Электронный ресурс]. URL: https://www.jiji.com/jc/article?k=2021031100482&g=soc (дата обращения: 06.07.2021).

должен вступить в силу к концу 2022 г., обеспечит поддержку жертвам, требующим возмещения ущерба от онлайн-клеветников[414].

Злободневной темой последнего времени стал вопрос о взаимосвязи использования интернета и суицидами. Согласно Белой книге о мерах по борьбе с самоубийствами за 2020 г. Министерства здравоохранения, труда и социального обеспечения Японии, количество самоубийств к 2019 г. снижалось на протяжении 10 лет, достигнув рекордно низкого уровня в 20 169 человек. Коэффициент самоубийств, то есть их количество на 100 000 населения, также снижался десять лет подряд. В 2019 г. показатель в 16 самоубийств на 100 000 населения стал самым низким с момента начала ведения такой статистики в 1978 г. При этом количество самоубийств молодежи в возрасте до 20 лет увеличилось на 10 % по сравнению с предыдущим годом и достигло 659, что является самым высоким показателем с 2000 г. Коэффициент самоубийств молодых людей также вырос по сравнению с предыдущим годом на 0,3 до 3,1, обновив наихудший рекордный показатель [415]. Таким образом, Япония — единственная из стран G7, где самоубийства — основная причина смерти среди молодого поколения в возрасте от 15 до 34 лет.

В 2020 г. в условиях пандемии нового коронавируса впервые за 11 лет количество самоубийств резко увеличилось. В октябре 2020 г., по данным Национального полицейского управления, 2 153 человека свели счеты с жизнью. Этот показатель превысил общее число умерших от Covid-19 на тот момент — 2

---

[414] ネット中傷、投稿者特定を迅速に　開示手続き改正法成立：朝日新聞デジタル. 21.04.2021. [Принят законопроект о выявлении пользователей социальных сетей, которые анонимно публикуют клеветнические сообщения. Асахи симбун, 21.04.2021] [Электронный ресурс]. URL: https://www.asahi.com/articles/ASP4P4WQHP4NULFA02N.html (дата обращения: 26.04.2021).

[415] 令和２年版自殺対策白書｜自殺対策｜厚生労働省 [Белая книга о мерах по борьбе с самоубийствами за 2020 г. Министерство здравоохранения, труда и социального обеспечения Японии] [Электронный ресурс]. URL: https://www.mhlw.go.jp/stf/seisakunitsuite/bunya/hukushi_kaigo/seikatsuhogo/jisatsu/jisatsuhakusyo2020.html (дата обращения: 06.07.2021).

087 человек [416]. Больше всего в Японии пандемия повлияла на женщин. В октябре 2020 г. уровень самоубийств среди женщин вырос почти на 83 % относительно того же месяца 2019 г. Профессор Уэда Митико, эксперт по вопросам самоубийств, отмечает: «За все время, что я занимаюсь исследованиями этой темы, я никогда не видела такого значительного роста самоубийств среди женщин. Особенность пандемии в том, что больше всего пострадали отрасли, в которых заняты многие женщины — туризм, розничная торговля и пищевая промышленность»[417].

Вместе с ростом самоубийств увеличивается количество подстрекательств к самоубийствам онлайн. В 2020 г. было зафиксировано 4 329 таких случаев, что на 64 % превысило показатели 2019 г.[418]

Один из первых случаев использования интернета в качестве инструмента содействия самоубийству, так называемый «инцидент доктора Кирико», произошел в декабре 1998 г., когда молодая женщина приняла присланную ей капсулу с цианидом. Это было расценено как подстрекательство к самоубийству. Сайт, рассказывающий об эвтаназии, разместил объявление: «Медицинская консультация доктора Кирико». Мужчина под таким псевдонимом консультировал людей, желающих покончить жизнь самоубийством, и отправил нескольким из них капсулы с цианидом калия. Позиция Кирико состояла в том, что он не помогал самоубийству, а наоборот, старался удержать от него. Но потерпевшая женщина все-таки использовала капсулу, началось полицейское

---

[416] Wang S., Wright R., Wakatsuki Y. In Japan, more people died from suicide last month than from Covid in all of 2020. And women have been impacted most. 30.11.2020 [Электронный ресурс]. URL: https://edition.cnn.com/2020/11/28/asia/japan-suicide-women-covid-dst-intl-hnk/index.html (дата обращения: 07.07.2021).

[417] Руперт Вингфилд-Хейс. Ковид и самоубийства в Японии. Почему среди женщин жертв больше — BBC News Русская служба [Электронный ресурс]. URL: https://www.bbc.com/russian/features-56090219 (дата обращения: 26.06.2021).

[418] 自殺誘う情報、前年比６割増　４３２９件、ネットで. 14.06.2021. [4329 случаев подстрекательств к самоубийствам онлайн. Рост на 60 %] [Электронный ресурс]. URL: https://www.jiji.com/jc/article?k=2021061400769&g=soc (дата обращения: 23.06.2021).

расследование, и вскоре после этого «доктор Кирико» покончил с собой таким же образом. Со смертью обвиняемого дело было закрыто.

В 2003 г. число самоубийств составило 34 427, это был самый высокий показатель за всю историю. Примерно в это же время среди людей, которые встречались в интернете, произошла череда самоубийств[419]. Люди убивали себя небольшими группами, умирая от отравления угарным газом, сжигая угольные брикеты в автомобиле или другом замкнутом пространстве[420].

В 2017 г. в г. Дзама были убиты девять человек. Сираиси Такахиро, через Twitter и другие социальные сети искал молодых женщин, которые выражали желание умереть. Используя их неуравновешенное психическое состояние, он заманивал их в свою квартиру и убивал.

Число убийств с помощью интернета увеличивалось по мере распространения сайтов знакомств, появления сайтов «самоубийства через убийство», на которых убийцы, делая вид, что сочувствуют жертвам, заманивают их на смерть.

Суэки Хадзимэ, который занимается исследованием вопросов самоубийств и профилактики самоубийств с точки зрения использования масс-медиа (в особенности интернета), указывает на необходимость задуматься о методах эффективного использования интернета в качестве средства профилактики суицида. По его мнению, при выявлении в Google Adwords (сервис демонстрации рекламы, связанной с содержанием поисковых запросов в Google) поиска по ключевым словам, относящимся к способам самоубийства, следует демонстрировать контекстную рекламу, предлагающую бесплатную консультацию по электронной почте. Если приходит сообщение от желающего посоветоваться, появляется возможность связать его с учреждением, способным

[419] Sadakane Hideyuki. A Sociological Investigation on «Group Suicides through the Internet» in Japan // Japanese Sociological Review. 2008. 58(4). P. 593–607.

[420] Ozawa-de Silva C. Too Lonely to Die Alone: Internet Suicide Pacts and Existential Suffering in Japan // Cult Med Psychiatry. 2008. 32. P. 516–551.

оказать необходимую помощь (например, с больницей соответствующего профиля)[421].

В последние годы усиливаются опасения, что интернет превращается в пространство распространения фальшивых новостей и «альтернативных фактов». Как указывают российские и зарубежные исследователи, большой объем информации в интернет-СМИ приводит к неожиданному эффекту — поляризации коммуникации, формированию «информационных пузырей» и фейковых новостей, манипулированию персональными данными [422].

По мнению японского исследователя Кимура Тадамаса, в интернете снимается ограничение: «новостная среда → новость → получатель новости». Получатель новости одновременно является ее отправителем и может публиковать различные комментарии в соцсетях (Facebook, Twitter, блоги, доски объявлений, колонки комментариев и др.). Более того, развиваются «миддл-медиа», такие новостные сайты, как «BuzzFeed Japan», «Новости J-CAST», а также дайджесты «NAVER-дайджест» и другие. Создается гигантское медиапространство, в котором пересекаются масс-медиа, миддл-медиа и соцсети и которое развивается как платформа формирования сетевого общественного мнения. Интернет вызывает называемый эффект эхо-камеры. В теории массовых коммуникаций эхо-камера — «это своего рода метафора условий и обстоятельств, в которых общение происходит внутри «закрытой» системы коммуникации, где

[421] 末木新. インターネットは自殺を防げるか [Суэки Хадзимэ. Может ли Интернет предотвратить самоубийства?]、東京大学出版会、2013. 209 p. P. 12.

[422] Баранов А.В., Васюк С.В. Политические технологии установления медиаповестки дня и фрейминга в интернет-СМИ (на материалах воссоединения Крыма с Россией) // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2019. Том 13, № 2. С. 47–56. С. 48; Bailey Elizabeth Anne // The Internet, Social Media and Politics in Political Participation on Social Media. 2021. P. 19–37; Boulianne Shelley. Social media use and participation: A meta-analysis of current research // Information Communication & Society. 2015. 18(5), P. 524–538; Головацкая О.Е. Значение и происхождение термина «fake news» // Коммуникология. 2019. 7(2). С. 139–152.

люди ищут ту информацию, которая подкрепляет существующие у них взгляды и усиливает сложившиеся убеждения»[423].

В результате мнения отдельных индивидов смещаются от сбалансированных позиций к крайностям, что легко приводит к «коллективной поляризации», при которой принимаются радикализированные решения с позиций группы [424].

Росту числа различных видов преступлений с использованием интернета японская полиция противодействует усилением кибер-патрулирования. В 2006 г. был создан Центр горячей линии интернета, с которым Национальное полицейское управление заключило контракт. Центр отвечает за обнаружение незаконных или вредных сообщений, связанных с самоубийствами или преступной деятельностью, сообщает в полицию и может потребовать от интернет-провайдеров удалить сообщения. Закон об обеспечении безопасной для молодежи интернет-среды, принятый в 2008 г., сделал услугу фильтрации веб-сайтов обязательной для мобильных телефонов[425].

2.3. Культура подарков: традиции и современность

Культура подарков, сформировавшаяся на пересечении сакральной и профанной сфер деятельности человека, занимает важное место в повседневной жизни современных японцев, в силу своей консервативности способствует сохранению традиционных ценностей и является индикатором нравственного облика общества.

Европейские антропологи обратились к теории дарообмена в XX в. Марсель Мосс в «Очерке о даре» (1925), проанализировав различные стороны жизни

[423] Русаков А.Ю. Эхо-камеры в современной массовой культуре // Вестник СПбГИК. 2 (39). 2019. С. 11–15. С. 11–12.

[424] Кимура Тадамаса. 21.08. 2017. Интернет, СМИ и общественное мнение в Японии (Часть I) Nippon.com [Электронный ресурс]. URL: https://www.nippon.com/ru/currents/d00333/?cx_recs_click=true#note-1-1 (дата обращения: 26.06.2021).

[425] Убийство через Интернет: проблемы онлайн-общения в Японии. Nippon.com [Электронный ресурс]. URL: https://www.nippon.com/ru/japan-topics/c05701/?pnum=1 (дата обращения: 23.06.2021).

архаических обществ, пришеел к выводу о том, что до возникновения товарно-денежных отношений и рынка дары играли роль универсальной формы обмена. Согласно его концепции, обмен дарами или «тотальные поставки» представляют основу для развития всех социокультурных отношений.

Рассматривая особенности дарообмена, Мосс обратил внимание на «специфическую черту: добровольный, внешне, так сказать, свободный и безвозмездный и, однако, в то же время принудительный и небескорыстный характер этих поставок. Они почти всегда облекались в форму подношения, великодушно вручаемого подарка, даже тогда, когда в этом жесте, сопровождающем сделку, нет ничего, кроме фикции, формальности и социального обмана, когда за этим кроются обязательность и экономический интерес»[426].

Описывая процесс обмена подарками в первобытном обществе, он писал, что в архаических и традиционных обществах «связь посредством вещей — это связь душ, так как сама вещь обладает душой, происходит от души. Отсюда следует, что подарить нечто кому-нибудь — это подарить нечто от своего “Я”»[427]. По мнению французского ученого, обмен охватывает все аспекты взаимодействия людей в обществе и является одной из «фундаментальных основ наших обществ»[428].

Мосс подал пример системного подхода к познанию социальных феноменов и вывел гуманитарное знание на проблему социокультурных универсалий, к которым он относил отношения обмена дарами.

В архаических обществах не рыночная торговля, но именно коллективный или персональный обмен дарами предопределял многие важные стороны экономической жизни; более того, он выходил за рамки перераспределения

---

[426] Мосс Марсель. Очерк о даре. Общества. Обмен. Личность. М.: «Восточная литература» РАН, 1996 [Электронный ресурс]. URL: http://anthro-economicus.narod.ru/files/Moss_Present.pdf (дата обращения: 09.06.2016).

[427] Там же.

[428] Там же.

материальных ресурсов и функционировал как обмен знаками внимания, пирами, обрядами, военными услугами, женщинами, детьми, праздниками и прочими ценностями. Обмен дарами конституировал установление и закрепление договорных отношений между коллективами или индивидами, налагал на них взаимные обязательства. Мосс развил «общую теорию обязательств», вскрывающую механизм взаимодействия трех видов социальных обязанностей — давать дары, принимать дары и возмещать дары; отказ от любого вида «тождествен объявлению войны», это знак отказа от «союза и объединения», фактор социальной дезинтеграции[429].

Анимистическое видение мира предполагает превращение вещей, различных элементов традиционной культуры (например, пищи) в одухотворенные «существа», с которыми индивид осуществляет различные формы коммуникации. Но тем самым человек становится как бы равным веще; «одухотворенные вещи», циркулируя между индивидами, передают частицу души одного человека другому. Таким образом, осуществляется коммуникация между людьми, обеспечивается их единство и идентичность. Мосс подчеркивал, что в архаичных обществах «обязанность достойно возмещать носит императивный характер. Если не отдаривают в ответ или не разрушают эквивалентные ценности, то навсегда теряют лицо»[430].

Многие черты теории дарообмена, разработанные Моссом, можно обнаружить в японской культуре подарков.

贈答 *дзо:то:* — строго регламентированная церемония обмена подарками в Японии имеет многовековую историю. Будучи неотъемлемым элементом социокультурной системы, она служит залогом социальной гармонии и интеграции. Понять ее сложно не только иностранцам, но и самим японцам,

---

[429] Энциклопедия эпистемологии и философии науки. Очерк о даре [Электронный ресурс]. URL: http://epistemology_of_science.academic.ru/ (дата обращения: 03.06.2016).

[430] Мосс Марсель. Очерк о даре. Общества. Обмен. Личность. М.: «Восточная литература» РАН, 1996 [Электронный ресурс]. URL: http://anthro-economicus.narod.ru/files/Moss_Present.pdf (дата обращения: 09.06.2016).

поэтому существует немало пособий и руководств, помогающих разобраться с запутанным ритуалом дарообмена.

Иероглиф 贈 имеет значение «дарить», «делать подарок», а иероглиф 答– «отвечать». Таким образом, очевидно, что вручение подарка подразумевает обязательное получение ответного дара お返し *о каэси* (глагол 返す означает «возвращать», «отдавать обратно»). Сущность подарка, с точки зрения японцев, заключается не в материальной форме даримого объекта, а в отношениях, в которые вступают люди и которые поддерживаются ими при помощи даров. Подарки иногда называют 潤滑油 *дзюнкацую* — «смазочным маслом» — и уделяют много внимания их выбору и ритуалу преподнесения[431].

Подарки в Японии дарят не только в качестве поздравления, но и в знак признательности, извинения или соболезнования. Ни одно значимое событие в жизни не обходится без подарков, которые служат инструментом поддержания и сохранения социальных отношений. В обмене подарками как форме «регулярных инвестиций в поддержание социальной сети» развертывается процесс конструирования социальной идентичности индивида через обозначение его принадлежности к тому или иному сообществу»[432].

Во всем мире принято дарить подарки на Новый год, дни рождения, Рождество, День Святого Валентина, свадьбу. В Японии помимо этих традиционных праздников распространен обычай вручать церемониальные подарки, приуроченные к различным событиям в жизни, а церемонии сопровождают японца всю жизнь: беременность и рождение ребенка, первый Новый год ребенка, праздник 七一五一三 *сити го сан*, когда детям исполняется три, пять и семь лет, поступление в школу и ее окончание, поступление в университет, день совершеннолетия, празднование Дня матери, Дня отца, Дня почитания старости, выход на пенсию, празднование долголетия (отмечается в 61,

---

[431] Гуревич Т.М. Японский язык. Стратегия и тактика делового общения. М.: ВКН, 2016.

[432] Ильин В. Подарок как социальный феномен [Электронный ресурс]. URL: http://www.acapod.ru/2067.htm (дата обращения: 05.07.2016).

70, 77, 80, 88, 90 и 99 лет), похороны, поминки, годовщины смерти и многие другие. Ни одно изменение в жизни, радостное или печальное, включая переезд на новое место жительства, переход на новую работу, болезнь или выздоровление после болезни не обходится без подарков — значимого элемента социокультурной жизни. Можно сказать, что участие в нескончаемом дарообмене входит в комплекс обязанностей японцев по поддержанию групповой солидарности, принимает форму долга перед социумом.

Нормы традиционной японской морали (義 理 *гири* — «моральный, нравственный долг» и 恩 *он* «чувство благодарности») диктуют обязательное вручение ответного подарка.

Гости, пришедшие на свадьбу, получают небольшие подарки 引 き 出 物 *хикидэмоно,* которые часто представляют собой какую-либо вещь повседневного пользования или сладости 引き菓子 *хикигаси.* Сумма, потраченная на ответные свадебные подарки, должна равняться примерно десяти процентам суммы денежного подарка на свадьбу. Обычно она составляет от 3 до 7 тыс. иен, если подарок предназначен для друзей и коллег, от 5 до 10 тыс. иен для вышестоящих по положению и от 7 до 12 тыс. иен для родителей молодоженов [433].

После выздоровления, в благодарность за визит во время болезни дарят 快気祝い *кайки иваи* — «подарок по случаю празднования излечения», за полученные подарки с поздравлениями по случаю рождения ребенка посылают 内祝い *утиваи* — «подарок по случаю домашнего праздника», участникам похоронной церемонии дарят 香典返し *ко:дэн гаэси* — «ответный подарок за благовония».

Одним из проявлений традиции ответных подарков является празднование 14 марта «Белого дня», когда мужчины отдариваются за 義理チョコ *гири тёко* — полученный в подарок «обязательный шоколад» на День святого Валентина. В

[433] センス良い！と思われる結婚式の引き出物と選ぶ際のポイント — NAVER まとめ. Сэнсу ёй то омоварэру кэкконсики- но хикидасимоно то эрабу сай -но пойнто [Как выбрать хороший ответный подарок гостям на свадьбе] [Электронный ресурс]. URL: http://matome.naver.jp/odai/2143934650569256101 (дата обращения: 03.06.2016).

Японии, в отличие от России и других стран, шоколад дарят не только возлюбленным, но и сослуживцам, одноклассникам, однокурсникам и даже начальству. При этом шоколад для влюбленных 本命チョコ *хоммэй тёко* будет в форме сердечка, для детей в форме персонажей мультфильмов, для сослуживцев с нейтрально-вежливой надписью в строгой упаковке и т.д. Празднование Дня святого Валентина и Белого дня Японии чем-то напоминает отечественные традиции 23 февраля и 8 Марта, когда поздравляют всех без исключения мужчин и женщин.

Еще одной культурно маркированной японской традицией является обычай дарить деньги. На Новый год дети получают деньги в специальных конвертах ポチ袋 *потибукуро*, этот обычай называется お年玉 *отосидама*. На свадьбу молодоженам также вручают деньги в специальном конверте ご祝儀 *госю:ги.* Размер суммы зависит от характера отношений с молодоженами, а также от социального статуса новобрачных и их семей. Сумма должна точно соответствовать уровню личных связей, обычно она составляет от 30 до 100 тыс. иен. Как правило, друзья дарят 30 тыс. иен, родственники и старшие по положению 50 или 100 тыс. иен[434].

На похороны также принято подносить 香典 *ко:дэн* — «подношение благовоний». Как правило, вместо благовоний или цветов вручают деньги в особом конверте, который называется 香典袋 *ко:дэнбукуро* — «мешочек для подношения благовоний». Размер этого подношения также зависит от близости отношений с покойным, возраста и общественного положения участника церемонии и других факторов. Как правило, сумма колеблется в пределах от 5 до 10 тыс. иен.

Способом поддержания и укрепления отношений с коллегами, друзьями, родственниками выступает обычай привозить из-за границы или поездок по

[434] If you’re asked to a Japanese wedding. The Expat's Guide to Japan [Электронный ресурс]. URL: http://expatsguide.jp/features/everyday-life/if-youre-asked-to-a-japanese-wedding/ (дата обращения: 09.06.2016).

Японии お土産 *о миягэ* — «сувенир», «подарок». В качестве *о миягэ* обычно привозят сладости, брелоки, продукты, которыми славится данный район. Например, из поездки на Хоккайдо чаще всего в качестве сувенира привозят белый шоколад, который называется 白い恋人 *сирой койбито* — «белый возлюбленный», из Осака — рисовые печенья из жареного осьминога — たこ焼きせんべい *такояки сэнбэй*[435]. Традицию дарить *о миягэ* неукоснительно соблюдают все японцы, независимо от возраста — начиная с детских лет и до глубокой старости.

Японский антрополог Харуми Бэфу подразделял подарки на сезонные, церемониальные и личные и соотносил их с концептами японской культуры, такими, как 義理 — 人情 *гири-ниндзё:* («моральный, нравственный долг» — «человеколюбие», «гуманность»), 本音 – 建前 *хоннэ-татэмаэ* («внешние проявления» — «истинные намерения»), 晴 — 汚れ *харэ — кэгарэ* («чистота» — «загрязнение», «скверна») [436].

Помимо церемониальных и личных в Японии большое внимание уделяют сезонным подаркам, которые в определенной степени носят универсальный характер и сопровождаются исторически сложившимся ритуалом.

Сезонные подарки в знак благодарности за проявленную заботу и оказанные услуги принято дарить дважды в год — летом и зимой.

Дарение летом, во время летнего праздника поминовения душ усопших предков お盆 *о бон*, пришедшего в Японию с буддизмом и впитавшего в себя элементы синтоистских верований о возвращении душ умерших предков в места, где они раньше жили, называется お中元 *отю:гэн*, а зимой, в предновогодний период — お歳暮 *осэйбо:*.

---

[435] Japanese Omiyage: Why Your Presence Isn't Quite Present Enough FluentU Japanese [Электронный ресурс]. URL: http://www.fluentu.com/japanese/blog/omiyage (дата обращения: 10.06.2016).

[436] 文化的概念として の贈答の 考察 [Церемония обмена подарками как культурный концепт]、ミネルヴァ書房, 1984. 160 p. P. 18–44.

О бон отмечается в течение нескольких дней: в одних районах в середине июля, в других — в середине августа. Название праздника *о бон* связано с буддистским праздником *улламбана*, что на санскрите означает «висение вверх ногами» и подразумевает великое страдание. В сутре *Улламбана* (яп. 盂蘭盆経 *урабон кё:*) рассказывается история про одного из учеников Будды Маудгальяну (яп. 目連 *Мокурэн)*, который использовал свои способности, чтобы повидаться с умершей матерью. Узнав, что его мать попала в мир голодных духов и сильно страдает, Маудгальяну спросил у Будды, как ее спасти. Будда посоветовал сделать подношения еды, благовоний и светильников монахам, которые вернулись из летнего уединения, в пятнадцатый день седьмого месяца. Ученик сделал это, и его мать была освобождена[437].

Японцы назвали этот праздник 盂蘭盆会 *урабонъэ,* сокр. お盆 *обон.* Иероглиф 盆 имеет значение «поднос», а как известно, подношения для умерших предков принято было подавать на подносах.

«Буддийский ритуал наложился на местные верования в то, что души умерших возвращаются туда, где они жили, и могут помочь получить хороший урожай, и стал интегральной частью синто-буддийского комплекса»[438].

Во время праздника семейные могилы украшают ветками священных в синтоистской религии вечнозеленых деревьев 榊 *сакаки*. На могилы кладут рисовые лепешки *моти*, фрукты, зажигают курительные палочки.

Отю:гэн, букв. «средний исток», происходит от китайской традиции праздновать дни «трех истоков» (кит. *сань юань*). День «среднего истока» *отю:гэн*, который приходился на 15 день седьмого месяца по лунному календарю, был связан с праздником *о бон*, во время которого подношения для душ предков было принято дарить родственникам и соседям. В XVII в. торговцы начали делать

---

[437] The Ullambana Sutra [Электронный ресурс]. URL: http://www.urbandharma.org/udharma4/ullambana.html (дата обращения: 09.06.2016).

[438] Боги, святилища, обряды Японии: Энциклопедия синто / ред. С.И. Смирнов // Труды института восточных культур и античности. Вып. 26. М.: РГГУ, 2010. С. 120.

подарки своим постоянным клиентам, и с течением времени вошло в обычай дарить их не только родственникам и родителям, но и партнерам по бизнесу, вышестоящим начальникам и т.п.

Осэйбо: было изначально подношением божеству *Тосигами*, приходящим в дом на Новый год. Существует поверье, что *Тосигами* посещает каждую японскую семью и приносит счастье и удачу. Поэтому ему необходимо место для отдыха и подношения даров — рисовые лепешки *моти,* хурма, сушеная рыба. Такие подношения несли в дом основной ветви семьи, главе семьи, но постепенно подарки стали дарить также людям, которым чем-то обязаны, в благодарность за их заботу.

Период *отю:гэн* продолжается с начала до середины июля, в некоторых районах до середины августа, *осэйбо:* — с середины до конца декабря. В это время в универмагах и супермаркетах открывают специальные отделы для сезонных подарков. В среднем одна семья приобретает два–три подарка. Раньше их посылали по почте или один из членов семьи доставлял лично, а сейчас, как правило, пользуются сервисом бесплатной доставки универмагов и супермаркетов или заказывают по интернету. Стоимость подарка в среднем составляет от трех до десяти тысяч иен. Зимой в конце года принято дарить более дорогие подарки, чем летом[439].

Самыми популярными подарками в периоды *отю:гэн* и *осэйбо:* являются продукты. Японцы предпочитают дарить продукты в силу своей практичности. К тому же считается, что подарок должен быть безликим, не ассоциироваться с личностью дарителя. Летом чаще всего дарят пиво, фрукты, сладости, зимой — морепродукты, мясные деликатесы, оливковое масло, сакэ. Купоны на приобретение товаров также пользуются популярностью. Получив подарок, принято отправить ответный дар примерно такой же стоимости.

---

[439] お中元とお歳暮｜日本文化いろは事典 [О-тю:гэн и о-сэйбо:. Словарь японской культуры] [Электронный ресурс]. URL: http://iroha-japan.net/iroha/B06_custom/05_chugen.html (дата обращения: 11.06.2016).

В Японии также распространен особенный обычай дарить マスコメーロン *масуко мэ:рон* — мускусные дыни (канталупы), которые выращивают специально в качестве подарочного товара. Магазин высококачественных фруктов «Сэмбикия», расположенный в престижном районе Гиндза, открывшийся в 1894 году, 20 % продаж делает на таких дынях с сильным ароматом. На одном растении выращивают лишь одну дыню, и цена такого плода достигает 10–20 тыс. иен. Изначально такие дыни поставляли к императорскому двору в качестве редких деликатесов, а сейчас эти дорогие фрукты дарят по случаю посещения во время болезни, в качестве подарка по случаю *отю:гэн и осэйбо*:[440].

Японский антрополог Янагита Кунио связывает любовь японцев дарить пищевые продукты с синтоисткими верованиями. С давних пор было принято преподносить божествам 神 *ками* различные дары, в том числе продукты, тем самым добиваясь их расположения[441]. В наши дни сакральный компонент полностью вытеснен профанным, и в обыденном сознании *отю:гэн и осэйбо*: воспринимаются всего лишь как повод выразить благодарность людям за оказанные услуги.

Помимо стоимости подарка японцы уделяют большое значение его упаковке. Для сезонных подарков お中元 *отю:гэн* и お歳暮 *осэйбо:,* подарков по случаю совершеннолетия, бракосочетания, похорон и других событий используются традиционные украшения из бумажного шнура 水引き *мидзухики. Мидзухики* также обвязывают подарочный конверт с деньгами. Для подарков по случаю радостных и печальных событий используют разные цвета, количество и способ завязывания шнуров. А в особо торжественных случаях к украшениям добавляют и сложенную из бумаги полоску のし *носи*, символизирующую пожелания долголетия и счастья.

---

[440] Культура подарков в Японии. Nippon.com — Информация о Японии [Электронный ресурс]. URL: http://www.nippon.com/ru/features/jg00080 (дата обращения: 11.06.2016).

[441] 柳田國男。食物と心臓　[Янагита Кунио. Еда и душа],、講談社、1988/06 発売。247 p.

Церемония обмена подарками предполагает соблюдение обязательных этикетных норм и правил. Преподносить подарок следует не в начале встречи, а в конце, вручать двумя руками, при этом, как правило, произносится стандартная фраза: つまらない物ですが、気持ちだけ。«Это совершенно пустяковая вещь, только для настроения» даже в случае, если преподносится крупная сумма денег или дорогостоящий подарок. Принимающему следует не менее двух раз отказаться, а дарителю необходимо настаивать на том, чтобы подарок был принят. Принимать его также следует двумя руками. Открывать сразу же завернутую в подарочную бумагу коробку не принято, чтобы не огорчить своей реакцией, если подарок оказался не по душе[442]. В этом случае человек, вручивший дар, рискует «потерять лицо». Если же вы захотели открыть красиво упакованный подарок, следует обязательно спросить разрешения, аккуратно развернуть бумагу, развязать бант, но не в коем случае не рвать бумагу и не разрезать подарочную ленту.

Как отмечает О.Р. Лихолетова, «при выборе подарка нередко придается значение приметам и суевериям только из-за того, что считается, это может быть важно для человека, получающего подарок. Следовательно, при поднесении подарка важно учитывать то, что часто стереотипы носителей европейской культуры о социально-культурных ценностях японцев не соответствуют действительности»[443]. Например, на торжества, посвященные постройке нового дома, новоселью, открытию магазина или началу какого-то дела, японцам нельзя дарить зажигалки, обогревательные приборы, электрические плитки, камины и

---

[442] 外国人から見た「日本の贈り物文化＆マナー」海外との違い６ﾊﾟﾀｰﾝ. [Культура подарков и этикет обмена подарками в Японии глазами иностранцев: шесть отличий] [Электронный ресурс]. URL: http://www.madameriri.com/2013/10/18/外国人から見た「日本の贈り物文化＆マナー」海/ (дата обращения: 03.06.2016).

[443] Лихолетова О.Р. Линвокультурологическая интерпретация некоторых японских примет // Японский язык в ВУЗе: актуальные проблемы преподавания. Вып. 15. Материалы научно-методической конференции «Методика преподавания японского языка в вузе» (март, 2016). С. 100–110. С. 102.

все то, что вызывает ассоциации с открытым огнем, который может быть причиной пожара[444].

Именно поэтому наибольшей популярностью пользуются стандартные обезличенные подарки: продукты, полотенца, мыло. Дарить вазы, кухонную утварь не принято, поскольку большинство японцев живут в стесненных жилищных условиях — квартирах, которые они называют うさぎ小屋 *усаги гоя* «заячья нора» и громоздкие вещи в них просто не умещаются.

Выводы по главе

Коммуникативный код — не только средство передачи информации от одного субъекта другому, но и способ отражения действительности, трансляции универсальных ценностей и смыслов культуры.

В качестве элементов коммуникативного кода были рассмотрены этнокультурные особенности стиля японской коммуникации, интернет-коммуникации и культура подарков. Проведенный комплексный культурологический анализ позволил сделать следующие выводы:

Этнокультурные особенности японской коммуникации определяются гомогенностью населения, удаленным от континента островным положением Японии, влиянием религиозных традиций синтоизма и буддизма, социальными особенностями японского общества, его культурно-исторической спецификой.

Японцам свойственно культивирование чувства группового единства среди «своих» — 内 *ути* и резкое противопоставление «чужих» — 外 *сото*. В противостоянии групп «мы — японцы» и «не мы — иностранцы» «инсулярное, групповое» мышление выступает как культурно-исторический фактор, в более узком противостоянии групп «своих» и «чужих» — как социальный фактор, действующий в рамках японского общества.

Доминирование «вертикальных» патерналистских отношений в японском обществе, поддержание тесных групповых контактов способствовали развитию

[444] Там же. С. 103.

фиксированного формализированного стиля коммуникации, соответствующего строго ранжированным отношениям между людьми.

Характерной чертой японского стиля коммуникации является нечеткость, а подчас и двусмысленность. Нечеткость японского стиля коммуникации в первую очередь вызвана стремлением к сохранению гармонии в обществе. Японцы стремятся избегать дискуссий и дебатов, характерных западному стилю коммуникации, предпочитая предварительную подготовку с целью заранее выяснить мнение противоположной стороны. В политических платформах партий почти не используется прямой «директивный язык», в них дается мало обещаний на будущее. Эти платформы представляют собой скорее негативную реакцию на политический курс других партий. В рекламе и бизнесе японские предприниматели также ориентируются на косвенный, эмоциональный язык. Ответы японцев на обещания и обязательства носят расплывчатый характер и тем самым отличаются от прямых и недвусмысленных ответов американцев и европейцев.

Широкая распространенность в Японии «невербальной коммуникации» обусловлена влиянием синтоистских религиозных верований, дзэн-буддизма и конфуцианского морального кодекса. «Невербальная коммуникация» дополняется языком жестов. Характерный для Японии язык жестов отличается от широких и открытых жестов западного человека, японцы предпочитают едва заметные и тонкие жесты.

В условиях глобализации формы межличностной коммуникации видоизменяются, речевая культура японцев трансформируется. Традиционные ритуальные формы коммуникации размываются, все больше людей ориентируется на западные ценности и нормы поведения, возрастает индивидуальность поведения, в том числе и речевого. Вместе с тем продолжают сохраняться характерные для японской традиции стереотипные формы коммуникации, имеющие жесткие рамки, детерминирующие поведение индивидуумов.

Будучи катализатором глобализационных процессов, интернет-коммуникации, преодолевая пространство и время, стирают границы между государствами, создают единое кросс-культурное информационное пространство.

Развитие интернета, признаваемого проводником западной культуры, опирающейся на дух индивидуализма, оказало и продолжает оказывать огромное и не всегда положительное влияние на японское общество, в котором исторически превалирует культура коллективизма и отрицается проявление индивидуализма. Делая доступной любую информацию, насыщая виртуальную среду примитивными эпатажными образцами, интернет-коммуникации увеличивают мощности массовой культуры в ее самых нежелательных с точки зрения развития личности проявлениях. Видимость свободы у участника интернет-коммуникаций оборачивается заменой понятия ответственности понятием вседозволенности, усилением социально-психологической зависимости, деградацией и зомбированием личности. Возникает явление аутизации, опасность формирования большой массы унифицированных, отчужденных, анонимных индивидов с множественной сетевой идентичностью, для которых значение социальных связей и традиционных ценностей отступают на второй план, уступая место ценностями идеологии потребления.

Негативное влияние интернета актуализируется в распространении фальшивых новостей и альтернативных фактов, поляризации общества, эффекте эхо-камеры, манипулировании общественным мнением, росте преступлений и интернет-зависимости. Нередко объектами киберпреступлений становятся несовершеннолетние. Они сталкиваются с информацией, содержащей насилие, пропаганду самоубийств, наркотических и психотропных веществ, нетрадиционных сексуальных отношений. Пользователи подвергаются «кибербуллингу» — «интернет-насилию» — оскорблениям, насмешкам, травле, клевете и угрозам. Увеличивается количество самоубийств и подстрекательств к ним онлайн.

В данной работе в качестве составляющей коммуникативного кода рассматривается культура подарков. Это обусловлено тем, что дарообмен в японском социуме является эффективным средством коммуникации. Будучи важным звеном исторической памяти, культура подарков служит консервативным и национально-специфическим способом социокультурного взаимодействия, способствует сохранению и трансляции традиционных японских ценностей.

В последнее время церемония обмена подарками подвергается модификации, однако по-прежнему продолжает играть роль катализатора создания и расширения социальных связей. Участие индивида в дарообмене является важным доказательством его устойчивой связи с группой, показателем усвоения ценностных ориентиров. В европейской традиции акт дарения связан с желанием доставить радость близкому или знакомому человеку. При этом никто не ожидает ответного дара. Дарообмен в мировосприятии японцев гораздо важнее, чем сам подарок. Он способствует не только социальной интеграции индивидов, гармонизации и укреплению вертикальных и горизонтальных связей, но и выступает барометром социокультурного статуса личности, его места в общественной иерархии.

ГЛАВА 3. ПРИРОДНО-ЛАНДШАФТНЫЙ КОД

3.1. Зоологический код

Природно-ландшафтный код является неотъемлемой составляющей национального культурного континуума. «Природа создана для человека, он же, неустанно трудясь, творил “вторую природу” — пространство культуры. По происхождению своему культура не может быть вне природы. Без природы не было бы культуры, потому что человек, живущий в природном окружении, созидает свой искусственный, рукотворный мир, используя ресурсы природы»[445].

Национально-специфическое отношение японцев к природе проявляется в ощущении глубокой неразрывной связи между человеком и живыми существами. «Любовь к природе у японцев несет в себе глубокий отпечаток религиозной интуиции и религиозных ощущений», — отмечал Д.Т. Судзуки[446].

На нежное отношение японцев ко всем живым существам решающее воздействие оказал буддизм, который вплоть до конца XVI в. являлся господствующей идеологией и проник практически во все сферы человеческой деятельности. Как уже отмечалось, религиозно-этические ценности буддизма в той или иной степени определили жизненный мир каждого современного японца, во многом повлияли на его отношение к окружающей действительности, сформировали критерии оценочных суждений о смысле жизни и мироустройстве в целом.

В различных районах страны можно увидеть стелы и буддийские изображения, посвященные животным. В префектуре Канагава сохранилось скульптурное изображение 犬頭観世音 — Собакоголовой Каннон. Есть Стела поминовения собак и кошек 犬猫供養碑, воздвигнутая людьми, связанными с традиционной

---

[445] Гуревич П.С. Культурология : учебник для вузов. М.: ПРОЕКТ, 2008. С. 32.
[446] Судзуки Д.Т. Дзэн и японская культура. СПб.: Наука, 2003. С. 424.

музыкой, поскольку кожа этих животных использовалась для резонаторов сямисэнов (японская лютня).

Культовые памятники, например, Ступа поминовения птиц, зверей и рыб 鳥獣魚供養塔, Ступа поминовения оленей 鹿供養塔 сооружались для помощи душам животным, которых употребляли в пищу. При буддийских храмах в рыбацких деревнях, когда-то живших китобойным промыслом, сохранились могилы, служащие для почитания душ убитых китов 鯨墓. Могилы китов рыбаки устраивали из сострадания, если во время ловли самки кита вместе с ней погибал детеныш или зародыш. Могила в Нагато сооружена для более чем 70 китов. И даже сейчас, когда охота на китов запрещена по всему миру, здесь продолжают проводить поминальные службы по китам[447].

Жители мегаполисов XXI в. все больше отдаляются от природы, но японцы остаются очень внимательными к окружающей среде и ее обитателям, поэтому современные японские авторы не меньше, чем поэты и писатели прошлого, упоминают в своих произведениях самых разных представителей фауны. В японских парках и садах чуть ли не у каждого дерева стоят специальные таблички с информацией о растениях и изображением видимых и невидимых представителей местной фауны, живущих в кроне дерева, на земле и под землей. Так что не стоит удивляться осведомленности японцев в наименовании разной живности и обилию у них ассоциаций, связанных с миром фауны в японской национальной картине мира.

Как указывает Ф.Н. Гукетлова, «в зеркале зооморфных метафор и сравнений отражается духовная сфера: человек и его нравственная сущность, волевые, эмоциональные, интеллектуальные действия и состояния, черты характера,

[447] Иси Хироюки. Отношение японцев к животным. Nippon.com — Информация о Японии [Электронный ресурс]. URL: https://www.nippon.com/ru/features/c03910/ (дата обращения: 17.02.2018).

отношение к другим людям, к себе, к вещам»[448]. Отметим, что зооморфные образы в силу архетипической природы часто выступают символами в мифопоэтической картине мира. Анализ семантики зоонимов позволяет расшифровать культурные смыслы различных эпох, выявить универсальные и этноспецифические особенности мировосприятия японцев.

Один из наиболее значимых для Японии символов — черепаха 亀 *камэ*. В представлении японцев черепаха обладает двумя исключительными особенностями. Во-первых, черепаха живет очень долго и поэтому является счастливым символом долгожительства и связанной с ним мудрости. Во-вторых, согласно китайскому мифу, на панцире черепахи, всплывшей в незапамятные времена на поверхность реки *Ло*, имелись некие странные знаки, которые и послужили прототипом первых иероглифов. Таким образом, речная черепаха ассоциируется с письменностью, и следовательно, с мудростью[449].

Журавль 鶴 *цуру* также является символом долгой и счастливой жизни. По народным поверьям, журавль живет до тысячи лет, черепаха до десяти тысяч лет[450]. Выражение 鶴は千年亀は万年, а также названия этих животных, произнесенные как одно слово 鶴亀 *цурукамэ*, приобрели смысл пожелания долгой жизни. Выражение 鶴亀鶴亀 *цурукамэ, цурукамэ* переводится на русский язык, как «Избави Бог!». Считается, что если журавли превращаются в людей, то часто принимают облик странствующих монахов, помогающих людям. Есть и другие, связанные с журавлями сказания, и везде они — символ чистоты, счастья и бескорыстной помощи. По одному из поверий, желание человека сбывается, если сложить из бумаги тысячу журавлей.

---

[448] Гуткелова Ф.Н. Зооморфный код культуры в языковой картине мира (на материале разноструктурных языков: французского, кабардино-черкесского и русского языков) : автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2009. С. 7.

[449] Мещеряков А.Н. Книга японских символов : книга японских обыкновений. М.: Наталис, 2008. С. 138.

[450] 日本絵 とき事典日本絵とき事典 JTB, 1984. 191 p. P. 63. [Иллюстрированный словарь японской культуры, традиций и стиля жизни]. JTB, 1984. 191 с. С. 63.

Издавна японцы почитают 狸 *тануки*. Тануки — енотовидная собака. Тануки считают божеством любителей вкусно поесть и выпить, а также покровителем питейных заведений и ресторанов. Он обожает вкусно поесть и как следует выпить, но часто не платит по счетам, поэтому его иногда изображают с бутылкой сакэ в одной руке и с неоплаченным счетом в другой. Скульптуры тануки с огромными гениталиями и бутылкой сакэ в лапе часто можно встретить в Японии у входа в пивную 居酒 *идзакая*, но нередко он просто стоит у японцев в саду или у дверей дома как символ благополучия.

Считается, что кошки 猫 *нэко* так же, как и тануки, умеют превращаться в людей. Обычно они слывут добрыми созданиями, помогающими людям. Часто бывают волшебными помощниками героев в мифах и легендах. Как и лисы, девушки-кошки могут быть очень опасны. В человеческом облике демонстрируют сверхчеловеческую гибкость, подвижность и хитрость. Сохраняют кошачью расцветку тела. Есть легенда о том, как в древние времена в одном старом храме, в который никто не заходил, поселилась кошка. Она стала выходить на дорогу и садиться на задние лапы и, поднимая переднюю лапу, как бы приглашала людей в храм. Узнав о таком чуде, толпы повалили в этот храм. С тех пор статуи кошек с поднятой передней лапой считаются приносящими удачу и часто ставятся перед храмами и в домах. Таких кошек называют 招き猫 *манэки нэко* «манящая кошка». Керамическую фигурку кошки с поднятой лапкой выставляют в витринах магазинов, в ресторанах — обычно рядом с кассой, в лотерейных киосках и просто у себя дома. Поднятая вверх рука для японцев означает призыв приблизиться, поэтому считается, что кошки с поднятой лапой приглашают посетителей зайти в данное заведение. Обычно *манэки-нэко* изображают с поднятой к уху левой лапой, иногда — с золотой монеткой в правой. Левой лапкой *манэки нэко* приманивает клиентов, а правой лапкой — деньги и удачу.

Смыслы и характеристики, которыми наделялись животные в различные исторические эпохи, «превращались в образы, которые отображали меняющиеся представления общества об окружающем мире и месте человека в системе мироздания»[451].

С древнейших времен значимую роль в фольклоре, мифологии и повседневной жизни японцев играли собаки. Они всегда служили людям: убивали и отпугивали лис, барсуков и обезьян, защищали от врагов и злых духов, были помощниками в охоте и охране жилища. Существовало поверье, что присутствие собаки облегчает процесс родов. Считается, что собаки рожают без боли, поэтому среди беременных женщин до сих пор большой популярностью пользуется талисман 犬張子 *ину харико*, собачка из папье-маше, помогающая при родах и в воспитании детей.

Иероглиф «собака», написанный на лбу ребенка, являлся защитой от колдовства лис и барсуков, а слово «щенок» гарантировало спокойный сон младенца. На случай, если ребенок неистово кричит, у японцев считается, что прикрепление на спине малыша сумки из собачьей шерсти сразу же прекращает его жалобный плач, который сменяется улыбкой[452] .

У входа в синтоистские и буддийские храмы в Японии можно увидеть парные статуи мифических животных 狛犬 *комаину* — собак с головой льва. *Комаину* попали в Японию с Корейского полуострова, получив соответствующее имя — «собака из Кома» (т.е. Когурё, одно из древних корейских царств) [453].

По преданию, собаки спасли от врагов один из городов Японии. Пятьдесят собак охраняли цитадель. В одну из ночей, когда внутренний гарнизон спал, приплыла неприятельская флотилия, и на подступах к городу завязалось сражение

---

[451] Храмова М.Н. Семантика зооморфных образов в современой европейской культуре : автореф. дис…канд. культурологии. СПб., 2015. С. 3.

[452] Хэдленд Д. Мифы и легенды Японии. М.: Центрполиграф, 2008. С. 192–193. Издательский текст: [Электронный ресурс]. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/ю?art=612625 (дата обращения: 12.10.2015).

[453] Боги, святилища, обряды Японии. Энциклопедия синто / ред. С.И. Смирнов // Труды института восточных культур и античности. Вып. 26. М.: РГГУ, 2010. С. 74.

с псами, верными своему дому. Помощь людей подоспела, когда в живых осталось лишь две собаки. Неприятель был разбит, а цитадель спасена. С тех пор собакольвов стали устанавливать перед входом в синтоистские и буддийские храмы[454].

В эпоху Нара (710–794) и Хэйан (794–1185) *комаину* в Японии изготавливали из дерева и помещали только внутри храмов, к тому же иногда статуи могли использоваться как ограничитель двери. Однако позже в период Камакура (1185–1333) внешность *комаину* изменилась. Одна из статуй стала изображаться более похожей на льва и с открытой пастью, чтобы отгонять злых духов в то время, как вторая стала больше походить на собаку с закрытой пастью, чтобы удерживать и охранять добрых духов. Также вторая статуя могла иметь рог на голове. С XIV в. в эпоху Муромати (1336–1573) *комаину* стали устанавливать снаружи в качестве мистических стражей храмов. Начиная с этого времени, для защиты статуй от дождливых погодных условий, их начали вырезать из камня[455].

Открытый рот *комаину* издает звук *а*, в то время как закрытый — *ун*. Вместе они образовывают *а-ун*, японский аналог сакрального слова *ом.* Возникшая в индуизме и перешедшая в буддизм мантра *ом* олицетворяет высшую реальность или звук вибрации вселенной. В Японии звуки *а* и *ун* также символизируют начало и конец всего сущего, так же как в западных странах используются альфа и омега. Считается, что животное с открытым ртом — мужчина, а с закрытым — женщина.

В мировосприятии японцев собака, прежде всего, надежный защитник, охраняющий своего хозяина. 犬は門を守り、武士は国を守る– «собака охраняет ворота, а самурай — страну» — говорится в японской пословице.

Идеальное сочетание физических и психологических способностей этих животных для несения защитной службы всегда восхищали жителей страны,

---

[454] Хахулина Л.В., Поволкович Ф.А. Скульптурное наследие эпохи Карафуто на Сахалине: «кома-ину» // Современнные проблемы сервиса и туризма. №1. 2014. С. 69–75. С. 73.

[455] Japanese Architecture and Art Net Users AANUS / komainu 狛犬 System [Электронный ресурс]. URL: http://www.aisf.or.jp/~jaanus/deta/k/komainu.htm (дата обращения: 01.02.2018).

люди даже пытались подражать собакам. При японском императорском дворе был сформирован отряд стражников 隼人 *хаято*, которых называли 犬人 *инухито* — «люди-собаки». «Люди-собаки» издавали звуки, имитирующие лай собак, тем самым отпугивали врагов и злых духов[456].

По сравнению с китайской, в японской мифологии не так много легенд о злобных собаках-демонах, тем не менее они существуют, что придает образу собаки определенную амбивалентность. Одна из легенд повествует о «боге-собаке»犬神 *инугами.* Вызвать дух «бога-собаки» можно только при помощи крайне жестокого садистского метода. Собаку привязывают на веревке к столбу, а миску с едой ставят на таком расстоянии, чтобы до нее можно было дотянуться лишь кончиком носа, и собака в конечном счете умирает от голода, после чего ее яростный неудовлетворенный дух можно использовать в злых целях. Другой изуверский способ заключается в том, чтобы привязать голодную собаку рядом с пищей и не давать ей есть. Когда собака дойдет до пика мучения, ей нужно отрубить голову, поместить в сосуд и затем поклоняться этой голове[457].

Дэвис Хэндленд в книге «Мифы и легенды Японии» пишет: «На островах Оки местные жители верят, что все собаки обладают сверхъестественными силами, приписываемыми лисицам <…> Людей, которые заодно с собаками, называют “ину-гами-моти”, то есть одержимые божеством собаки. Когда душа такой мистической собаки отправляется творить зло, она оставляет тело, которое постепенно становится все слабее и слабее, а иногда умирает и начинает разлагаться. Когда такое случается, душа после своего возвращения находит себе пристанище в теле колдуна, который после этого становится еще могущественнее»[458].

---

[456] デジタル大辞泉、小学館. Электронный словарь дайдзисэн.

[457] Inu-gami ~ 犬神 (いぬか◌゙み) ~ part of The Obakemono Project. An Online // Encylopedia of Yōkai and Bakemono [Электронный ресурс]. URL: http://www.obakemono.com:80/obake/inugami/ (дата обращения: 15.02.2018).

[458] Хэдленд Д. Мифы и легенды Японии. М.: Центрполиграф, 2008. С. 148. Издательский текст: [Электронный ресурс]. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/ю?art=612625 (дата обращения: 12.10.2015).

На юге островов Хонсю и Сикоку сохранились легенды о 送り犬 *окуриину* — «сопровождающих собаках». Согласно преданиям, собаки-оборотни преследуют людей, заблудившихся ночью в горах. Если человек падает, собака тут же набрасывается на него и съедает. Но если проявить упорство, не показывать слабости и страха, то «сопровождающая собака» поможет найти обратную дорогу. В этом случае ее надо обязательно поблагодарить, через некоторое время вернуться и угостить любимым лакомством — клейким рисом с красными соевыми бобами адзуки[459].

В отличие от корейцев, которые и в наши дни считают собачье мясо деликатесом и даже выращивают специальные кормовые породы собак, японцы употребляли мясо собак в пищу лишь до середины VII в.

В 645 г. император Тэмму (622–686), будучи ревностным буддистом, издал указ, запрещавший убийство живых существ и употребление в пищу мяса пяти видов: говядины, конины, курятины, мяса собак и обезьян. Действие этого указа продолжалось почти 1200 лет до 1872 г.

В XVII в. в истории Японии наступил период, когда собаки заняли почетное место в обществе и были наделены особыми правами.

Пятый сёгун из династии Токугава Цунаёси (1646–1709) вошел в историю как ревностный защитник живых существ и даже получил прозвище 犬公方 *ину кубо:* — «собачий сёгун». В 1687 г. он, как и император Тэмму, издал указ «О запрете лишения жизни живых существ», запрещавший убийство любых животных и употребление мяса в пищу. В категорию «живых существ» попадали собаки, кошки, птицы, рыбы, а также моллюски и насекомые. Чаще всего, 40 раз, призывали не убивать птиц, за ними идут кошки и собаки (33 раза) и лошади (17 раз).

---

[459] Ōkami (wolf) ~ 狼 （おおかみ） ~ part of The Obakemono Project // An Online Encylopedia of Yōkai and Bakemono [Электронный ресурс]. URL: http://www.obakemono.com:80/obake/okami/ (дата обращения: 17.02.2018).

Суровые наказания, включавшие изгнание, долгое тюремное заключение и смертную казнь, были введены, в первую очередь, за убийство собак.

В то время было много бродячих собак, и они часто нападали на людей. Чтобы не увеличивать их количество, было приказано создать систему регистрации собак, при которой к документу прилагалась собачья шерсть. В Англии закон о защите животных был принят в 1911 г., так что японское законодательство — самое старое в этой сфере[460].

В окрестностях столицы Эдо в районах Окубо, Ёцуя и Накано были созданы приюты для собак. Расположенная в Накано псарня «Огороженная усадьба» 御囲御用屋敷 занимала площадь в 100 гектаров. В самые загруженные времена там содержалось более 80 тыс. собак. В память об этом учреждении рядом со зданием городской администрации Накано установлены бронзовые фигуры пяти собак [461].

Беатрис М. Бодарт-Бейли в книге «Собачий сёгун» ссылается на воспоминания немецкого врача Энгельберта Кемпфлера, посетившего Нагасаки в 1692 г.: «Улицы города были полны бездомными собаками, в том числе больными. В случае, если они кусали людей или загрызали до смерти, строжайше запрещалось делать с ними что-либо без разрешения властей. Мертвых собак относили в горы и хоронили с надлежащими почестями»[462].

Цунаёси наделил собак большими правами, чем людей. К ним нужно было обращаться お犬様 *о ину сама* — «высокоуважаемая собака». Крестьянам, у которых стаи собак уничтожали посевы, запрещалось кричать, бросать что-либо в животных. Следовало вежливо и ласково уговорить их уйти. Нарушителей указа ожидало телесное наказание — избиение палками.

---

[460] Иси Хироюки. Отношение японцев к животным. Nippon.com — Информация о Японии [Электронный ресурс]. URL: https://www.nippon.com/ru/features/c03910/ (дата обращения: 17.02.2018).

[461] Там же.

[462] Beatrice M. Bodart-Bailey. The Dog Shogun: The Personality and Policies of Tokugawa Tsunayoshi. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2006. P. 144.

Как указывает Беатрис М. Бодарт-Бейли, особое отношение к собакам сёгуна Цунаёси объяснялось тем, что буддийский монах причиной ранней смерти его единственного сына и отсутствия наследника назвал жестокое обращение с собаками в одной из прошлых жизней, а также то, что сёгун родился в год Собаки[463].

Хотя находящийся при смерти Цунаёси завещал, чтобы его распоряжения относительно собак выполнялись вечно, они были отменены ровно через десять дней после его кончины[464].

В японских исторических сериалах, как правило, указы Цунаёси изображают как жестокие законы, из-за которых арестовывали десятки тысяч людей. Однако Токугава Цунэнари, потомок рода сёгунов Токугава, в своей книге 江戸の遺伝子 «Гены Эдо»[465] в защиту своего предка пишет: «За 24 года издания этих актов было наказано 69 человек, а казнено — всего 13 человек»[466].

В наши дни собака для японцев в первую очередь олицетворяет безраздельную преданность и верность. Японская пословица гласит: 犬は三日飼えば三年恩を忘れぬ — «если собаку три дня покормишь, она три года будет чувствовать благодарность».

На станции Сибуя в Токио установлен памятник Хатико — псу породы акита. После того, как профессор Токийского императорского университета Уэно Хидэсабуро умер в 1925 г., Хатико каждый день приходил на станцию Сибуя ко времени прибытия поезда, на котором обычно приезжал его хозяин. Так продолжалось в течение девяти лет, и этот пес стал символом преданности. Статья о Хатико была напечатана в газете, что вызвало волну сочувствия по всей

---

[463] Beatrice M. Bodart-Bailey. The Dog Shogun: The Personality and Policies of Tokugawa Tsunayoshi. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2006. P. 150.

[464] Мещеряков А.Н. Книга японских символов : книга японских обыкновений. М.: Наталис, 2008. С. 124.

[465] 徳川恒孝。江戸の遺伝 [Токугава Цунэнари. Гены Эдо]、. PHP 研究所、2009。 297 p.

[466] Иси Хироюки. Отношение японцев к животным. Nippon.com — Информация о Японии [Электронный ресурс]. URL: https://www.nippon.com/ru/features/c03910/ (дата обращения: 17.02.2018).

стране. Он стал героем фильмов и сериалов, а в 2009 г. вышла голливудская экранизация истории о Хатико с Ричардом Гиром в главной роли, которая стала крупным событием в мире кино, и о породе акита узнали во всем мире.

Памятник псу Хатико возле станции Сибуя — популярное место встреч современных японцев, а недавно на территории Токийского университета открылся еще один памятник, где верный пес изображен вместе с хозяином.

3.2. Энтомологический код

Коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека[467]. Культурный код, будь то соматический, природно-ландшафтный, гастрономический, духовный или энтомологический описывает те или иные фрагменты картины мира.

Насекомые всегда были вовлечены в мир человека, поэтому неудивительно, что они нередко становятся неотъемлемой темой литературы и искусства. С ними связаны многие мифы и верования людей.

На наш взгляд, пристальный интерес к миру насекомых обусловлен сакральным отношением к природе, архаическим мировосприятием японцев. «Японец стремится видеть прекрасное в первую очередь даже не в человеческой жизни, а в природе», — подчеркивал философ Ко:яма Ивао[468].

Согласно буддийским воззрениям, доброта ко всему живому является источником заслуги, необходимой людям для улучшения их кармы в цикле перерождений. Древняя притча гласит: «Один монах построил себе глиняную хижину и решил ее подпечь, дабы придать ей прочность. Будда воспротивился

---

[467] Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология : курс лекций. М.: Гнозис, 2002. С. 232.

[468] 高山岩男。日本民族の心。文化類型学的考察。[Ко:яма Ивао. Душа японской нации], 東京: 玉川大学出版部, 1972. 204 p. P. 20.

этому, боясь, что в огне погибнут насекомые. Хижину по его велению разобрали, чтобы не давать плохих примеров будущим поколениям»[469].

В «Чула-вачче», в стихе шестом, сказано:

Я люблю существа, которые не имеют ног,

А также тех, у которых есть две ноги.

Тех, кто имеет четыре ноги, я тоже люблю,

Как и тех, которые имеют много ног[470].

В различных районах Японии можно увидеть стелы и буддийские изображения, посвященные не только животным, но и насекомым. В городе Насу префектуры Тотиги установлена «Ступа поминовения насекомых» 蠖蛄供養塔 в память о насекомых, которых крестьяне ловили в качестве живого корма для соколов верховного правителя Японии сёгуна.

Во времена, когда не было химикатов, и вредных насекомых собирали с растений вручную, японцы сооружали «могилы насекомых» 虫塚 *мусидзука*. Они служили для поминовения насекомых, которым, несмотря на причиненный ими вред, устраивали заупокойные службы за отобранную у них жизнь. Церемонии «изгнания насекомых» 虫追い *мусиои* когда-то проводились в каждом населенном пункте по всей стране, и люди вместе молились об избавлении от вредителей [471].

Любовь японцев «к малым существам, обычно пренебрегаемым людьми Запада», Д.Т. Судзуки объясняет тем, что «эти незначительные и презренные существа находятся в тесном взаимодействии с великой целокупностью вселенной»[472].

---

[469] Борейко В.Е. Постижение экологической теологии. Киев: Киевский эколого-культурный центр, 2000. С. 8 [Электронный ресурс]. URL: http://padaread.com/?book=94661 (дата обращения: 14.01.2019).

[470] Борейко В.Е. Постижение экологической теологии. Киев: Киевский эколого-культурный центр, 2000. С. 10 [Электронный ресурс]. URL: http://padaread.com/?book=94661 (дата обращения: 14.01.2019).

[471] Иси Хироюки. Отношение японцев к животным. Nippon.com — Информация о Японии [Электронный ресурс]. URL: https://www.nippon.com/ru/features/c03910/ (дата обращения: 17.02.2018).

[472] Судзуки Д.Т. Дзэн и японская культура. СПб.: Наука, 2003. С. 270.

Мифопоэтические представления, связанные с насекомыми, нашли яркое отражение в различных японских источниках, начиная с древнейших времен до наших дней [473]. Исходя из задач исследования, рассмотрим репрезентацию энтомологического кода в религиозных и мифологических воззрениях, поэтических и прозаических художественных текстах, японской фразеологии. Как верно отмечают А.С. Запесоцкий и А.П. Марков, «в границах культурологической парадигмы литературно-художественные, философские, религиозные и обыденные формы знания обнаруживают свою органическую причастность к культурологии, становятся различными вариантами саморефлексии культуры как целостности»[474].

Образы насекомых часто фигурируют в японской литературе. В прославленных своей лаконичностью лирических пятистишьях (танка) и трехстишьях (хокку) Басё, Исса, Бусона, Камо Мабути, произведениях других писателей встречаются десятки наименований различных видов насекомых. Многие из них совсем не известны европейцам, словари предлагают лишь их латинские названия, поскольку в европейских языках нет слов, обозначающих этих насекомых.

Например, в романе Абэ Кобо «Женщина в песках» есть сравнения с осой, кладущей яйца, с жужелицей-разнолапкой, с личинками бабочки-мешочницы, с божьими коровками, со скорлупкой, сброшенной летней цикадой, с крылышками и полетом стрекозы [475]. В тексте романа много сравнений с различными песочными жуками, для каждого из которых есть привычное для японцев название. В специальных энтомологических справочниках можно найти латинские соответствия для них — Cicindela chinensis, Cicindelidae, Degeer и др.,

---

[473] Мещеряков А.Н. Книга японских символов : книга японских обыкновений. М.: Наталис, 2008; 笠井 昌昭。虫と日本文化 [Касаи Масааки. Насекомые и японская культура]。大巧社、1997. 171 p.

[474] Запесоцкий А.С., Марков А.П. Современная культурология как научная парадигма // Вопросы философии. 2010. № 8. С. 76–87. С. 83.

[475] Абэ Кобо. Женщина в песках. Чужое лицо / пер. В. Гривнина. М.: Художественная литература, 1988.

но они ни о чем не говорят европейцам и не вызывают тех ассоциаций, которые возникают у японцев при упоминании конкретного насекомого.

Образы насекомых в японских литературных источниках, как правило, имеют положительную коннотацию, олицетворяют стремление к гармонии с природой, учат видеть прекрасное в обыденном.

Не гоните прочь

Овода, — он прилетел

Навестить цветы.

(Исса, перевод В. Марковой)[476].

О, проснись, проснись!

Стань товарищем моим,

Спящий мотылек!

(Басё, перевод В. Марковой)[477].

Японские поэты показывают нам, что жизнь столь неприметных существ имеет не меньшую ценность, чем человеческая, тем самым подталкивают к мысли о сущности бытия, скоротечности нашего мирского существования перед лицом вечности.

Ой, не бейте муху!

Руки у нее дрожат...

Ноги у нее дрожат…

(Исса, перевод В. Марковой)[478].

Энтомологический код культуры отражает архетипические представления, ритуалы и верования, с ним связаны яркие мифопоэтические образы, поэтому изучение семантики образов насекомых, их языкового воплощения во фразеологии будет способствовать лучшему пониманию мировосприятия

---

[476] Библиотека Всемирной литературы : классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М.: Художественная литература, 1977. С. 796.

[477] Там же. С. 743.

[478] Там же. С. 795.

носителей японского языка, «расшифровке “культурных кодов” с целью уточнения понимания культурных форм как единства “гетерогенного”»[479].

В «Нихон сёки» упоминаются стрекозы あきつ *акицу*. Летопись повествует о том, что первый император Дзимму Тэнно «взошел на холм Попома-но Вока в Вакигами, обозрел страну и изрек: «Ах, какую прекрасную страну я получил! Хоть эта страна бумажной шелковицы узкая, но похожа на выгнувшуюся стрекозу» [480] . Отсюда впервые пошло название Акицу-сима «Стрекозиный остров».

В «Нихон сёки» также описывается случай, когда 21-й император Юряку Тэнно охотился в открытой степи в Ёсино. Слепень сел ему на руку и ужалил ее. Внезапно с неба спикировала стрекоза и тут же улетела, проглотив слепня. Император был так доволен, что назвал область «Стрекозья равнина» あきつ野 *Акицу но.* Эти события подтвердили название Японии — «Стрекозиный остров» あきつ島 *Акицу сима*: «Твой, [о стрекоза] облик примет Страна Ямато, Акицу-сима, — Стрекозиный остров»[481].

Император Дзёмэй, правивший в VII в., также сравнивал Японию со стрекозой:

О, вот она — чудесная страна,

Заветный край мой — Акицусима!

Как крылья стрекозы, простерты острова,

Страна Ямато — вот она![482]

Стрекозы считались приносящими удачу насекомыми-победителями 勝ち虫 *кати муси*. Их изображения часто встречаются на гербах самурайских родов, на

---

[479] Силантьева М.В., Шестопал А.В. Антропологические и ценностные основания коммуникации: теоретические и прикладные аспекты // Концепт: философия, религия, культура. 2017. № 1(1). С. 11–23. С. 17.

[480] Нихон сёки (Анналы Японии). В 2 т. / пер. и коммент. Л.М. Ермаковой, А.Н. Мещерякова. Т. 1. Свитки I–XVI. СПб.: Гиперион, 1997. С. 194.

[481] Там же. С. 351.

[482] Манъёсю (Собрание мириад листьев) [антология] / пер. с японского и комментарий Глускиной А.Е. В 3 т. М.: Главная редакция Восточной литературы, 1971. С. 6 [Электронный ресурс]. URL: https://www.litmir.me/br/?b=134382&p=1 (дата обращения: 17.01.2019).

шлемах, клинках мечей и колчанах для стрел самураев, солдатских головных уборах и прочих предметах одежды.

Образ стрекозы часто фигурирует в литературе, особенно в поэзии хайку.

Всё кружится стрекоза…

Никак зацепиться не может

За стебли гибкой травы.

(Басё, перевод В. Марковой)[483].

Над волной ручья

Ловит, ловит стрекоза

Собственную тень.

(Тиё, перевод В. Марковой)

Устали стрекозы

Носиться в безумной пляске …

Ущербный месяц.

(Кикаку, перевод В. Марковой)[484].

Древние представления о вечности, счастье и любви связаны у японцев с бабочками 蝶 *tё:*. Они вызывают интерес благодаря метаморфозам, которые переживают в своем развитии, ассоциируются с бесконечной цепью перерождений, циклом жизни и смерти.

Бабочка, по верованиям японцев, олицетворяет молодую женщину. Порхающие друг вокруг друга бабочки символизируют семейное счастье, а белая бабочка — душу умершего. Считается, что души влюбленных, покончивших жизнь самоубийством, переселяются в белых бабочек. Именно поэтому многие торжественные шествия и праздники в Японии начинаются с ритуального «танца бабочек», выражающего радость жизни [485].

---

[483] Библиотека Всемирной литературы : классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М.: Художественная литература, 1977. С. 755.

[484] Там же. С. 780.

[485] Алексеев В.Н. Бабочки в мифах и легендах. М: Дрофа, 2006. С. 190.

Бабочек когда-то считали душами живых людей. Если бабочка влетала в комнату для гостей и садилась за бамбуковой ширмой, это был верный знак, что человек, которого она представляет, вскоре войдет в дом. Бабочка в доме считалась хорошей приметой, хотя все зависело от того, какого человека она олицетворяла[486].

В древности бабочки часто участвовали в романтических играх и развлечениях. Например, император использовал бабочек, чтобы они выбирали за него наложниц. На вечерах в императорском саду прекрасные девушки выпускали из клеток бабочек. Трепеща яркими крылышками, бабочки порхали вокруг и усаживались на самых красивых девушек, которых император щедро одаривал[487].

Изображение бабочки часто служило символом для родовых гербов кланов самураев — 家紋 *камон* «фамильный герб». Могущественный клан Тайра, игравший ведущую роль в Японии в эпоху Хэйан (794–1185), использовал в качестве герба стилизованное изображение бабочки-махаона 揚羽蝶 *агэхатё:*[488] .

Бабочка — первая фигурка, сложенная в технике *оригами,* вдохновленная стихотворением Ихара Сайкаку, в котором он описывает сон о бумажных бабочках: 盧斉が夢の蝶は「おりすえ」とある。 «Бабочки в мечтах Росэя были бы оригами». Ихара обратился к самым старым в истории *оригами* базовым формам おりすえ *орисуэ* — двум бумажным бабочкам 雌蝶 *мэтё:* «женщина» и 雄蝶 *отё:* «мужчина». Этими бабочками до сих пор принято украшать бутылки с сакэ во время японских свадебных церемоний по синтоистскому обряду[489].

---

[486] Хэндленд Д. Мифы и легенды Японии. М.: Центрполиграф, 2008. С. 118.

[487] Ильина Н. (сост.) Японская мифология : энциклопедия. СПб.: Мидгард, 2007. С. 251–252.

[488] 家紋の由来__蝶。: [Происхождение фамильных гербов. Герб бабочка.] [Электронный ресурс]. URL: http://www.harimaya.com/o_kamon1/yurai/a_yurai/pack2/tyou.html (дата обращения: 17.01.2019).

[489] 五十嵐裕。折り紙の歴史と保育教材としての折り紙に関する一考察 сай [Игараси Юко.Исследование истории оригами и оригами как средство обучения] 、浦和大学・浦和大学短期大学部 浦和論叢 第 46 号 2012-2. P. 45–68. P. 47 [Электронный ресурс]. URL: https://urawa.repo.nii.ac.jp/?action=repository_action_common_download&item_id=351&item_no=1&attribute_id=18&file_no=1 (дата обращения: 23.01.2019).

Пристрастие японцев к бабочкам отражается в изобразительном искусстве, гравюре укиё-э, их изображение можно увидеть на гребнях и узорах традиционных кимоно. Бабочка — одна из тем поэзии и прозы.

Бабочки полет
Будит тихую поляну
В солнечном цвету.
(Басё, перевод В. Марковой)[490].

В зарослях сорной травы
Смотрите, какие прекрасные
Бабочки родились!
(Басё, перевод В. Марковой)[491].

Грузный колокол.
А на самом его краю
Дремлет бабочка.
(Бусон, перевод В. Марковой)[492].

Свет зари вечерней!
На затихшей улице
Бабочки порхают.
(Кикаку, перевод В. Марковой)[493] .

Образ бабочки широко используется в современной массовой культуре в анимэ и манга. В анимэ-сериале «Блич» бабочки играют роль путеводителей для духов мертвых[494]. В «Сейлор Мун» бабочка олицетворяет принцессу Какую[495]. В

---

[490] Библиотека Всемирной литературы : классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М.: Художественная литература, 1977. С. 742.

[491] Там же. С. 794.

[492] Там же. С. 786.

[493] Там же. С. 781.

[494] Bleach (ブリーチ, «Блич»). Автор Кубо Т., реж. Абэ Н. Токио, Studio Pierrot, 2004–2012. 366 серий.

[495] Pretty Soldier Sailor Moon S (美少女戦士セーラームーン S（-スーパー）, «Сэйлор-Мун — супер-воин»). Автор оригинала Такэути Н., реж. Икухара К., автор сценария Энокидо Ё. Токио: Toei Animation, 1994–1995. 38 серий.

манге «Литтл баттерфляй» это символ свободы и надежды для двух молодых влюбленных, которые хотят сбежать, чтобы быть вместе[496].

Светлячок 蛍 *хотару* — еще одно почитаемое в Японии насекомое. Начиная с VIII в. светлячки служили метафорой страстной любви в поэзии.

Ты отцвел, ушел навек…
С яшмовым копьем гонец
Мне принес об этом весть,
И как светит светлячок, –
Еле-еле, так едва
Донеслась до слуха весть,
Стала пламенем земля
Под ногами у меня,
Броситься бы мне бежать,
Но куда, не знала я…[497].

Лишь вечер настает,
Пылаю я сильней,
Чем светлячок.
Но пламени тебе, наверное, не видно,
И оттого ты равнодушна.
(Ки-Но Томонори, перевод А. Глускиной)[498].

Как ярко горят светлячки,
Отдыхая на ветках деревьев!
Дорожный ночлег цветов!
(Басё, перевод В. Марковой)[499].

---

[496] 高永ひなこ。海王社リトル・バタフライ （全 3）、海王社巻、2001。Таканага Хинако. Little Butterfly [Маленькая бабочка]. Кайо:ся (дзэн сан кэн), 2001.

[497] Манъёсю (Собрание мириад листьев) [антология] / пер. с японского и комментарий Глускиной А.Е. В 3 т. М.: Главная редакция Восточной литературы, 1971. С. 175.

[498] Библиотека Всемирной литературы : классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М.: Художественная литература, 1977. С. 678.

Очень часто в поэзии образ светлячка использовался для описания тайной любви. Согласно поверьям, яркое свечение этих насекомых проникает в сердце и пробуждает любовные чувства. В «Повести о Гэндзи» (Гэндзи моногатари), которая была создана на рубеже X–XI вв. придворной фрейлиной Мурасаки Сикибу, принц Хёбукё, ухаживая за девушкой, желая привлечь ее внимание, прячет в ее покоях изрядное количество светлячков:

Молчит светлячок
О чувствах своих, но в сердце
Яркий огонь.
И сколько не старайся,
Не сможешь его погасить.

Но девушка не ответила на чувства принца:

Молчат светлячки,
Но тайный огонь их сжигает.
Знаю — они
Чувствовать могут сильнее
Тех, кто умеет петь[500].

Считалось, что молчаливое свечение любви красноречивее, чем пустая трата слов.

Не плачет навзрыд,
Но пламени молча отдавшись,
Горит светлячок, –
Наверное, так же, как я,
Любовным недугом объят...
(Таясу Мунэтакэ, перевод А. Долина)[501].

---

[499] Там же. С. 756.

[500] Мурасаки Сикибу. «Повесть о Гэндзи» (Гэндзи-моногатари). Книга 1 [Электронный ресурс]. URL: https://litresp.ru/chitat/ru/C/sikibu-murasaki/povestj-o-gendzi-gendzi-monogatari-kniga-1/ (дата обращения: 17.01.2019).

Светлячки символизируют души умерших воинов, призрачность и быстротечность жизни.

Увы, в руке моей,

Слабея неприметно,

Погас мой светлячок.

(Кёрай, перевод В.Марковой)[502].

Ах, не топчи траву!

Там светлячки сияли

Вчера ночной порой

(Исса, перевод В. Марковой) [503].

Дэвис Хэдленд в книге «Мифы и легенды Японии» пишет: «Говорят, что светлячки — это призраки старых воинов из кланов Минамото и Тайра. В ночь двадцатого дня четвертой луны они сражались в великой битве на реке Удзи. В ту ночь всех пойманных и посаженных в клетки светлячков выпускают, чтобы они снова могли участвовать в битве старинных кланов, которая происходила в XII веке. Особое магическое значение светлячков усиливается еще и потому, что эти насекомые любят кружиться вокруг ивы — дерева, внушающего суеверный страх японцам. В давние времена считалось, что светлячки могут использоваться в медицинских целях. Полагали, что мазь из светлячков нейтрализует все яды и, более того, обладает способностью изгонять злых духов и предохранять дом от нападения грабителей»[504].

Любоваться полетом светлячков принято в июле. Это такая же традиция, как наслаждаться цветением сакуры весной или красными листьями кленов в осенние дни.

---

[501] Библиотека Всемирной литературы : классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М.: Художественная литература, 1977. С. 798.

[502] Библиотека Всемирной литературы : классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М.: Художественная литература, 1977. С. 778.

[503] Там же. С. 793.

[504] Хэдленд Д. Мифы и легенды Японии. М.: Центрполиграф, 2008. С. 157.

Сэй Сёнагон в «Записках у изголовья» замечает, что лучшее время суток летом — это ночь. «Слов нет, она прекрасна в лунную пору, но и безлунный мрак радует глаза, когда друг мимо друга проносятся бесчисленные светлячки. Если один — два светляка тускло мерцают в темноте, все равно это восхитительно»[505].

Образ светлячка нашел отражение в современной массовой культуре Японии.

蛍の墓 *хотару-но хака* «Могила светлячков» — японский анимационный фильм (1988), основанный на автобиографическом романе Носака Акиюки. В нем рассказывается о судьбе двух сирот во время американской бомбардировки в конце Второй мировой войны.

蛍の光 *хотару-но хикари* «Свет светлячка», пожалуй, одна из самых популярных японских песен. Ее часто поют, прощаясь друг с другом, например, на выпускных вечерах по случаю окончания учебных заведений, торжественных церемониях закрытия мероприятий, в конце года.

Японские дети очень любят песню 蛍、来い *хотару, кой* «Приходи, светлячок» [506].

Светлячки обитают только около чистых водоемов. В наши дни из-за загрязнения окружающей среды их количество сокращается, именно поэтому свечение этих насекомых символизируют «чистоту окружающей среды». Энтомолог Кониси Масаясу сильную привязанность японцев к светлячкам называет «национальным общественным феноменом», не имеющим мировых аналогов: «Сейчас в некоторых районах Японии местные муниципальные власти и граждане защищают и восстанавливают среду обитания светлячков и даже создают новые места их обитания. При необходимости выращивают и выпускают улиток и другой корм для светлячков.

В настоящее время одним из популярных способов времяпрепровождений у японцев стало наблюдение за процессом появления крылатых насекомых из

---

[505] Сэй Сёнагон. Записки у изголовья. М.: «Художественная литература», 1988. С. 25.

[506] Abe Namiko. Why the Firefly (Hotaru) Is Important in Japan? 21.06.2017 [Электронный ресурс]. URL: https://www.thoughtco.com/importance-of-the-firefly-2028102 (дата обращения: 01.02.2019).

оболочки куколки. В давние времена люди ловили их просто для развлечения, а теперь мы любуемся ими и изучаем их <…> Защищать их означает сохранять мир природы, в котором они живут…»[507].

Е.С. Сычева, исследуя символизм образов насекомых в современной японской массовой культуре, корни которой уходят в национальный фольклор, сосредоточила свое внимание на бабочках 蝶 *тё:* и светлячках 蛍 *хотару*. Представления японцев об этих насекомых менялись с течением времени, но интерес к ним никогда не проходил: так, «бабочки из символа смерти стали символом хрупкости и беззащитности, сна (иллюзии) или жизни как таковой; светляки из знака любовного томления превратились в визуальный маркер потустороннего мира»[508].

Японцы с большой любовью относятся к цикадам 蝉 *сэми,* символу лета. В Японии живут более тридцати видов цикад, и японцы различают пение каждого вида. Чаще всего на телевидении и в анимэ звучит «песня» みんみん *минмин*, которая представляет собой стрекот цикад 蝉 *минмин-дзэми.* Цикада 油蝉 *абура-дзэми* (油 *абура* «масло») известна своим жужжанием. Звуки, производимые множеством цикад *абура-дзэми,* напоминают шипение масла на сковороде... Японцам известна и песня цикады 熊蝉 *кума-дзэми,* которая звучит как つくつくぼうし *цукуцуку бо:си.* В конце августа и в первых числах сентября можно услышать заунывное пение: かなかなかなかな *канаканаканакана.* Это голос цикад 日暮蝉 *хигураси-дзэми*, который возвещает о последних днях лета и начале осени[509].

---

[507] Кониси М. Японские животные и японская культура: сверчки. НИППОНИЯ, 15.03. 2005. № 32 [Электронный ресурс]. URL: https://web-japan.org/nipponia/nipponia32/ru/index.html (дата обращения: 10.01.2019).

[508] Сычева Е.С. Символизм бабочек и светляков в фольклоре и современной массовой культуре Японии : осмысление природы в японской культуре. РАНХиГС, 2017. С. 167–190. С. 188.

[509] Cicadas in Japan 日本のセミ | [Электронный ресурс]. URL: http://lang-8.com/odon/journals/1034412/ (дата обращения: 15.01.2019).

Описание лета как в японской литературе, так и в письмах японцев почти никогда не обходится без упоминания цикад. Цикады настолько ассоциируются с летом, что редко можно увидеть летнюю сцену в японском телешоу или аниме, в которых не слышно, как они стрекочут [510].

«Пение *минмин-дзэми* напоминает напевное чтение молитв буддийского монаха, в то время как зеленые японские цикады *сэми,* или *хигураси*, звучат как позвякивание маленьких колокольчиков. Есть примета, что засушенный жучок увеличивает запас одежды <…> согласно буддийскому учению, всякая жизнь священна, и, более того, буддисты верят, что из-за некоторых грехов души мужчин и женщин могут перевоплощаться в мелких насекомых» [511].

Мы очень часто видим обращение к образу цикады в японской поэзии, классической и современной литературе.

В «Повести о Гэндзи» есть глава, в которой читатель знакомится с тем, что одну из женщин, которая осмелилась отказать главному герою, зовут 空 蝉 Уцусэми. Это имя можно перевести как «пустая скорлупка цикады». Герой повести Гэндзи надеется застать Уцусэми в ее покоях, но находит лишь ее платье:

Под деревом

Сбросила платье цикада.

С тоскою гляжу

Я теперь на пустую скорлупку,

О ней вспоминая тайком[512].

В японской поэзии образ цикады, символизирующий быстротечность лета, часто носит оттенок грусти.

И кто бы мог сказать,

Что жить им так недолго?

---

[510] Kendall P. 5 facts about the special significance of cicadas in Japan : [Пять фактов об особом значении цикад в Японии] // Japan today. Aug. 16, 2014.

[511] Хэндленд Д. Мифы и легенды Японии. М.: Центрполиграф, 2008. С. 155.

[512] Мурасаки Сикибу. «Повесть о Гэндзи» (Гэндзи-моногатари). Книга 1 [Электронный ресурс]. URL: https://litresp.ru/chitat/ru/C/sikibu-murasaki/povestj-o-gendzi-gendzi-monogatari-kniga-1/ (дата обращения: 17.01.2019).

Немолчный звон цикад.

(Басё, перевод В. Марковой)[513].

О цикада, не плачь!

Нет любви без разлуки

Даже для звезд в небесах.

(Исса, перевод В. Марковой)[514].

Верно, эта цикада

Пеньем вся изошла?

Одна скорлупка осталась.

(Басё, перевод В. Марковой)[515].

Давайте сад поливать,

Пока насквозь не промокнут

Цикады и воробьи.

(Кикаку, перевод В. Марковой)[516].

Некуда воду из ванны

Выплеснуть мне теперь.

Всюду поют цикады!

(Оницура, перевод В. Марковой)[517].

Ловля цикад, которых нельзя купить в зоомагазинах в отличие от 兜虫 *кабуто муси* «жуков-носорогов», 鍬形虫 *кувагата муси* «жуков-оленей», 鈴虫 *судзумуси* «сверчков», — популярное летнее хобби японских детей. Жуков-носорогов, жуков-оленей, сверчков многие дети держат в качестве домашних питомцев и даже дают им имена.

---

[513] Библиотека Всемирной литературы : классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М.: Художественная литература, 1977. С. 756.

[514] Библиотека Всемирной литературы : классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М.: Художественная литература, 1977. С. 792.

[515] Там же. С. 760.

[516] Там же. С. 781.

[517] Там же. С. 782.

Японцы очень любят пение насекомых. «В самом деле, можно ли себе представить, что какой-нибудь герой в европейском романе станет, как Гэндзи, переносить с далеких равнин в свой сад насекомых, дабы наслаждаться их пением?», — писал французский антрополог Клод Леви-Стросс[518].

С давних пор в Японии наслаждаются «голосами» сверчков, которые они издают трением крылышек о рубчатую поверхность задних лапок. Поет только самец: приподняв надкрылья, он быстро потирает ими друг о друга. Японцы считают, что «пение» сверчков звучит не хуже птичьего, по своему звучанию подобно звону колокольчика: りんりん *ринрин*.

В древней Японии сверчок считался покровителем и охранником дома. Знатные японцы держали сверчков дома в богато украшенных клетках. Домики делали из бамбука. Сверчки начинали стрекотать, как только обживались и привыкали к своим хозяевам. Стрекотали они всю ночь напролет. В отличие от собак, которые начинают лаять, почуяв приближение постороннего, сверчки замолкают, когда кто-то чужой проникает в дом. Привыкнув к стрекоту сверчков, хозяева, когда сверчки замолкали, и наступала тишина, просыпались и встречали незваных гостей во всеоружии.

В середине эпохи Эдо (1603–1867) получила распространение торговля насекомыми, а концу XIX в. в стране торговали уже более чем двенадцатью видами насекомых, в том числе искусственно выведенными сверчками[519].

В окрестностях Киото есть 鈴虫寺 *судзумусидэра* — «Сверчковый храм». «Знаменит он тем, что сверчки там поют круглый год, а не только поздним летом или осенью, как им то положено природой. Для круглогодичного пения их содержат при определенной температуре в пяти плексигласовых прозрачных “аквариумах”, выставленных в зале для проповедей. Толпы народа приходят туда и слушают проповедника под чудесное и неумолчное пение сверчков. И при этом

[518] Леви-Стросс К. Обратная сторона луны: Заметки о Японии. М.: Текст, 2013. С. 61–62.

[519] 梅谷 献二。無視を聴くぶんか。 [Умэя Кэндзи. Культура, которая слышит насекомых] [Электронный ресурс]. URL: https://www.jataff.jp/konchu/listen/listen.html (дата обращения: 10.01.2019).

имеют еще возможность наслаждаться их видом»? — так описывает храм А.М. Мещеряков[520].

Согласно древним японским поверьям, сверчки погибают, если у них нет пары, поэтому в храм приходят люди, чтобы помолиться об обретении счастья в любви. Желание загадывается перед небольшим каменным изваянием 地蔵様 *Дзидзо: сама.* Таких статуй множество по всей Японии, но в этом храме Дзидзо: обут в соломенные сандалии 草鞋 *варадзи.* Считается, что они нужны Дзидо:, чтобы потом прийти в дом просителя и исполнить его заветное желание[521].

Японские поэты и писатели обращались к образу сверчка в разные времена.

Сверчков голоса

На ограде в саду все печальней,

Все слабей с каждым днем.

О разлуке с осенью плачут они,

Но разве удержишь ее?

(Мурасаки, перевод Т. Соколовой-Делюсиной)[522].

Какая грусть!

В маленькой клетке подвешен

Пленный сверчок.

(Басё, перевод В. Марковой)[523].

О, беспощадный рок!

Под этим славным шлемом

Теперь сверчок звенит

---

[520] Мещеряков А.Н. Книга японских символов : книга японских обыкновений. М.: Наталис, 2008.

[521] 京都嵐山観光の寺 鈴虫寺。 [Храм Судзумусидэра в туристическом районе Арасияма Киото] [Электронный ресурс]. URL: http://www.suzutera.or.jp/introduction/jizou.html (дата обращения: 01.02.2019).

[522] Мурасаки Сикибу. «Повесть о Гэндзи» (Гэндзи-моногатари). Книга 1 [Электронный ресурс]. URL: https://litresp.ru/chitat/ru/C/sikibu-murasaki/povestj-o-gendzi-gendzi-monogatari-kniga-1/ (дата обращения: 17.01.2019).

[523] Библиотека Всемирной литературы : классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М.: Художественная литература, 1977. С. 760.

(Басё, перевод В. Марковой)[524].

Какая долгая жалоба!

О том, что кошка поймала сверчка,

Подруга его печалится.

(Кикаку, перевод В. Марковой)[525].

Дремоту прогнав,

На ночное небо гляжу —

Не взошла ли луна?

У самой подушки моей

О чем-то сверчок верещит.

(Окума Котомити, перевод А. Долина)[526].

Радость какая!

Запел долгожданный сверчок.

Ах, если б вечно

Длилась прозрачная ночь,

Не заходила луна...

(Камо Мабути, перевод А.Долина)[527].

Сверчок чуть слышен.

Становятся все холодней.

Осенние ночи.

Чудится, голос его

Уходит все дальше, дальше…

(Фудзивара Тосинари, перевод В. Сановича)[528].

---

[524] Там же. С. 752.

[525] Там же. С. 780.

[526] Библиотека Всемирной литературы : классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М.: Художественная литература, 1977. С. 804.

[527] Там же. С. 797.

[528] Библиотека Всемирной литературы : классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М.: Художественная литература, 1977. С. 711.

В различных городах Японии можно посетить музеи насекомых и послушать их концерты.

Телерадиокомпания NHK так описывает подобный концерт: «На мероприятии в городе Итами префектуре Хёго было представлено около 300 насекомых восьми различных видов. В зале было выключено освещение, и на потолке появилось изображение ночного осеннего небосвода.

Вскоре началось необычное представление, исполнителями которого были сверчки-колокольчики и сосновые сверчки. Позже к ним присоединился гигантский углокрылый кузнечик, который начал издавать сильные трели на радость присутствовавших в зале»[529] .

В качестве примера «выражения стереотипов японской культуры», «языковых мифов и предрассудков» В.М. Алпатов называет теорию Цунода Таданобу, согласно которой японцы воспринимают крики насекомых не левым полушарием, а правым. Соответственно, по мнению Цуноды, эти крики относятся для них не к категории шумов, а к категории членораздельных языков, что позволяет ассоциировать писк насекомых со временами года [530] . Впрочем, нельзя не согласиться с В.М. Алпатовым, который подчеркивает: «…японцы, многое заимствуя, любят гордиться обладанием чем-то особым, недоступным другим народам, часто это связывается с языком», исходя из априорной идеи «о превосходстве японской культуры над западной»[531].

Исследователи отмечают, что «четырехтомный академический Словарь русского языка содержит 79 названий насекомых, следовательно, лексико-семантическая группа русских энтомосемизмов состоит из 79 слов» [532] . В неоднократно переиздававшемся с обновлениями японском толковом словаре Кодзиэн 広辞苑 мы видим по самым приблизительным подсчетам около трехсот

---

[529] NHK. 3. 09. 2017.

[530] 角田忠信。日本人の脳―脳の働きと東西の文化 [Цунода Таданобу. Мозг японцев. Работа мозга, восточная и западная культура]、大修館書店、1978. 388 p.

[531] Алпатов В.М. Япония. Язык и культура. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 48.

[532] Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003. С. 28.

названий насекомых, причем семьдесят из них сопровождаются иллюстрациями[533].

В японских устойчивых словосочетаниях, пословицах и поговорках очень часто встречаются энтомосемизмы. Специальное исследование стоило бы посвятить 虫 *мусu* (можно перевести и как «насекомое», и как «червячок») — главному действующему лицу многих идиом. Приведем несколько других примеров, иллюстрирующих пристальное внимание японцев к насекомым.

Похоже, что японцам известен вкус насекомых, ведь недаром они говорят 苦虫を噛み潰したよう– «разжевать горькое насекомое», что на русский следует перевести как «состроить кислую мину».

Робкого человека японцы могут сравнить с насекомым, при этом в сравнение не вкладывается отрицательного смысла, поскольку считается, что 一寸の虫にも五分の魂 — «и у маленького насекомого душа составляет пятую часть от него». Впрочем, приоритет «большого/вышестоящего» у японцев, воспитанных в условиях иерархического общества, просматривается в поговорке 小の虫を殺して大の虫を助ける «убить маленькое насекомое, спасти большое», что означает «пожертвовать малым ради большего».

Одна из японских поговорок, положительно оценивающих неговорение, тоже обращается к образу насекомого:黙り虫が壁を透過す — «молчаливый жучок проходит сквозь стены». Тот, кто целеустремлен и настойчив, в представлении японцев похож на таракана или муравья, ленивый и болтливый — на сверчка.

Верный возлюбленный в японской лирике сравнивается со светлячком, за которым укрепился положительный образ молчуна, а несерьезный ветреник и болтун уподобляется какому-нибудь стрекочущему насекомому, например, кузнечику, сверчку или цикаде: 鳴く蝉よりも鳴かぬ蛍が身を焦がす «молчаливый светлячок испытывает больше страсти, чем (поющая) цикада».

---

[533] 広辞苑 [Словарь Ко:дзиэн]、 岩波書店、第六版。2008. 3074 p.

Беспочвенные споры и дебаты, пустые разговоры японцы уподобляют стрекотанию цикад, звучащему одновременно с громким кваканьем лягушек — 蛙鳴蝉噪: «громкое кваканье лягушек и стрекотание цикад». Это выражение по смыслу близко русскому фразеологизму «буря в стакане воды», или, если мы попытаемся сохранить образ чего-то живого, — «трещат как сороки».

蛍族 «племя светлячков» — так называют людей, которые вынуждены курить на балконах. В японских городах много многоэтажных жилых домов с небольшими балконами. Издалека огонек горящей сигареты выглядит как свечение светлячка.

Словосочетание 蛍雪時代, (букв. «эра светлячка и снега») японцы заимствовали у китайцев. Целеустремленные прилежные студенты занимаются «при свете светлячков и сиянии снега». Выражение 蛍雪の功 означает «плоды усердного изучения».

Как говорилось выше, образ бабочки характерен для классической японской поэзии. Не обошла своим вниманием его и японская фразеология. Например, избалованные и изнеженные дети, привыкшие к тепличным условиям, «воспитаны как бабочки или цветы» — 蝶よ花よと育てられた, а об иллюзорности и призрачности жизни говорят 胡蝶の夢 «жизнь подобна сну бабочки».

Японцы так же, как и русские, трудолюбивого и целеустремленного человека сравнивают с муравьем:千丈の堤も蟻の穴から — «плотина длиною в тысячу дзё[534] разрушается от муравьиной норки». На умение этого насекомого выбраться из закрытого со всех сторон пространства намекает пословица 蟻の這い出る隙もない — «и муравей не вырвется» (букв. «нет, лазейки, чтобы муравей пролез»), которую довольно часто можно встретить в повествованиях об успешных полицейских операциях.

[534] Дзё: — мера длины, равная 3.03 м.

Энтомосемизмы в паремиях могут иметь отрицательную коннотацию, выступать метафорой разных жизненных ситуаций. О неприспособленности мужчин к жизни, о том, что они могут проигрывать в сравнении с женщинами, говорит пословица: 男やもめに蛆がわき女やもめに花が咲く — «у овдовевшего мужчины разводятся мухи, у овдовевшей женщины расцветают цветы».

Фразеологизм 獅子身中の虫 «паразит в теле льва» японцы употребляют тогда же, когда русские говорят «пригреть змею на груди», «отплатить злом за добро».

О людях, сохраняющих невозмутимый вид в любой ситуации, говорят: 蛇が蚊を呑んだよう — «(выглядит) как змея, проглотившая комара».

Очень худого человека по-японски можно сопоставить даже не с целым насекомым, а с его частью: 蚊の脛おように痩せた人 — «тощий, как голень комара». Комар для японцев, вероятно, является воплощением мизерности. Про минимальное количество, то есть по-русски — «кот наплакал», японцы говорят 蚊の涙ほど (букв. «столько, сколько слез у комара»).

Ситуации, в которых за одной неприятностью следует другая, японцы уподобляют той, когда 泣き面に蜂 — «пчелы на зареванную морду».

Совет заниматься своими делами и не вмешиваться в чужие часто звучит по-японски 頭の上の蠅を追え «сгоняй мух со своей головы».

О бессильных угрозах японцы говорят 蟷螂の斧を振る — «потрясать топором жучка-богомола». Здесь мы встречаемся с «разночтением» образа насекомого в языковых картинах мира русских и японцев. Если последним кажется, что жучок делает движения, похожие на взмахи топором, то русские уподобляют эти движения поклонам богомольца.

О безвольном и беспомощном человеке японцы говорят 頭の上の蠅も追われぬ — «он даже мух со своей головы согнать не может».

Восточная медведка 螻 *кэра*, вероятно, из-за того, что она издает какой-то очень жалобный звук, представляется японцам совершенно неплатежеспособной:

выражение 蟇になった (букв. «стал /превратился в/ кэра») имеет значение «остаться “на бобах”, быть без денег». Слово 虫蟇 — «насекомое, червячок» имеет переносное значение «ничтожество». У японцев образным сравнением для бедняка, которому даже не во что одеться, является еще одно насекомое — безволосая личинка 裸虫 *хадакамуси*. Очевидно, что было бы неправильно переводить это японское сравнение русским «гол как сокол», поскольку русский эквивалент подразумевает определенное пренебрежение материальной составляющей бытия, удаль и молодцеватость, а в японском явно чувствуется обездоленность и беззащитность бедняка.

О хорошем знании энтомологии свидетельствует японское шутливое сопоставление супружеской пары, в которой жена выше и крупнее мужа: 蚤の夫婦 (букв. «блошиная пара, супруги-блохи»). В России, пожалуй, только профессиональные энтомологи знают о соотношении размеров пары блох, поэтому сохранение этого забавного образа при переводе, увы, не приемлемо.

Образ может быть сохранен при переводе японской характеристики трусливого человека 蚤の心臓 — «сердце блохи».

Когда русские говорят «палить из пушки по воробьям», японцы называют более изощренный прием, а именно: ひらみの肌を槍で殺ぐ– «пронзать копьем шкуру вши». При переводе этой, как и следующей поговорки, энтомологический образ сохранить не удается. Хорошо, что и пушки, и воробьи имеют место и в японской национальной картине мира, поэтому в данном случае при переводе возможно сохранение образности, правда с заменой образа.

虻蜂取らず– «не поймать ни овода, ни пчелы» соответствует русской поговорке «за двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь», и именно так ее обычно и переводят, заменив образы насекомых на дичь[535].

---

[535] Гуревич Т.М. Японский язык: проблема перевода зоонимов // Сопоставительная лингвистика. Типология языков. Теория перевода : материалы 3-й международной конференции. Москва — Казань, 2006–2008. М.: МГУ, 2008. С. 47–56. С. 53–55.

3.3. Флористический код

Эстетическое понятие 雪月花 *сэцугэцука* (снег, луна, цветок) отражает отношение японцев к смене времен года и быстротечности жизни. Ясунари Кавабата во время вручения ему Нобелевской премии в 1968 году сказал: «Слова “снег, луна, цветы” — о красоте сменяющих друг друга четырех времен года — по японской традиции олицетворяют красоту вообще: гор, рек, трав, деревьев, бесконечных явлений природы и красоту человеческих чувств»[536].

Специфические японские обычаи связаны с ярко выраженной сменой сезонов: любование луной, снегом, красными листьями кленов, различными цветами.

Стоит отметить, что основа представлений о неразрывной связи человека с окружающей природой была заложена первобытными верованиями японцев, анимистическими культами. Синтоизм одухотворял предметы и явления природы, цветам как божествам поклонялись, духу цветов совершали подношения и молили об урожае.

На наш взгляд, отношение японцев к цветам, являет собой смесь восхищения, благоговения и поэтической лирики.

Цветы издавна были неотъемлемой частью духовной жизни японского народа, это подтверждает искусство *икебана,* литература и живопись.

Об особом месте цветов в традиционной культуре свидетельствует большое количество произведений, в которых используются растительные образы. В старейшем сборнике японской поэзии 万葉集 *Манъё:сю* — «Антология мириад листьев», составленном в VIII в., содержится около 4500 стихотворений 和歌 *вака.* В 1500 стихотворениях — сезонной, любовной поэзии, элегиях, стихотворениях, посвященных путешествиям и праздникам, упоминается множество различных растений, всего около 160, в том числе 50 сортов цветов. Наиболее часто среди цветов в антологии *Манъё:сю* встречается 萩 *хаги* «японский клевер» — осенний

[536] Кавабата Ясунари. Красотой Японии рожденный : нобелевская речь. М.: Панорама, 1993 [Электронный ресурс]. URL: http://noblit.ru/node/1118 (дата обращения: 08.06.2017).

цветок, упоминающийся приблизительно в 140 работах. За ним следуют слива 梅 *умэ,* расцветающая весной (около 120 стихотворений), японский мандарин 橘 *татибана* и 桜 *сакура*[537].

Повседневная и праздничная культура японцев неотделима от цветов, сопровождающих людей от рождения до смерти. Они символизируют различные моменты, становясь индикатором эмоционального или физического состояния человека. Не случайно основные этапы человеческой жизни часто описываются теми же словами, которые обозначают основные циклы вегетативного развития цветов: рост, цветение, увядание. Украшая стенные ниши 床の間 *токонома* небольшими букетами, японцы поддерживают традиционные связи с природными и сезонными ритмами, тем самым выражая неприятие антропоцентристской модели мира. Изображения цветов можно увидеть повсеместно: на картинах, кимоно, марках, предметах интерьера и даже на паспортах. Это распространенная тематика для татуировок: цветы сакуры, лотоса, пиона и хризантемы особенно популярны среди *якудза*.

«Возможно, наиболее отчетливая особенность японцев — обращать внимание на незначительные явления природы и нежно заботиться о них. Вместо того чтобы говорить о великих идеалах или высоких абстрактных мыслях, они выращивают хризантемы и вьюнки, а когда приходит пора, радуются их прекрасному и желанному цветению», — отмечал Д.Т. Судзуки[538].

Цветам посвящено множество праздников и обрядов. Почти каждый месяц в году проходят фестивали любования цветением того или иного дерева либо цветка. В течение года японцы любуются цветением сливы, персика, сакуры, азалии, камелий, пиона, гортензий, глициний, нарциссов, лилий, лотосов, ирисов и многих других цветов, а завершает цикл годового цветения праздник хризантем.

---

[537] にっぽにか [Ниппоника]. № 19. 2016. P. 18–19.

[538] Судзуки Д.Т. Дзэн и японская культура. СПб.: Наука, 2003. С. 262.

Самые значимые и пышные праздники и фестивали проходят весной. 花見 *ханами* — «любование цветами» — древняя национальная традиция. В древности *ханами* было народным религиозным обрядом, связанным с весенним почитанием богов, символом урожая и возрождения жизни. Появление цветов было знаком, что пора приступать к очередному этапу возделывания земли и ознаменовывало начало сезона посадки риса. Духу цветов было принято совершать подношения, цветы обожествляли и поклонялись им.

В эпоху Нара (710–794) традиция *ханами* предполагала любование цветами сливы 梅 *умэ*. Слива была завезена в Японию из Китая в VIII в. и очень полюбилась японцам. Японский император каждый год устраивал церемонию любования цветами сливы для своих придворных [539]. В те годы любование цветением сливы было популярней, чем любование цветением сакуры. Это было связано с тем, что для образованных слоев японского общества *умэ* была символом китайской культуры, чьи традиции очень почитались в Японии.

Поэты и художники неоднократно обращались в своем творчестве к этому поэтическому образу. Он стал составной частью японской календарной поэзии, а любимой темой зимних пейзажей японских художников было изображение соловья на ветке цветущей сливы[540].

Соперничая с белизною снега,
Упавшего с небесной высоты,
У дома моего
На ветках сливы зимней
Цветут сегодня белые цветы!
(Песня Отомо Якамоти о сливе в снегу, перевод В. Марковой)[541].

---

[539] Plum (Ume) Blossom in Japan. Ume Matsuri [Электронный ресурс]. URL: 2017https://www.kyuhoshi.com/2015/01/01/plum-ume-blossom-in-japan/ (дата обращения: 03.06.2017).

[540] Маркарьян С.Б., Молодякова Э.В. Праздники в Японии: обычаи, обряды, социальные функции. М.: ГРВЛ «Наука», 1990. С. 111.

[541] Библиотека Всемирной литературы : классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М.: Художественная литература, 1977. С. 645.

Молись о счастливых днях!

На зимнее дерево сливы

Будь сердцем своим похож.

(Басё, перевод В. Марковой)[542].

Существовало поверье, что слива отпугивает дьявола, поэтому в храмах часто сажали сливы у так называемых «ворот демона»[543].

Во время цветения сливы в парках по всей Японии проходят 梅祭り *умэ мацури* — «Фестивали цветения сливы». Во время фестивалей проводятся традиционные чайные церемонии, музыкальные выступления, соревнования по стрельбе из лука, поэтические конкурсы.

Слива зацветает раньше других цветов в холодное время года — в феврале-марте, поэтому олицетворяет силу духа, стойкость, является символом обновления и пробуждения природы, предвестником весны.

Цветок…И еще цветок…

Так распускается слива,

Так пробивается тепло.

(Рансэцу, перевод Веры Марковой)[544].

Если первый снег выпадает до того, как на сливе распускаются бутоны, есть опасность, что цветы быстро опадут, поэтому японцы стараются ловить каждое драгоценное мгновение. Как и сакура, слива расцветает в разных частях Японии в разное время, что позволяет продлевать наслаждение от любования ею, переезжая с места на место [545].

---

[542] Там же.

[543] Согласно представлениям древнеяпонской эзотерической космологии 陰陽道 оммё:до: северо-восточное направление считалось несчастливым, потому что через него приходят злые духи, его стали называть 鬼門 кимон — «врата демона».

[544] Библиотека Всемирной литературы : классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М.: Художественная литература, 1977. С. 779.

[545] Горина Л. Умэ мацури — душистый праздник грядущей весны: праздники и традиции // Исторический журнал. М.: НБ-Медиа, 2013. № 3. С. 86–103. С. 88.

Одно из самых популярных мест проведения Фестиваля цветения сливы — парк Ханэги в Токио в районе Сэтагая. Ежегодно около 400 тыс. человек посещают этот парк, чтобы полюбоваться цветами сливы, распустившиеся на 650 деревьях[546]. Особой популярностью места для любования сливой пользуются у молодежи: считается, что это принесет удачу на вступительных экзаменах. В дни фестиваля принято есть японские сладости из слив, сливовое мороженое, традиционные японские рисовые лепешки 大福 *дайфуку* (大 — «большой», 福 — «счастье»), пить сливовое вино 梅酒 *умэсю:*.

Стилизованные символы сливового цветка в Японии можно увидеть на сувенирах, в отделке одежды, в дизайне помещений. Веточки цветущей сливы или предметы с ее изображением дарят с пожеланиями долголетия и счастья.

После сливы начинает цвести сакура. Любование сакурой, хотя и не является официальным государственным праздником, несомненно, можно назвать одним из главных и значимых событий в жизни японцев на протяжении многих столетий. Сакура настолько прочно вошла в японскую культуру, что может считаться символом Японии наряду с хризантемой.

Традиция любования цветущей сакурой, как и многие другие современные японские праздники, возникла при императорском дворе. Это произошло еще в III в. нашей эры, но широкое распространение получила в эпоху Хэйан (794–1185) — под цветущими деревьями аристократы устраивали поэтические турниры, наслаждаясь созерцанием сакуры[547].

Чужих меж нами нет!

Мы все друг другу братья

Под вишнями в цвету.

---

[546] 羽根木公園 | 世田谷区 Ханэги ко:эн. Сэтагая ку. [Парк Ханэги. Район Сэтагая] [Электронный ресурс]. URL: http://www.city.setagaya.lg.jp/shisetsu/1217/1271/ (дата обращения: 03.06.2017).

[547] Посольство Японии в России [Электронный ресурс]. URL: http://www.ru.emb-japan.go.jp/SAKURA/ (дата обращения: 05.06.2017).

(Исса, перевод В. Марковой)[548].

В пору цветенья

Вишни сродни облакам –

Не потому ли

Стала просторной душа,

Словно весеннее небо…

(Камо Мабути, перевод А. Долина)[549].

Сакура впервые упоминается в летописно-мифологическом своде «Нихон сёки». В нем рассказывается, как цветок упал в чашу с сакэ, которую держал император Ритю, живший в V в.

В эпоху Хэйан слово «цветы» в литературе и поэзии часто употребляется как синоним слова «сакура». В более поздней литературе существует множество произведений, в которых фигурирует сакура. Речь в них идет не только о красоте цветов и пикниках *ханами*, «любовании цветами» под цветущими деревьями. Цветам сакуры уподобляют изысканные черты прекрасных женщин, высказывают почтение сакуре, которая цветет так недолго и потом осыпается в одночасье, усматривают в ней мужественное принятие своей судьбы [550].

В 894 г. в годы правления императора Уда была упразднена практика отправки посланников в Китай к императорскому двору. Официальные отношения между Японией и Китаем надолго прекратились, и с тех пор начался процесс ослабления зависимости от влияния китайской культуры. Как отмечает А. Мещеряков, «в исторической перспективе это решение имело множество последствий. Отсутствие прямого культурного влияния извне приводит к необходимости переосмысления заимствований, осуществленных в предыдущее время, и выработке собственно японских культурных форм. Этот процесс находит

---

[548] Библиотека Всемирной литературы : классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М.: Художественная литература, 1977. С. 792.

[549] Там же. С. 796.

[550] Сакура. Nippon.com — Информация о Японии [Электронный ресурс]. URL: http://www.nippon.com/ru/features/jg00011/ (дата обращения: 03.06.2017).

отражение практически во всех аспектах жизни, начиная с архитектуры и заканчивая изящной словесностью»[551]. Стремление к национальной самобытности привело к тому, что любование сакурой стало более популярным, чем любование сливой, и в эпоху *Эдо* (1603–1868) эта традиция широко распространилась и стала неотъемлемой частью японской культуры. Любование цветущей сакурой вошло в список официальных праздников и обрядов.

Японский просветитель Нитобэ Инадзо (1862–1933) в книге «Бусидо. Душа Японии», вышедшей в 1899 г., объяснял любовь японцев к сакуре сходством с национальным характером. Он называл сакуру «символом духа Ямато», национальным цветком, «воплощением “aesthetic” (греч. — эстетических, чувственных) идеалов, которые, по мнению японцев, не может выразить никакой другой цветок»[552].

«Можно ли удивляться, что почти все японцы покидают свои дома, чтобы увидеть и насладиться цветением сакуры? Отложив каждодневные дела, они стремятся в это время забыть о житейских горестях и печалях, чтобы дать отдых своей душе. Но время цветения сакуры недолго, и они возвращаются домой, преисполненные новой силы и решимости. Поэтому сакура значит для японцев даже больше, чем просто символ нации»[553].

Стоит отметить, что сакура оказала определенное влияние на формирование представлений о жизни и смерти, став символом непостоянства, мимолетной красоты преходящего, силы и стойкости духа.

«Мы не понимаем восхищения европейцев перед розами. По нашему мнению, их цветы несколько вульгарны и поэтому проигрывают в изысканной простоте и изяществу цветов сакуры <...> Их яркие цвета и тяжелые запахи разительно отличаются от ненавязчивой нежности наших цветов, которые не таят “оружия”

---

[551] Мещеряков А. История Японии в 20 пунктах [Электронный ресурс]. URL: http://arzamas.academy/materials/724 (дата обращения: 03.06.2017).

[552] Нитобэ Инадзо. Бусидо душа — Японии [Электронный ресурс]. URL: http://www.spochan.ee/bushido.pdf (дата обращения: 03.07.2017).

[553] Там же.

или “дурмана” под своей красотой и всегда готовы расстаться с жизнью по первому зову природы. Они проживают свою короткую жизнь во всем великолепии красоты, а их тонкий аромат никогда не пресыщается»[554], — писал Нитобэ.

С начала эпохи Мэйдзи (1868–1912) и на протяжении последующего столетия государство визуально и концептуально эстетизировало войну и смерть на поле боя. Символика цветка сакуры теперь трактовалась как «красота души японца, способного бесстрашно идти навстречу смерти». А военные вообще превратили метафору в лозунг: «Ты должен умереть за императора, это такой же естественный процесс, как опадение лепестков у цветущей сакуры!»[555]

Антрополог Эмико Оонуки-Тирни в книге «Камикадзэ, сакура и национализм: милитаризация эстетики в истории Японии» доказывает, что сакура как национальный символ страны сыграла значительную роль в формировании шовинистической идеологии японского милитаризма[556].

Японские летчики-смертники камикадзе рисовали на бортах своих самолетов цветы сакуры. Одна из самых популярных военных песен времен Второй мировой войны, марш камикадзе называется 同期の桜 — «Одновременно расцветшие цветки сакуры». В песне лирический герой, японский летчик, сожалеет о гибели своего друга в бою и предсказывает такую же судьбу себе. Он сравнивает жизнь воина с цветком сакуры, который красиво цветет и быстро опадает, и надеется после смерти встретиться с товарищем в храме Ясукуни, где почитают память павших в войнах[557].

Для современных японцев цветение сакуры символизирует новые встречи и расставания, переломные моменты человеческой жизни. Это связано с тем, что

---

[554] Там же.

[555] Колесников А. Сакэ и сакура : традиционный японский символ на военных чашках // Словесница искусств. Хабаровск, 2009. № 24. С. 184–187. С. 185.

[556] Ohnuki-Tierney Emiko. Kamikaze, Cherry Blossoms, and Nationalisms: The Militarization of Aesthetics in Japanese History. Chicago: The University of Chicago Press, 2002. 411 p.

[557] Доки но сакура. Японская военная музыка [Электронный ресурс]. URL: http://www.nihongunka.com/songs/douki_no_sakura (дата обращения: 03.07.2017).

финансовый и учебный год в Японии начинается 1 апреля, и эта дата приходится на то время, когда сакура распускается в районе Канто и более западных регионах (обычно — с последней декады марта до середины апреля). В это время проходят школьные выпускные мероприятия, это период поступления в школу, на работу, и о тех, кто успешно сдал вступительные экзамены, говорят, что у них «зацвела сакура»[558].

Время начала цветения сакуры и его продолжительность зависят от погодных условий в каждый конкретный год, поэтому для планирования *ханами* люди следят за новостями о продвижении «фронта цветения сакуры» и прогнозом расцвета в разной местности. Ежегодно в марте СМИ начинают публиковать новости, посвященные продвижению «фронта цветения». Существует общепринятое правило, согласно которому начало цветения определяют по появлению первых 5–6 цветков, а полным расцветом считается состояние, при котором распустилось 80 % и более цветов [559].

Многие люди устраивают *ханами* в кругу семьи или друзей, часто такие пикники проводят в компании сотрудников по работе, однокурсников и одноклассников и т.п. В местах, известных красотой цветущей сакуры, служащие с самого утра занимают места под цветущими деревьями для *ханами*, в котором вечером будут принимать участие сотрудники их компании. Во время *ханами* пьют вино, пиво, виски, сливовое вино 梅酒 *умэсю:,* едят соевые бобы 枝豆 *эдамамэ,* から揚げ *караагэ* — жареную в масле курицу, рыбу, 寿司 *суси*, рисовые колобки おにぎり *о нигири*, а некоторые компании даже жарят мясо на гриле.

Весенний праздник *ханами* стал олицетворением идентичности и воплощением жизненной силы японского народа. Согласно опросам общественного мнения, 90 % японцев ежегодно принимают участие в пикниках

---

[558] Сакура. Nippon.com — Информация о Японии [Электронный ресурс]. URL: http://www.nippon.com/ru/features/jg00011/ (дата обращения: 03.06.2017).

[559] 日本人のお花見意識を一斉調査！「全国お花見調査」結果発表 2013.03.29. [Результаты всеяпонского исследования ханами] [Электронный ресурс]. URL: http://weathernews.com/ja/nc/press/2013/130329.html (дата обращения: 23.06.2017).

ханами. Под цветущими деревьями жители Японии проводят в среднем 2 часа 29 минут, потратив на еду и напитки 2 тысячи 224 иены [560].

Еще один популярный весенний японский фестиваль, заимствованный из Китая, 花祭り *хана мацури* — «праздник цветов». Его также называют 灌仏会 *канбуцуэ* и отмечают 8 апреля в честь дня рождения Будды. Впервые его стали праздновать в 606 г. в храме Гэнкодзи (провинция Ямато) во время правления императрицы Суйко. Первые письменные упоминания о *хана мацури* относятся к 840 г., когда в императорском дворце провели церемонию дня рождения Будды. Наибольшую популярность праздник приобрел в эпоху Мэйдзи (1868–1912).

8 апреля в буддийских храмах выставляют алтарь, украшенный цветами. Посреди него помещают чашу, в которой расположена статуя новорожденного Будды. Посетители, используя специальный длинный ковшик, льют на голову статуи сладкий чай 甘茶 *аматя и*з листьев гортензии. Эта церемония связана с легендой о рождении Будды.

«Более двадцати лет у царя с царицей не было детей. Но однажды ночью царица увидела странный сон, будто белый слон вошел в ее чрево через правый бок, и она зачала. Царь, придворные и весь народ с нетерпением ожидали рождения ребенка, считая оставшиеся дни по пальцам. Когда приблизились роды, царица, по обычаю своего народа, поехала рожать в свой родной дом. По пути она присела отдохнуть в саду Лумбини.

Был погожий весенний день, кругом красиво цвели цветы ашоки. Царица протянула правую руку, чтобы сорвать цветущую ветку, и в этот момент родила сына. Все вокруг запело, благословляя царицу и ее сына. Было это 8 апреля»[561].

---

[560] 日本人のお花見意識を一斉調査！「全国お花見調査」結果発表 2013.03.29. [Результаты всеяпонского исследования ханами] [Электронный ресурс]. URL: http://weathernews.com/ja/nc/press/2013/130329.html (дата обращения: 23.06.2017).

[561] 仏教聖典。 仏教伝道教会 [Учение Будды. Общество проповедования буддизма]、東京、1985. 307 p. P. 2–3.

Согласно преданию, сразу после рождения девять небесных драконов оросили голову новорожденного водой. Эту легенду и воспроизводит обряд. Цветы символизируют место рождения Будды — сад Лумбини.

Существует поверье, что чай *аматя* помогает от всех недугов: если прикоснуться пальцами, смоченными в таком чае, к статуэтке Будды в том месте, где у тебя болит, то наступит исцеление. Родители приводят в этот день в храмы больных детей с надеждой на помощь Будды.

8 апреля в буддийских храмах по всей Японии проходят праздничные шествия, участники которых одеты в традиционные кимоно. В некоторых районах проносят миниатюрный паланкин, украшенный цветами со статуэткой Будды-ребенка внутри. Улицы украшают белыми бумажными фонариками с красными и черными иероглифами. Во время празднования *хана мацури* особое внимание уделяется детям. Нарядные дети подходят к Будде, кланяются и поливают голову статуи сладким цветочным чаем.

Хризантема — флористический архетип [562], сакральный символ японской культуры. Изучение разнообразных аспектов символики хризантемы позволяет лучше понять менталитет японцев, этнокультурные особенности обостренного эстетического восприятия жизни. Хризантема считается символом солнца и богини Аматэрасу, главной богини пантеона синтоистских богов, прародительницы японских императоров, появившейся из капель воды, омывшей левый глаз бога Идзанаги во время «очищения» [563]. Примечательно, что исторически в сознании японцев хризантема и солнце неразделимы. Иероглиф 菊 *кику* имеет устаревшее чтение *хи*, что является омонимом слова солнце — 日.

---

[562] Смирнова И.Б. Мужская ипостась флористического архетипа древней японской литературы: ирис (на материале поэтических антологий «Манъёсю» 万葉集 (V–VIII вв.) и «Кокинвасю» 古今和歌集 (VIII–X вв.) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Цикл: Восток и запад — спор или диалог? № 2. 2017. С. 78–99. С. 96.

[563] Кодзики: Записи о деяниях древности. Свиток 1 / пер. с яп. ; сост. и общ. ред. Р.В. Грищенков ; предисл. Е.М. Пинус. СПб.: Кристалл, 2000. С. 16.

Согласно древним мифам, хризантема так же, как лотос и ирис, имеет божественное происхождение: боги отправили бога Идзанаги и богиню Идзанами на Землю по мосту из облаков. На Земле Идзанами сотворила богов ветра, гор и моря, но все погибли от пламени, когда она создавала бога огня. Идзанаги последовал за погибшей богиней в мрачную бездну, именуемую «Черная ночь», но его стала преследовать старая ведьма. Он бежал назад на землю, где решил очистить себя в реке. Его одежда, упав на землю, превратилась в двенадцать богов, драгоценности — в цветы: один браслет — в ирис, другой — в цветок лотоса, ожерелье — в золотую хризантему[564].

Праздник, посвященный хризантемам, появился в Японии в конце эпохи Хэйан (794–1185).

Хризантемы — символ осени. Наряду с 蘭 *ран* «орхидеями» — символом весны, 竹 *такэ* «бамбуком» — символом лета, 梅 *умэ* «сливами» — символом зимы являются одним из компонентов понятия 四君子 *сикунси* — «четыре благородных господина». Девятый месяц по лунному календарю называется 菊月 *кикудзуки* «месяц хризантем»[565].

В 1186 г. при дворе императора впервые отметили 九月節句 *ку гацу сэкку* — «праздник девятой луны». В 1211 г. его начали отмечать девятого числа девятого месяца по лунному календарю и изменили название на 重陽の節句 *тё:ё: но сэкку* — «праздник двух девяток». Число девять в Японии считается счастливым, а две девятки означают долголетие.

В дни праздника аристократы катались на лодках, украшенных хризантемами, пили вино из хризантем, любовались цветущими в садах растениями, устраивали

---

[564] Perry L. Legends of the Chrysanthemum [Легенды о хризантемах] [Электронный ресурс]. URL: http://pss.uvm.edu/ppp/articles/mumsleg.html (дата обращения: 03.07.2017).

[565] Лихолетова О.Р. Линвокультурологическая интерпретация некоторых японских примет // Японский язык в ВУЗе: актуальные проблемы преподавания. Вып. 15 : материалы науч.-методич. конференции «Методика преподавания японского языка в вузе» (март, 2016). С. 100–110. С. 105.

поэтические турниры. Стихи писали на длинных бумажных полосах тушью и прикрепляли их на деревьях.

В эпоху Мэйдзи (1868–1912) праздник получил название 菊の節句 *кику но сэкку* — «праздник хризантем». В эпоху Токугава (1603–1868) он вошел в число государственных праздников 五節句 *госэкку.* Иногда его называют 栗の節句 *кури но сэкку* — «праздник каштанов». Это связано с тем, что каштаны так же, как и хризантема, символ долголетия, поэтому в этот день обязательно было принято есть рис с каштанами. Считалось, что хризантема обладает магической возможностью продлевать человеку жизнь и обеспечивать ему долголетие[566].

Рушит старуха рис.

А рядом — знак долголетья –

Хризантемы в цвету.

(Басё, перевод В. Марковой)[567].

Существовало поверье, что роса хризантем способствует сохранению молодости и красоты, поэтому японские женщины ежедневно протирали лицо тканью, смоченной в росе хризантем. Молодых девушек до сих пор иногда называют お菊さん *о кику-сан*, сравнивая их с этим благородным цветком. Издавна был распространен обычай делать настой из цветов, стеблей и листьев хризантемы и добавлять в него рис. Его хранили целый год и пили на следующий год в девятый день девятого месяца.

В период Хэйан (794–1185) появился обычай использовать цветы хризантемы для предотвращения несчастья. В кусок хлопковой материи заворачивали хризантемы и после того, как их аромат пропитает ткань, ею обтирали тело, чтобы обеспечить себе здоровье, т.е. долголетие, и отвести несчастье[568].

---

[566] にっぽにか [Ниппоника] № 19, 2016. P. 18–19.

[567] Басё. Стихи. М.: Художественная литература, 1985. С. 123.

[568] Маркарьян С.Б., Молодякова Э.В. Праздники в Японии: обычаи, обряды, социальные функции. М.: ГРВЛ «Наука», 1990. С. 121.

В 1898 г. девятого числа девятого месяца по лунному календарю в старейшем буддийском храме 浅草寺 *Сэнсо:дзи* в токийском районе 浅草 *Асакуса* стали проводить заупокойную службу с хризантемами. Прихожане приносят в храм хризантемы и кладут их на алтарь перед статуей Будды. После окончания службы они вновь подходят к алтарю, и священнослужитель дает им хризантемы, чтобы они смогли отнести их домой. Считается, что хризантемы смогут предотвратить несчастье в доме и излечить от всех недугов. В наши дни в храме *Сэнсо:дзи* «хризантемовые панихиды» проводят 18 октября [569].

В эпоху Мэйдзи (1868–1912) хризантема стала восприниматься не только как символ долголетия, ее образ стал ассоциироваться со смертью. Белые хризантемы 白菊 *сирогику* стали главными цветами похоронных церемоний, их также использовали для まくら飾り *макура кадзари* — украшения изголовья покойного. В Японии белый цвет — цвет траура. Покойников в Японии облачают в кимоно белого цвета, синтоистский алтарь 神棚 *камидана*, который есть во многих японских домах, закрывают во время траура полоской белой бумаги, так как синтоизм считает смерть чем-то нечистым. Поэтому несмотря на любовь японцев к хризантемам белые хризантемы никогда не дарят пожилым и больным людям, так как они могут навести на мысль о смерти [570].

В 1943 г. в годы Второй мировой войны была взята на вооружение новая модель боевого самолета, получившая название 白菊 *сирогику* — «белая

---

[569] 菊供養会｜聖観音宗 あさくさかんのん 浅草寺 公式サイト [Хризантемовая панихида. Официальный сайт буддийского храма Сэнсо:дзи буддийской школы Сё:каннон, Асакуса. Хризантемовая панихида] [Электронный ресурс]. URL: http://www.senso-ji.jp/annual_event/16.html (дата обращения: 05.07.2017).

[570] Изотова Н.Н., Лихолетова О.Р. Культура подарков как отражение этнокультурной самобытности японцев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 3 (77). В 2 ч. Ч. 1. С. 69–72. С. 71.

хризантема» [571]. Символика названия вызывала коннотации со способностью без колебаний пойти навстречу смерти.

В наши дни празднование дня хризантем происходит 23 сентября, в день осеннего равноденствия. В Праздник хризантем принято украшать дома *икебаной* из этих цветов, восхвалять ее в стихах и превозносить полезные свойства хризантем.

В Японии выращивают более 350 сортов хризантем, в дни праздника по всей стране проходят выставки цветов. Из хризантем составляют огромные красочные композиции. Проволочные каркасы поддерживают по нескольку сотен бутонов, выросших из одного корня, причем на одном кусте могут вырасти хризантемы разных цветов. Такая система выращивания называется 大作り *о:дзукури. О:дзукури* представляет собой высокотехнологичную систему культивирования хризантем, при которой на одном растении стимулируется одновременное появление нескольких сотен цветков, образующих большой куполообразный массив [572]. В эти дни также устраивают выставки кукол с восковыми лицами и руками, одетыми в наряды из хризантем, изображающих группы людей или целые исторические сцены.

В.М. Алпатов указывал на «существенное отражение японских природных условий в японском языке»[573], «поскольку его носители около двух тысячелетий живут на одной и той же территории, а природа этой территории (по крайней мере, до последнего времени) менялась мало»[574].

О значимости праздника для японцев и уважения труда людей, выращивающих хризантемы, свидетельствует пословица: 百菊作るに因って花変

---

[571] 白菊 (航空機) — Wikipedia. Сирогику коку:ки. [Самолет «Белая хризантема»] [Электронный ресурс]. URL: https://ja.wikipedia.org/wiki/白菊_(航空機) (дата обращения: 03.07.2017).

[572] 新宿御苑の菊花壇情報 [Выставки хризантем в парке Синдзюку гё:эн] [Электронный ресурс]. URL: http://fng.or.jp/shinjuku/event/kiku/kikukadan.html (дата обращения: 03. 07. 2017).

[573] Алпатов В.М. Япония : язык и культура. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 68–69.

[574] Алпатов В.М. Японская природа и японский язык // История и современность. 2007. № 2. С. 219–230. С. 220.

ず, досл. «пока не вырастишь сто хризантем, не получишь красивого цветка». Поговорка 十日の菊、六日の菖蒲 «хризантема десятого числа, ирис — шестого числа» аналогична русским пословицам «хорошо яичко к Христову дню», «дорога ложка к обеду». Она означает, что хорошо все делать вовремя, в срок.

Хризантему следует вырастить к девятому сентября, а ирис — символ «праздника мальчиков» 端午の節句 *танго но сэкку* нужен пятого мая, когда отмечают праздник. Когда говорят о запоздалых услугах, используют фразеологизм 十日の菊 *то:ка но кику* — «хризантема десятого числа»[575].

Выращивание хризантем в японском национальном сознании уподобляется воспитанию детей. На свадебных банкетах, обращаясь к родителям жениха или невесты, говоря о том вкладе, который они внесли в формирование личностей детей, цитируют японского писателя, автора многих исторических романов Ёсикава Эйдзи (1892–1962), который во время посещения выставки кукол из хризантем сказал: 菊作り菊見るときは陰の人 «когда любуетесь хризантемами, вспомните о человеке, который их вырастил». Ёсикава Эйдзи также принадлежит крылатое изречение: 菊根分け あとは自分の 土で咲け — «разделишь куст хризантемы, и он потом зацветет на новой почве». Так говорят о детях, которые покидают родительское гнездо — «птица в гнезде до осени, а дети в дому до возраста» [576].

На протяжении столетий образ хризантемы наполнялся новыми значениями, переосмысливался и одухотворялся. Рут Бенедикт использовала образ хризантемы в качестве символа обостренного эстетического восприятия, противопоставив ее образу меча — символу воинского искусства, самодисциплины и сдержанности.

---

[575] 菊」を含む故事・ことわざ一覧 [Пословицы и предания о хризантеме] [Электронный ресурс]. URL: http://kotowaza.jitenon.jp/kanji/252.php (дата обращения: 01.07. 2017).

[576] 「菊づくり。。。」 披露宴の名言・ことわざ. [Выращивать хризантемы… Пословицы и крылатые изречения о хризантемах, которые используются во время торжеств] [Электронный ресурс]. URL: http://ameblo.jp/bsspo/entry-11414976066.html (дата обращения: 03.07. 2017).

«Японцы всегда отличались способностью получать удовольствие от невинных вещей: любования цветущей вишней, луной, хризантемами, свежевыпавшим снегом; они содержат насекомых дома в специальных клетках ради их “песен”; сочиняют короткие стихотворения; разводят сады; создают цветочные композиции и устраивают чайные церемонии. Это не похоже на действия глубоко обеспокоенных и агрессивных людей», — отмечала Рут Бенедикт[577].

Ее книгу «Хризантема и меч», посвященную исследованию национального характера японцев, Умберто Эко назвал «самой удивительной книгой о Японии, которую ему доводилось читать»[578].

В средние века сложилась геральдическая символика хризантемы. Как известно, национально-государственные символы являются неотъемлемой частью формирования и воспроизводства идентичности любой нации и государства. Они выступают своеобразными связующими элементами не только политической, но и духовной культуры.

С XII в. хризантема желтого или оранжевого цвета с шестнадцатью лепестками — символ власти императорского дома в Японии. Именно тогда она была выгравирована на клинке драгоценной сабли императора, чуть позже на императорской печати и одеждах.

Изображение хризантемы священно, и в соответствии с государственными законами, право носить одежду из ткани с рисунком цветка имели только члены императорского дома. В случае нарушения этого закона, а также за любую попытку изобразить эту японскую эмблему и символ императорской власти все остальные японцы строго карались.

Как личная печать, изображение хризантемы впервые было использовано императором Го Тоба (1180–1239). В качестве 菊の御紋 *кику но гомон* — печати императорского дома изображение хризантемы было принято с 1869 г.

---

[577] Бенедикт Рут. Хризантема и меч: модели японской культуры. СПб.: Наука, 2016. С. 330.
[578] Там же. С. 5.

Во времена реставрации Мэйдзи (1868–1912), согласно указу 1871 г. никому не было разрешено использовать эту печать, кроме императора Японии. У каждого члена императорской семьи была своя модифицированная версия императорской печати с четырнадцатью лепестками. После Второй мировой войны этот запрет был отменен[579].

В 1910 г. хризантема была провозглашена национальным цветком и стала официальным символом японского государства. Официального герба у Японии нет, но обложка японского заграничного паспорта украшена хризантемой. Хризантемы также изображены на японских монетах достоинством в пятьдесят иен[580].

Символическое изображение этого цветка используется в помещениях парламента Японии, дипломатических учреждениях, храмах, на атрибутах политиков.

Хризантема — не только объект любования и восхищения, на протяжении многих столетий ее используют в японской кулинарии. В пищу употребляют молодые листья, цветки и побеги 食菊 *сёкукику* овощной пищевой однолетней хризантемы. Их отваривают несколько минут или подают как приправу и украшение к таким блюдам, как 刺身 *сасими* «сырая рыба, нарезанная кусочками». Из молодых побегов 春菊 *сюнгику* готовят салаты и напитки. Из лепестков съедобной хризантемы делают десерты, добавляют в чай, употребляют в сушеном виде в качестве приправы. Цветы также используют в производстве вина и *сакэ*.

Овощная хризантема ценится за высокое содержание бета-каротина, солей калия, кальция, фосфора и железа. Считается, что хризантема укрепляет

---

[579] Герб Японии [Электронный ресурс]. URL: http://www.200stran.ru/gerbs_country258.html (дата обращения: 04. 07. 2017).

[580] Орден Хризантемы (大勲位菊花章). Портал о наградах, орденах и медалях России, СССР и стран мира [Электронный ресурс]. URL: http://onagradah.ru/orden-khrizantemy/# (дата обращения: 02.07.2017).

иммунитет, предотвращает появление онкологических заболеваний, снижает холестерин и артериальное давление[581].

3.4. Гора Фудзи как социокультурный феномен

Как отмечают отечественные исследователи В.М. Савицкий и Е.А. Гашимов, основой для культурных кодов «может выступать практически любая чувственно воспринимаемая часть действительности: небесные тела, явления природы, флора, фауна, человеческое тело, предметы хозяйственного обихода, техника, оружие...» [582]. На наш взгляд, гора Фудзи — сакральный символ Японии, воплощение нерушимой связи традиций и современности, значительное явление в японской культуре, которое создает специфику этнокультуры.

26 июня 2013 г. на сессии комитета Всемирного наследия в столице Камбоджи Пномпене было решено внести гору Фудзи (преф. Яманаси, Сидзуока) в список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО: «Фудзи — объект поклонения и источник артистического вдохновения»[583].

В настоящее время в Японии 23 объекта включены в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Девятнадцать из них представляют собой культурное наследие, а четыре — природное[584]. Японские объекты впервые были внесены в список ЮНЕСКО в 1993 г. Первыми из них стали буддистские памятники в районе храма Хорюдзи в префектуре Нара, замок Химэдзи в префектуре Хёго, остров Якусима в префектуре Кагосима и горный хребет Сираками в префектурах Аомори и Акита. Позднее ЮНЕСКО включила в список исторические памятники

---

[581] SPICE STUDIO コラム [Электронный ресурс]. URL: http://www.spice-studio.com/colum/colum38.html (дата обращения: 03.07.2017).

[582] Савицкий В.М., Гашимов Е.А. Лингвокультурный код (состав и функционирование) : монография. М.: Московский городской педагогический университет, 2005. С. 15.

[583] 富士山の歴史文化｜自然・歴史文化資源情報｜富士登山オフィシャルサイト. [Восхождение на гору Фудзи. Официальный сайт] [Электронный ресурс]. URL: http://www.fujisanclimb.jp/resource/history_culture.html (дата обращения: 04.05.2016).

[584] Центр Всемирного наследия Юнеско [Электронный ресурс]. URL: https://whc.unesco.org/ru/list (дата обращения: 03.05.2021).

древнего Киото в префектурах Киото и Сига и мемориал мира в городе Хиросима, известный как Атомный купол.

Культурную ценность горы Фудзи, которая издревле считалась священным символом Японии и служила вдохновением для многих мастеров, отрицать невозможно, история восприятия Фудзи является тем «зеркалом», в котором отражается история культуры в целом[585]. Фудзи стала 17-м японским объектом Всемирного наследия и 13-м объектом культурного наследия.

Фудзи — самая высокая (3776 м.) и наиболее почитаемая гора в Японии. Она также считается одним из двух самых красивых конических вулканов в мире; второй — гора Котопахи (высота 5987 м.) в Эквадоре.

Происхождение названия Фудзи остается неясным. Названию давалось множество самых разнообразных интерпретаций, так как из-за большого числа омонимов в японском языке под простое двусложное слово можно подобрать несколько сочетаний разных иероглифов.

В древней японской «Повести о старике Такэтори» («Такэтори моногатари») (IX – начало X в.), которую называют «прародительницей всех романов», упоминается о происхождении названия Фудзи: в заключительном эпизоде принцесса Кагуя-химэ перед возвращением в «лунную столицу» оставила императору напиток бессмертия, но тот, не в силах забыть горечь разлуки с любимой, приказал сжечь лекарство на самой близкой к небу горе. В качестве такой горы была избрана Фудзи. «Есть в Суруга высокая гора, она от столицы недалеко, и к небу всего ближе», — говорится в повести[586]. Посланец императора Цуки-но Иваса сжег этот напиток на ее вершине. Якобы с тех пор над вершиной Фудзи вечно поднимается дым, и она получила свое название, которое может быть прочитано как «гора Бессмертия» (*фуси* 不死«бессмертие»). «Чудесный

[585] Мещеряков А.Н. Гора Фудзи: между небом и землей. М.: Наталис, 2010. С. 8.

[586] Две старинные японские повести / пер. со старояп. В. Марковой. М.: Художественная литература, 1976. С. 53.

напиток вспыхнул ярким пламенем, и оно не угасает до сих пор. Оттого и прозвали эту вершину “Горой бессмертия-Фудзи”»[587].

Есть версия происхождения названия Фудзи от слова 不二 *фуни* — «неповторимая», «несравненная». Другим предположением было то, что это 不尽 *фудзин* — «неисчерпаемость». Британский миссионер Джон Батчелор (1854–1944) считал, что название происходит от слова народа айну, означающего ふち *фути* — «огонь»[588].

Слово *фудзи* также обозначает нечто, что почитается, чему поклоняются в сознании айну. Они называют гору *Фудзи-нупури,* что буквально переводится как «гора наших предков». Кроме того, название горы созвучно с японским словом «глициния», и действительно, склоны Фудзи во многих местах покрыты сиреневыми цветами.

Сейчас Фудзи записывают двумя иероглифами 富 и 士. Иероглиф 富 означает «богатство», «богатый», 士 — «самурай», «благородный муж».

Примечательно, что японцы никогда не называют Фудзи «Фудзиямой». Дело в том, что последний иероглиф в названии обозначает слово «гора» и читается как «яма» только в том случае, если стоит отдельно.

Согласно легенде, Фудзи возникла в одну ночь в 285 г. до н.э. и, будучи высочайшей вершиной, заняла ведущее место в культе гор, который зародился на Японских островах в глубокой древности.

В «Хитати фудоки» («Описание земель Хитати») (нач. VIII в.) рассказывается легенда о Великом Божественном Предке и божествах гор Фудзи и Цукуба: «Во время своих странствий Миоя-гами-но микото прибыл на закате на гору Фудзи и стал просить о ночлеге. Дух Фудзи ему отказал, ибо в ту ночь предстояло празднование Ниинамэ (осеннего благодарения), и потому божеству было недосуг. И тогда Великий Предок проклял Духа Фудзи и объявил, что отныне за то, что тот

---

[587] Там же. С. 54.

[588]「富士山」名前の由来 [Происхождение названия Фудзи] [Электронный ресурс]. URL: https://www.fujisan-net.jp/data/article/1051.html (дата обращения: 03.05.2016).

отказал в убежище своему предку, гора Фудзи навечно будет покрыта снегом, чтобы никто не смог взойти на нее и служить Духу Горы. Когда же Великий Предок явился к горе Цукуба и попросил у нее пристанища, божественный Дух Горы с радостью принял его и в праздничную ночь Ниинамэ угощал гостя дарами нового урожая. В благодарность Миоя-гами-но микото благословил Цукуба, пообещав божеству горы радость и процветание храма, доколе существуют небо и земля <...> Вот почему гора Фудзи всегда покрыта снегами и никому не достичь ее вершины…»[589].

Вершина горы Фудзи часто скрыта за облаками — даже когда стоит ясная и солнечная погода без единого облачка на синем небе, именно над горой зависает белоснежная шапка облаков. Дело в том, что на вершине постоянно лежит снег, испарения которого приводят к образованию облаков. Древние жители японского архипелага айну считали, что Фудзи — застенчивая и своенравная гора, характер которой похож на женский: она показывается только тогда, когда настроение хорошее, а также не терпит соперниц, поэтому в деревнях и городах около Фудзи никогда не рождаются красавицы. Сегодня японские гиды во время экскурсии к горе часто утешают иностранных туристок, расстроившихся из-за того, что гора скрыта за плотным слоем облаков, тем, что это нужно воспринимать как комплимент красоте.

Легенды и истории о горе очень романтичны, но нельзя забывать, что Фудзи — это прежде всего вулкан с кратером диаметром около 500 метров и глубиной до 200 метров. Самые разрушительные извержения произошли в 800, 864 и 1707 гг. Известно, что во время последнего извержения, которое длилось целых два месяца, Эдо, нынешний Токио, расположенный в 120 км от Фудзи, был покрыт слоем пепла в 15 см.

В окрестностях горы творился настоящий ад — до сих пор флора около Фудзи полностью не восстановилась, частично приспособившись к сероводородной земле.

---

[589] Иофан Н.А. Культура древней Японии. М.: ГРВЛ «Наука», 1974. С. 45.

Долгое время после последнего извержения Фудзи считали потухшим вулканом, но сейчас этот статус опровергнут. Результаты исследования, проведенного Национальным институтом передовых промышленных наук и технологий (AIST), показали, что сильное землетрясение может спровоцировать разлом внутри Фудзи, который в свою очередь приведет к мощному извержению.

Исследователи из AIST полагают, что нынешнее состояние все еще активного вулкана весьма схоже с тем, что было зафиксировано перед последним извержением в 1707 г. Учитывая, что на протяжении последних 300 лет магма продолжала накапливаться, ученые призывают не терять бдительности[590].

По мнению некоторых футурологов, в результате извержения Фудзи Япония полностью уйдет под воду. А японское предание гласит, что Фудзи появилась буквально за одну ночь, поднявшись из земли в 285 г. до нашей эры, значит, и исчезнуть она может также быстро, захватив с собой весь архипелаг.

Проявляя активность, вулкан вызывает геомагнитные аномалии, поэтому в лесах около Фудзи компасы работают неправильно, там очень легко заблудиться. Вокруг горы расположен мрачный лес, известный как 青木ヶ原 Аокигахара, его еще называют — «Лес самоубийц», там ежегодно совершают самоубийства более 30 человек[591].

Японские власти знают об этой проблеме и стараются предупреждать новые смерти. На тропах и у леса установлены плакаты с различными надписями: «Жизнь дается один раз. Подумай о своих близких» или «Жизнь — бесценный дар». Местные жители обязаны оповещать полицию о подозрительных приезжих. Регулярно проводятся рейды в лес, чтобы найти потерявшихся людей, но часто находят только тела.

С древних времен в Японии был широко развит культ гор. Горным вершинам поклонялись как воплощениям божеств, горы, как место обретения особенной

---

[590] Kyodo News, 18.07.2013.

[591] 青木ヶ原樹海の自殺。 [Самоубийства в Аокигахара Дзю:кай] [Электронный ресурс]. URL: http://www.youtube.com/watch?v=8bjsUqybmKE (дата обращения: 24.05.2016).

духовной силы, занимали важное место в практике 修験道 Сю:гэндо: — синкретического учения, объединившего буддизм, синтоизм и даосизм. Это наблюдалось во всех регионах Японии, и гора Фудзи также с глубокой древности вызывала у людей религиозные переживания.

На протяжении средних веков эти верования побуждали все большее количество людей совершать на нее восхождение, а в XVIII в. во всей Японии были возведены святилища, посвященные культу горы.

В период Эдо (1603–1868) появились *фудзико* — группы верующих, основной целью которых было восхождение на Фудзи. Они регулярно собирали определенную сумму денег для того, чтобы раз в год каждый третий или каждый пятый член группы мог совершить восхождение, и в течение трех–пяти лет все члены группы поднимались на вершину Фудзи. Поскольку восхождение совершалось в религиозных целях, паломники сначала посещали святилище Асама у подножья горы, совершали омовение, облачались в белые паломнические одежды и отправлялись к святилищу, расположенному на вершине. Совершив поклонение, по другой дороге они спускались в селение у подножья, где отмечали завершение паломничества праздничным застольем. В группах было по 20–30 человек, их вел профессиональный проводник, были заранее известны маршрут, места ночевок, так что это напоминало нынешние туристические поездки.

Помимо восхождений, эти группы *фудзико* проводили молитвы во исцеление от болезней, раздавали амулеты, оберегающие от несчастий, и их популярность росла. Правительство Токугава, опасаясь роста религиозных групп, раз за разом издавало указы, ограничивающие их деятельность, но такая форма религиозности привлекала все больше людей, и одно время в Эдо насчитывалось 808 таких групп.

В городе Фудзиномия, откуда очень хорошо видна гора Фудзи, на месте поселения периода Дзёмон (XIII тыс. лет до н.э. – III в. до н.э.) обнаружено святилище, в котором, как предполагают, поклонялись этой горе. Таким образом, Фудзи в те времена воспринималась как божественная гора, охраняющая всю Японию.

Кроме того, «Записи о делах пожизненного и посмертного воздаяния» сообщают, что знаменитый Эн-но гёдзя, основатель религиозного течения Сю:гэндо, будучи сосланным в землю Идзу (современная префектура Сидзуока), каждую ночь взбирался на гору Фудзи для религиозного самосовершенствования. Такие легенды свидетельствуют об особенной роли Фудзи как мистической горы в народном сознании.

Мияко-но Ёсика (834–879), автор «Записей о горе Фудзи», пишет, что на горе Фудзи собираются для развлечений бессмертные святые, и во время праздника в 11 луну 17 года Дзёган (875 г.) на вершине видели двух танцующих красавиц в белых одеждах. К тому времени уже распространилась вера в то, что гора Фудзи является обителью Асама — божества вулканов, и было построено святилище Асама для поклонения этому божеству.

Японцы испытывали священный трепет при виде горы, извергающей пламя. В дневниковом произведении «Одинокая луна в Сарасина», созданном в середине XI в., автор пишет: «Нигде на свете нет больше другой такой горы, как эта. Необычен и силуэт ее, и то, что она словно раскрашена темно-синей краской, а сверху на ней лежат снега, которые не растают вовек <…> На вершине гора немного срезана, и оттуда поднимается дымок, а вечером мы видели, что там горел и огонь» (перевод И.В. Мельниковой)[592].

В наши дни ночное восхождение на Фудзи — обязательный пункт жизненной программы для японцев. Есть даже оговорка: «Тот, кто ни разу не поднялся на Фудзи — дурак, тот, кто сделал это дважды — дважды дурак». Длина маршрута (Фудзи То:дзан) около 10 км., длительность подъема 6–9 часов. Однако, восхождение крайне утомительное, можно даже сказать, мучительное.

Первым иностранцем, покорившим Фудзи, стал сэр Рутерфорд Олкок, посол Великобритании в Японии. В 1860 г. вопреки неодобрению правительства сёгуна он поднялся на вершину Фудзи. До 1868 г. женщинам запрещалось подниматься

[592] Гора Фудзи в истории японской культуры (3): Священная гора. Nippon.com — Информация о Японии [Электронный ресурс]. URL: http://www.nippon.com/ru/currents/d000213/ (дата обращения: 14.05.2016).

на Фудзи. Первой женщиной, нарушившей это табу в 1867 г., стала Леди Паркес, жена другого английского посла[593].

В наши дни практически нет никаких запретов на восхождение к вершине Фудзи, однако так было не всегда. В прошлом гора считалась местом, где обитают духи, и подниматься на гору можно было только выполняя специальные религиозные обряды. Запрет на восхождение на вершину отменялся только на определенный период в течение лета. Традиционно гора «открывалась» для паломников 1 июня по старому лунному календарю (в наши дни — 1 июля). В храме Фудзисан Хонгу Сэнгэнтайся читались молитвы и проводились различные ритуалы, такие как «церемония очищения» и «возжигание святого огня». Эти древние церемонии сохранились до настоящего времени. Кроме того, в наши дни проводится конкурс «мисс Фудзи».

Ежегодно на вершину Фудзи поднимаются около 300 тыс. человек, треть из них — иностранцы: все они осуществляют свою мечту — встретить рассвет на вершине Фудзи хотя бы раз в жизни. Гора остается открытой для восхождения в течение двух месяцев.

Немного найдется в Японии мест, которые были бы столь популярны у художников и поэтов, как Фудзи. Японские художники Кацусика Хокусай (1760–1849) и Утагава Хиросигэ (1797–1858) создали серии цветных гравюр «Тридцать шесть видов Фудзи», на которых гора Фудзи изображена с разных ракурсов. Экспонирование этих гравюр на Парижской выставке в 1867 г. принесло японским мастерам всемирную известность, и в дальнейшем их творчество оказало влияние на многих художников, в том числе Ван Гога. Подчеркивая истоки заимствования, Ван Гог обрамлял свои композиции японскими иероглифами, скопированными им с гравюр Хиросигэ.

---

[593] 富士山の歴史文化｜自然・歴史文化資源情報｜富士登山オフィシャルサイト [Восхождение на гору Фудзи. Официальный сайт] [Электронный ресурс]. URL: http://www.fujisan-climb.jp/resource/history_culture.html (дата обращения: 14.05.2016).

Француз Эдмон де Гонкур (1822–1896), страстный любитель японского искусства, 17 февраля 1892 г. написал в «Дневнике», что увидел вместе с друзьями несколько пейзажных гравюр Хокусая, на которых изображена Фудзи, и отметил: «Трудно даже вообразить, в какой степени наши современные пейзажисты, и особенно Моне, обязаны этим картинам»[594].

И действительно, из гравюр укиё-э, вдохновлявших импрессионистов, «Тридцать шесть видов Фудзи» Хокусая были наиболее знамениты, и их влияние было особенно велико. Потом, когда Клод Дебюсси создал три симфонических эскиза под названием «Море», для обложки нот была выбрана гравюра из той же серии — «Большая волна в Канагаве».

Картина «Дракон, летящий над горой Фудзи» была написана Хокусаем (1760-1849) на последнем, девяностом году жизни. Гениальный художник, которому посчастливилось прожить столь долгую и плодотворную жизнь, был очарован Фудзи.

Хокусай был совсем не одинок в своих пристрастиях. Пожалуй, сложно назвать какого-нибудь известного художника эпохи Эдо, который не оставил бы ни одного произведения, так или иначе связанного с Фудзи.

Бесчисленные изображения Фудзи можно видеть на росписи ширм и раздвижных дверей, в живописных свитках, буддийских символических схемах мира, мандалах и картах для путешественников, а кроме того, тема Фудзи часто используется в текстильных орнаментах, на повседневной утвари и прочих объектах декоративно-прикладного искусства.

Само собой, расположенная в центральной части острова и высочайшая в Японии гора благодаря своей величественной красоте была объектом восхищения и почитания японцев задолго до периода Эдо. В поэтической антологии «Манъёсю» («Собрание мириад листьев») есть знаменитые стихи Ямабэ Акахито, воспевающие Фудзи:

---

[594] Гора Фудзи в истории японской культуры (1): Фудзи и искусство. Nippon.com — Информация о Японии [Электронный ресурс]. URL: http://www.nippon.com/ru/currents/d00021/ (дата обращения: 14.05.2016).

…Лишь только небо и земля

Разверзлись, — в тот же миг,

Как отраженье божества,

Величественна, велика,

В стране Суруга поднялась Высокая вершина Фудзи!

(перевод А. Е. Глускиной)[595].

Такахаси Мусимаро также восхищался Фудзи:

И в Ямато-стороне,

Где восходит солнце ввысь,

Мир несет всем божество,

Пребывающее в ней.

(перевод А. Е. Глускиной)[596].

О Фудзи писал Мацуо Басё:

Туман и осенний дождь.

Но пусть невидима Фудзи,

Как радует сердце она!

(перевод Веры Марковой)[597].

Другой поэт Ёса Бусон, живший в Киото, вспоминая о своем путешествии в Эдо, писал:

Лишь вершину Фудзи

Под собой не погребли

Молодые листья.

(перевод Веры Марковой)[598].

---

[595] Библиотека Всемирной литературы : классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М.: Художественная литература, 1977. С. 622.

[596] Гора Фудзи в истории японской культуры (3): Священная гора. Nippon.com — Информация о Японии [Электронный ресурс]. URL: http://www.nippon.com/ru/currents/d000213/ (дата обращения: 14.05.2016).

[597] Библиотека Всемирной литературы : классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М.: Художественная литература, 1977. С. 769.

[598] Там же. С. 787.

Хайку Исса дало название известной фантастической повести братьев Стругацких «Улитка на склоне»:

Тихо, тихо ползи, улитка,

По склону Фудзи

Вверх, до самых высот!

(перевод Веры Марковой)[599].

«В культе Фудзи причудливо переплетены элементы различных религий — синтоизма, буддизма, даосизма, народных верований, и благодаря этому гора Фудзи неразрывно связана с мировосприятием японцев», — отмечает Почетный профессор Токийского университета, специалист по истории искусства Такасина Сюдзи [600] .

В народных верованиях Фудзи является символом благополучия. До наших дней широко сохранился обычай предсказывать будущее на год вперед по первому сну в новом году, и гора Фудзи, увиденная во сне, является лучшей из возможных примет, она сулит благополучие и счастье.

Это подтверждает пословица: «Первое — Фудзи, второе — орел, третье — баклажан» 一富士二鷹三茄子. Все они ассоциируются у японцев с провинцией Суруга (ныне — восточная часть префектуры Сидзуока) — родовым гнездом Иэясу Токугавы, который в начале XVII в. установил свое господство над всей Японией.

Как пишет «Асахи гэйно», фотографии этой наиболее известной горы в стране даже могут излечивать депрессию. Майский выпуск журнала о здоровье «Сокай» заявляет, что просто разглядывать изображения Фудзи достаточно для ослабления беспокойства и предотвращения депрессии. Номер журнала содержит фоторепортаж Танака Рокки, одного из наиболее известных в Японии фотографов

---

[599] Там же. С. 794.

[600] Гора Фудзи в истории японской культуры (1): Фудзи и искусство. Nippon.com — Информация о Японии [Электронный ресурс]. URL: http://www.nippon.com/ru/currents/d00021/ (дата обращения: 14.05.2016).

горы Фудзи, который делает снимки национального символа на протяжении десятилетий.

«Когда я фотографию Фудзи, я не просто делаю фотографию горы, я захватываю частичку красоты так же, как это делали старые мастера укиё-э», — говорит Танака в интервью «Асахи гэйно». «Вот почему некоторые люди, рассматривающие мои фотографии с Фудзи, чувствуют себя лучше».

Доктор Тосиаки Гото не сбрасывает со счетов возможность того, что Фудзи может смыть человеческую печаль.

«Я не буду категорически отрицать это, на самом деле, говоря в общем, я бы сказал, что некоторые положительные последствия весьма вероятны. Изучение изображения горы в лучах утреннего солнца, вероятно, может повысить уровень адреналина, который подшпорит симпатический нерв и станет своеобразной движущей силой» [601].

Обобщая вышеизложенное, можно сказать, что для японцев символика Фудзи включает такие ключевые понятия, как страна, нация, красота, божественная чистота, гармония...

А.Н. Мещеряков в фундаментальном исследовании «Гора Фудзи: между небом и землей» очень точно отметил: «Несмотря на все происходящие изменения, художники продолжают рисовать Фудзи, фотографы — фотографировать, поэты — сочинять стихи, обыватели — восклицать. При виде Фудзи все они испытывают непередаваемое душевное движение, которое зачастую можно объяснить не через личный опыт наблюдения за Фудзи, а через личный опыт переживания “культурных смыслов”, которые “наложены” на нее»[602].

Выводы по главе

Природно-ландшафтный код является неотъемлемой частью японского национального культурного континуума. В качестве компонентов природно-

[601] Mainichi Japan, 2.04.2008.
[602] Мещеряков А.Н. Гора Фудзи: между небом и землей. М.: Наталис, 2010. С. 265–266.

ландшафтного кода были рассмотрены зоологический, энтомологический, флористический код, гора Фудзи. В ходе когнитивно-культурологического исследования проанализированы и описаны образно-символические, смысловые и ассоциативные составляющие единиц зоологического, энтомологического, флористического кода. Результаты проведенного анализа дали возможность охарактеризовать ценностно-смысловое отношение к природе, «особый способ мировидения»[603] носителей японского языка. Были сделаны следующие основные выводы/

Национально-специфическое отношение японцев к природе проявляется в ощущении глубокой неразрывной связи между человеком и живыми существами. Основа представлений о том, что люди составляют единое целое с окружающей средой была заложена первобытными верованиями японцев, анимистическими культами. На нежное отношение японцев ко всем живым существам решающее воздействие оказал буддизм, который вплоть до конца XVI в. являлся государственной идеологией и проник практически во все сферы человеческой деятельности.

Люди с древнейших времен сравнивали и отождествляли себя с представителями флоры и фауны, возможно, пытаясь таким образом определить свое место в мире в условиях, которые их окружали. Зооморфные образы не теряли своей значимости на протяжении тысячелетий, кодируя культурные смыслы различных эпох. Зоологический код служит для метафорической передачи представлений об окружающей действительности. Зоонимы, концептуализируя внешний и внутренний мир человека, наделяются коннотациями, которые выступают символами, эталонами и метафорическими характеристиками. Отражая глубинный архетип неразрывной связи человека и природы, зооморфные образы концентрируют широкий пласт культурных смыслов.

---

[603] Апресян Ю.Д. Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография / отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 32–160. С. 33.

Мировосприятие различных народов характеризуется национальным своеобразием, в нем проявляются специфические для данного народа оценки окружающего мира. Образы насекомых в различных лингвокультурах отличаются «семантической нагруженностью», что свидетельствует о том, что способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти специфичен. Пристальный интерес к миру насекомых обусловлен сакральным отношением к природе, архаическим мировосприятием японцев. Японская энтомологическая лексика имеет многовековую историю формирования, относится к старейшим пластам языковой картины мира, отличается богатой палитрой наименований. Семантика образов насекомых отражает архетипические представления японского народа, ритуалы и верования, связанные с его культурными традициями. В японских литературных источниках образы насекомых, как правило, имеют положительную коннотацию, олицетворяют стремление к гармонии с природой, учат видеть прекрасное в обыденном. Кроме того, энтомосемизмы выступают как богатый источник разного рода метафорических обозначений.

Флористический код как компонент природно-ландшафтного кода является отражением не только мифологического сознания, древних культов и ритуалов, но и историко-культурной и социально-политической жизни японского народа. Повседневная и праздничная культура японцев неотделима от цветов, сопровождающих людей от рождения до смерти. Они символизируют различные моменты, становясь индикатором эмоционального или физического состояния человека. Цветам посвящено множество праздников и обрядов. 花見 *ханами* — «любование цветами» — древняя национальная традиция, одно из главных и значимых событий в жизни японцев на протяжении многих столетий. Сакура настолько прочно вошла в японскую культуру, что может считаться символом Японии наряду с хризантемой, а весенний праздник *ханами* стал олицетворением идентичности и воплощением жизненной силы японского народа.

Хризантема — флористический архетип японской культуры. Выявление сущности, основных параметров эволюционной картины символики хризантемы в диахронном аспекте позволило сделать вывод об особом семиотическом статусе хризантемы. На протяжении веков образ хризантемы, сакральный символ солнца и богини Аматэрасу, долголетия и императорской власти постоянно обогащался новыми значениями: в эпоху Мэйдзи образ белой хризантемы стал атрибутом похоронных церемоний, в годы Второй мировой войны способствовал эстетизации смерти.

Изучение разнообразных аспектов актуализации флористического кода в национальном сознании, его полисемантичности позволяет лучше понять менталитет японцев, этнокультурные особенности обостренного эстетического восприятия жизни. Нельзя не согласиться с Т.П. Григорьевой, которая писала: «…пожалуй, более всего японцев возвышает чувство прекрасного. Не любовь к роскоши, изобилию, а умение видеть малое, очарование незаметного, скрытую красоту вещей (*моно-но аварэ*). В одном цветке увидеть все цветы; в одном звуке услышать все звуки. Три тысячи миров — в одной мысли»[604]. Наш взгляд, мифологические, религиозные, социальные, эстетические функции флористического кода позволяют рассматривать его как мировоззренческую систему, в которой отражено образное восприятие мира.

Исследование показало, что гора Фудзи — священный символ и гордость Японии, имеет значительное явление в японской культуре. Доказано, что образ Фудзи отличается содержательной вариативностью, воплощая нерушимую связь традиций и современности. В культе Фудзи переплетены элементы различных религий — синтоизма, буддизма, даосизма (Сю:гэндо:), народных верований. На протяжении многих веков она притягивала паломников, служила объектом религиозного поклонения и источником вдохновения для многих поэтов и художников. Для японцев символика Фудзи включает такие ключевые понятия, как страна, нация, красота, божественная чистота, гармония. История восприятия

[604] Григорьева Т.П. Япония: путь сердца. М.: Новый акрополь, 2008. С. 96–97.

Фудзи является отражением культурного опыта и мировоззрения японского народа.

ГЛАВА 4. ГАСТРОНОМИЧЕСКИЙ КОД

4.1. Рис — базисный архетип японской культуры

Научные работы структуралистов и семиотиков заложили основы для исследования пищи как способа кодировки культурной информации, области, отражающей различные аспекты человеческой деятельности. Роберт Барт писал: «…пища служит знаком не только определенных тем, но и определенных ситуаций, то есть в конечном счете определенного образа жизни, она его не столько выражает, сколько афиширует» [605]. Отмечая, что для современности характерна «полисемия пищи», Р. Барт выделял регулятивную и коммуникативную функции еды. «Питание есть поведение, которое заходит дальше своей прямой цели, заменяет, вбирает в себя или обозначает другие виды поведения, отчего именно и является знаком»[606], не только транслирует значения и смыслы, но и является «функциональной единицей некоторой коммуникативной структуры»; «знаком для членов группы»[607].

Клод Леви Стросс в четырехтомном труде «Мифологики», анализируя пищевые образы в мифологии, рассматривал пищу как культурный код, язык культуры: «Кулинария является языком, непроизвольно отражающим устройство данного общества или, по крайней мере, выявляющим противоречия, в которых общество не отдает себе отчета» [608]. Согласно Леви Строссу, пищевой код транслирует важнейшие оппозиции «сырое — приготовленное», «свежее — тухлое», «мокрое — горящее», обеспечивая связь природы и культуры. «Удовлетворяя потребности тела, кулинарное искусство обеспечивает

---

[605] Барт Р. К психосоциологии современного питания // Система Моды. Статьи по семиотике культуры. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. С. 366–378. С. 375.

[606] Там же.

[607] Там же. С. 378.

[608] Леви-Стросс К. Мифологики. В 4 т. Том 3: Происхождение застольных обычаев. М. ; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 377.

необходимое сочленение между природой и культурой. Возникшее из двух сфер, оно отражает эту двойственность во всех своих проявлениях»[609].

Российские и зарубежные исследователи отмечают, что гастрономический дискурс в силу семиотического характера связан с категориями кода, кодирования и декодирования [610] . Гастрономические предпочтения этноспецифичны и отражаются в культуре и языке. Зачастую различия в гастрономических пристрастиях воспринимаются как проявление когнитивной оппозиции «свой» — «чужой», что актуализирует необходимость интерпретации этнокультурной специфики гастрономического кода. С.А. Арутюнов пишет: «В комплексе систем жизнеобеспечения любого народа одно из ключевых мест принадлежит пище, которая составляет основную витальную потребность человека. В свойственных разным народам наборах пищевых продуктов, способах их обработки, типах блюд, в традициях пищевого предпочтения или избегания, в организации и ритуале трапез и в других аспектах культуры, прямо или косвенно связанных с пищей, отражается этническая и культурно-историческая специфичность народа» [611].

---

[609] Леви-Стросс К. Мифологики. В 4 т. Том 3: Происхождение застольных обычаев. М. ; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 372.

[610] Катермина В.В. Гастрономическая картина мира в английской неологии: лингвокультурологический аспект // Лингвокультурология. 2017. № 11. С. 33–47; Головницкая Н.П. Лингвокультурные характеристики немецкоязычного гастрономического дискурса : дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007; Коноплева Н.А., Винокурова М. К вопросу определения сущностных характеристик и факторов формирования повседневной культуры питания и гастрономической культуры // Гуманитарный вектор. 2019. №14(4). С. 143–152; Douglas Mary. Purity and Danger: An Analysis of Concepts of Pollution and Taboo. Routledge, 2002; Stano Simona. Semiotics of Food / International Handbook of Semiotics, ed. P.Trifonas, Springer, Dordrecht, 2015. P. 647–671; Danesi Marcel. Food: Semiotics. In: Encyclopaedia of language and linguistics / ed. K. Brown. 2nd ed. Oxford: Elsevier, 2006. P. 533–535; Bouyahya Driss. The Semiotics of the Culinary [Электронный ресурс] // Revue Interdisciplinaire. 2018. № 3 (2). URL: https://revues.imist.ma/index.php/Revue-Interdisciplinaire/article/view/14669 (дата обращения: 24.08.2021); Leeds-Hurwitz Wendy. Semiotics and Communication: Signs, Codes, Cultures. Routledge, 1993; Лич Э. Культура и коммуникация: логика взаимосвязи символов. М.: Восточная литература, 2001; Капкан М.В., Лихачева Л.С. Гастрономическая культура: понятие, функции, факторы формирования // Известия Уральского государственного университета. 2008. 55 (15). С. 34–43.

[611] Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989. С. 206–207.

Необходимо учитывать, что кулинарные традиции, обусловленные природно-географическим фактором и хозяйственной деятельностью этноса, его мировосприятием и национальными обычаями, определяют образ жизни и менталитет любого народа. На наш взгляд, изучение японского гастрономического кода как проводника ценностей и идеалов, фактора национального самосознания позволяет реконструировать специфику историко-культурных связей и контактов, этапы становления и развития культуры питания, а также механизмы функционирования и сохранения культурного наследия в современных условиях.

Основные кулинарные традиции в Японии складывались на протяжении более двух тысячелетий, временами подвергаясь серьезным трансформациям.

Датой рождения японской кухни принято считать период начала возделывания риса. На Японский архипелаг культура рисоводства пришла из Китая через Корею примерно 2500 лет назад. С появлением риса в образе жизни японцев произошли огромные изменения. Каждая семья осела на конкретной территории, так как получила возможность возделывать рис и употреблять его в пищу, не передвигаясь с места на место в поисках новых лесов, дающих пропитание.

Климат в Японии теплый и влажный, две трети территории страны занимают горы. Такие природные условия не подходят для скотоводства, но как будто специально созданы для выращивания риса на заливных полях. В японской истории не было периода скотоводства, даже в земледелии не применялся рабочий скот. Японский ученый и политик Таити Сакаиа утверждает, что именно культура рисоводства в значительной мере определила особенности национального характера и общественного устройства японцев. «Образно говоря, наша страна, проскочив период охоты и скотоводства, сразу же занялась земледелием — возделыванием риса. Видимо, можно с полным основанием

утверждать, что история и культура Японии началась с возделывания риса»[612]. «…При выращивании риса возникает необходимость в коллективном труде, ибо для возделывания рисового поля труда одного человека или даже семьи недостаточно. Вот почему с давних времен уделом японцев был коллективный труд, в котором участвовала вся деревенская община»[613].

Одно из старинных названий Японии — «Земля рисовых колосьев». Согласно мифу, глава пантеона синтоистских богов, богиня солнца и прародительница японских императоров Аматэрасу-о-миками вручила Богу изобилия рисовых колосьев Нинниги рисовый колос, сорванный со священного поля богов, и с этим колосом Нинниги совершил нисхождение на землю. Этот мифологический сюжет послужил основой для празднования дня «первого колоса», т.е. поднесения богам пищи из риса в императорском дворце[614].

Происхождение риса также связывают с божеством изобилия, промышленности, житейского успеха, пищи и земледелия Инари 稲荷 (иероглиф 稲 *ина* имеет значение «рис на корню»). Инари может изображаться в образе старика с мешком риса, женщины или бодхисаттвы и иногда рассматривается как собирательный образ трех или пяти отдельных богов 神 *ками*. Инари часто представляют в виде лисицы 狐 *кицунэ* с красным нагрудником на шее. В настоящее время насчитывается более 30 тыс. синтоистских святилищ Инари[615]. Празднества в честь Инари устраиваются в феврале, когда совершаются моления об обильном урожае (в деревнях в это время выставляются красные флаги в честь «пресвятой богини Инари»), или осенью, в октябре – ноябре как праздник урожая[616]. По легенде, Инари, путешествуя, нашла в далекой стране рис и

---

[612] Сакаия Таити. Что такое Япония. М.: Партнер Ко Лтд., 1992. С. 90.

[613] Там же. С. 90.

[614] Кодзики: Записи о деяниях древности. Свиток 1 / пер. с яп. ; сост. и общ. ред. Р.В. Грищенков ; предисл. Е.М. Пинус. СПб.: Кристалл, 2000. С. 541.

[615] Боги, святилища, обряды Японии : энциклопедия синто / ред. С.И. Смирнов // Труды института восточных культур и античности. Вып. 26. М.: РГГУ, 2010. С. 72.

[616] Кодзики: Записи о деяниях древности. Свиток 1 / пер. с яп. ; сост. и общ. ред. Р.В. Грищенков ; предисл. Е.М. Пинус. СПб.: Кристалл, 2000. С. 540.

спрятала несколько рисовых зернышек в своем посохе из тростника, заткнув отверстие бумагой. Используя этот стебель в перевернутом виде как посох, Инари вернулась Японию и передала эти зернышки людям. С тех самых пор в этой стране выращивается и почитается рис. «Возможно, именно поэтому в Японии перед началом полевых работ было принято ставить на рисовых полях в перевернутом виде стебель тростника. И только после высадки рисовой рассады на поля, когда уже становилось ясным, что все растения прижились, тростник можно было спокойно перевернуть корнем вниз»[617].

Согласно другой легенде, рис в Японию принес журавль. Аналогичные мифы существуют и в странах Восточной и Юго-Восточной Азии. В Китае, например, считали, что рис принесла собака, а в Юго-Восточной Азии какая-то птица [618].

В «Кодзики» рассказывается о том, что ростки риса проросли в глазах убитой Оо-гэцу-химэ-но ками — Девы-Богини Великой Пищи: «…то, что в теле убитой богини родилось, — в голове шелковичные черви родились, в обоих глазах рис-рассада родился, в обоих ушах просо родилось, в носу фасоль родилась, в заднем месте соевые бобы родились»[619].

Японцы считали, что рис обладает душой, поэтому и относиться к нему следует как к живому существу. В историко-географических описаниях древней Японии первой половины VIII в. Бунго-Фудоки повествуется о крестьянине уезда Окита. «Постепенно дом его стал богатым, и (крестьянин) возрадовался, начал пить сакэ и развлекаться. [Однажды] он вздумал стрелять из лука, но цели у него не было. Тогда он взял рисовые лепешки, поставил их как цель, и, когда собрался стрелять в них, рисовые лепешки превратились в белых птиц и улетели. С этого

[617] Маркарьян С.Б., Молодякова Э.В. Праздники в Японии: обычаи, обряды, социальные функции. М.: ГРВЛ «Наука», 1990. С. 81.

[618] Там же. С. 81.

[619] Кодзики: Записи о деяниях древности. Свиток 1 / пер. с яп. ; сост. и общ. ред. Р.В. Грищенков ; предисл. Е.М. Пинус. СПб.: Кристалл, 2000. С. 96.

времени [крестьянин] стал слабеть, терять разум и [наконец] умер, а поля одичали»[620].

В мировосприятии японцев рис не только основной продукт питания, но сакральный символ достатка, материального благополучия.

Вплоть до начала XX в. рис служил средством налогообложения и денежных расчетов, определявшим благосостояние народа. 石 *коку* — среднее количество риса, необходимое одному взрослому человеку в течение года, было основной мерой богатства. Вес 1 *коку* риса приблизительно равен 160 кг. Размер жалованья самураев, доходность провинций определялась в *коку.* Самураи получали от 50 *коку* риса, доходы крупных феодалов дайме составляли десятки тысяч *коку.* Доход в 50 *коку* позволял самураю приобрести оружие и снаряжение[621].

Собрав с крестьян рисовый оброк, японские феодалы отправляли его на продажу. Самая известная рисовая биржа была в Осакэ. В XVIII и XIX вв. там ежегодно продавалось более четырех миллионов мешков этого злака. Поскольку цены на Осакской бирже определяли стоимость риса по всей стране, в Японии была введена система сигнальных костров, расположенных на вершинах гор. В зависимости от используемой древесины и травяных добавок дым получался разного цвета. Это и было обозначением цены, которую давали за рис в Осакэ[622].

Рис для японцев не только эквивалент благосостояния, но и символ государства и душа нации. Ежегодно 23 ноября в Японии отмечают День благодарности труду, произошедший от древнего праздника 新嘗祭 *ниинамэсай,* во время которого император подносил божествам рис нового урожая, а затем сам пробовал его.

Культ императора неразрывно связан с культом плодородия. За императорской семьей закреплено ритуальное действие первой посадки риса. В

---

[620] Древние Фудоки (Хитати, Харима, Бунго, Хидзэн) / отв. ред. Н.И. Конрад. М.: ГРВЛ «Наука», 1969. С. 125–126.

[621] The Koku System [Электронный ресурс]. URL: https://doctorjhwatson.wordpress.com/2015/11/18/the-koku-system/ (дата обращения: 09.03.2017).

[622] Мещеряков А.Н. Книга японских символов. М.: Наталис, 2003. С. 388.

1959 г. император Сёва высадил рисовые колосья на заливном поле в императорском дворце в Токио. С тех пор каждый год в мае император высаживает рассаду риса.

Раньше землекопы и чернорабочие часто ели на обед только вареный рис с красной маринованной сливой 梅干し *умэбоси* посередине, который укладывался в большую коробку — 弁当 *бэнто:*. Такой *бэнто:* похож на японский государственный флаг с изображением восходящего солнца на белом фоне 日の丸 *хиномару.* Во время Второй мировой войны японским солдатам вручали 日の丸弁当 *хиномару бэнто:,* символизирующий японский флаг, для поднятия боевого духа. И теперь *хиномару бэнто:* пользуется большой популярностью среди японцев, правда, едят его в сочетании с мясом, рыбой, овощами, креветками и другими продуктами.

С возделыванием риса связано множество религиозных праздников и обрядов, которые дают богатый материал для анализа мифологических, представлений, духовно-нравственных ценностей японского народа.

Ритмически меняющие друг друга циклы выращивания и сбора урожая риса породили весенние и осенние сельские праздники — ритуал моления об урожае 年越え *тосигоэ* и ритуал приношения богам нового урожая 新嘗 *ниинамэ*[623].

Самыми распространенными весенними праздниками являются праздники посадки риса, когда молятся об урожае. Среди них есть такие, когда действительно сажают рис, а есть и праздники, во время которых посадку риса только имитируют. Среди первых можно назвать ритуал お田植え *отауэ*, проводящийся 15 июня в осакском районе Сумиёс*и*, а ко второму типу относится праздник 御田祭 *онда мацури*, который отмечают в деревне Асука префектуры Нара в первое воскресенье февраля.

[623] Боги, святилища, обряды Японии : энциклопедия синто / ред. С.И. Смирнов // Труды института восточных культур и античности. Вып. 26. М.: РГГУ, 2010. С. 109.

Осенние праздники — зеркальное отражение весенних молений об урожае. Осенью, во время сбора риса проводят праздники нового урожая. В это время благодарят богов за то, что рис удалось вырастить и собрать, и приносят богам жертвы из вновь собранного зерна. Из этих праздников наиболее известен かんなめ祭り *каннамэ мацури* в святилище Исэ в префектуре Миэ, одном из главнейших синтоистских святилищ[624].

Рисоводческие обряды весьма разнообразны как по форме, так и по содержанию, и варьируются по регионам. Во время таких обрядов в одних случаях имитируется весь процесс возделывания риса или какая-то его часть. В других случаях — это подлинные сельскохозяйственные работы с магической целью на «священных участках земли» в храмах или на крестьянских полях. Все обряды проводятся с целью получения хорошего урожая. К ним относятся, в частности, 田内 *маути* — полевые работы, связанные с выращиванием риса, 田遊び *таасоби* — полевые игры, 田植え信じ *тауэ синдзи* — магическая посадка риса, 田植え踊り *тауэ одори* — танцы, связанные с высадкой рисовой рассады,田植え祭 *тауэ мацури* — праздники высадки рассады риса, 田内踊り *маути одори* — танцы полевых работ, 御田祭 *онда мацури* — праздник на священном поле, 春川祭 *харукава мацури* — праздник весеннего рыхления 田楽祭 *дэнгаку мацури* — праздник сельских плясок[625].

Традиционная японская борьба сумо также восходит к ритуалу моления об урожае. Считалось, что утрамбовывание земли может увеличить урожай риса[626].

---

[624] Ямамото Тэцуя. Праздники — воплощение жизненной силы Японии. Nippon.com — Информация о Японии [Электронный ресурс]. URL: // http://www.nippon.com/ru/views/b01201/] 01.03.2017 (дата обращения: 01.03.2017).

[625] Маркарьян С.Б., Молодякова Э.В. Праздники в Японии: обычаи, обряды, социальные функции. М.: ГРВЛ «Наука», 1990. С. 83.

[626] お米と日本の伝統行事の深い関係 | 米寿屋 [Рис и традиционные японские обряды: тесная связь] [Электронный ресурс]. URL: http://beijuya.com/story8.html (дата обращения: 09.03.2017).

Рис широко используется для приготовления ритуальной пищи, является основным подношением богам и душам усопших, а также используется для праздничного украшения жилищ.

В первые дни нового года принято есть жидкую рисовую кашу 七草粥 *нанакуса гаю* с приправой из семи растений (диких и культивированных): петрушки, пастушьей сумки, мокричника, глухой крапивы, сушеницы, репы и редьки. Этот обычай был заимствован из Китая. Существует поверье, что, употребляя это блюдо, можно избежать всех болезней в наступившем году.

Рисовая лепешка 餅 *моти* — обязательный атрибут новогодних праздников. В старину *кагами моти* (зеркальные лепешки) клали на мешки с семенным рисом, чтобы обеспечить хороший урожай. *Моти* всегда были наполнены для японца глубоким смыслом — это пожелание богатства, процветания, доброго урожая в наступающем году[627].

В японском языке есть интересная поговорка: 棚からぼた餅 (*дослю* «сладкая булочка с полки») — «неожиданное счастье».

ぼた餅 *ботамоти или* おはぎ *охаги* — сладкие рисовые лепешки, которые японцы готовят на неделе осеннего и весеннего равноденствия. *Ботамоти* и *охаги* — разные названия одного и того же блюда, которое делают из вареного риса клейкого сорта *мотигомэ.* Если готовят эту еду на неделе весеннего равноденствия, называют ее *ботамоти,* по названию весеннего цветка 牡丹 *ботан* — «древовидный пион». Если готовят ее на неделе осеннего равноденствия, называют *охаги,* по названию осеннего цветка *萩 хаги* — леспедеца двуцветная. Лепешки *ботамоти* едят, возлагают у алтаря, дарят гостям и соседям. Раньше *ботамоти с*читали самым вкусным лакомством, наверное, поэтому и родилась такая пословица.

[627] Боги, святилища, обряды Японии : энциклопедия синто / ред. С.И. Смирнов // Труды института восточных культур и античности. Вып. 26. М.: РГГУ, 2010. С. 131.

Наряду с *моти* традиционным обрядовым блюдом из риса является 赤飯 *сэкихан* — «красный рис». Это клейкий рис, который варят вместе с красными бобами 小豆 *адзуки.* Красный цвет символизирует в Японии счастье, поэтому *сэкихан* является неизменным атрибутом всех праздников, а также используется для ритуального подношения богам.

В Японии культивируется около 300 сортов риса, но предпочтение отдается сорту *косихикари*, известному в мире под названием «японский рис», который отличается повышенной клейкостью при разваривании. Также популярен сорт *сасанисики.* Рис *косихикари* более липкий и имеет более насыщенный вкус. Он используется для приготовления различных блюд, *бэнто:* и блюд в западном стиле. Рис *сасанисики* более пресный и легче глотается. Этот сорт больше подходит для завтраков в японском стиле. Японцы считают, что, даже если это рис одного и того же сорта, рис, выращенный в прибрежных районах, больше подходит для морепродуктов, а рис, выращенный в горных регионах, хорошо сочетается с грибами и съедобными дикорастущими растениями.

Внешний вид рисовых зерен тоже очень важен — рис должен быть белоснежным и иметь овальную форму. В последнее время появляется много новых сортов риса, так как покупатели ищут новые вкусы помимо стандартного *косихикари.* В частности, префектура Ниигата, известная своим рисом, провела рекламную компанию по выдвижению первого нового за 15 лет сорта риса *синносукэ* с более крупным зерном и более сладким вкусом. Предполагается, что рис *синносукэ* будет подаваться в элитных ресторанах и гостиницах Токио. В префектуре Аомори намерены сосредоточить усилия на производстве сорта риса *сайтэн но хикирэки,* отличающегося оптимальным сочетанием липкости и твердости.

Всеяпонская ассоциация по контролю за злаковыми культурами впервые стала оценивать вкус риса в 1969 г. При проверке учитываются шесть показателей, в том числе внешний вид, вкус и липкость. По каждому из пунктов присваивается

оценка от 1 до 5. Рис, который не отвечает требованиям, оценивается как «пробный вкус»[628].

Рис принято готовить без специй, оставляя ему пресный вкус. Японский ученый Нисидзима Тоёдзо, эксперт по рису, соавтор книги お米の達人が教えるごはん基本帳 «Энциклопедия отварного риса от эксперта риса»[629], считает, что в процессе приготовления риса самым важным этапом является его промывка, именно от него завис вкус риса. Вот как он описывает этот непростой процесс, похожий на ритуал: «Сначала добавьте холодную воду и перемешивайте рис круговыми движениями в течение 10 секунд. Немедленно слейте воду и повторите процедуру. Вода, в которой вы промывали рис, будет мутно-белого цвета. Очень важно быстро сливать ее, чтобы рис не впитал ее. Затем поместите руку с пальцами, сжатыми, как если бы они сжимали мяч, в сосуд с рисом. Ритмично разжимайте и снова сжимайте пальцы примерно двадцать раз, как будто действуете венчиком. Рис промывается за счет трения зерен друг о друга, а не за счет трения о вашу руку.

И наконец, промойте рис холодной водой еще дважды. Если вы используете рис моложе одного года, это последний этап.

Если ваш рис старше одного года, сделайте еще десять движений руками, затем дважды промойте водой. От начала до конца вся процедура промывания риса занимает от одной до трех минут. Старайтесь не промывать рис слишком долго или слишком сильно, так как это может привести к потере аромата»[630].

Об архетипической значимости риса для японской культуры свидетельствует тот факт, что слово, обозначающее вареный рис ご飯 *гохан* синонимично понятию «еда».

---

[628] 日本穀物検定協会 [Всеяпонская ассоциация по контролю за злаковыми культурами] [Электронный ресурс]. URL: http://www.kokken.or.jp/ranking_area.html (дата обращения: 03.03.2017).

[629] 西島豊造、飛田和緒 。お米の達人が教えるごはん基本帳[Нисидзима Тоёдзо:, Хида Кадзуо. Энциклопедия отварного риса от эксперта риса]、家の光協会、2010. 79 p. P. 21.

[630] 西島豊造、飛田和緒 。お米の達人が教えるごはん基本帳[Нисидзима Тоёдзо:, Хида Кадзуо. Энциклопедия отварного риса от эксперта риса]、家の光協会、2010. 79 p. P. 21–22.

Миска с рисом — это основа и для каждодневного, и для праздничного стола в Японии. Все остальные блюда являются составными частями трапезы, которые призваны дополнить и украсить вкус риса, сбалансировав его.

Вареный рис является основой большинства японских блюд — *о каю, суси, о нигири, домбури, о тядзукэ* и других. Из риса изготавливается японское рисовое вино — *сакэ*, пиво, лепешки *моти*, уксус; из рисовой муки — различные японские сладости и крекеры *сэмбэй*; с добавлением рисовых отрубей готовят соленья *накадзукэ.* Даже шелуха, солома культуры не пропадают зря. Из соломы в старину изготавливали одежду и обувь, накидки, плащи, сандалии и даже крыши не только домов, но и храмов.

Рис является универсальным ключевым кодом не только гастрономической культуры японцев, но и концептуальной картины мира, в которой отражаются знания, опыт, нравственно-этические устои народа. Это подтверждают пословицы и поговорки о рисе, представленные во фразеологическом фонде японского языка.

В мировосприятии японцев рис непосредственно связан с главой пантеона синтоистских богов — богиней солнца Аматэрасу О:миками: 米は天照大神の目 «Рис — глаза богини Аматэрасу». О божественном происхождении риса также говорит пословица: 一粒のお米に 七人の神様がいる — «В одном зернышке риса — семь богов».

Поговорка いつも月夜に米の飯 — (досл. «всегда в лунную ночь есть рис») говорит о том, что хорошее не может длиться долго, рис в древности был роскошью, доступной не всем, и питаться им регулярно — это роскошь, которую могли позволить себе лишь богатые люди.

Рис — основа жизни, его надо беречь и относиться к нему трепетно. Доедать рис следует до последнего зернышка. 御飯粒を残す人は出世しない– «человек, который оставляет рис, не выбьется в люди».

Небрежное обращение с рисом обернется неминуемой карой: 米を零すと目が潰れる — «рассыплешь рис, ослепнешь».

Рис — основа благосостояния и богатства. Фразеологизм 米櫃を潤す– «наполнять ящики зерном» употребляется при описании людей, сумевших приумножить свое богатство.

Поговорка 米を数えて炊く — «варить рис, считая каждое зернышко» учит не зацикливаться на мелочах, а шире смотреть на жизненные ситуации.

一粒万倍 — «одно рисовое зернышко может принести десять тысяч зерен» говорит о том, что большое начинается с малого, любое начинание может привести к успеху.

Выражение 米を百里の外に負う — «нести рис за тысячу ри»[631] восходит к конфуцианским канонам и учит заботиться о родителях, даже если сам бедствуешь.

Поговорка 米食った犬が叩かれずに糠食った犬が叩かれる «случается, что бьют не ту собаку, что съела рис, а ту, что съела отруби» повествует о том, что можно поплатиться за незначительный проступок, а серьезное преступление может остаться безнаказанным.

На протяжении многих столетий вся жизнь страны подчинялась ритму жизни, связанному с обработкой рисовых полей. Во многих поговорках рис и труд неразрывно связаны, потому что рис — чрезвычайно трудоемкая культура, ведь каждый его кустик приходится высаживать вручную. 米一粒汗一粒 — «каждое рисовое зернышко — это капля пота».

Уважительное отношение к труду воспитывали в детях с ранних лет. Считалось, что хороший работник без еды не останется. А вот лень не в почете, нахлебники никому не нужны. Дармоедов, лиц, поживившихся за чужой счет, называют 国造虫– «амбарный долгоносик, вредитель, питающийся рисовыми зернами».

Поговорка 米の飯は仕事する аналогична русской пословице «кто хорошо ест, тот хорошо работает».

---

[631] Ри — японская мера длины 3,927 км.

С рисом у японцев ассоциируются представления о плодородии, процветании, благополучии как всей природы, так и человеческого коллектива.

Поговорка 同じ釜の飯を食う仲 «люди, которые едят рис из одного котла» указывает на длительное время знакомства людей, соседей, коллег. Люди вместе переживают и радости, и горести, и неплохо знают друг друга, так что им можно доверять.

Рис — основной продукт питания, тем не менее человеческие отношения важнее. 米の飯より思（おぼ）し召し «доброе отношение важнее угощения». Поговорка 千石万石も飯一杯 «даже если у тебя тысяча или десять тысяч коку риса, ты съешь только миску риса» говорит о том, что в представлении носителей японского языка все люди одинаковы, всеми движут одни и те же потребности.

Японцы ценят скромность. Выпячивать свои достоинства и достижения считается неприличным. 米は実が入れば俯く、人間は実が入れば仰向く — «Рисовый колос созревает — голову клонит книзу; человек богатеет — голову задирает кверху». Подразумевается, что лучше быть скромным и вежливым, чем высокомерным и заносчивым, даже если ты добился успеха.

Как видно из примеров, приведенных выше, пословицы и поговорки являются яркими носителями культурных смыслов, отражающих национально значимые представления и ассоциации японского народа, связанные с рисом.

4.2. Сакэ — история и традиции

Исследование пищевых предпочтений, традиций застолья, ритуалов и обычаев, связанных с едой, позволяет выйти за пределы понимания пищи как элемента материальной культуры, основной витальной потребности человека и рассмотреть ее как особую семиотическую систему, культурный код, влияющий на формирование национальной идентичности. Как справедливо отмечает Ю.В. Норманская, гастрономический код представляет собой «комплекс знаковых систем, с помощью которых этносы поддерживают свою сплоченность,

сохраняют своеобразие, осуществляют внутри- и межкультурную коммуникацию»[632].

Еда может служить показателем «общего уровня цивилизованности народа региона, его таланта, оригинальности и особенности национального мышления, уровня приспособленности к природным условиям среды обитания» [633], посредником «между нашей внутренней жизнью и наружным окружающим миром, между большим макрокосмосом вокруг человека и его микрокосмосом»[634]. Благодаря семиотическим функциям «некоторые блюда и напитки настолько тесно ассоциируются в сознании людей с теми или иными праздниками, что воспринимаются как их символы, без присутствия которых на столе празднование покажется неполноценным или «неправильным» [635].

Традиционную кухню *васёку* невозможно представить без национального японского напитка 酒 *сакэ* или 二本酒 *нихонсю:* — «японское сакэ», как его называют в Японии. Сакэ изготавливают из риса, основного продукта питания японцев. Слово сакэ обозначает любой алкогольный напиток.

Многие считают, что сакэ — разновидность рисового вина. Это неправильно, поскольку при изготовлении вина используется простой тип брожения: дрожжи превращают содержащийся в винограде сахар в спирт. Исходным сырьем для сакэ является крахмал, из которого в основном состоит рис. Простое добавление дрожжей не приводит к брожению. В процессе изготовления сакэ используют плесневый грибок 麹 *ко:дзи* (Aspergillus oryzae), который расщепляет крахмал на сахар, после чего добавляемые дрожжи могут его ферментировать. Поскольку

---

[632] Норманская Ю.В. К проблеме анализа семиотики гастрономической культуры // Крымское историческое обозрение. 2015. № 2. С. 319–328. С. 326.

[633] Молчанова Г.Г. Традиции гастики как отражение национальной и региональной идентичности // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 2. С. –19. С. 9.

[634] Гачев Г. Ментальности народов мира. М.: Алгоритм ; Эксмо, 2008. С. 64.

[635] Вкус Востока. Гастрономические традиции в истории, культуре и религиях народов Азии и Африки : монография / под ред. И.Т. Прокофьевой, Е.Ю. Карачковой. М.: МГИМО-Университет, 2019. С. 43.

процессы расщепления крахмала и спиртового брожения происходят параллельно, это называется «параллельным сложным брожением».

Ко:дзи — разновидность грибка, размножающаяся на рисе, пшенице, сое и прочих зерновых культурах. Он незаменим при производстве соевого соуса, пасты мисо, рисового уксуса и других традиционных японских приправ. В японском сакэ используется специальная закваска 米麹 *комэкодзи*, получаемая в результате размножения грибка на сваренном на пару рисе. Эта закваска применялась в производстве сакэ еще в эпоху Нара (710–794) и существует только в Японии. В 2006 г. Общество производителей сакэ присвоило *комэкодзи* статус «национального грибка»[636]. Таким образом, сакэ — это ферментированный алкогольный напиток крепостью от 13 до 16 градусов, основным сырьем для которого является рис, рисовый солод и вода[637].

Существуют различные толкования этимологии слова сакэ. Согласно одной из версий, сакэ происходит от выражения 栄水 с*акаэмидзу* — «вода процветания». *Сакаэмидзу* трансформировалось в サカエ *сакаэ*, затем в サケエ *сакэ:* и наконец в サケ *сакэ.*

Истоки слова сакэ также связывают со словосочетанием 栄えのキ *сакаэ -но ки* «священное сакэ для процветания»: 栄え *сакаэ* — «процветание», キ *ки* — часть слова お神酒 *омики* «священное сакэ» [638].

Согласно другой гипотезе, сакэ происходит от устаревшего слова クシ *куси* — «странный, удивительный». Фрукты, упавшие в углубление в дереве или камне, выделяли сок, который подвергался естественному брожению. Человек, выпивший такой сок, приходил в приподнятое расположение духа. Это казалось

---

[636] Сандо Ацуко. Грибок кодзи и раритетное сакэ «Дзикон». 21.08.2018 [Электронный ресурс]. URL: https://www.nippon.com/ru/views/gu002012/ (дата обращения: 18.06.2019).

[637] 日本酒造組合中央会 [Официальный сайт центрального собрания сакэваров Японии] [Электронный ресурс]. URL: https://www.japansake.or.jp/sake/know/what/02.html (дата обращения: 09.07.2019).

[638] お酒の豆知識～お酒の名前の由来 [Этимология слова сакэ] [Электронный ресурс]. URL: http://www.bic-osake.com/mame/mame/seisyu.shtml (дата обращения: 23.01.2019).

удивительным. Поэтому перебродивший алкогольный напиток из фруктов японцы стали называть *куси*. Божество сакэ зовут Кусиноками クシの神（久志能加美、久斯榊）, что позволяет сделать вывод о том, что вместо слова *куси,* обозначавшего фруктовый алкогольный напиток, стали употреблять слово *сакэ*.

Более вероятным представляется предположение, согласно которому слово *сакэ* уходит корнями в глагол さける *сакэру* — «избегать». Японцы верили, что сакэ обладает целебными свойствами, помогает избежать простуды. Недаром старинная японская пословица гласит: 酒は百薬の長 *сакэ ва хякуяку-но тё:* «Сакэ — лучшее из ста лекарств».

История сакэ насчитывает более двух тысяч лет. Так, 5 тыс. лет назад в эпоху Дзёмон (XIII тыс. до н.э. – 300 г. до н.э.) жители японских островов могли готовить алкогольные напитки. Разумеется, это было не сакэ, а перебродивший фруктовый сок. Выращивая рис, древние японцы научились делать из него алкогольный напиток, используя испытанный на других зерновых культурах «жвачный» способ: нагретый рис тщательно пережевывали и выплевывали в кувшин. В рисовую жвачку добавляли воду, начинался процесс брожения, и получалось сакэ [639]. Прототип сакэ назывался 口噛みの酒 *кутиками но сакэ*. 口 — *кути* «рот», 噛む *каму* — «жевать».

В китайских исторических хрониках III в. сохранились сведения о том, что японцы любят сакэ, и у них существует обычай собираться, чтобы пить сакэ, когда оплакивают мертвых[640].

В 947 г. был составлен свод *«Энгисики»* («Свод обрядов периода Энги»), в котором были подробно описаны способы приготовления сакэ. Правом изготовления сакэ обладали только члены императорской семьи. При дворе было создано специальное ведомство 造酒司 *Мики-но цукаса,* которое занималась

[639] Альшевский А. Сказание о сакэ : истоки самобытности японцев. М.: Издательские решения, 2017. С. 43.

[640] Sake’s Appeal. Japan Sake and Shochu Makers Association [Привлекательность сакэ. Официальный сайт производителей сакэ и сётю] [Электронный ресурс]. URL: http://www.japansake.or.jp/sake/english/howto/appeal.html (дата обращения: 20.01.2019).

производством сакэ для нужд императорского двора и церемониального использования. В те времена в основных чертах сложилась технология, применяемая для производства сакэ с помощью плесневой культуры 麹 *ко:дзи*, которая используется в наши дни[641].

В эпоху Хэйан (794–1185) сакэ начали варить в синтоистских и буддийских храмах.

В эпоху Камакура (1185–1333) и Муромати (1333–1573) в средневековой Японии бурно развивалась торговля, и сакэ стало свободно продаваться. Производство перестало быть прерогативой императорского двора и монастырей, появились 酒蔵 *саэкура* (酒 — сакэ, 蔵 — склад). Так назывались сакэварни, в которых производили и хранили сакэ. Некоторые из них уже тогда стали крупными предприятиями. Конкуренция между ними благотворно сказалась на технологиях и качестве продукта. Основная методика производства сакэ сложилась примерно в XVI в.: была изобретена техника 火入れ *хиирэ* — прототип «пастеризации», когда сакэ переливали в чан и нагревали до 64 градусов Цельсия. Хроники эпохи Муромати свидетельствуют, что процесс пастеризации использовался при изготовлении сакэ за несколько столетий до рождения Луи Пастера.

На эпоху Эдо (1600–1868) пришелся расцвет производства сакэ. Центром его производства стал район Кинки. Там находились две древние столицы Японии — Киото и Нара, важный торговый и индустриальный центр страны город Осака. Первое время сакэ изготавливали в зимние месяцы, которые считались наиболее благоприятными для процесса ферментации. Его заливали в бочонки из древесины криптомерии и перевозили в различные районы страны. Как отмечает А.Н. Мещеряков, «особенно чистым и дорогим считалось сакэ, которое проделало

---

641 日本酒造り専門の役職、造酒司（みきのつかさ）とは？ | 日本酒専門 WEB メテ゛ィア「SAKETIMES」 (Функции Мики–но цукаса — ведомства по производству сакэ. Специальный сайт о сакэ 「 SAKETIMES 」) [Электронный ресурс]. URL: https://jp.sake-times.com/knowledge/word/sake_mikinotsukas (дата обращения: 20.02.2019).

путь от знаменитых винокурен района Осака до Эдо (Токио). За время путешествия на лошадках и морем оно хорошенько взбалтывалось и приобретало особый аромат. Корабли даже гонки устраивали — кто первым до Эдо доплывет. А в лавках появлялись бочонки, на которых было указано: “Сакэ с первого корабля”»[642].

В 1904 г. Министерство финансов Японии учредило 酒類総合研究所 Научно-исследовательский институт сакэделия, который внес важный вклад в совершенствование технологий производства сакэ, создания элитных сортов этого алкогольного напитка. В дальнейшем в процессе изготовления сакэ стали использоваться вертикальные рисошлифовальные машины, эмалированные чаны, совершенствовался отбор и культивирование дрожжевых культур[643].

В наши дни, как и сотни лет назад, японские сакэвары, сохраняя древние традиции, стремятся улучшить тонкий вкус и аромат этого самобытного напитка.

Изначально сакэ предназначалось для жертвенного подношения богам, чтобы задобрить их и получить обильный урожай риса. Такой напиток назывался 御神酒 *о-мики* — «божественное сакэ». Он связывал людей с божествами, а также объединял их друг с другом. В префектуре Нара расположено синтоистское святилище 大神神社 О:мива дзиндзя, упоминания о котором встречаются в древнем письменном памятнике «Нихонги» («Анналы Японии», 720 г.). Согласно легенде, император Судзин во время ритуальной трапезы в храме О:мива пил сакэ, приготовленное божеством Опо-номо-нуси:

Отменное сакэ [мы пили всю ночь]!

Лишь к утреннему [открытию] ворот

Хотим уйти отсюда,

Из храма Мива,

---

[642] Мещеряков А.Н. Книга японских символов : книга японских обыкновений. М.: Наталис, 2008. С. 428.

[643] The Story of Sake [История сакэ] [Электронный ресурс]. URL: https://www.nrib.go.jp/English/sake/pdf/SakeNo01_en.pdf#search= %27history+of+sake %27 (дата обращения: 23.01.2019).

Из ворот храма Мива! [644]

В наши дни каждый год 14 ноября в храм О:мива съезжаются производители сакэ со всей Японии на фестиваль молодого сакэ. Считается, что именно в этом храме впервые были изготовлены 杉玉 *сугидама* — шары из прессованных веток и листьев криптомерии. Такие шары вывешивают в магазинах по продаже сакэ и сакэварнях, извещая о поступлении партии напитка нового урожая. Согласно древнему поверью, *сугидама* является местом отдыха божеств сакэ, которым до сих пор поклоняются японцы. Им посвящены храмы 松尾大社 Мацуо тайся и 梅宮神社 Умэми дзиндзя в Киото[645].

Упоминания о сакэ можно найти в «Кодзики». В «Кодзики» рассказывается о том, как брат богини солнца Аматэрасу бог ветра Сусано-но-микото победил восьмиглавого змея. «Глаза у него словно красные [плоды] кагати, а из тела восемь голов — восемь хвостов выходят. А еще на теле мох и кипарисы с криптомериями растут. А длиной оно долин — на восемь долин, вершин — на восемь вершин простирается. На брюхо его взглянешь — все кровью сочится»[646]. Суса-но-о-но-микото приказал: «Вы восьмижды очищенное сакэ сварите, а еще кругом ограду возведите, в той ограде восемь ворот откройте, у каждых ворот помост сплетите, на каждый тот помост бочонок для сакэ поместите, в каждый бочонок того восьмижды очищенного сакэ полным-полно налейте и ждите». Змей напился сакэ и уснул, и Сусано разрубил его на мелкие кусочки.

В историко-географических описаниях древней Японии первой половины VIII в. «Харима-Фудоки» упоминается история горного поля Сакаи уезда Иибо: «Царь Хомуда построил дворец в селе Оякэ, вырыл колодец на этом поле и возвел помещение для выгонки сакэ, поэтому поле и назвали Сакаи»[647].

---

[644] Ермакова Л., Мещеряков А. Анналы Японии. Нихон сёки. В 2 т. Серия: Литературные памятники Древней Японии. СПб.: Гиперион, 1997. С. 210.

[645] Does Sake Really Have its Own God? KURAND. 14.08.2018 [Электронный ресурс]. URL: https://kurand.jp/en/19412/ (дата обращения: 09.10.2019).

[646] Кодзики: Записи о деяниях древности. Свиток 1 / пер. с яп. ; сост. и общ. ред. Р.В. Грищенков ; предисл. Е.М. Пинус. СПб.: Кристалл, 2000. С. 99.

[647] Там же. С. 87.

Из описаний уезда Така можно узнать о «колдовском сакэ», которое употреблялось в религиозных обрядах для выяснения воли богов. «Пребывавшая здесь богиня по имени Митинусихимэ, не имея мужа, родила сына. Когда она собралась варить колдовское сакэ, то возделала рисовое поле в семь токоро, и на этом поле в семь дней и семь ночей созрел рис. Она сварила сакэ, созвала всех богов я повелела сыну обносить [богов] этим сакэ. Ребенок сразу направился к богу Амэномахитоцу и преподнес [ему сакэ]. Таким образом узнали его отца»[648].

О целебных свойствах сакэ повествуют древние японские легенды. В сказании «Белое сакэ Сёдзё» рассказывается о морских чудовищах «с длинными красными волосами и розовой кожей цвета цветущей вишни, с набедренной повязкой из зеленых морских водорослей»[649], больших любителей выпить священного белого сакэ в больших количествах. Согласно легенде, белое сакэ возвращает людям молодость и продлевает годы жизни, а Сёдзё дает бессмертие. Коюри, сын умирающего отца Юринэ, хочет исполнить его последнюю волю — выпить чашку сакэ. Юринэ встречает на берегу красноволосых существ, и те делятся с ним своим напитком:

«— Я налью в твою тыкву этого белого сакэ, — сказало одно из существ, и с наполненной тыквой Коюри поспешил к отцу. Старик жадно выпил сакэ. — Принеси еще! — воскликнул старик. — Это непростое вино. Оно дает мне силы. Я чувствую, как новая жизнь потекла по моим старым венам. Итак, Коюри вернулся на берег моря, и красноволосые существа снова охотно поделились с ним сакэ, они снабдили его напитком на пять дней, и к концу пятого дня Юринэ поправился»[650].

Японцы верят, что сакэ — сакральный напиток. Подтверждением этому служит искусство 神楽 *кагура* (букв. «развлечение для богов»). *Кагура* — древние ритуальные синтоистские танцы и пантомимы, сопровождающиеся игрой на

---

[648] Там же. С. 101.
[649] Хэдленд Д. Мифы и легенды Японии. М.: Центрполиграф, 2008. С. 199.
[650] Там же.

барабанах и флейте. В древности ритуальное представление, включающее исполнение сакральных песен, имело целью привлечь внимание богов [651].

Город Такатихо на Кюсю считается местом, где зародилось древнее народное искусство 夜神楽 *ёкагура* «вечерние кагура» — тридцать три священных танца, посвященных синтоистским богам. *Ёкагура* исполняют в Такатихо с конца ноября по февраль в благодарность за хороший урожай осенью и с молитвой о благоденствии в следующем году. Двадцатый танец называется ご神体の舞 *го-синтай-но май* — «Танец о божественном теле». В ходе представления боги Идзанаги-но микото и Идзанами-но микото, мужское и женское божества, создатели всего сущего, готовят сакэ. Затем они его пьют, олицетворяя супружескую гармонию, взаимопонимание и согласие. Этот танец также называют 国生みの舞 *куни уми-но май* — «Танец рождения страны[652]. «Танец о божественном теле» подтверждает, что в мировосприятии японцев производство сакэ и его употребление освящено божественным благословением.

Жанр *кагура* считается прототипом ритуала, свидетельства о котором сохранились в «Кодзики». Этот миф описывает шаманский обряд, в котором богиня Амэ-но Удзумэ исполняет оргиастический танец с целью выманить разгневанную богиню солнца Аматэрасу, затворившуюся в небесном гроте 天岩戸 *Амэ-но ивато*, в результате чего Равнина высокого неба погрузилась во тьму: «Амэ-но-удзумэ-но микото <…> пустой котел у двери Небесного Скалистого грота опрокинув, ногами [по нему] с грохотом колотя, в священную одержимость пришла и, груди вывалив, шнурки юбки до тайного места распустила. Тут равнина высокого неба ходуном заходила — все восемьсот мириад богов разразились хохотом»[653]. Совместными усилиями богов удалось выманить наружу

---

[651] Боги, святилища, обряды Японии : энциклопедия синто / ред. С.И. Смирнов // Труды института восточных культур и античности. Вып. 26. М.: РГГУ, 2010. С. 296.

[652] 御神躰｜ごしんたい｜高千穂神楽 [Танцы кагура в Такатихо] [Электронный ресурс]. URL: https://www.pmiyazaki.com/takachiho/kagura_gosintai.htm (дата обращения: 10.07.2019).

[653] Кодзики: Записи о деяниях древности. Свиток 1 / пер. с яп. ; сост. и общ. ред. Р.В. Грищенков ; предисл. Е.М. Пинус. СПб.: Кристалл, 2000. С. 94.

Аматэрасу, которая озарила землю и небо солнечными лучами. Танец, исполненный Удзумэ, считается прототипом *кагура* — музыкально-танцевального ритуала, который развился в театральное направление и дал рождение традиционному театральному искусству Японии.

Богиню Амэ-но Удзумэ почитают как прародительницу 巫女 *мико* — служительниц синтоистских храмов, помощниц синтоистских священников[654]. *Мико* проводят обряды, брачные церемонии, исполняют ритуальные танцы, занимаются гаданиями *о-микудзи*, поддерживают чистоту и порядок в храмах.

Как пишет М. Элиаде, «какой бы ни была степень десакрализации мира, человек, избравший мирской образ жизни, не способен полностью отделаться от религиозного поведения»[655].

На протяжении веков сакэ — неотъемлемый атрибут религиозных празднеств 祭り *мацури,* земледельческих ритуалов и многих церемоний: бочонки с сакэ проносят по улицам города на священных паланкинах 神輿 *микоси*, его пьют, преподносят в качестве дара, брызгают друг на друга или на землю, сопровождая этим празднование какого-либо события, вознесение молитв, ритуальное очищение тела и пространства или усмирение богов.

Во время различных *мацури* прихожане дарят бочонки с сакэ в огромных количествах синтоистским святилищам. После завершения ритуальных церемоний священнослужители вместе с прихожанами пьют его во время совместной трапезы с божествами, чтобы «зарядиться» божественной энергией. Такая трапеза называется 直会 *наорай*[656]. Распитие таких подношений является неотъемлемой и важной составляющей праздников. В ряде случаев распитие сакэ — это главное содержание *мацури.* В деревне Сиракава (преф. Гумма) 10–19

---

[654] Боги, святилища, обряды Японии : энциклопедия синто / ред. С.И. Смирнов // Труды института восточных культур и античности. Вып. 26. М.: РГГУ, 2010. С. 131.

[655] Элиаде М. Священное и мирское. С. 23 [Электронный ресурс]. URL: https://litresp.ru/chitat/ru/Э/eliade-mircha/svyaschennoe-i-mirskoe/2 (дата обращения: 01.07.2019).

[656] Боги, святилища, обряды Японии : энциклопедия синто / ред. С.И. Смирнов // Труды института восточных культур и античности. Вып. 26. М.: РГГУ, 2010. С. 134.

октября проводится どぶろく祭 *добуроку мацури. Добуроку* означает нефильтрованное домашнее сакэ. Этот праздник посвящен завершению уборки урожая.

20 января в 駒形神社 *Комагата дзиндзя* в г. Тиба устраивают игру-соревнование, во время которого партнеры пьют сакэ. Засмеявшийся первым считается проигравшим[657].

Перед началом различных строительных работ для их благополучного завершения и для обеспечения безопасности возводимого сооружения проводится обряд умиротворения местного божества — 地鎮祭 *дзитинсай*. Синтоистский священник взывает к божеству данной местности, молясь о безопасности на предстоящих строительных работах. По четырем углам земельного участка ставятся стволы бамбука, между ними натягивается священная веревка 注連縄 *симэнава.* Обряд проводится при участии рабочих и заказчиков. Божеству подносят священное сакэ *о-мики*, которым затем окропляют строительную площадку в четырех направлениях.

Сакэ также используется во время обряда освящения площадки для сумо 土俵 *дохё:*.

Для японцев сакэ больше, чем просто спиртной напиток, он составляет часть их культуры и обычаев, повседневного быта. Сакэ пьют во время самых значительных и торжественных жизненных событий и по случаю сезонных праздников 節句 *сэкку.*

На новогоднем столе обязательно присутствует 屠蘇 *тосо* — новогоднее *сакэ* со специями. *Тосо*, в состав которого входят целебные травы, улучшающие пищеварение и защищающие от простуды, идеально подходит для новогодних праздников. Из лакированного чайничка *сакэ* разливают по трем небольшим чашечкам разного размера, из которых пьют все члены семьи, начиная с самых старших.

---

[657] Там же. С. 134–135.

Во второй понедельник января в Японии отмечают «День совершеннолетия» 成人の日 *сэйдзин-но хи.* С 1876 г. совершеннолетними в Японии считаются молодые люди, которым исполнилось двадцать лет. Именно с этого возраста официально разрешается употреблять спиртные напитки. Церемонии, посвященные вступлению во взрослую жизнь с целым комплексом прав и обязанностей, грузом ответственности проводятся по всей стране. Обязательной составляющей празднеств для девушек является облачение в дорогое зимнее кимоно с длинными рукавами, европейский костюм или мужское кимоно для юношей, посещение храма и употребление священного сакэ *о-мики.*

В X в. зародилась традиция 雪見酒 *юкими дзакэ* — «выпить сакэ, любуясь снежным пейзажем». В наши дни сорт сакэ, который называется 雪見酒 *юкими дзакэ* «сакэ для любования снегом» по-прежнему пользуется популярностью в зимнее время года.

3 марта в Японии — праздник девочек. Он имеет несколько названий, в том числе 雛祭り *хина мацури* «Праздник кукол» и 桃の節句 *момо-но сэкку* «Фестиваль цветения персиков». В этот день семьи, в которых есть девочки, выставляют на специальную подставку, состоящую из трех, пяти, семи ступеней, покрытую ярко-красной материей, по меньшей мере пятнадцать кукол. На самой верхней полке размещают кукол, изображающих императора и императрицу, затем трех фрейлин, подающих сакэ, пятерых музыкантов, каждого со своим инструментом, двух телохранителей и трех слуг[658]. В этот день девочек наряжают в кимоно с цветочным рисунком, дарят им подарки, угощают сладостями и слабоалкогольными 白酒 *сиродзакэ* «белое сакэ», 桃酒 *момодзакэ* «персиковое сакэ», 甘酒 *амадзакэ «*сладкое сакэ».

[658] Маркарьян С.Б., Молодякова Э.В. Праздники в Японии: обычаи, обряды, социальные функции. М.: ГРВЛ «Наука», 1990. С. 137.

Неизменным атрибутом пикников *ханами* в кругу коллег, родственников и друзей на протяжении столетий по-прежнему остается сакэ. 酒が無くて何の己が桜かな. «Без сакэ и ханами теряет смысл» — гласит японская пословица.

5 мая японцы отмечают «День детей» или «Праздник мальчиков». Самый известный атрибут «Дня мальчиков» 鯉幟 *коинобори* — изображения карпов из бумаги или материи, которых вывешивают на шесте перед домом. Карпов должно быть столько, сколько в доме мальчиков. Раньше его праздновали в пятый день пятой луны по лунному календарю. Другие названия этого праздника 端午の節句 *танго-но сэкку* «Праздник первого дня лошади» (день лошади приходился на пятый день пятой луны) и 菖蒲の節句 *сё:бу-но сэкку* «Праздник ириса», поскольку примерно в это время цветут ирисы. Слово «ирис» 菖蒲 *сё:бу* является омонимом слова «победа» — 勝負 *сё:бу*, которое записывается другими иероглифами. Возможно, по этой причине с давних пор считают, что ирис олицетворяет самурайский дух и символизирует успех и здоровье, а амулеты из ириса наделяют мальчиков смелостью и мужеством. Сакэ с измельченными листьями ириса, которое называется 菖蒲酒 *сё:бу дзакэ,* — неотъемлемый элемент праздника.

30 июня принято пить 夏越しの酒 *нацугоси-но сакэ* «летнее сакэ» — ритуальный напиток, помогающий «очиститься» от неприятностей, накопившихся за прошедшие полгода. В это время фермеры завершают посадки рисовых полей и могут немного отдохнуть. *Нацугоси-но сакэ* пьют с пожеланиями хорошего лета и обильного урожая осенью.

В Праздник хризантем также существовал ритуал преподнесения друг другу чашечек *сакэ* с лепестками хризантем. Этот напиток назывался 菊見酒 *кикумисакэ* — «сакэ для любования хризантемой» [659].

Одинокий мой шалаш!

---

[659] にっぽにか [Ниппоника] № 19. 2016. P. 18–19.

День померк — и вдруг вино прислали

С лепестками хризантем.

(Басё, перевод В. Марковой) [660].

В наши дни празднование дня хризантем происходит 23 сентября, в день осеннего равноденствия. В Праздник хризантем принято пить 菊酒 *кикудзакэ* — сакэ с лепестками хризантем. Считается, что оно укрепляет иммунитет, предотвращает появление онкологических заболеваний, снижает холестерин и артериальное давление.

1 октября в Японии отмечают 日本酒の日 — «День сакэ». День сакэ был учрежден в 1978 г. Центральным собранием профсоюза виноделов Японии в качестве профессионального праздника. Октябрь был выбран не случайно: это месяц сбора урожая риса, соответственно, у сакэваров начинается новый сезон производства сакэ.

Кроме того, двенадцать знаков китайского зодиакального календаря, каждый из которых представляет животное, традиционно используются в Японии для обозначения двенадцати месяцев года. 酉 *тори* «петух» — одиннадцатый знак зодиака соответствует октябрю. Примечательно, что иероглиф 酉 *тори* похож на сосуд, в древние времена он использовался для записи слова «сакэ» [661].

Без сакэ невозможно представить ни одну значимую церемонию: подписание контракта, победу на выборах или в спортивных соревнованиях, открытие магазина или фирмы, начало очередного чемпионата по борьбе сумо. Ритуал открывания бочек для сакэ называется 鏡開き *кагами бираки* (букв. «открытие зеркала»). Несколько почетных гостей вскрывают крышку бочонка сакэ под радостные возгласы присутствующих. Круглая крышка символизирует зеркало, сакральный предмет, символ гармонии, с помощью которого Богиню Солнца

---

[660] Басё. Стихи. М.: Художественная литература, 1985. С. 121.

[661] 10月1日は「日本酒の日」ー その由来は？何をする行事？ | 日本酒専門 WEB メヂア「SAKETIMES」 [1 октября — День сакэ] [Электронный ресурс]. URL: https://jp.sake-times.com/knowledge/word/sake_sake_day (дата обращения: 10.07.2019).

Аматэрасу выманили из небесного грота. Сама церемония олицетворяет успешное начинание, единение всех присутствующих на торжественном мероприятии[662].

Сакэ — неотъемлемый атрибут японской свадьбы, которая проводится по синтоистскому обычаю. Во время бракосочетания жених и невеста по очереди отпивают священный напиток из трех плоских чашечек 杯 *сакадзуки* разного размера. Сакэ подносят жрицы *мико.* Маленькая чашечка символизирует прошлое, средняя — настоящее и большая — будущее новобрачных. При этом полагается сначала дважды прикоснуться губами к каждой чашке и сделать глоток только на третий раз. Обряд трехкратного обмена чашками называется 三三九度 *сан сан ку до* — «трижды три — девять», он олицетворяет клятву верности, готовность делить радости и горести[663].

Толерантное отношение к пьяным восходит к ритуальному характеру сакэ как напитка, предназначенного в дар богам. В древности жрицы-*мико* пили сакэ для того, чтобы входить в состояние транса и передавать божественную волю. До сих пор японцы считают, что «пьяный человек общается с богами».

«Впервые попавшие в Японию иностранцы обычно удивляются тому, как много нетрезвых японцев встречается на улицах, они спят в транспорте не только в конце рабочей неделе, но и вечером в будни. Японцы пьют много, но, во-первых, к выпивке там относятся весьма снисходительно, и, во-вторых, у них не принято открыто говорить о присущих им недостатках», — отмечает Т.М. Гуревич[664].

В японской поэзии образ сакэ символизирует радость жизни. Подобно поэту Омару Хайяму, воспевавшему вино, генерал-губернатор, царедворец и поэт Отомо Табито (718–783) посвятил сакэ тридцать песен.

---

[662] Sake Barrel Ceremony “Kagami-Biraki”. GEKKEIKAN KYOTO SINCE 1637 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gekkeikan.co.jp/english/sake/kagami-biraki.html (дата обращения: 10.07. 2019).

[663] 三三九度 (さんさんくど)とは — コトバンク [Церемония «Трижды три — девять»] [Электронный ресурс]. URL: https://kotobank.jp/word/ 三 三 九 度 -277395 (дата обращения: 19.07.2019).

[664] Вкус Востока. Гастрономические традиции в истории, культуре и религиях народов Азии и Африки : монография / ред. И.Т. Прокофьева, Е.Ю. Крачкова. М: МГИМО-Университет, 2019. С. 54–55.

О, пускай мне говорят

О сокровищах святых, не имеющих цены,

С чаркою одной,

Где запенилось вино,

Не сравнится ни одно!

(Отомо, перевод А. Глускиной)[665].

Людей непьющих Отомо презирает, называя «суемудрыми», «похожими на обезьян»:

До чего противны мне

Те, что корчат мудрецов

И вина совсем не пьют,

Хорошо на них взгляни –

Обезьянам впрямь сродни!

(Отомо, перевод А. Глускиной)[666].

В поэзии Басё Мацуо мотив вина обладает огромной семантической нагруженностью, он связан с природой и самой вечностью.

В чарку с вином,

Ласточки, не уроните

Глины комок.

(Басё, перевод В. Марковой)[667].

Вишни у водопада…

Тому, кто доброе любит вино,

Снесу я в подарок ветку.

(Басё, перевод В. Марковой)[668].

---

[665] Библиотека Всемирной литературы : классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М.: Художественная литература, 1977. С. 637.

[666] Там же. С. 637.

[667] Там же. С. 747.

[668] Бабочки полет. Японские трехстишья. М.: Летопись, 1998. С. 200.

Японские поэты, жившие в разное время, сходятся в одном: сакэ является одним из условий получения удовольствия, дает возможность почувствовать радость жизни:

Как хорошо,
Загодя дров нарубив,
Ночь напролет
Праздно лежать у костра
С чаркой простого сакэ!
(Рёкан, перевод А. Долина)[669].

В японской паремиологии пословицы о сакэ отражают амбивалентное отношение к алкоголю. «Напиток богов» может принести как пользу, так и вред: 酒は百薬の長 — «сакэ — лучшее лекарство», 酒は百薬の長 — «сакэ — сильнейший яд».

Некоторые из них актуализируют полезные свойства сакэ: 酒は憂いを払う玉箒 букв. «сакэ — это метла, которая выметает все заботы»; «сакэ — панацея от всех бед». 酒に十の徳あり — «в сакэ есть десять достоинств». Употребление сакэ может пробудить творческие способности. 酒は詩を釣る針 — «сакэ — это крючок для ловли стихов». Выпив сакэ, человек становится откровенным, не пытается скрыть свою истинную сущность: *酒は本心を表す* — «сакэ проявляет истинный дух»; «когда пьешь сакэ, становишься откровенным».

В представлении японцев сакэ может нанести вред, чрезмерное употребление этого напитка ни к чему хорошему не приводит. 始めは人酒を飲み、中頃は酒が酒を飲み、終わりは酒人を飲む — «сначала человек сакэ, потом сакэ пьет сакэ, а в конце сакэ пьет человека». 酒と朝寝は貧乏の近道– «пить сакэ и спать допоздна — это кратчайший путь к бедности».

---

[669] Библиотека Всемирной литературы : классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М.: Художественная литература, 1977. С. 802.

4.3. Эволюция гастрономической культуры

В культурологических исследованиях гастрономическая культура трактуется как культурно-специфическая система норм, принципов и образцов, воплощающаяся в способах приготовления пищи, наборе принятых в данной культуре продуктов и их сочетаниях, практике потребления пищи, рефлексии над процессами приготовления и принятия пищи[670].

В контексте диссертационного исследования необходимо подчеркнуть, что пища имеет отношение и к материальной, и к духовной жизни народа и часто выступает структурообразующим компонентом национальной идентичности. Своеобразие ей придают многочисленные и стойко сохраняющиеся традиции.

При исследовании «чрезвычайно самобытной, устойчивой, ревностно сохраняющей свои традиционные элементы» системы питания японцев «обнаруживаются многочисленные примеры новационных подвижек, выборочного, но очевидного заимствования, сильной адаптации и четкого понимания роли «своего» и «чужого» [671].

Следует отметить, что на современном этапе развития состояние мультикультурности, которое явилось результатом таких процессов, как глобализация и миграционные движения, характеризуется взаимопроникновением культур. Под влиянием глобализации и экспансии ценностей массовой культуры, традиционная японская бытовая гастрономическая культура претерпевает значительные трансформации — наблюдается отход от традиций *васёку* в домашней кухне; в рационе домашнего питания преобладают западные продукты и блюда быстрого приготовления; японские блюда теряют свою популярность, особенно среди молодежи; сокращается потребление риса и рыбы. В связи с этим, несомненно, возникает проблема сохранения национальных традиций в культуре

---

[670] Капкан М. В. Культура повседневности : [учеб. пособие]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 84.

[671] Никитина Л.В. Культура современного японского питания: традиции и новации : автореф. дисс. … канд. культурологии. М., 2008. С. 3–4.

как основания для процесса идентификации и сохранения своей уникальной культурной специфики.

В марте 2012 г. японское правительство подало заявку на внесение в список нематериального культурного наследия традиционной японской кухни 和食 *васёку*, указав четыре причины: уважение первоначального вкуса при разнообразии и свежести ингредиентов; здоровое сбалансированное питание; выражение природной красоты и смены сезонов, тесная связь с ежегодными праздниками[672].

В декабре 2013 г. на конференции ЮНЕСКО, которая проходила в Баку, было принято решение о включении японской национальной кулинарии и ее традиций в список нематериального культурного наследия.

ЮНЕСКО отметила японскую традиционную кухню *васёку* как кулинарный феномен с богатой историей. Причиной внесения в почетный список стало уважение к природе, присущее японскому народу, а также древние традиции, передающиеся от поколения к поколению.

Члены организации особо оценили предпочтение натуральных продуктов, подвергающихся минимальной обработке, а также праздничные, особенно новогодние, ритуалы застолья. Кроме того, были выделены такие продукты, как рис, рыба, овощи и дикорастущие плоды и травы[673].

В Японии надеются, что благодаря этому событию сами японцы начнут уделять большее внимание сохранению традиций своей национальной кухни для будущих поколений. Премьер — министр Японии Абэ Синдзо заявил, что

---

[672] 日本食文化のユネスコ無形文化遺産登録について [О включении японской кухни в список нематериального культурного наследия Юнеско] [Электронный ресурс]. URL: http://www.maff.go.jp/j/keikaku/syokubunka/ich/pdf/naiyo_washoku.pdf (дата обращения: 10.05.2017).

[673] 「和食」がユネスコ無形文化遺産に登録されました！： 農林水産省 [Японскую кухню включили в список нематериального культурного наследия Юнеско. Официальный сайт Министерства сельского хозяйства, лесоводства и рыболовства Японии] [Электронный ресурс]. URL: http://www.maff.go.jp/j/keikaku/syokubunka/ich / (дата обращения: 05.09.2016).

включение в список ЮНЕСКО будет способствовать развитию местной кухни, а также поможет иностранцам лучше понять японскую культуру[674].

Необходимо учитывать, что популярность японской кухни неуклонно растет во всем мире, в том числе и в России. По данным Белой книги Министерства сельского хозяйства, лесоводства и рыболовства Японии за 2020 г., в 2019 г. в мире насчитывалось 156 тыс. японских ресторанов, с 2013 г. их число увеличилось в три раза[675].

Еда — важнейший проводник культуры, способный служить как орудием борьбы с «противником», так и средством создания позитивного образа народа. «Ну кто бы и что знал сегодня в России, например, о далекой Японии, если бы не повсеместно распространившиеся рестораны. А с японской кухней проникают и некоторые знания, а главное интерес к далекой японской культуре», — отмечает А.В. Павловская[676].

Несмотря на бум японской гастрономической культуры за рубежом, в Японии растет беспокойство по поводу того, что кухня *васёку* становится менее популярной, особенно среди молодежи. Так, по результатам опроса, проведенного 日本スポーツ振興センタ Центром содействия развитию спорта среди японских школьников, в списке десяти самых любимых блюд только два оказались традиционными японскими: *суси* и *сасими*. Школьники предпочитают гамбургеры, пиццу, пасту, рис с соусом *карри*, стэйки и другие иностранные блюда. При этом в список самых нелюбимых попали многие блюда *васёку:*

---

[674] 安倍首相が紹介する「和食」の魅力 [Премьер-министр С. Абэ о достоинствах японской кухни]. [Электронный ресурс].

[675]令和元年度 食料・農業・農村の動向（令和２年６月１６日公表）：農林水産省 [Белая книга продовольствия, сельского хозяйства и сельских поселений за 2019 год. Официальный сайт Министерства сельского хозяйства, лесоводства и рыболовства Японии] [Электронный ресурс]. URL: https://www.maff.go.jp/j/wpaper/w_maff/r1/pdf/zentaiban.pdf (дата обращения: 10.07.2020).

[676] Павловская А.В. Продукты питания как орудие политической борьбы в современном мире // Россия и Запад: диалог культур. № 5. 2014 [Электронный ресурс]. URL: http://regionalstudies.ru/journal/homejornal/rubric/2012-11-02-22-11-32/323--q-q.html (дата обращения: 22.05.2015).

жареная и тушеная рыба, тушеные овощи, традиционные японские соленья *цукэмоно* и др.[677]

В декабре 2014 г., через год после включения японской кухни в список ЮНЕСКО, японская компания リクルートライフスタイル (Recruit Life style) провела исследование. Более десяти тысяч респондентов ответили на вопрос: сколько раз в неделю они едят традиционные японские блюда. Выяснилось, что в рационе опрошенных преобладает смешанный тип питания в японско-европейском стиле. Из 21 приема пищи (7 завтраков, 7 обедов и 7 ужинов) доля *васёку* составила меньше половины. Японские блюда едят на завтрак всего два раза, на ужин — 4 раза в неделю. Чаще *васёку* отдают предпочтение люди пожилого возраста старше 60 лет: мужчины 11, женщины — 10 раз в неделю. Молодые люди в возрасте 20 лет едят японские блюда 8 раз, девушки — 9 раз в неделю[678].

Таким образом, в японских семьях с каждым годом упрощается процесс приготовления пищи, а японская гастрономическая культура *васёку* вытесняется заимствованными блюдами, такими как итальянская паста и пицца, рис с соусом *карри*, лапша *рамэн*, жареная лапша *якисоба*, китайский жареный рис *тяхан* и т.д. На завтрак большинство японцев предпочитают есть хлебные изделия, а не традиционный рис.

Как известно, основной принцип подачи блюд называется 一汁三菜 *итидзю: сансай* — «суп и три закуски». Согласно данным за последнее десятилетие, этого принципа в домашней кухне придерживается небольшое количество семей.

---

[677] [世界遺産]登録でも絶滅寸前の和食：日経ヒ゛シ゛ネスオンライン [Несмотря на то, что японскую кухню включили в список нематериального культурного наследия, она находится на грани уничтожения] [Электронный ресурс]. URL: http://business.nikkeibp.co.jp/article/topics/20131030/255338/?P=2 (дата обращения: 17.04.2017).

[678] 和食を食べる頻度は平均約 10 回/週 [Японские блюда едят в среднем 10 раз в неделю] [Электронный ресурс]. URL: https://www.recruitlifestyle.co.jp/news/pressrelease/gourmet/nw8525_20150114 (дата обращения: 11.05.2017).

Нормой стало смешанное питание в японско-европейском стиле, так как рис требует слишком больших усилий для приготовления дополнительных блюд.

«Такие характерные для *васёку* блюда, как *нидзакана* — вареная рыба, *о хитаси* — вареная зелень в соевом соусе или уксусе, различные маринады, *аэмоно* — салаты, заправленные пастой мисо, кунжутом или уксусом и вареные блюда, приготовленные в бульоне *даси* — все это появляется на среднестатистическом семейном столе крайне редко. Обжаренные на «западный» манер в кляре кусочки курицы — очень популярное блюдо, но традиционную *тэмпуру* японцы готовят в домашних условиях нечасто. А яичный пудинг *тяванмуси* и вовсе исчез из домашнего рациона», — констатирует Ивамура Нобуко, автор книги «Трансформация семьи, трансформация меню — растерянность современного маркетинга перед лицом реальности»[679].

Что касается ресторанов, то блюда *васёку* гораздо дороже 洋食 *ё:сёку* — европейской кухни. Так, например, средний счет в ресторане, где готовят *суси*, в центральном районе Токио Гиндза составляет в среднем 30–40 тыс. иен (примерно 300–400 долл. США), что для среднестатистического японца является абсолютно неподъемной суммой[680].

Отклонению от традиций *васёку* способствует сокращение потребления риса, самой важной культуры Японии, которая культивируется по всей стране на протяжении более 2000 лет. Миска с рисом — это основа и для каждодневного, и для праздничного стола в Японии. Все остальные блюда являются составными частями трапезы, которые призваны дополнить и украсить вкус риса, сбалансировав его.

---

[679] Ивамура Нобуко. Японская кухня в домашних условиях — гастрономический жанр на грани кризиса. Nippon.com — Информация о Японии. Современный взгляд на Японию [Электронный ресурс]. URL: http://www.nippon.com/ru/currents/d00110/ (дата обращения: 10.05.2017).

[680] [世界遺産]登録でも絶滅寸前の和食：日経ビジネスオンライン [Несмотря на то, что японскую кухню включили в список нематериального культурного наследия, она находится на грани уничтожения] [Электронный ресурс]. URL: http://business.nikkeibp.co.jp/article/topics/20131030/255338/?P=2 (дата обращения: 21.05.2017).

В 2011 г. Министерство по внутренним вопросам и связи Японии провело исследование, по результатам которого выяснилось, что обычная японская семья стала тратить на хлебопродукты в среднем больше, чем на рис. В одном японском домохозяйстве (2 и более человек, исключая фермерские, лесоводческие и рыболовецкие семьи) на рис в год тратят 27 428 иен (около 270 долл. США), а на хлебопродукты 28 318 — иен (примерно 280 долл. США). За всю историю исследований семейных расходов в Японии с1946 г. такая ситуация наблюдалась впервые[681].

За последние пятьдесят лет потребление риса сократилось вдвое и продолжает неуклонно снижаться. Если в 1960 г. показатель потребления риса на душу населения в Японии составлял 118 кг в год, то в 2016 г. — 61 кг[682].

Исследование расходов японских домохозяйств на продукты питания, проведенное компанией Intage, показало, что в 1992 г. затраты на покупку риса составляли 53,8 % бюджета, рассчитанного на покупку продовольственных товаров, а в 2018 г. всего 25,9 %[683].

Отказ от риса в пользу хлеба чаще всего наблюдается в среде молодежи. По данным исследования, проведенного Министерством лесоводства, рыболовства и сельского хозяйства Японии в августе 2016 г., 9 % молодых людей и 5 % девушек не ели рис в течение месяца[684].

Японские ученые Ю. Кобаяси и А. Оцуки, основываясь на результатах анкетирования, проведенного в 2017 г., основными причинами снижения потребления риса в среде молодежи называют следующие: молодые люди не едят

---

[681] Interview: Washoku — traditional dietary cultures of the Japanese by Kumakura Isao, President of the Shizuoka University of Art and Culture [Электронный ресурс]. URL: http://www.japanpolicyforum.jp (дата обращения: 11.11.2016).

[682] The Japan Times, 29.01.2016.

[683] 【平成振り返り企画】家庭での米離れ、調理離れ、伸びたのはお手軽品目 ～ 買い物データから分析 ～ — Intage 知る Gallery.html [Исследование расходов японских домохозяйств на продукты питания] [Электронный ресурс]. URL: https://www.intage.co.jp/gallery/heisei-1/ (дата обращения: 24.08.2021).

[684] 若者の米離れが深刻 、米を食べない人は主食に何を食べている？ [Многие молодые люди отказались от риса. Что же они едят вместо риса?] [Электронный ресурс]. URL: http://trendjapan.hatenablog.com/entry/2016/03/28/180602 (дата обращения: 11.01.2017).

риса, так как живут отдельно от родителей; количество приемов пищи в течение дня часто составляет менее двух; приходится вставать в 5–6 часов утра, в это время завтракать еще рано; юноши и девушки не умеют варить рис[685].

Снижение потребления риса среди жителей Японии, традиционно рисоводческой страны, связано с рядом факторов, обусловленных историей послевоенных изменений.

После окончания Второй мировой войны во время американской оккупации США оказывали Японии продовольственную помощь в виде муки, сделанной из излишков урожая пшеницы; эта мука использовалась для восстановления системы школьного питания. Позднее, с принятием в 1954 г. «Закона о школьных обедах» и на протяжении 1960-х гг., эта система распространилась на все школы по всей стране. Это привело к тому, что сейчас подавляющее большинство японцев в возрасте до 60 лет с детских лет привыкли к частому употреблению хлеба.

Со второй половины 1950-х и в 1960-е гг. правительство, исходя из предположения, что японцы не смогут стать достаточно физически сильными, если будут питаться по большей части зеленью и рисом, всемерно продвигало вестернизацию культуры питания, поощряя японцев потреблять хлеб, продукты животноводства (животные белки, молочные продукты) и т.п. В широких масштабах также проводились политические меры по переориентированию существующего сельскохозяйственного производства, в том числе рисоводческих хозяйств, на производство других сельскохозяйственных продуктов[686]. Действуя

---

[685] 小林祐介、大槻明。若者のコメ離れの原因を明らかにするための調査分析[Кобаяси Юсукэ. Акира Оцукэ. Анализ причин снижения потребления риса в среде молодежи]、情報知識学会誌、2018 年 28 巻 2 号 186-193. P. 193 [Электронный ресурс]. URL: https://www.jstage.jst.go.jp/article/jsik/28/2/28_2018_018/_pdf/-char/ja (дата обращения: 11.08.2020).

[686] Interview: Washoku — traditional dietary cultures of the Japanese by Kumakura Isao, President of the Shizuoka University of Art and Culture [Интервью с президентом Университета Искусства и культуры преф. Сидзуока Исао Кумакура: Васёку — традиционная гастрономическая культура Японии] [Электронный ресурс]. URL: http://www.japanpolicyforum.jp (дата обращения: 11.01.2016).

сообща, правительство и частные компании пытались добиться того, чтобы из домашнего рациона японцев исчезли рис, сладкий картофель и соевые бобы.

Результаты исследования о семейных расходах и доходах, опубликованные в 1962 г. в рамках правительственного доклада «Об уровне жизни граждан», показали рост потребления мяса, яиц, молочных продуктов и полуфабрикатов в домашнем рационе японцев на фоне снижения спроса на рис и были расценены в качестве «лучших пищевых привычек» [687]. Таким образом, многочисленные маркетинговые кампании и мероприятия, проводимые как государственным, так и частным сектором, постепенно привели к вестернизации повседневного рациона японцев. Кроме того, на изменение культуры питания повлияло «проникновение западной культуры в ее американском варианте во все области жизни в Японии»[688].

Во всем мире визитной карточкой японской кухни являются традиционные рыбные блюда — *суси и сасими*, однако в настоящее время рыбных продуктов в Японии едят меньше, чем раньше. С 1980 г. потребление мяса ежегодно увеличивалось, и в 2005 г. впервые в истории показатели потребления мяса превысили уровень потребления рыбы [689]. Эта тенденция усиливается, что подрывает позиции национальной рыболовной промышленности и грозит серьезными проблемами в сфере здравоохранения.

По данным телекомпании NHK, в 2000 г. ежедневное потребление рыбы на душу населения составляло 90 граммов, а мяса — 70 граммов. В 2014 г. потребление рыбы упало до 70 граммов, а мяса — возросло до 90 граммов[690].

---

[687] Там же.

[688] Гуревич Т.М. Лингвокультурологический анализ концептосферы человек в японской языковой картине мира : автореф. дисс. … д-ра культурологии. М.: МГУ, 2006. С. 42.

[689] Surf vs. Turf: New Trends Are Changing Japan’s Traditional Food-consumption Habits — Knowledge@Whart. [Новые тенденции трансформации традиционной японской кухни] [Электронный ресурс]. URL: http:// http://knowledge.wharton.upenn.edu/article/surf-vs-turf-new-trends-changing-japans-traditional-food-consumption-habits/ (дата обращения: 13.11.2016).

[690] 調査からみえる日本人の食卓 ~「食生活に関する世論調査 」[Пищевой рацион японцев — опрос общественного мнения относительно гастрономических привычек японцев] [Электронный ресурс]. URL: www.nhk.or.jp/bunken/research/yoron/pdf/20161001_7.pdf (дата обращения: 13.01.2017).

Росту потребления мяса во многом способствовала экспансия американской культуры фастфуда, представленная сетью Макдоналдс. Первый Макдоналдс открылся в Японии в 1971 г., а сейчас 3800 отделений Макдолдс контролируют 60 % рынка гамбургеров в Японии, получая ежегодно 4 млн долл. США прибыли[691].

На снижение популярности *васёку* также влияет трансформация семейных отношений. Неформальное, индивидуально-личностное начало оказывает влияние на систему брачно-семейных ценностей и происходящие в ней изменения. Все большее распространение получает такое явление, как 孤食 *косёку* — еда в одиночестве. Члены семьи, исходя из индивидуальных пристрастий и распорядка дня, предпочитают есть поодиночке, самостоятельно выбирая меню на завтраки и ужины. Дети также часто едят отдельно от родителей. В таких условиях все труднее придерживаться традиционного японского меню из риса, супа и дополнительных блюд. Гораздо проще питаться хлебными изделиями и полуфабрикатами. В отличие от традиционного риса, такую еду можно есть как единственное основное блюдо.

Выводы по главе

Исследование традиционной японской культуры *васёку* позволило выделить в качестве концептообразующих компонентов гастрономического кода Японии рис и сакэ, рассмотреть их вербально-когнитивные и социокультурные признаки, средства поэтической и мифологической актуализации. Подводя итог данной части нашего исследования, можно констатировать следующее.

Ценностная значимость гастрономического кода каждой культуры проявляется в том, что он является одним из основных компонентов национально-специфичной картины мира, значимым идентификатором национальной самобытности. Еда — важный фактор национального самосознания, этнической,

[691] Surf vs. Turf: New Trends Are Changing Japan’s Traditional Food-consumption Habits — Knowledge@Whart. [Новые тенденции трансформации традиционной японской кухни] [Электронный ресурс]. URL: http:// http://knowledge.wharton.upenn.edu/article/surf-vs-turf-new-trends-changing-japans-traditional-food-consumption-habits/ (дата обращения: 13.11.2016).

религиозной идентичности, средство продвижения ценностей культуры. Гастрономический код эксплицирует определенные ценностно-нормативные установки, представления, стереотипы и образы, в которых отражаются особенности национального менталитета и мировосприятия. Культурологический подход потребовал рассмотрения гастрономического кода в контексте социокультурных трансформаций, анализа культурных смыслов, которые он транслирует.

Японская традиционная кухня *васёку* — кулинарный феномен с богатой историей и многовековыми традициями. Японцы на государственном уровне используют гастрономическую культуру для создания позитивного образа страны, уделяют большое внимание сохранению кулинарных традиций.

Основной продукт японской кухни — рис. Об архетипической значимости риса как продукта питания свидетельствует тот факт, что слово, обозначающее вареный рис *гохан* синонимично понятию «еда». Вплоть до начала XX века рис служил средством налогообложения и денежных расчетов, определявшим благосостояние народа. В мировосприятии японцев рис не только основной продукт питания, но и душа нации, сакральный символ достатка, материального благополучия.

С возделыванием риса связано множество религиозных праздников и обрядов, которые дают богатый материал для анализа мифологических, представлений, духовно-нравственных ценностей японского народа. Анализ пословиц и поговорок о рисе, представленных во фразеологическом фонде японского языка, выявил широкий спектр семантики и коннотаций, культурно-значимой информации, свидетельствующей о том, что рис универсальный ключевой структурообразующий компонент не только гастрономической культуры японцев, но и концептуальной картины мира.

Под влиянием глобализации и экспансии ценностей массовой культуры традиционная японская бытовая гастрономическая культура претерпевает глобальные трансформации, гастрономические пристрастия японцев меняются.

Еда и сам процесс питания обретают новые значения: наблюдаются процессы рационализации и унификации питания, упрощается культура трапезы, сокращается потребление риса. Обычная японская семья стала тратить на хлебопродукты в среднем больше, чем на рис. В рационе домашнего питания преобладают западные продукты и блюда быстрого приготовления, японцы все чаще предпочитают есть в одиночестве, а традиционная японская кухня *васёку* теряет популярность. Тем не менее рис в национальном сознании японцев продолжает оставаться ключевым продуктом питания и символом японской культуры.

Так же, как и рис, сакэ для японцев — больше, чем просто алкогольный напиток, это ритуальный напиток с тысячелетней историей, концентрат культурных смыслов, отождествляющих человека и общество в их неразрывной взаимосвязи. На протяжении столетий сакэ было частью повседневной жизни японцев, играло роль важного элемента различных ритуалов, сопровождающих самые важные события жизни от рождения до смерти. Вера в сакральный характер сакэ, убеждение в том, что напиток находится под защитой и покровительством божеств, уходит корнями в глубинный пласт древних мифов и легенд. Без сакэ невозможно представить ни одну значимую церемонию или событие в жизни японцев. Обращение к древним литературным источникам, художественным произведениям и японской фразеологии выявило совокупность представлений о сакэ в мировидении носителей японского языка, определило роль этого напитка в повседневной и праздничной культуре японцев. Анализ примеров позволил эксплицировать духовную, сакральную значимость сакэ, сделать вывод о том, что с ним связаны представления, охватывающие всю сферу бытования человека: жизнь, смерть, работу, семью, связь поколений, смену сезонов. Выступая своеобразным маркером принадлежности к японской культуре, сакэ несет национально-культурную информацию, служит важнейшим средством осознания культурной идентичности.

ГЛАВА 5. КОД ПОВСЕДНЕВНОСТИ

5.1. Социокультурные особенности отношения японцев к деньгам

Исследование кода повседневности требует уточнения категории повседневности в контексте поставленных задач и обоснования выбора выделенных компонентов исследуемого кода. Прежде всего, необходимо отметить, что многообразие культуры находит отражение не только в достижениях цивилизации, но и проявлениях обыденной каждодневной жизни.

Как известно, культура повседневности является предметом изучения многих гуманитарных дисциплин: философии, этнологии, социологии, культурологии, истории, психологии и др. Как точно отмечает российский культуролог В.Д. Лелеко, разработавший возможные направления и методологию исследования повседневности, «к настоящему времени сложилась междисциплинарная область знания, "повседневноведение", включающее в себя социологию повседневности, историю повседневности, гносеологию и психологию повседневности, эстетику повседневности, семиотику повседневности»[692].

Значительный вклад в теоретическое осмысление повседневности внесли европейские философы и социологи: Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, А. Шюц, Б. Ванденфельс, П. Бергер, Т. Лукман, М. Вебер и др.[693] М. Блок, Ж. Ле Гофф, Л. Февр, Ф. Бродель, представители французской школы «Анналов», разработали

---

[692] Лелеко В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств, 2002. С. 5.

[693] Гуссерль Э. Избранные работы / сост. В. А. Куренной. М.: Территория будущего, 2005; Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. Харьков: Фолио, 2003; Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / сост. А. Я. Алхасов. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003; Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социо-Логос. М.: Прогресс, 1991. С. 39–50; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности : трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995; Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. М. Левин, А. Филиппов и др. М.: Прогресс, 1990.

принципиально новую методологию изучения повседневных практик в рамках исторического подхода, сместив фокус исследования на ценностные смыслы и ментальные структуры[694].

В России исследование проблемы повседневности представлено работами Ю.М. Лотмана, М.М. Бахтина, Г.С. Кнабе, Б.В. Маркова, С.Т. Махлиной, М.В. Капкан и др.[695] К значимым культурологическим исследованиям последних нескольких лет в этой области, на наш взгляд, можно отнести диссертации Н.Н. Мостицкой «Праздничное и повседневное в коммуникативном пространстве культуры: сущность, содержание, функциональность», А.В. Дроздовой «Визуализация повседневности в современной медиакультуре», Р.О. Гутенберга «Дворцовая повседневность в культуре Санкт-Петербурга первой трети XIX века»[696]. Таким образом, можно констатировать разнообразие тематики и моделей описания повседневности в различных областях гуманитарного знания. Как отмечает Н.А. Завьялова, повседневность представляет «сквозной дискурс, востребованный различными сферами жизни[697].

М.В. Капкан определяет повседневность как «обобщающее понятие, которое включает в себя не только объективные условия ежедневного существования и

---

[694] Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное (Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв.) / пер. с фр. М.: Прогресс, 1986; Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М.: Индрик, 1993; Ле Гофф Ж., Трюон Н. История тела в средние века. М.: Текст, 2008; Лефевр А. Повседневное и повседневность // Социол. обозрение. 2007. № 6 (3). С. 33–36.

[695] Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре : быт и традиции российского дворянства (XVIII — начало XIX вв.). СПб.: Искусство-СПБ, 1999; Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худ. лит., 1990; Кнабе Г.С. Диалектика повседневности // Вопросы философии. 1989. №5. С. 26–46; Марков Б.В. Культура повседневности. СПб.: Питер, 2008; Махлина С.Т. Семиотика культуры повседневности. СПб.: Алетейя, 2009; Капкан М.В. Культура повседневности : [учеб. пособие]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016.

[696] Мостицкая Н.Д. Праздничное и повседневное в коммуникативном пространстве культуры: сущность, содержание, функциональность : автореф. дисс. … д-ра культурологии. М., 2019; Дроздова А.В. Визуализация повседневности в современной медиакультуре : дисс. … д-ра культурологии. М., 2017; Гутенберг Р.О. Дворцовая повседневность в культуре Санкт-Петербурга первой трети XIX века : дисс. … канд. культурологии. СПб., 2019.

[697] Завьялова Н.А. Культурно-коммуникативные формулы как цивилизационных картин мира : дисс. ... д-ра культурологии. М.: Московский гуманитарный университет, 2018. С. 53.

устойчивые стереотипные образцы поведения и решения проблем, но и субъективные переживания, мнения, оценки и способы мировосприятия, характерные для обыденной жизни»[698]. В.Д. Лелеко называет повседневностью «пространственно-временной континуум, наполненный вещами и событиями»[699]. По нашему мнению, оптимальное определение повседневности принадлежит российской исследовательнице Л.А. Ястребицкой, которая характеризует ее как «всю жизненную среду человека, сферу непосредственного потребления, удовлетворения материальных и духовных потребностей, связанные с этим обычаи, ритуалы, формы поведения, привычки сознания»[700].

Итак, код повседневности в данной работе трактуется как предметно-материальная деятельность в пространственно-временном выражении, другими словами, как жизненная сфера, воплощающая характер труда и досуга, образ жизни, мир вещей, окружающий человека. Очевидно, что реконструирование кода повседневности на примере Японии — задача слишком масштабная для одного исследования. Учитывая, что пространство повседневности и элементы, которые ее актуализируют, охватывают разнородный круг феноменов, мы рассматриваем легко выделяемые национально детерминированные явления культуры, воплощенные в архетипических представлениях, закрепленных в коллективном бессознательном. При этом анализу гастрономического кода в силу его самодостаточности мы посвятили третью главу, хотя большинство ученых относят гастрономическую культуру к сфере повседневности. Еще раз подчеркнем, мы убеждены, что иерархия кодов представляет собой гибкую открытую систему, не имеющую четких границ. Одно и то же явление может эксплицироваться средствами различных кодов. Ввиду многообразия структурных компонентов кода повседневности в данной работе выбор ограничен

---

[698] Капкан М.В. Культура повседневности : [учеб. пособие]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 14.

[699] Лелеко В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств, 2002. С. 5.

[700] Ястребицкая А.Л. Повседневность и материальная культура средневековья в отечественной медиевистике // Одиссей: Человек в истории. М.: Наука, 1991. С. 95.

рассмотрением денег как важного элемента повседневной жизни всех без исключения людей, маркеров бытовой культуры как реалий материальной повседневной жизни, системы летосчисления как своеобразного «хронотопа»[701] повседневности, традиционной борьбы сумо, которую можно отнести к «формам реакреации в повседневном укладе» [702] . Исследование вышеперечисленных составляющих кода повседневности детерминировано включенностью в «жизненный мир» [703] японцев, целесообразностью прочтения скрытых в них множественных культурных смыслов.

Разделяя точку зрения Н.Н. Мостицкой, которая утверждает, что «культурное пространство повседневности — это кодирование, символическое обозначение объектов окружающего мира, включенных в практику обыденного»[704], перейдем к анализу денег как категории культуры и компонента кода повседневности.

Деньги — неотъемлемый атрибут современной цивилизации, один из базовых концептов культуры, «участвующих в категоризации мира» [705] . В XX веке широкое распространение получили исследования денег как социокультурного и философского феномена. Выйдя за рамки экономической деятельности человека, они стали объектом изучения не только экономических, но и многих гуманитарных наук — социологии, философии, психологии, антропологии, культурологии. Ученые обратили внимание на свойство денег оказывать существенное влияние на формирование морали, иерархии ценностей, социального поведения личности.

---

[701] Жигунова Н.Г. Повседневность как социальный феномен // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 8 (52). С. 56–71. С. 66.

[702] Скульмовская Л.Г., Назарова Н.В. Повседневность как культурно-историческая категория // Теория и практика общественного развития. 2014. № 12. С. 97–100. С. 98.

[703] Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / пер. с нем. Д.В. Скляднева. СПб.: Владимир Даль, 2004.

[704] Мостицкая Н.Д. Праздничное и повседневное в коммуникативном пространстве культуры: сущность, содержание, функциональность : автореф. дисс. … д-ра культурологии. М., 2019. С. 14.

[705] Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 661.

Карл Маркс называл деньги «отчужденной мощью человечества», «всеобщим извращением индивидуальностей», «миром навыворот». Он отмечал, что в качестве существующего и действующего понятия стоимости они способны смешивать и подменять все вещи: «Они превращают верность в измену, любовь в ненависть, ненависть в любовь, добродетель в порок, порок в добродетель, раба в господина, господина в раба, глупость в ум, ум в глупость»[706].

Георг Зиммель изучал магическую власть денег над действиями людей. По его мнению, деньги, которые в силу своей природы могут быть только средством, превращаясь в самоцель, несут изменения не только в «мир вещей» и не только в «мир людей», но и формируют особый тип расчетливого «экономического человека», при этом символом межчеловеческих отношений становится проституция. Деньги «играют определенную роль в изменении внутреннего мира человека, его интересов, идеалов, устремлений и нравственных критериев. Деньги изменяют систему человеческих ценностей, ставят себя в центр социально-исторической системы»[707].

Бернар Лиетар, которого в Европе назвали «архитектором евро», автор книг «Душа денег», «Будущее денег: новый путь к богатству, полноценному труду и более мудрому миру», писал: «Деньги не только проникли в каждую клеточку живого организма нашей жизни; они управляют нами, “заводя” эмоциональную систему, будто человек — это автомобиль, в котором накоротко замкнуты провода в замке зажигания» [708] . Он подчеркивал, что деньги влияют на формирование системы ценностей, социокультурной реальности: «Деньги как

---

[706] Маркс К. Экономическо-философские рукописи (1844) [Электронный ресурс]. URL: https://www.marxists.org/russkij/marx/1844/manuscr/10.htm (дата обращения: 12.08.2016).

[707] Зиммель Г. Философия денег [Электронный ресурс]. URL: http://www.srinest.com/book_897_chapter_13_Georg_Zimmel_FILOSOFIJA_DENEG.html (дата обращения: 18.08.2018).

[708] Лиетар Б. Будущее денег [Электронный ресурс]. URL: https://e-libra.ru/read/366424-buduschee-deneg.html (дата обращения: 10.03.2018).

непременный атрибут любого общества являются зеркальным отображением культурных и религиозных законов существования людей»[709].

Принимая во внимание тезис Н.Н. Зарубиной о том, что «социокультурная функциональность денег не является универсальной и всеобщей»[710], отметим, что монетарное поведение личности в любой культуре регулируется нормами морали, ценностными ориентациями, суевериями, поэтому изучение национально-специфических особенностей отношения к деньгам будет способствовать адекватному пониманию коммуникативного поведения представителей иной культуры, успешному осуществлению межкультурной коммуникации. Итак, начнем с краткого экскурса в историю денег, затем рассмотрим этнокультурные особенности монет и бумажных банкнот, что позволит раскрыть специфику восприятия денег в современном японском обществе.

Идея денег в Японии, как и многие элементы культуры, в том числе учения и верования, поэзия, иероглифика, принципы и техника живописи, скульптуры, храмового строительства и др., были заимствованы в Китае. Первые металлические монеты в Японии 富本銭 *фухонсэн* были выпущены в конце VII в. Они копировали форму китайских монет *баньлян,* которые появились в III в. и постепенно распространились в Восточной Азии, в том числе и в Японии — были круглыми с квадратным отверстием в центре.

В начале VIII в. стали чеканить медные и серебряные монеты 和同開珎 *вадо: кайтин.* Монеты были разного достоинства и имели овальную или прямоугольную форму. Со временем их качество ухудшилось — содержание меди и размеры уменьшились. В связи с этим многие японцы стали переходить на расчеты товарами — шелком или рисом.

В середине XII в. в оборот были выпущены китайские монеты, однако их не хватало, поэтому в стране вновь была возобновлена чеканка монет.

---

[709] Там же.

[710] Зарубина Н.Н. Деньги как социокультурный феномен: пределы функциональности // Социологические исследования. 2005. №7 (255). С. 13–21. С. 13.

В эпоху Эдо (1603–1868) сёгунат изготавливал золотые, серебряные и медные монеты, а самурайские кланы, контролировавшие различные регионы Японии, печатали свои бумажные деньги. Первые бумажные банкноты выпустили купцы клана Ямада в городе Исэ, их стали называть 山田羽書 *ямада хагаки* (букв. «банкнота Ямады»)[711]. Бумажные деньги распространились по всей Японии, в обороте находилось около 200 видов различных купюр. В качестве платежного средства также использовались серебряные и золотые слитки весом около 375 граммов, содержащие 95 % золота, овальные золотые монеты 小判 *кобан*, размером больше ладони человека. Японская поговорка 猫に小判 *нэко ни кобан* букв. «червонец для кошки») является эквивалентом библейского изречения «метать жемчуг перед свиньями».

После окончания периода изоляции страны стала развиваться международная торговля, и появилась необходимость в национальной валюте как символе суверенного государства. В 1871 г. такой валютой стала японская иена, в оборот были выпущены как металлические, так и бумажные деньги. В 1882 г. был создан Банк Японии, задача которого состояла в том, чтобы связывать между собой местные банки, работавшие в разных регионах Японии. Еще через три года Банк Японии стал единственным производителем бумажных денег, и курс японской валюты стабилизировался[712].

Слово «иена» записывается иероглифом 円 *эн, мару*, что означает «круглый».

Сейчас в обращении находятся монеты шести номиналов — 1, 5, 10, 50, 100 и 500 иен. Монеты достоинством в 5 и 50 иен имеют отверстие в центре.

Помимо денег, использующихся в повседневной жизни, выпускаются памятные монеты достоинством от 100 до 10 000 иен в честь таких

---

[711] 独立行政法人　国立印刷局 — お札と切手の博物館 — 山田羽書（やまだはがき [Официальный сайт Национального бюро печати Японии. Музей банкнот и почтовых марок. Банкнота Ямады] [Электронный ресурс]. URL: http://www.npb.go.jp/ja/museum/tenji/gallery/yamada.html (дата обращения: 12.08.2018).

[712] 日本銀行金融研究所貨幣博物館 — 日本貨幣史 本文[Официальный сайт Музея денег Банка Японии. История денег] [Электронный ресурс]. URL: https://www.imes.boj.or.jp/cm/history/content/#Medieval (дата обращения: 10.07.2018).

знаменательных событий, как проведение Олимпийских игр, юбилеи восшествия на престол императора, бракосочетание наследного принца и т.п. Таких монет существует более ста видов. Все они могут быть использованы в качестве платежного средства, но ввиду ограниченного количества многие из них становятся коллекционными предметами[713].

Монеты называются 小銭 *кодзэни* «мелочь». На их лицевой стороне (аверсе) изображены растения, на обороте (реверсе) номинал и год выпуска. На монете номиналом 500 иен можно увидеть павлонию, бамбук и цитрус татибана, на монете достоинством 100 иен — сакуру, 50 иен — хризантему, 10 иен — лавр и павильон Феникса буддийского храма Бё:до:ин, возведенного в 1053 году (г. Удзи, префектура Киото), на монете номиналом 1 иена — побеги саженца дерева, символизирующего экономический рост Японии.

В Японии существует традиция бросать монеты в 賽銭箱 *сайсэмбако* «ящик для пожертвований в храмах», так как считается, что их звон привлекает внимание божеств 神 *ками.* 5 иен по-японски 五円 *го эн,* что является омонимом слова ご縁 *гоэн* «хорошая кармическая связь», поэтому именно пятииеновые монетки принято бросать в ящик для подношений и просить у божеств исполнить заветное желание. Многие используют 5 иен в качестве талисмана и оберега, вешая на шею, или носят в качестве брелка для ключей.

В Японии большой популярностью пользуются заведения ワンコインランチ– «ланч за одну монету», по всей стране их насчитывается более трех с половиной тысяч. В таких ресторанах можно поесть за 500 иен или заказать еду на вынос[714]. Кроме того, широкое распространение получили магазины 百円ショップ «всё за 100 иен», где все товары имеют стоимость 100 иен.

---

[713] 造幣局 / 記念貨幣一覧 Дзо:хэйкёку. Кинэн кахэй ити ран. [Официальный сайт Монетного двора Японии. Памятные монеты] [Электронный ресурс]. URL: https://www.mint.go.jp/coin/data/data_kinen_index.html (дата обращения: 12.08.2018).

[714] ワンコインランチとは [Ланч за одну монету] [Электронный ресурс]. URL: https://tabelog.com/lunch_coupon/guide/ (дата обращения: 10.08.2018).

Японские бумажные банкноты называются お札 *о-сацу* или 日本銀行券 *нихон гинко: кэн* «билеты Банка Японии». Ежегодно Национальное бюро печати выпускает около тридцати миллиардов банкнот. Толщина одной бумажной купюры составляет 0,1 мм. Если положить их одна на другую, получится стопка высотой 300 км, что в восемьдесят раз превышает высоту горы Фудзи.

Средняя продолжительность жизни японской банкноты зависит от ее номинала. Для купюр в десять тысяч иен этот срок составляет четыре–пять лет, а купюры меньшего достоинства выдерживают в среднем год или два. Износившиеся бумажные деньги измельчаются (централизованно Банком Японии) и перерабатываются в туалетную бумагу и другую бумажную продукцию[715].

Рассмотренные примеры доказывают, что деньги занимают важное место в системе социальных ценностей, выполняют роль хранения и передачи исторического опыта предыдущих поколений. Об этом, на наш взгляд, свидетельствует изображение на бумажных купюрах выдающихся личностей, оказавших большое влияние на развитие японского общества и культуры. Нельзя не согласиться с О.В. Назаровой, которая отмечает: «В личностном сознании деньги — знак, кодирующий социокультурную реальность и формирующий идентичность человека; сообщение, способное передавать разнообразную информацию»[716].

В настоящее время выпускают четыре вида купюр: номиналом 10 000 иен, 5000 иен, 2000 иен и 1000 иен. Итак, обратимся к характеристикам внешнего вида бумажных денег.

---

[715] 独立行政法人国立印刷局 — お札の特長[Официальный сайт Национального бюро печати Японии. Особенности банкнот] [Электронный ресурс]. URL: http://www.npb.go.jp/ja/intro/tokutyou/index.html (дата обращения: 17.07.2018).

[716] Назарова О.В. Концепт «деньги» в пространстве современной культуры : опыт междисциплинарного исследования : автореф. дисс. … канд. культурологии. Саранск, 2018. С. 16.

На лицевой стороне купюры номиналом десять тысяч иен изображен 福沢諭吉 Фукудзава Юкити (1835–1902), философ и просветитель, основатель университета Кэйо, посвятивший свою жизнь модернизации Японии. Когда ему исполнилось двадцать пять лет, он впервые оказался за границей в составе посольства, отправленного сёгунатом в США. Из этой поездки он привез множество ценных наблюдений и сведений о жизни в западных странах.

В работе 修身要領 «Сущность морали» (1900) необходимым средством для достижения счастья Фукудзава провозгласил 独立 *докурицу* «независимость» и чувство собственного достоинства 自尊 *дзисон* (букв. «самоуважение»). Тем самым он выступил против конфуцианства и традиционной морали японцев: соответствию уровня нравственности и свойств характера человека занимаемому им положению в сословной иерархии 名分 *мэйбун*. При этом Фукудзава исходил из того, что наиболее полное проявление *докурицу-дзисон* предусматривает определенное ограничение свободы: «Человек обязан соблюдать свои интересы и бороться за свое счастье, но при этом не посягать, даже в мелочах, на права и счастье других»[717].

На реверс купюры помещена фигура мифологической птицы феникс Павильона феникса в храме Бёдо:ин.

На банкноте достоинством 5000 иен изображена 樋口一葉 Хигути Итиё (1872–1896) — известная писательница и поэтесса конца XIX в. Хигути — первая женщина, изображение которой появилось на купюрах, выпущенных Банком Японии. Она прожила короткую, но яркую жизнь, умерла в возрасте 24 лет от туберкулеза. Увлекалась творчеством Ф.М. Достоевского. Широкую известность ей принесли повести о жизни простых людей: «Жизнь в глуши» (1892), «Сверстники» (1895), «Мутный поток» (1895).

---

[717] Кобец В.Н. Фукудзава Юкити: мировоззрение и деятельность // Из истории общественной мысли Японии XVII–XIX вв. М.: «Наука», 1990. С. 153.

На оборотной стороне — фрагмент росписи шестистворчатой ширмы 燕子花図 «Ирисы» художника эпохи Эдо 尾形光琳 Огата Корин.

Банкноту номиналом в 1000 иен украшает изображение врача-бактериолога 野口英英世 Ногути Хидэё (1876–1928). Он проводил бактериологические исследования, посвященные борьбе с сифилисом и желтой лихорадкой (аммарилезом). Во время исследований желтой лихорадки в Африке Ногути заразился этой болезнью и умер в столице британского Золотого Берега (нынешняя территория Ганы) в возрасте 51 года. На реверсе купюры — ветка цветущей сакуры, озеро Мотосу и священная гора Фудзи.

В 2000 г. в честь миллениума и 26 саммита «Большой восьмерки» на Окинаве и Кюсю была выпущена банкнота номиналом в 2000 иен. В настоящее время эмиссия банкнот этого достоинства остановлена, поэтому купюры 2000 иен встречаются значительно реже других. На реверсе — ворота 守礼門 *Сюрэймон* замка 首里城 *Сюридзё:* в г. Наха (Окинава). В правом нижнем углу на оборотной стороне можно увидеть писательницу 紫式部 Мурасаки Сикибу (978–1016), автора «Повести о Гэндзи», а левую часть банкноты занимает сцена из 38 главы 鈴虫 «Сверчок-колокольчик» — иллюстрированной версии произведения Сикибу — свитка «Повести о Гэндзи». Свиток датируется началом XII в. и считается шедевром классической японской литературы[718].

1 мая 2019 г. в связи с отречением императора Акихито и наследованием трона принцем Нарухито в Японии наступила новая календарная эпоха Рэйва. Министерство финансов Японии объявило, что впервые за двадцать лет обновит дизайн трех из четырех видов банкнот, находящихся в обращении, номиналом 10000, 5000 и 1000 иен. «Мы придерживаемся политики изменения дизайна денежных знаков примерно раз в 20 лет, поэтому в оборот новые банкноты

[718] 独立行政法人　国立印刷局 — お札の特長 [Официальный сайт Национального бюро печати Японии. Особенности банкнот] [Электронный ресурс]. URL: http://www.npb.go.jp/ja/intro/tokutyou/index.html (дата обращения: 17.07.2018).

начнут поступать в 2024 г. Для их оформления мы выбрали портреты людей, которые добились широкого общественного признания», — заявил вице-премьер, министр финансов страны Асо Таро. Последний раз подобные изменения вводились в 2004 г.[719]

Согласно новому законопроекту, на банкноте в 10 000 иен будет представлен портрет 渋沢栄一 Сибусава Эйити (1840–1931), основателя первого в Японии банка с акционерным капиталом. Сибусава Эйити внес существенный вклад в развитие капитализма в Японии, выступал за целостность экономики и морали, стремясь к гармонизации личной и общественной выгоды. Он был инициатором многочисленных экономических реформ на рубеже XIX и XX вв. На реверсе купюры — здание вокзала Токио.

На банкноте в 5000 иен будет изображена 津田梅子 Цуда Умэко (1864–1929), знаменитая женщина-педагог, основательница женского Университета Цуда, которая училась в США. Вернувшись на родину, она внесла большой вклад в развитие образования среди женщин. С обратной стороны банкноту украсят цветы глицинии.

Новую купюру достоинством в 1000 иен украсит портрет 北里柴三郎 Китасато Сибасабуро (1853-1931), японского врача и бактериолога, первооткрывателя возбудителя чумы, которого считают основателем современной медицинской науки Японии. На реверсе банкноты будет напечатана гравюра японского художника 葛飾 北斎 Кацусикиа Хокусая (1760–1849) «Большая волна в Канагаве» — первое произведение из серии «Тридцать шесть видов Фудзи». Примечательно, что все три исторических фигуры эпохи Мэйдзи (1868–1912),

---

[719] 中村かさね。新紙幣のデザインは？　2024 年度上期に刷新予定 「明治以降の文化人から選定」と麻生氏 [Накамура Касанэ. Каким будет дизайн новых банкнот? Выпуск планируется начать в первой половине 2024 финансового года. (На купюрах решено изобразить известных деятелей эпохи Мэйдзи). Об этом объявил министр финансов Асо], 04.09.2019 [Электронный ресурс]. URL: https://www.huffingtonpost.jp/entry/story_jp_5cabf404e4b01b34503a82d4 (дата обращения: 18.08.2019).

изображение которых будет помещено на новые банкноты, внесли большой вклад в модернизацию страны в конце XIX и начале XX вв.[720]

Отметим, что социокультурные традиции отношения к деньгам определяются не только экономическими, но и культурными, этическими, религиозными факторами. В этом контексте разделяем точку зрения И.А. Васильевой, которая пишет: «Исследование отношения к деньгам в социокультурном аспекте позволяет взглянуть на них как на феномен культуры, в котором экономика трактуется лишь как одна из ее сфер»[721].

Важным для понимания специфики социокультурного отношения к деньгам в Японии считаем тот факт, что подделка денег в Японии карается исправительными работами сроком от трех лет до пожизненного заключения, использование заведомо фальшивых денег также влечет уголовную ответственность[722].

Еще одна специфичная характеристика обращения японцев с деньгами — трепетное отношение к наличным. Несмотря на то, что в стране распространены безналичные расчеты, до сих пор многие японцы предпочитают расплачиваться наличными. Многие пожилые люди хранят сбережения дома, а не в банках. Это объясняется небольшими процентами банковских депозитов и низким уровнем преступности в стране. Проценты по банковским депозитам не превышают 0,01 %[723]. Япония считается страной с одним из самых низких уровней

---

[720] 独立行政法人　国立印刷局 — お札の基本情報～現在発行されているお札～ [Официальный сайт Национального бюро печати Японии. Основная информация о банкнотах. Банкноты, которые сейчас выпускают] [Электронный ресурс]. URL: http://www.npb.go.jp/ja/intro/kihon/genzai.html (дата обращения: 12.08.2018).

[721] Васильева И.А. Социокультурная обусловленность отношения к деньгам в российской и западноевропейской культурных традициях: трансформации в условиях глобализации : автореф. дисс. … канд. философию наук. Томск, 2019. С. 8.

[722] 偽造通貨行使等罪 [Наказание за преступления, связанные с распространением фальшивых денег] [Электронный ресурс]. URL: http://park.geocities.jp/funotch/keiho/kakuron/shakaihoueki2/koukyonoshinyo/tsukagizo/gizotsukakoushi.html (дата обращения: 10.07.2018).

[723] 預金種類別店頭表示金利の平均年利率等 / 日本銀行 [Средние процентные ставки, размещенные в финансовых учреждениях по видам вкладов. Официальный сайт Банка Японии]

преступности в мире. Как считают специалисты, такого результата удалось достичь с помощью постоянной профилактики преступлений, когда сотрудники полиции, в первую очередь участковые, тщательно контролируют вверенные им участки, общаясь с местными жителями и фиксируя все подозрительное, а также повсеместному распространению камер наблюдения. Уровень преступности ежегодно снижается. По данным Национального полицейского управления Японии, за первое полугодие 2019 г. число преступлений снизилось на 8,7 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года и достигло самого низкого уровня за всю послевоенную историю страны, главным образом, из-за сокращения числа зарегистрированных случаев краж, на которые приходится более 70 процентов от общего числа преступлений. Общее число зафиксированных преступлений составило 363 846[724].

Одна из причин, по которой глава семьи пользовался непререкаемым авторитетом среди родных, заключается в том, что каждый месяц он приносил из компании зарплату, которую ему выплачивали наличными. В некоторых семьях конверт с заработной платой хранили в домашнем буддийском алтаре 仏壇 *буцудан*, что свидетельствует о том, с какой благодарностью воспринимали доход.

Еще одной из причин, по которым наличные деньги пользуются таким уважением в Японии, называют высочайшее качество бумаги, которая идет на производство банкнот Банка Японии. Технология производства бумаги с водяными знаками, из которой делают банкноты, берет начало в технике производства бумаги провинции Этидзэн. Такую бумагу начали изготавливать в эпоху Нара (710–794), ее использовали для написания указов высшие лица государства — императоры и сёгуны.

[Электронный ресурс]. URL: https://www.boj.or.jp/statistics/dl/depo/tento/index.htm/ (дата обращения: 15.07.2018).

[724] The Japan Times, July 18, 2019. Number of crimes reported in Japan in first half drops 8.7 %; 2019 figure likely to hit lowest postwar mark [Электронный ресурс]. URL: https://www.japantimes.co.jp/news/2019/07/18/national/crime-legal/number-crimes-reported-japan-first-half-drops-8-7-2019-figure-likely-hit-lowest-postwar-mark/#.XVbPhy1eOuV (дата обращения: 21.07.2019).

Японцев с детства приучают к бережливости. 一円を笑うものは一円に泣く (букв. «тот, кто смеется над одной иеной, потом над ней и плачет») — гласит японская пословица. Подчеркнем, что идеи самоограничения и умеренности пронизывают всю японскую культуру, при этом рациональность не переходит в скупость. В качестве примера можно рассмотреть систему *какэйбо,* своеобразную технику экономии денег, популярную не только в Японии, но и во многих странах мира.

В начале XX в. японская журналистка 羽仁もと子 Хани Мотоко (1873–1957), основавшая в 1903 г. журнал 家庭の友 «Друг семьи», разработала систему планирования и управления индивидуальными расходами, позволяющую избегать ненужных трат и делать накопления 家計簿 *какэйбо* — «книгу учета домашних расходов». Система предусматривает ежедневный учет потраченных средств, учит расставлять приоритеты, оптимизировать расходы. Кроме того, предполагает развитие внутренней дисциплины, самоконтроля и самоограничения, выражающихся в выплате штрафов в семейный фонд и избавлении от вредных привычек [725] . Японское умение экономить деньги приобрело необычайную популярность во многих странах мира. В наши дни многие с помощью *какэйбо* учатся японской бережливости, рациональности и сдержанности.

На наш взгляд, этнокультурной особенностью монетарного поведения японцев является традиция дарить деньги. Деньги дарят на Новый год, свадьбу, похороны. Денежные подарки служат основой для осуществления личностной коммуникации, выполняют функцию поддержания социальных связей, укрепления общественного статуса индивида.

На Новый год дети получают от родственников деньги в специальных конвертах ポチ袋 *потибукуро.* Как правило, это три, пять или десять тысяч иен.

[725] Kakebo. Японская система ведения семейного бюджета. Альпина Паблишер, 2016. С. 5–6.

Подобная модель воспитания приучает с самого раннего детства понимать ценность денег и уметь ими распоряжаться.

Проведенный в 2018 г. опрос общественного мнения о финансовом поведении домохозяйств показал, что средняя сумма сбережений в домохозяйствах из двух и более человек в Японии составляет 11,51 млн иен (около 100 тыс. долл. США) и остается примерно на том же уровне, что и в 2017 г. В среднем эти средства складываются из 5,05 млн иен в банковских вкладах, 3,82 млн иен в страховке, 2,21 млн иен в акциях и облигациях и 0,43 млн иен в других финансовых средствах. Как показал опрос, основные причины делать сбережения — это подготовка к жизни в старости и создание средств на случай болезни или стихийных бедствий [726].

Хотелось бы обратить внимание на еще один важный, с нашей точки зрения, момент: Япония — одна из немногих стран мира, где отсутствует традиция оставлять чаевые. Такая система очень радует иностранных туристов, приезжающих в Японию. В ресторанах, отелях сумма за обслуживание включена в счет. Продавцы и таксисты пересчитывают и отдают сдачу вплоть до иены. Если оставить деньги в ресторане, японский официант, скорее всего, решит, что вы просто забыли сдачу и попытается ее вернуть. В магазинах японские продавцы, проговаривая вслух, пересчитывают полученную сумму, а после покупки также пересчитывают и отдают сдачу. Тем не менее традиция вручать деньги за оказанные услуги в Японии существует, но она отличается от западной системы чаевых. Этот обычай называется 心ず *кокородзукэ* (букв. «благодарность», «забота») и регулируется неписанными правилами и строгими этикетными формами, в которых даже самим японцам сложно разобраться. Кокородзукэ принято давать 仲居さん *накаи сан* — обслуживающему персоналу японских гостиниц рёканов в качестве приветствия до начала обслуживания. Сумма

[726] Сбережения в Японии: люди готовятся к болезни, стихийным бедствиям и старости. 19.12.2018 [Электронный ресурс]. URL: https://www.nippon.com/ru/features/h00335/ (дата обращения: 13.08.2019).

составляет примерно 10–20 % от стоимости проживания в сутки — примерно три–пять тыс. иен.

На свадебных церемониях и похоронах деньги дарят не только молодоженам, но и обслуживающему персоналу в знак предварительной благодарности за работу и извинения за оказанные хлопоты. Если сумма кокородзукэ составляет меньше 10 тыс. иен, их кладут в конверт потибукуро, если больше — в *госю:гибукуро*. Кроме того, принято благодарить участников церемоний, которые приехали издалека. В данном случае деньги, которые вручают гостям, называются お礼 о рэй (букв. «благодарность»). Сумма может быть эквивалентна средствам, затраченными на транспортные расходы, или стоимости проживания в гостинице в сутки[727].

Такую запутанную систему «выражения благодарности с помощью вручения денег» современные молодые японцы считают архаичной, однако люди старшего поколения стараются соблюдать традиции. Таким образом, можно сделать вывод о том, что чем выше социальный статус члена социума, тем больше внимания он уделяет соблюдению этикетных норм и ритуалов.

Для выявления социокультурных особенностей отношения японцев к деньгам, их универсальных и национально-специфичных характеристик необходимо обратиться к анализу языкового материала, номинирующего различные свойства денег в японском языке. Концептуализация понятия «деньги» находит множественное выражение во фразеологизмах, паремиологическом фонде японского языка, что свидетельствует о культурной значимости денег в мировосприятии японцев.

В языковом сознании японцев деньги являются непременным жизненным атрибутом, ценностью, имеющей непреходящее значение. Это подтверждают пословицы и фразеологизмы: いつまでもあると思うな親と金 — «не думай о

[727] 心付けを渡す時って？大人になったら知りたい基本の作法 [В каких случаях нужно вручать «кокородзукэ». Основные правила для взрослых] [Электронный ресурс]. URL: https://you-know-m.com/thanksmoney0115-10442 (дата обращения: 12.08.2018).

родителях и деньгах, что они будут всегда»; 先立つ物は金 — «деньги прежде всего»; 人間万事金の世の中 — «жизнь человека проходит в мире денег»; 金が物言う — «деньги умеют говорить»; 挨拶より円札 — «лучше деньги, чем приветствия», «из слов шубу не сошьешь». Деньги могут посоперничать с Буддой, блеск золота в пословицах сравнивается с божественным сиянием[728]. 仏の光より、金の光 — «блеск золота ярче сияния Будды»; 金の光は阿弥陀ほど — «сияние золота подобно сиянию Амиды»[729]; 金の光は七光 букв. «сияние золота — семикратное», «сияние золота озаряет все вокруг».

Деньги обладают всемогущей силой, способной решить любую проблему. 金あれば、馬鹿もだんな — «если есть деньги, то и дурак господин»; 銭は馬鹿隠し букв. «деньги и дурака спрячут» — «в блеске золота и дурак умным кажется»; 地獄の沙汰も金次第 — «деньги и в аду сила»; 金さえあれば天下に敵なし букв. «с деньгами и врагов не будет» — «денежки в кармане — все друзья с нами»; 金さえあれば飛ぶ鳥も落ちる — «если есть деньги, то и летящая птица упадет»; 銭ある時は鬼をも使う — «когда есть деньги, и черт послужит»; 成るも成らぬも金しだい букв. «выйдет или не выйдет, зависит от денег», «деньги решают все»; 金が言わせる旦那 — «деньги позволяют каждого назвать господином».

Поговорка 一押し、二金、三男 букв. «первое — напор, второе — деньги, третье — мужчина» говорит о том, что деньги — залог успеха в любовных отношениях. Японцы настороженно относятся к мужской красоте, гораздо важнее деньги и сила. Это подтверждает другая пословица: 色男、金と力はなかりけり– «у красивых мужчин не бывает ни денег, ни силы».

---

[728] Иероглиф 金 «деньги» имеет также значение «золото».

[729] Амида — Амида-буцу (санкр. Амитабха — неизмеримый свет) — одно из главных божеств японской буддийской мифологии, владыка обетованной «чистой земли». Культ Амиды в Японии известен с VI–IX вв.

Деньги в мировосприятии японцев живут по своим законам, их круговорот бесконечен, они могут умножаться, а могут и утекать сквозь пальцы. Это подтверждают устойчивые словосочетания: 金は天下の回り物 — «деньги приходят и уходят», «деньги не лежат на месте»; 金は浮きもの — «деньги — вещь преходящая» ;金は湧きもの — «деньги — бурный поток»; 銭は足無くして走る букв. «деньги, хоть и без ног, а убегают» — «денежка без ног, а весь свет обойдет».

Деньги подобны живому существу, они «умирают», «оживают», «спят».

金を殺して使う букв. «использовать деньги, убив их» означает «тратить деньги без толку»; 死んだ金 букв. «мертвые деньги» — «зря потраченные деньги»; 金を 寝かして置く букв. «дать спать деньгам» — «оставить деньги без движения»; 金を生かして使う букв. «использовать деньги, оживляя» — «умело использовать деньги». Про бедного человека говорят: 金に縁のないもの букв. «тот, у кого нет связи с деньгами».

Деньги обладают свойством умножаться. 金が金を儲ける — «деньги к деньгам», 金が金生む — «деньга деньгу родит»; 金は片行き букв. «деньги сосредотачиваются в одном месте» — «деньги к деньгам льнут».

Несмотря на то, что японцы с благоговением и большим уважением относятся к наличным деньгам, в социуме преобладает отрицательное отношение к богатству: 金持と 灰吹は、溜まるほど汚い — «богач, что пепельница: чем полнее, тем грязнее».

Японская фразеология богата словосочетаниями и пословицами, демонстрирующими преходящий характер богатства, вредное влияние на человека.

Богатство может изменить жизнь человека и поднять ее на качественно новый уровень, в то же время это тяжелое испытание, пройти которое может не каждый. Меркантильность приводит к равнодушию и нечестным поступкам, богатые

стремятся избегать любых конфликтов и трений, чтобы не лишиться своего богатства: 金持ち喧嘩せず— «богатые не ссорятся»; 金持ちは船に乗らず— «богатые в лодку не садятся». Богатым деньги не приносят радости, превращаясь в самоцель: 金持ち金使わず букв. «богатые денег не тратят» — «будешь богат, будешь и скуп»; 銭は馬鹿隠し букв. «деньги и дурака спрячут» — «в блеске золота и дурак умным кажется».

В представлении японцев деньги сами по себе не могут принести внутренний покой, счастье и гармонию, тем более, если они заработаны нечестным трудом. 悪銭身に付かず— «худо нажитое впрок нейдет»; 金があれば苦があり— «с деньгами приходят заботы»; 金はすべての悪の根元— «деньги — корень всех бед», 金が敵— «деньги — враг», 金が恨みの世の中— «деньги — мир ненависти».

О легких деньгах, быстром обогащении говорят: 海老で鯛をする– «поймать окуня на креветку»; идиома 一獲千金 означает «легкая нажива».

Деньги подобны грязи, пыли, соответственно, нарушают основное понятие синтоизма — требование чистоты. Как уже отмечалось, *харэ* проявляется не только в физической чистоте, но и в чистоте помыслов, а деньги не могут быть «чистыми». Фразеологизм 不浄の金 имеет значение «деньги, нажитые нечестным трудом», букв. «грязные деньги». 金と塵は積もるほど汚い— «деньги как и пыль, чем больше, тем грязнее».

Денежные отношения способны разрушить любые связи — дружбу, любовь, создать пропасть между родителями и детьми: 親子の仲でも金銭は他人— «деньги и родителей с детьми поссорят»; 金の切れ目が縁の切れ目— «отношениям приходит конец тогда, когда заканчиваются деньги»; 愛想尽かしは金から起きる— «охлаждение начинается из-за денег», «не будет денег, не будет и любви»; 金を貸せば友を失う— букв. «дашь взаймы другу, потеряешь его», «хочешь потерять друга — дай ему взаймы». 金銭は他人— «деньги делают

людей чужими»; 金に目がくらむ букв. «глаза темнеют от денег» — «деньги глаза слепят».

Как уже отмечалось, японский народ отличается бережливостью и скромностью. Расточительство, демонстрация богатства, показуха не свойственны японцам. Японская народная мудрость советует жить по средствам. 万事は懐と相談の上 букв. «рассчитывай на свой карман» — «по одежке протягивай ножки». Важно уметь довольствоваться тем, что имеешь, не брать и не давать в долг. 金の貸し借り不和の基 — «брать взаймы и давать в долг — проблемы наживать». О необходимости следить за расходами, о важности даже небольшой экономии, о предпочтении реальных небольших трат говорят пословицы: 大費いより小費い букв. «маленькие расходы важнее больших»; 口と財布は締めるが得 — «рот и кошелек полезно держать закрытыми».

Деньги не являются всеобъемлющим фетишем, определяют далеко не все отношения между людьми. Необходимо учитывать, что социокультурные особенности отношения к деньгам переплетены с этическими нормами, кодексом самурайской части. Примечательно, что традиция презрительного отношения к деньгам имеет глубокие корни: в начале XVII самураи не касались руками денег, они протягивали их друг другу в полуоткрытых веерах[730] .

Обобщая выше сказанное, можно заключить, что в мировосприятии японского народа утвердилась мысль о том, что деньги должны быть честно заработанными, а истинное богатство состоит в наличии целого комплекса условий, включающих в себя не только материальное благополучие, но и трудолюбие, терпение, усердие, внутренний покой, духовность. 人間の価値はその所有物にあらずして

[730] Ермакова Л.М. Огуро Тацуо. Вы немцы, мы японцы. Сравнение менталитета и образа мышления [Электронный ресурс]. URL: http: http://national-mentalities.ru/east/vostochnaya_i_yugovostochnaya_aziya/yaponiya_v_sravnitelnyh_sociokulturnyh_issledovaniyah_referativnyj_sbornik/oguro_tacuo_vy_nemcy_my_yaponcy_sravnenie_mentaliteta_i_obraza_myshleniya/ (дата обращения: 18.08.2018).

その人にある— «ценность человека не в том, чем он обладает, а в том, что он собой представляет».

Безусловно, в Японии уважают людей, способных трудиться без выходных и отпусков. Лишь упорный труд, терпение и настойчивость могут проложить путь к богатству. Данное утверждение иллюстрируют пословицы: 朝起は三文の徳 букв. «ранний подъем приносит три мона прибыли» — «кто рано встает, того удача ждет»; 辛抱する木に金がある— «деньги растут на дереве терпения».

5.2. Маркеры бытовой культуры

В культурной антропологии принято выделять четыре основные системы культурных ценностей — быт, идеологию, религию и художественную культуру.

Ведущее положение сферы бытовой культуры в межкультурной коммуникации определяется тем, что, будучи хранителем исторической памяти культуры, она «является основополагающей для формирования личности, поскольку процессы социализации и инкультурации индивида начинаются еще в детстве, когда человек не способен к освоению культурных ценностей идеологии, религии и искусства»[731].

В Японии термин «бытовая культура» был введен в обиход известным философом Мики Киёси (1897–1945). «Бытовая культура» представляет собой совокупность стилей национальной одежды, утвари, жилищ, специфики социального поведения, верований и фольклора данного народа в целом. Введением этого понятия Мики показал, что «культура принадлежит не только немногочисленным гениям и деятелям культуры, но имеет также отношение ко всем существующим людям»[732].

Культура «высшего ранга», т.е. культура, понимаемая как совокупность наиболее значительных достижений национальной литературы, искусства, науки, относится к «бытовой культуре» как надстройка к фундаменту, и в этом смысле понять ее без изучения такого феномена, как «бытовая культура» нельзя. Обычаи, привычки, правила поведения в быту, весь жизненный уклад, передаваемый из поколения в поколение, не только обеспечивают культурно-историческую преемственность, но и служат важным фактором формирования культурного образа Японии. Нельзя не согласиться с японским ученым и политиком Таити Сакаия, который, характеризуя японскую культуру, писал: «…то общее, что

---

[731] Садохин А.П. Межкультурная коммуникация : учеб. пособие. М.: Альфа-М ; ИНФРА-М, 2012. С. 48.

[732] 水島健一。日本人の思想と行動 [Мидзусима Кэънити. Мысли и поведение японцев]、東京、共同出版、1973. 222 p. P. 47.

объединяет всю японскую культуру, — это “простая, как жизнь” культура» (простая, как жизнь означает подлинная, неприукрашенная, естественная)[733].

Одна из характерных черт японского быта — это стремление к его «миниатюризации», наблюдавшееся как в старой, так и в современной Японии. «Миниатюризация» была связана как с характерными чертами рельефа страны, что обусловило преобладание небольших форм, так и с культурной традицией. Япония — островная страна. Здесь резко выражена смена сезонов, часты тайфуны и землетрясения. Природа в целом разнообразна, богата, за исключением полезных ископаемых. Обязательной особенностью любого японского пейзажа являются его малые масштабы. Японцы не знают мест с ровной линией сухопутного горизонта, их со всех сторон окружают море и горы. По мнению Кояма Ивао, именно особенности японского пейзажа сказались на специфике отношения японцев к малым формам. «В нашей стране нет вещей, подобных гигантским архитектурным памятникам Востока, римским акведукам или Колизею, Великой китайской стене или Великому каналу», — писал он[734].

Любовь японцев к малым формам позволяет им глубже проникать в суть вещей. Как отмечает Н.Г. Анарина, «…“вещь” (моно) в японском языке таково, что японская душа отзывается на него как на глубоко сокровенное», «любая рукотворная и нерукотворная “вещь” в составе традиционной японской культуры — это чувственное, материальное или духовное воплощение абсолюта Дао»[735].

Следует отметить, что величие никогда не ассоциировалось в Японии с красотой, напротив, все маленькое и слабое считалось привлекательным. Так, что японское пристрастие к миниатюре нашло свое отражение в небольших размерах традиционных помещений, а комната для чайной церемонии — символ малого, вобравшего в себя всю сложность и бесконечность окружающего мира.

---

[733] Сакаия Таити. Что такое Япония? М.: ИТАР-ТАСС ; Партнер Ко Лтд., 1992. С. 211.

[734] 高山岩男。日本民族の心。文化類型学的考察。[Ко:яма Ивао. Душа японской нации], 東京: 玉川大学出版部, 1972. 204 p. P. 5.

[735] Вещь в японской культуре : сборник статей / сост. Н.Г. Анарина, Е.М. Дьяконова. М.: Вост. лит., 2003. С. 185.

Тенденция к «миниатюризации» прослеживается, например, в культуре вееров.

Складной веер 扇 *о:ги* был изобретен в Японии в эпоху Хэйан и издавна считался неотъемлемым атрибутом традиционного костюма японцев. Веера наряду со знаменитыми японскими мечами служили предметом экспорта в Китай. Помимо своей основной функции веер может выполнять и множество других. Так, в средние века на нем записывали понравившиеся стихи, а порой делали рисунок, что превращало веера в настоящие произведения искусства. Согласно этикету, в минуты веселья или смущения женщинам полагалось прикрывать рот веером. Однако при встрече с человеком более высокого социального статуса запрещалось скрывать лицо веером — лицо подчиненного должно быть всегда открыто.

Использовался веер и для церемониальных целей: император жаловал веера особо приближенным и отличившимся придворным. Как уже указывалось, обмен подарками получил в Японии широчайшее распространение, и веер стал одним из самых популярных подарков. Считалось, что он приносит счастье и процветание. Именной веер, прикрепленный к древку, воткнутому в землю, указывал на местонахождение коня военачальника.

Веер — непременный аксессуар актеров. В представлениях театра Но каждый персонаж имеет собственный веер. Веера с черными пластинами (их должно быть пятнадцать) предназначаются для мужских и женских ролей, со светлыми — для стариков и монахов. На веере старцев изображаются символы долголетия: сосна, журавль и черепаха, воины-победители появляются на сцене с веером, на котором изображено солнце на фоне сосновой ветки, а у побежденных солнце изображается над бурлящими волнами. Таким образом, с помощью веера обозначается роль каждого персонажа.

Веер используется жрецами в ритуальных танцах, исполняемых в синтоистских святилищах. Считается, что движения веера, направленные от себя,

способны прогонять злых духов, а движение веера к себе предназначено для вызывания божеств[736].

Веер стал настолько популярным в Японии, что веерообразная форма широко вошла в обиход: в японских ресторанах довольно часто можно увидеть тарелки в виде веера.

Простота устройства и компактность веера, состоящего из бамбукового остова и бумаги, выражают извечное стремление японцев к простоте в быту и миниатюрности вещей повседневного обихода.

Как уже отмечалось, многие праздники и обычаи в японской культуре преследуют цель развития чувства общности у людей. Так, в любовании цветами можно проследить стремление к достижению сплочения каждой семьи, отдельных коллективов, всей нации через эстетическое переживание. На воспитание этого же чувства общности направлена и традиция *набэ*.

Набэ — термин, обозначающий совокупность блюд японской кухни, все ингредиенты которых готовятся одновременно в одном горшке. *Набэмоно* состоит из двух слов — 鍋 *набэ* «кастрюля», «горшок для приготовления пищи» и 物 *моно* «вещь», но обычно сокращается просто до *набэ*.

Слово 鍋 *набэ* (букв. «котелок», «горшок») имеет и более широкое значение совместной трапезы нескольких человек, во время которого гости обслуживают сами себя, готовя пищу в общем котелке, стоящем в центре стола.

Горшки-кастрюльки для *набэ* традиционно изготавливались из глины 土鍋 *донабэ* и могли долго хранить тепло или же из толстого железа 鉄鍋 *тэцунабэ* — горшки такого рода равномерно распределяли тепло и были идеальны для приготовления すき焼き *сукияки* — блюда из тонко нарезанной говядины, овощей и соевого творога.

---

[736] Мещеряков А.Н. Книга японских символов : книга японских обыкновений. М.: Наталис, 2008. С. 219–221.

Как правило, *набэ* готовится прямо на столе, за которым собрались едоки, для чего на стол ставится переносная плитка — электрическая или какая-либо другая. Большинство блюд *набэ* представляют собой супы и тушеные блюда и обычно готовятся в течение холодного времени года. Можно сказать, что *набэ* — традиционное кушанье зимнего сезона.

Поскольку блюдо готовится прямо на столе, то каждый из сидящих за ним может выбрать кусочек себе по вкусу и положить в свою тарелку. По мере съедания в кастрюльку закладываются новые ингредиенты.

Истоки традиции *набэ* лежат в синтоистской религии. Люди, совместно вкушавшие пищу, приобщались к божественному началу. Свою религиозную сущность традиция *набэ* утратила в начале XVII в., когда на арену общественной жизни вышли городские сословия, и *набэ* получило массовое распространение в городах. Вначале существовали лишь вегетарианские блюда *набэ* (в соответствии с буддийским учением, запрещавшим употреблять в пищу мясо животных), но затем, с проникновением в Японию элементов европейской цивилизации, широко распространились блюда *набэ* из мяса. Сегодняшнее *набэ* — это прежде всего すき焼き鍋 *сукияки — набэ* из жареного мяса.

В Японии распространен «культ камней». Камень — символ сверхъестественных сил природы, образ вечности. Исходная аксиома синтоистской традиции обожествления природы — представление о том, что в мире нет неживой природы, все одухотворено Жизнью. И даже неживое –тоже потенциально живое. На эту сторону японской культуры обратил внимание Н.Т. Федоренко в книге «Кавабата Ясунари»: «Камни японцами извечно почитались как живые творения, с которыми человек может общаться»[737].

Знаменитые 枯山水 *карэсансуй* — «сады камней» или сухие ландшафтные сады эры Муромати (1393–1568), в которых используются только камни и гравий,

[737] Федоренко Н.Т. Кавабата Ясунари : очерк. М.: Советский писатель, 1978. С. 30.

как правило, символизирующие какие-либо реальные предметы или существа, стали достопримечательностью Японии, символом страны.

Дзэн-буддизм был ввезен в Японию из Китая, и с ним пришла новая, простая эстетика. Сады делались из камней и песка, тщательно сочетаемых, чтобы создать монохроматическую, в высшей степени абстрактную и очищенную версию природного ландшафта.

Карэ-сансуй создавался не для того, чтобы его касаться или ходить по нему. Он создавался как картина, которую нужно рассматривать из статического положения. Это было совершенное выражение аскетической эстетики дзэн, и его создатели находили вдохновение в прекрасных картинах ландшафта в технике *гохуа* (тушь и водяные краски по шелку или бумаге) эпохи династии Сун, которые были принесены в Японию из Китая дзэнскими монахами.

Эволюция культуры дзэн и разработка ее эстетических принципов привели к созданию нескольких стилистических форм «сухих» дзэн-садов: первая форма — «трехмерный» или «пейзажный» стиль — предполагает на небольшом садовом пространстве с помощью только камней и гравия изображение «глубокого» многопланового пейзажа в традиционном стиле японской живописи тушью. В этом стиле «сухого» сада также немаловажную роль играла традиционная ассоциация камня со скалами и горами. Вторая форма — «плоский стиль», где белое поле гравия подобно листу бумаги, а темные силуэты камней точно удары кисти художника, хранящие тайны мироздания, открывшиеся мастеру в момент божественного озарения *сатори.*

В оценке красоты камня японцы руководствуются эстетическим принципом, согласно которому истинно прекрасное нерукотворно, оно должно быть найдено в естественном окружении, в природе. Японцы не рассматривают камень, подобно европейцам, как нечто неизменное, наоборот, камень служит своеобразным «импульсом» для размышлений и, таким образом, является основой для «движения» мысли.

Другая «функция» камня — напоминать путешественнику о чужих краях. Японцы всегда стараются привезти камни из тех мест, где они побывали, причем камни подбираются самые обычные; их ценность заключается не в форме особой красоты, а в принадлежности к природе того или иного края.

Японские исследователи (Т. Хаясия, Т. Умэсао, М. Тада, Х. Като)[738] в интерпретации японской культуры основывались на принципе «трехполюсной логики», которая лежит в основе мышления и поведения японцев. «Трехполюсная логика» находит свое проявление в характерном для японцев неприятии абсолютного авторитета. Простое противопоставление двух явлений ведет к выделению более «сильного» (более значимого) и более «слабого» (менее ценного). Японцы же при сравнении двух явлений не ограничиваются простым противопоставлением их друг другу, а смотрят на них «объемно», как бы «с третьего полюса». Эта особенность мышления японцев позволяет выявить сильные и слабые стороны каждого из явлений и избежать переоценки одного из них. Принцип «трехполюсности» мышления, отрицающий конфликтность, противоречивость и не признающий их разрешения за счет утверждения одной из сторон, соответствует типичному для традиционного японского поведения стремлению к конформизму. Японцы не признают подчеркивания неравенства, выделения слабого и сильного.

«Трехполюсная» логика японцев проявляется в игре じゃんけ *дзянкэн* — «камень, ножницы, бумага», бросании жребия на пальцах. Участники с возгласом じゃんけんぽん *Дзянкэнпон!* выставляют руку, условно изображая один из трех произвольно выбираемых предметов: ぐう *гу:* «камень» — рука сложена в кулак; ちょき *тёки* — «ножницы»; ぱあ *па:* «бумага» — ладонь раскрыта, пальцы выпрямлены. По правилам, «камень» побеждает «ножницы», так как не поддается

[738] 林屋辰三郎・多田道太郎・梅棹忠夫・加藤秀俊。日本人の知恵 [Хаясия Тацусабуро:, Умэсао Тадао, Тада Мититаро, Като Хидэтоси. Мозг японцев]、１９８１年7月１５日１８版 中公文庫, ２４６p.

им, но уступает «бумаге», в которую может быть завернут, а «ножницы» побеждают бумагу[739].

Особенностью каждой из фигур является то, что она выигрывает у одной, но проигрывает другой (камень тупит ножницы, но может быть обернут бумагой; ножницы режут бумагу, но тупятся о камень; бумага обертывает камень, но режется ножницами). Такая тройственная зависимость фигур была (как и вся игра в целом) заимствована японцами из Китая, где она представляла «три оцепенения» фигур, символизирующих мокрицу, лягушку и змею (оцепенение змеи при виде мокрицы, мокрицы при виде лягушки, лягушки при виде змеи). В тройственной зависимости — ключ к пониманию логики японцев. У японцев не существует противопоставления двух элементов по контрасту (например, белое и черное). Логика японцев иная: нет абсолютной силы и абсолютной слабости. Сильный в одном отношении отказывается слабым в другом, и наоборот. Это приводит к более «объемному» пониманию ситуации.

Одним из исходов игры в *дзянкэн* является ничья. Возможность ничьей (например, «камень» одного игрока выпадает на «камень» другого) особенно привлекательна для японца. В отличие от обычного жребия, решающего исход игры раз и навсегда, ничья предполагает продолжение игры и в какой-то мере способствует умиротворению спорящих.

Дзянкэн — самый простой способ определить победителя и проигравшего и первая игра, которой учатся японские дети. Она не занимает много времени, и в нее играют и днем и ночью по всей Японии[740].

Принцип «трехполюсности мышления» находит отражение в использовании традиционного элемента интерьера — бамбуковых штор 簾 *сударэ.* Японские шторы *сударэ* состоят из разделенных пространством бамбуковых пластин и напоминают жалюзи. Особенностью их является то, что они позволяют видеть

---

[739] Тумаркин П.С. Жесты и мимика в общении японцев: лингвострановедческий словарь-справочник. М.: Рус.яз.-Медиа, 2008. С. 134.

[740] A look into Japan. Japan Travel Bureau, Inc., 1984. 191 p. P. 115.

происходящее снаружи, но скрывают внутренность комнаты, если смотреть на нее извне. Отражая и преломляя солнечный свет, бамбуковые шторы создают и эстетический эффект (это их свойство порой используется в театральных постановках).

Отделяя, к примеру, один столик в ресторане от другого, шторы отгораживают сидящих в зале, выполняя двойную функцию, — сокращают пространство (обособляя посетителей) и в то же время расширяют его (создавая иллюзию нескольких помещений в одном зале). Подобное восприятие функции бамбуковых штор связано с присущим японцам тонким ощущением пространства и с характерными условностями этикета: сидящий по одну сторону шторы, слыша и видя то, что происходит по другую сторону, не обращает на это внимания и не привлекает к себе внимания.

Другая особенность штор заключается в том, что в зависимости от освещения может быть видно происходящее либо с одной, либо с другой стороны. В этом проявляется один из принципов, характерных для логики японцев, — не отрицание, а поочередное, в зависимости от ситуации, утверждение каждой из двух «конфликтующих» сторон.

5.3. Борьба сумо как способ сохранения и трансляции культурных ценностей

Японская борьба сумо — исконный вид единоборств, обладающий статусом «национального вида спорта», самобытный мир, имеющий глубокие исторические, культурные и философские корни. Актуальность изучения этнокультурных особенностей сумо детерминируется не только растущей популярностью данного вида спорта во всем мире, но и стремлением людей познать способы достижения гармонии физического и духовного начал в их неразрывной связи. Для европейцев занятия единоборствами в первую очередь имеют прикладное значение, боевые искусства Востока, в том числе сумо, базируются на комплексе моральных принципов и ставят своей целью не только

физическое, но и духовное совершенствование личности. Исследование семантики ритуалов и церемоний сумо, эволюции его развития на протяжении столетий способствует лучшему пониманию ценностей, обусловленных национальной спецификой японской культуры.

Зародившись как религиозный ритуал, посвященный синтоистским богам, до начала XVII в. сумо не являлось видом спорта, предназначенным для развлечения публики. На площадках в синтоистских храмах исполняли не только священные танцы, но и проводили поединки сумо. Они были частью моления за урожай и предназначались для того, чтобы задобрить богов во время фестивалей или поблагодарить их за обильный урожай риса. Превратившись со временем в один из видов спортивных состязаний, сумо не утратило религиозные корни, до сих пор во время состязаний можно увидеть древние синтоистские обряды.

Слово «сумо» образовалось от древнеяпонского глагола すまふ *сумафу* «меряться силами», спустя сотни лет трансформировалось в слово すまい *сумаи* «борьба», а затем в 相撲 *сумо:* «борьба сумо»[741].

История сумо уходит корнями в далекое прошлое. Археологические находки, свидетельствующие о широком распространении сумо, относят к эпохе культуры курганов Кофун (примерно III – начало VI в.)[742]. При раскопках могильных холмов были обнаружены погребальные фигурки *ханива*, изображавшие борцов сумо, а также глиняная посуда, на которой сохранились росписи с изображением сцен поединков[743].

Первое письменное упоминание о сумо, примитивной борьбе, встречается в древнейших записях летописно-мифологических сводов «Кодзики».

Согласно легенде, глава синтоистского пантеона богиня солнца Аматэрасу-о:миками направила к богу О:кунинуси-но микото, управлявшему страной

---

[741] 大相撲ジャーナル [Журнал профессионального сумо, №8, 2017]. 2017 年 8 月号 。P. 59.

[742] Иофан Н.И. Культура древней Японии. М.: ГРВЛ «Наука», 1974. С. 35.

[743] 男子立像（力士像）埴輪 文化遺産オンライン [Фигурка мужчины (сумоист). Ханива. Культурное наследие онлайн] [Электронный ресурс]. URL: http://bunka.nii.ac.jp/heritages/detail/205108 (дата обращения: 10.05.2018).

Идзумо, своего посланника Такэмидзути-но ками для того, чтобы он взял бразды правления в свои руки. «Сын О:кунинуси-но микото бог Такэминаката-но ками, не желая отдавать власть, предложил Такэмидзути-но ками «померяться силами», чтобы определить, кто станет правителем страны. Такэмидзути победил и стал править страной Идзумо»[744].

Другой эпизод с описанием сумо встречается в «Нихонги» («Анналы Японии», 720 г.). Согласно этим хроникам, в седьмой день седьмого месяца седьмого года правления императора Суйнин (23 г. до н.э.) в провинции Идзумо состоялись первые официальные состязания сумо.

«…Приближенные донесли государю: “В селении Тагима есть доблестный муж по имени Тагима-но Кувэбая. Он очень силен и может [руками] ломать рога и выпрямлять (железные) крюки. И похваляется людям так: “Во всех четырех сторонах света поищи — нет никого, кто мог бы со мной сравниться. Вот бы повстречать такого силача, чтобы померяться с ним силами — не на жизнь, а на смерть”»[745]. Подобные состязания в *«Нихонги»* называются 力比べ *тикара-курабэ* — «сравнение сил». Этот термин точно отражает суть тогдашних поединков: грубая сила, а не техника и ловкость определяли победителя в схватке.

«...Номи-но Сукунэ добрался, и стали Тагима-но Кувэбая и Номи-но Сукунэ силой меряться. Встали они друг напротив друга. И каждый ногой противника пнул. И Номи-но Сукунэ сломал ребро Тагима-но Кувэбая, а потом ногой сломал ему кости поясницы и так убил его. Тогда лишили Тагима — но Кувэбая его владений и отдали их Номи-но Сукунэ»[746].

Номи-но Сукунэ был провозглашен первым чемпионом сумо и в дальнейшем стал сакральным покровителем японских борцов, а на основе *тикара-курабэ* — «соизмерения сил» — сложилась популярная в наши дни во всем мире борьба

---

[744] Кодзики: Записи о деяниях древности. Свиток 1 / пер. с яп. ; сост. и общ. ред. Р.В. Грищенков ; предисл. Е.М. Пинус. СПб.: Кристалл, 2000. С. 145.

[745] Ермакова Л., Мещеряков А. Анналы Японии. Нихон сёки. В 2 т. Серия: Литературные памятники Древней Японии. СПб.: Гиперион, 1997. С. 224.

[746] Там же. С. 225.

сумо. В городе Сакураи в префектуре Нара на месте описанного в хронике поединка, который проходил в синтоистском храме, воздвигли Храм сумо — 相撲神社 *сумо: дзиндзя*, в котором и сейчас поклоняются Номи-но Сукунэ. В 1884 г. в Токио также был сооружен храм *Номи-но Сукунэ дзиндзя*, который регулярно посещают руководители японской Ассоциации сумо. В нем также проводятся ритуалы с участием «великих чемпионов» 横綱 *ёкодзуна.*

В эпоху Нара (709–794) и эпоху Хэйан (794–1185) состязания сумо стали проводить в императорском дворце. Поединки борцов получили название «придворного празднества» 相撲の節会 *сумаи но сэтиэ,* их стали устраивать регулярно в седьмой день седьмого месяца в знак благодарности богам за обильный урожай[747]. Наместники собирали борцов по всей стране. Появление императора и его свиты на почетных местах превратилось в ритуал.

К концу эпохи Хэйан дворцовое ритуальное сумо начало отмирать. С установлением в стране власти верховного правителя сёгуна борьба в первую очередь стала выполнять функции прикладного военного искусства и средства укрепления боевого духа самураев. Большим энтузиастом сумо был Ода Нобунага (1534–1582), организовавший в 1570–1581 гг. в своем замке целый ряд крупных турниров. По свидетельствам летописцев, для участия в крупнейшем из них в 1578 г. в Адзути собралось около полутора тысяч воинов-борцов[748].

«Золотым веком» сумо считается эпоха Эдо (1600–1868). Единоборство приобретает необычайную популярность среди простого народа. Сборы от проведения благотворительных матчей идут на строительство и реконструкцию храмов, возведение мостов и дорог. Зарождается профессиональное сумо, разрабатываются правила и приемы, возникает система школ 部屋 *хэя*, практика спонсорства феодалов сильнейших сумоистов. Сумо становится неотъемлемой

[747] Sumo History. Religion, Tradition and Recent Decline: Facts and Details. [Электронный ресурс]. URL: http://factsanddetails.com/japan/cat21/sub138/item756.html (дата обращения: 23.06.2018).

[748] Иванов О.В. Сумо: живые традиции древней Японии. Пермь: Звезда, 2004. С. 203.

частью жизни и культуры японского народа. В театре Кабуки идут пьесы, в которых главными персонажами выступают борцы *сумотори*, в жанре японских гравюр *укиё*-э появляются цветные гравюры с изображением силачей 力士 *рикиси* и возникает особое направление 相撲絵 *сумо*-э.

Несмотря на то, что борьба сумо во все времена пользовалась популярностью и любовью японского народа, на протяжении долгой истории сумо претерпевало значительные трансформации: на смену пику популярности приходили периоды забвения и жестокой критики, как это произошло в эпоху Мэйдзи (1868–1912), когда любителей сумо стали называть ретроградами и реакционерами, а саму борьбу объявили «феодальным пережитком»[749]. Неизменным оставалось одно — преданность традициям и строгое соблюдение ритуалов.

Австрийский путешественник и писатель Эрнст Гессе-Вартег заметил, что борцы сумо «играют в народной жизни Японии такую же значительную роль, как гладиаторы в старом Риме, тореадоры в Испании или боксеры в Англии и Америке» [750] . «Если в каком-нибудь месте Японии устраивается народный праздник, то борцы на нем обязательно присутствуют, и никакой театр, никакие акробаты, фокусники и т.д. не собирают вокруг себя такой массы зрителей, как сумотори. Чем значительнее праздник, тем больше борцов, а в Токио, Киото и Осака случается так, что борются одновременно двадцать или тридцать пар сумотори, так что их представление длится иной раз целый день», — писал он[751].

За долгую историю сумо претерпевало различные изменения, сохраняя при этом множество традиций, включая критикуемый в наши дни запрет на нахождение женщин на ринге. В поединке на специальной площадке 土俵 *дохё:* участвуют два борца 力士 *рикиси* (букв. «силач») или 相撲取り *сумотори* (букв. «тот, кто занимается сумо»), единственным облачением которых служит пояс ま

[749] Sharnoff Lora, Matsuoka Lynn. Grand Sumo: The Living Sport and Tradition. Publisher: Weatherhill, 1993. P. 44.

[750] Гессе-Вартег Э. Япония и японцы : жизнь, нравы и обычаи современной Японии / под ред. и с примеч. Д.И. Шрейдера. СПб., 1902. С. 197.

[751] Там же. С. 198.

わし *маваси* — набедренная повязка, обматывающаяся несколько раз вокруг пояса и проходящая между ногами. Волосы силачей укладываются в специальную прическу 丁髷 *тёммагэ*[752]. Прическа борцов двух высших эшелонов 幕内 *макуути* и 十両 *дзюрё:* называется 大銀杏 *о:итё:* букв. «большой гингко», так как по своей форме напоминает лист дерева гингко[753] .

Победителем сражения считается сумоист, вытеснивший противника за пределы очерченной соломенной веревкой площадки или заставивший его прикоснуться любой частью тела, кроме стоп, к ее поверхности. Поражение присуждается в случае потери единственного элемента одежды — *маваси*, т.к. борец предстает перед публикой «в чем мать родила», а также при использовании запрещенных приемов — пинков в грудь, живот, и преднамеренном захвате пучка волос *тёммагэ*[754].

Когда в 1871 г. император Мэйдзи издал указ о стрижке волос, только *рикиси* благодаря покровительству высокопоставленных чиновников правительства избежали общей участи. Высокая прическа, по убеждению сумоистов, не только служит атрибутом традиционного декора, но и амортизирует удар при падении. Нынешние прославленные *рикиси*, как и их предшественники в эпоху Токугава (1603–1868), с гордостью носят на голове пышный узел в форме листа дерева гингко[755]. Считается, что 床山 *токояма* — парикмахеру, который делает прически сумоистам, требуется не меньше десяти–пятнадцати лет, чтобы научиться виртуозно делать *о:итё:*. Ассоциация сумо предоставляет *токояма* весь необходимый инвентарь: набор расчесок трех видов, шнурки для подвязывания прически, специальную палочку для придания прическе формы листа гингко.

---

[752] Тёммагэ — прическа, которую носили мужчины в феодальной Японии с бритым лбом и пучком на голове.

[753] Исполинские деревья гингко называют в Японии 神木 симбоку «божественным деревом», им поклоняются в синтоистских святилищах и высоко ценят целебные свойства.

[754] 日本相撲協会公式サイト [Официальный сайт Ассоциации сумо] [Электронный ресурс]. URL: http://www.sumo.or.jp/ (дата обращения: 10.05.2018).

[755] Прически самураев и сумоистов [Электронный ресурс]. URL: http://www.hnh.ru/culture/Hairstyles_of_the_samurai_and_sumo (дата обращения: 11.05.2018).

Исключение составляет лишь масло для волос, за которое сумоисты платит сами, поэтому плату за услуги парикмахера называют 油銭 *абура сэн* — «деньги на масло»[756].

Сумо не признает деления на возрастные, весовые и прочие категории. В 2018 г. средний вес борца высшей лиги *макуути*, в которую входят 64 борца, составлял 160 кг, рост — 184,2 см[757]. Рекордсменом считается тяжеловес Конисики (287 кг). Поскольку в сумо нет ограничений по весу, как например в боксе или борьбе, *рикиси* может сражаться с противником, который весит в два раза больше. Вес не всегда определяет исход поединка. Даже 90-килограммовые борцы, умело применяя один из 82 канонических приемов, имеют все шансы выиграть сражение.

Сумоистов по телосложению делят на два типа: あんこ型 *анкогата* и ソップ型 *соппугата. Анко* — толстяки с выпирающим животом, *соппу* — худощавые и мускулистые. Этимология *анко* связана с названием жирной круглой рыбы 鮟鱇 *анко:* «морской черт», «удильщик». *Соппу* — производное от заимствованного из голландского языка в эпоху Эдо слова «суп» — スープ *су:пу*, в те времена его произносили как *соппу*. В наши дни так называют куриную тушку, которую бросают в суп *тянконабэ* ちゃんこ鍋 — традиционное блюдо сумоистов[758].

В течение года в Японии Ассоциацией сумо проводится шесть Больших турниров сумо: три в Токио и по одному в Осакэ, Нагое и Фукуоке. Турнир длится пятнадцать дней, каждый *рикиси* один раз в день борется с различными

---

[756] 床山の給料はいくら？なるにはどうするのか？なども調べてみた！ | 虹ブロ[Сколько получает парикмахер «токояма»? Что необходимо, чтобы стать им? Другие интересные факты] [Электронный ресурс]. URL: http://nijiblo.com/archives/3463.html (дата обращения: 17.06.2018).

[757] 広尾晃。力士の体重は 50 年で 30kg増えた。土俵を広くする、という選択肢は？ — 相撲 — Number Web — ナンバー [Хиро Коу. За 50 лет вес борцов сумо увеличился на 50 кг. Означает ли это, что нужно увеличивать размеры дохё:?] [Электронный ресурс]. URL: http://number.bunshun.jp/articles/-/829707 (дата обращения: 20.06.2018).

[758] 相撲の力士の体型をあらわす「アンコ型」「ソップ型」ってどんな体型？その意外な由来とは？ | 歴史・文化 [Какой тип телосложения у борцов сумо? Что такое тип «анко» и «соппу»? Происхождение этих терминов. История и культура] [Электронный ресурс]. URL: https://mag.japaaan.com/archives/65746 (дата обращения: 18.06.2018).

противниками. Поединки транслируются национальной телерадиокомпанией NHK. По результатам турнира производится оценка каждого спортсмена, в соответствии с которой определяется его место в иерархической таблице и сумма заработной платы.

Победитель турнира в последний день соревнований награждается Императорским Кубком. Также существует три дополнительных приза 三賞 *сансё:*. 殊勲賞 *сюкунсё:* — «приз за выдающееся выступление» присуждается борцу, выигравшему у большего числа 横綱 *ёкодзуна* — «великих чемпионов» и 大関 *о:дзэки* — «чемпионов»[759].

敢闘賞 *канто:сё:* — «приз за проявленный боевой дух» получает *рикиси*, продемонстрировавший большое упорство и достигший явного прогресса.

技能賞 *гино:сё:* — «приз за техническое совершенство» считается самым престижным и присуждается реже других.

Императорский кубок был впервые вручен на январском турнире 1926 г. Нынешний кубок, изготовленный из серебра, весит 30 кг. Его высота 107 см. Впервые им был награжден победитель турнира 1928 г. На прикрепленных к постаменту кубка серебряных табличках гравируются имена победителей турниров. В промежутке между турнирами кубок хранится в школе, в которой состоит победитель. У чемпиона остается лишь миниатюрная копия кубка[760].

В наши дни семантика поединков борцов несет ту же нагрузку, что и в эпоху Эдо. Этнокультурной спецификой сумо можно назвать неразрывную связь с религией синто. Поединки, арена *дохё:* и все, что ее окружает, наполнены синтоистскими символами.

Ринг 土俵 *дохё:* (土 — «земля», 俵 — «куль») представляет собой квадратный помост 34–60 сантиметров высотой с кругом посередине, изготовленный из

---

[759] 日本相撲協会公式サイト[Официальный сайт Ассоциации сумо]. Nihon Sumo Kyokai Official Grand Sumo Home Page [Электронный ресурс]. URL: http://www.sumo.or.jp/ (дата обращения: 10.05.2018).

[760] Иванов О.В. Сумо: живые традиции древней Японии. Пермь: Звезда, 2004. С. 98.

особого сорта глины 荒木田 *аракида,* добываемого на берегах реки Аракава префектуры Сайтама. Подготовка арены к турниру — строгий регламентированный ритуал, сопровождаемый специальными церемониями. В качестве ограждения используются шестьдесят шесть 俵 *тавара* — цилиндрических кулей из рисовой соломы, сплетенных вручную, набитых глиной, песком и гравием. По окончании строительства проводится 土俵祭り *дохё: мацури* — церемония освещения ринга. Облаченный в одеяние синтоистского священника судья высшей категории 行司 *гё:дзи* выносит подношения богам. В центре площадки зарывают шесть предметов: каштан (символ победы), сушеного кальмара (символ счастья и благополучия), мытый рис (символ богатства и достатка), морские водоросли (символ жизни), плоды дерева кая (символ терпения и выносливости), соль (символ очищения)[761]. Круг засыпают тонким слоем песка, олицетворяющим чистоту помыслов, и поливают ритуальным сакэ. С древних времен площадка для сумо считалась сакральной, служила 依り代 *ёрисиро* — местом, притягивающим божеств *ками*[762]. До сих пор женщинам категорически запрещается вступать на *дохё:*. В апреле 2018 г. женщине-мэру японского города Такарадзука префектуры Хёго Накагаве Томоко запретили выйти на ринг, чтобы выступить с речью на турнире сумо. В обращении к главе Ассоциации сумо и министру спорта Накагава призвала начать дискуссии об устранении этого запрета и других мерах по обеспечению гендерного равенства на мероприятиях, связанных с традиционными японскими видами спорта[763].

Над *дохё:* возводится навес в форме крыши синтоистского храма в стиле 神明造り *симмэйдзукури* весом 6,25 тонны. Крышу венчают 鰹木 *кацуоги* — резные украшения цилиндрической формы, символизирующие умиротворение *дохё:*. К ее

---

[761] 根間弘美。大相撲行司の世界 [Нэма Хироми. Мир гё:дзи профессионального сумо]、吉川弘文館、2011 年 11 月 1 日。208 p. P. 197–198.

[762] Okada Yoshiyuki. Yorishiro. Encyclopedia of Shinto [Электронный ресурс]. URL: https://www.webcitation.org/67m1QAYzd?url=http://eos.kokugakuin.ac.jp/modules/xwords/entry.php?entryID=296 (дата обращения: 11.06.2018).

[763] 毎日新聞 [Майнити симбун], 19.04.2018.

углам подвешивают 四房 *сибуса* — четыре разноцветные декоративные кисти, олицетворяющие четыре стороны света, четыре времени года и покровительствующих им богов: зеленая — восток, весна и 青竜 *Сэйрю:* (бог Зеленого дракона); красная — юг, лето и 朱雀 *Сюдзяку* (Бог Красного воробья); белая — запад, осень и 白虎 *Бякко* (Бог Белого тигра); черная — север, зима и 玄武 *Гэмбу* (Бог Черной черепахи или Черный воин).

Каждая кисть весит 17,8 кг и достигает 210 см в длину. Расстояние от кисти до пола составляет 212 см.

Поединок проходит в круге диаметром в 4,55 метра (15 尺 *сяку*), границы которого проложены канатами из рисовой соломы. В центре *дохё:* расположены две белые полосы, обозначающие стартовые позиции борцов.

Песок вокруг круга тщательно разравнивается вениками перед началом каждой схватки, чтобы по следам на песке можно было определить, коснулся ли один из соперников земли за пределами круга.

Продолжительность схватки составляет 3 минуты для возрастной группы 13–15 лет и 5 минут для возрастной группы 16 лет и старше. Если после отведенного времени победитель не определен, назначается 取り直し *торинаоси* — «повторная схватка». Поединок в сумо начинается по команде судьи 行司 *гё:дзи* после выполнения необходимых ритуалов. Судьи могут остановить поединок из-за травмы, неправильно повязанного *маваси* или по какой-либо другой причине. Схватка заканчивается, когда рефери направляет веер 軍配 *гумбай* в сторону Востока или Запада, с которой начинал схватку победитель. Каждый из бойцов представляет именно эти стороны света. Затем он произносит имя победившего борца и указывает веером уже в его сторону.

Судьи облачены в архаичную одежду 直垂 *хитатарэ* придворного стиля эпохи Муромати (1336–1573). Существует строгий регламент, определяющий одеяние и обувь судьи в зависимости от его уровня. *Гё:дзи* высшего ранга

надевают 足袋 *табби* — японские носки с одним пальцем и 草履 *дзо:ри* — соломенные сандалии. Рефери низших лиг обувь не полагается. Ранг судьи также можно определить по цвету кисточки на его веере[764].

Гораздо больше времени, чем сам поединок занимают ритуалы, которые строго соблюдают на протяжении столетий.

Перед схватками в высших лигах 幕内 *макуути* и 十両 *дзюрё:* проводится церемония выхода на ринг 土俵入り *дохё: ири.* Все борцы появляются в красивых праздничных поясах 化粧まわし *кэсё: маваси*, настоящих произведениях искусства. Цена такого пояса в среднем составляет 400–500 тыс. иен, а вес около 10 кг. Переход борца в лигу *дзюрё или макуути:* практически всегда означает, что ему будет преподнесен *кэсё маваси* стоимостью не менее миллиона иен[765]. На поясе можно увидеть имя сумоиста, название организации-спонсора, а также сцены древней истории, изображения природы, животных и птиц. Поднявшись на помост, борцы проходят по часовой стрелке почти полный круг, после чего останавливаются лицом к зрительному залу и спиной к центру ринга. После того, как поднимется старший по рангу, все поворачиваются лицом к центру ринга и синхронно исполняют серию ритуальных движений. Сначала они хлопают один раз в ладоши, затем поднимают на уровень головы правую руку, после этого обеими руками подергивают передник, затем поднимают руки на уровень головы и, наконец, опускают руки. Все движения сумоистов во время этого ритуала исполнены глубокого смысла, уходящего корнями в синтоистские верования. Хлопанье в ладоши призвано привлечь внимание богов к поединкам, подергивание *кэсё-маваси*, так же, как и 四股 *сико* — топанье о землю поднятыми в сторону ногами, символизирует изгнание злых духов, а поднятие рук призвано продемонстрировать, что в руках у них нет оружия[766].

---

[764] 大相撲トゞットコム [Общие сведения о сумо] [Электронный ресурс] / URL: http://ozumou.com (дата обращения: 12.05.2018).

[765] Иванов О.В. Сумо: живые традиции древней Японии. Пермь: Звезда, 2004. С. 119.

[766] Там же. С. 122.

После выхода на площадку борцы полощут рот водой, которую подносит в специальном деревянном ковшике сумоист, победивший в предыдущем поединке. Этот ритуал символизирует очищение. Перед всеми значимыми обрядами, перед общением с богами требуется обязательное омовение, которое заключается в смывании с себя грязи. Прополоскав рот водой, которую называют 力水 *тикара мидзу* (букв. «вода, придающая силу»), сумоист очищается от дурных мыслей и готовится к поединку. Борцы не глотают воду, это бы означало их стремление биться насмерть. После этого они вытирают рот, а иногда лицо и тело 力紙 *тикарагами* (букв. «бумага, придающая силу»). Для этого используется специальная каллиграфическая бумага.

Другим важным обрядом служит разбрасывание соли. Соль в Японии является символом чистоты и источником жизни и часто используется в различных ритуалах, связанных с жизнью и смертью[767]. Согласно синтоистским верованиям, она изгоняет злых духов. Кроме того, обладает антисептическими свойствами, предотвращает попадание инфекции в рану при травме. *Рикиси* выполняют этот ритуал по-разному: кто-то разбрасывает соль небольшими щепотками, а кто-то пригоршнями. По данным Ассоциации сумо, ежедневно на ринг выбрасывается до 45 кг соли, за турнир — около 700 кг, за год — более 4 тонн[768].

Следующая церемония представляет собой психологическую схватку перед поединком и называется 睨み合い *нирамиаи* (букв. «вражда», глагол 睨み合う означает «злобно смотреть друг на друга»). Борцы садятся на корточки на стартовых позициях и неотрывно смотрят друг на друга, испепеляя взглядом, исполненным ненависти. После этого они встают, расходятся по углам, разбрасывая соль. Потом опять вступают в изнурительный визуальный поединок, пытаясь взглядом повергнуть противника. Так повторяется три–четыре раза.

[767] Salt rituals in Japan. JAPANESE MYTHOLOGY & FOLKLORE. [Электронный ресурс]. URL: https://japanesemythology.wordpress.com/salt-rituals-in-japan/ (дата обращения: 21.05.2018).

[768] Иванов О.В. Сумо: живые традиции древней Японии. Пермь: Звезда, 2004. С. 79.

Только после этого начинается схватка. После команды рефери борцы должны одновременно коснуться кулаками земли и устремиться навстречу друг другу.

Исход большинства поединков в сумо решается в течение нескольких секунд. Схватка, длящаяся больше минуты, считается продолжительной. Победителем становится тот, кто вытолкнет противника за пределы внутреннего круга или опрокинет его на помост. Проигрывает *рикиси*, дотронувшийся до земли любой частью тела: коленом, пальцем или даже прядью волос.

После матча оба борца занимают свои места на *дохё:* напротив друг друга и кланяются. Независимо от того, выиграл *рикиси* или проиграл, он обязан сдерживать свои эмоции. Проигравший покидает круг, а победитель, сидя на корточках, ожидает, когда рефери внесет на своем веере *гумбай* конверты, в которых лежат 懸賞金 *кэнсё:кин* «призовые деньги».

История «призовых денег» восходит к истокам зарождения сумо. В древние времена *рикиси* получали землю, лошадей, рис, оружие. В эпоху Эдо брошенные на ринг деньги называли 投げ花 *нагэбана* «брошенные цветы». Эта практика впоследствии была запрещена, так как зрители в приступе восторга стали бросать на ринг кухонную утварь, другие тяжелые предметы.

Эрнст Гессе-Вартег так воспроизводил атмосферу, царившую на состязаниях борцов *сумотори* в начале XX в.: «Трудно описать, что тут происходит: волнение, крик и аплодисменты без конца. Обычно спокойные и вежливые японцы в таких случаях легко приходят в экстаз: шляпы, платки, веера, трубки, мешочки с табаком — все летит на арену к ногам низко кланяющегося во все стороны победителя. Служители заботливо поднимают брошенные вещи. Все эти вещественные доказательства восторга по окончании представления возвращаются обладателям за определенную сумму или обмениваются на какой-нибудь подарок»[769].

[769] Гессе-Вартег Э. Япония и японцы. Жизнь, нравы и обычаи современной Японии. / под ред. и с примеч. Д.И. Шрейдера. СПб., 1902. С. 202.

В годы Второй мировой войны, когда продукты были большой роскошью, борцы получали в качестве призов яйца и мясо[770].

Прежде чем взять конверты, борец выражает благодарность богам, правой рукой трижды рассекая воздух над конвертами. Этот жест, похожий на движение мечом, называется 手刀 *тэгатана* (иероглиф 手 *тэ* означает «рука»,刀 *катана* — «меч»). Если нет конвертов, он благодарит богов, быстрым движением проводя правой рукой по воздуху. С конвертами или нет, сумоист покидает *дохё:* и ожидает в углу, чтобы поднести *тикара мидзу* следующему борцу своей стороны.

После окончания всех поединков турнирного дня на помост выходит борец высшей лиги, чтобы исполнить церемонию «танец с луком» — 弓取式 *юмитори сики.* Ритуальный смысл церемонии состоит в воздании почестей победителям поединков прошедшего дня.

Мир сумо представляет собой строгую иерархическую лестницу. Каждый из членов Японской Ассоциации сумо: борцы, судьи, парикмахеры, старейшины, глашатаи знают, какую ступеньку лестницы они занимают, в соответствии с этим регламентируется их поведение, зарплата, одежда, прическа. Статус *рикиси* и его заработная плата полностью зависят от уровня в таблице 番づけ *бандзукэ*, определяющей строгую иерархию среди борцов. Высшим званием в сумо является *ёкодзуна*. Четких правил присвоения титула нет. Нужно иметь ранг «чемпион» 大関 *о:дзэки*, наибольшее количество побед и завоеванных императорских кубков. Комитет по выборам *ёкодзуны* дает рекомендацию Совету директоров Ассоциации сумо, который принимает решение о присвоении титула. Обязательным условием является наличие 品格 *хинкаку* «достоинства». *Хинкаку* подразумевает осознание ответственности в силу особого положения «великого чемпиона», объединяет все, что касается облика, мировосприятия и поступков сумоиста, является соотношением достоинства, изящества и безупречного поведения. Любой сомнительный поступок (употребление наркотиков, участие в

[770] Иванов О.В. Сумо: живые традиции древней Японии. Пермь: Звезда, 2004. С. 88.

договорных матчах, разрыв помолвки, игра на тотализаторе, участие в драке и т.п.) может негативно отразиться на карьере борца, и он никогда не получит звание *ёкодзуна.* Одно из проявлений *хинкаку* — спокойствие и выдержка, умение не выражать своих эмоций, чтобы «не потерять лицо».

Соответствовать этим требованиям очень сложно, поэтому «великих чемпионов» никогда не было много. Сейчас всего лишь три борца имеют ранг *ёкодзуна:* японец Кисэносато и двое монголов — Какурю и Какухо[771] . Кисэносато всего лишь семьдесят второй по счету *ёкодзуна* начиная с XVII в.

Несмотря на то, что сумо является традиционным для Японии единоборством, ведущие позиции в этом виде спорта занимают уроженцы Монголии. В ноябре 2017 г. широкий резонанс получил инцидент с выходцем из Монголии *ёкодзуна* Харумафудзи. Харумафудзи отказался от наивысшего титула «великий чемпион», который был присвоен ему за выдающиеся достижения, из-за избиения более молодого сумоиста Таканоива. Он нарушил принцип *хинкаку* и совершил поступок, не подобающий его званию. На пресс-конференции Харумафудзи присутствовал вместе со своим учителем Асахифудзи, главой школы сумо Исэгахама. «Как *ёкодзуна* я чувствую ответственность за травмы, которые получил Таканоива, и сегодня я ухожу <…> Я искренне, от всего сердца сожалею о том, что причинил неудобства людям, которые меня поддерживали, и совершил то, что не подобает ёкодзуна», — заявил он[772].

5.5. Зодиакальный календарь и традиционная система летосчисления

Отношение ко времени различается во многих культурах и имеет национально-специфические особенности, в которых отражаются история и духовный опыт народа. Восприятие «временных категорий всегда происходит в

---

[771] 番付表 — 日本相撲協会公式サイト[Таблица бандзукэ. Официальный сайт Ассоциации сумо] [Электронный ресурс]. URL: http://www.sumo.or.jp/ResultBanzuke/table/ (дата обращения: 11.06.2018).

[772] 朝日新聞 [Асахи симбун], 29.11.2017.

рамках мировоззренческих координат, характерных для конкретного культурного сообщества» [773] . Исследователи отмечают факт множественности времен, разнородности темпоральных отношений [774] . Исходным принципом анализа японской традиционной системы летосчисления считаем тезис Б.А. Успенского, который определял время как «условную масштабную сетку», «априорную схему, с которой соотносятся происходящие события» [775] . Полагаем, что систему летосчисления можно рассматривать как способ самоидентификации культуры, связующее звено между прошлым, настоящим и будущим. Исходя из задач исследования, перейдем к анализу зодиакального календаря, системы летосчисления в синхронном и диахронном аспектах.

В 604 г. в Японии был официально принят китайский зодиакальный календарь, основанный на китайской астрономии, космологии и философии. Он представляет собой комбинацию десятеричного цикла для обозначения дней 十干 *дзиккан* и двенадцатеричного цикла для обозначения лет 十二支 *дзю:ниси.* Календарь получил название 干支 *это или канси* — так читается сочетание двух последних иероглифов 干 *кан* и 支 *си*. В последнее время слово 干支 в основном используется как синоним выражения «двенадцать зодиакальных животных» 十二支 *дзю:ниси.*

В прошлом с помощью двенадцатеричного цикла обозначались не только годы, но и время суток, дни недели, месяцы, а также фазы лунного календаря. Кроме того, он использовался для гаданий и определения характера человека.

---

[773] Лихолетова О.Р. Концепт «間 МА» и способы его репрезентации в японском языке» // Филологические науки в МГИМО. 2019. № 19. С. 92–99. С. 92.

[774] Пак Г.С. Многомерное время истории как человеческой деятельности : дисс. … д-ра философ. наук. Екатеринбург, 2000; Мироненко Л.А. Временные границы повседневности : дисс. … канд. философ. наук. Владивосток, 2005; Аскин Я.Ф. Проблема времени. М.: Мысль, 1966; Гуревич А.Я. Время как проблема истории культуры // Вопросы философии. 1969. № 3. С. 105–116; Канке В.А. Формы времени. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1984.

[775] Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1: Семиотика истории : семиотика культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 44.

Наибольшей популярности зодиак достиг в эпоху Эдо (1603–1868). К этому времени каждое из двенадцати животных соотносилось с одним из восьми божеств — защитников из буддийского пантеона (четыре божества охраняют кардинальные сферы; другие четыре — полусферы, ассоциируясь с двумя животными из зодиака — таким образом охватывая все двенадцать)[776].

В 1872 г. Япония отказалась от лунного календаря в пользу солнечного (Григорианского), однако до сих пор во многих храмах используют лунный календарь, там же продают амулеты и фигурки знаков зодиака.

По китайским преданиям, до ухода Будды из этого мира только двенадцать животных выразили ему свою преданность. За это Будда удостоил их чести, назвав годы в порядке прихода к нему этих животных.

Первое зодиакальное животное цикла — мышь. За ней следует корова, тигр, кролик, дракон, змея, лошадь, овца, обезьяна, петух, собака и кабан. Изначально каждому году цикла соответствовал определенный иероглиф. Животное для каждого года соответствовало определенному иероглифу. Так было легче запомнить последовательность годов цикла.

Зодиакальный календарь до сих пор играет большую роль в повседневной жизни японцев, некоторые люди вместо возраста называют свой год по восточному календарю: «Я родился в год быка».

Каждому году в цикле дается своя характеристика, в зависимости от зодиакального знака и других параметров. Например, 2017 год, год петуха, считался в Японии «годом делового процветания и позитивного мышления», а 2018 год, год собаки — это «год надежной защиты, верности, самоотверженности и общительности»[777].

---

[776] Zodiac Animals & Zodiac Calendar — Buddhism in Japan and China [Электронный ресурс]. URL: http://www.onmarkproductions.com/html/12-zodiac.shtml (дата обращения: 01.02.2018).

[777] Японский зодиакальный календарь и 12 животных. Nippon.com — Информация о Японии [Электронный ресурс]. URL: https://www.nippon.com/ru/features/jg00110/ (дата обращения: 01.02.2018).

Наряду с григорианским календарем в Японии используется традиционное японское летосчисление, согласно которому календарные годы нумеруются в соответствии с «девизами правления императоров» — 元号 *гэнго:* или 年号 *нэнго:*.

Профессор Кавaниси Хидэя, специализирующийся на истории императорских традиций, называет *гэнго:* «символом эпохи». «При упоминании эпохи *Хэйсэй* люди думают о расколе и катастрофах, а вспоминая эру *Сё:ва,* на ум приходят мысли о войне и послевоенной реконструкции», — отмечает он[778].

По мнению директора Центра японских исследований при Портлендском государственном университете Кэна Руоффа, *гэнго:* — «часть японской идентичности», «напоминание о том, что в Японии есть монархия», «мягкая форма японского национализма»[779].

В 140 г. до н.э. в Китае стали использовать систему летосчисления, основанную на девизах правления императора. *Нэнго:* мог менять только император, сын неба, владыка Поднебесной, считавшийся повелителем пространства и времени. Это происходило во время стихийных бедствий, социальных потрясений. Япония заимствовала эту систему в 645 г. 大化 Тайка — «Великие преобразования» — стал первым девизом правления, ознаменовав начало проведения полномасштабных реформ в Японии.

Девиз правления, как правило, состоит из двух иероглифов и обязательно имеет благожелательный смысл, соответствующий представлениям народа об идеальном. 元年 *ганнэн* — первый год вступления императора на престол и начало новой эры, название которой совпадает с девизом правления.

«Выбор девиза правления — архиважное государственное дело. Для этого создавалась специальная комиссия при императорском дворце. Девиз правления

---

[778] Портякова Н. Время Рэйва: Япония объявила название новой эры // Известия. 02.04.2019 [Электронный ресурс]. URL: https://iz.ru/862695/nataliia-portiakova/vremia-reiva-iaponiia-obiavila-nazvanie-novoi-ery (дата обращения: 10.10.2019).

[779] NHK World-Japan. 29.03.2019. An expert view: Significance of era names in Japan [Электронный ресурс]. URL: https://www3.nhk.or.jp/nhkworld/en/news/backstories/416/ (дата обращения: 05.04.2019).

должен был фиксировать чудесное событие или иметь магическое благожелательное значение на данный период царствования», — отмечает Л.Р. Концевич[780].

Нэнго: объявляли по случаю вступления императора на престол, в связи со счастливыми предзнаменованиями или выдающимися событиями, стихийными бедствиями, эпидемиями и социальными катаклизмами[781]. Кроме того, девиз меняли в первом, пятом и пятьдесят восьмом годах шестидесятилетнего цикла по китайскому летосчислению. Эти годы получили название 三革 *санкаку* (三 — «три», 革 — «реформа»).

Согласно традиционному японскому оккультному 陰陽道 — «Учению об инь и ян», пришедшему в Японию из Китая в начале VI в., эти годы считались неблагоприятными, переломными, сулящими большие перемены. В конфуцианском Китае отступление от норм каралось, а залогом счастья считали размеренное существование. Врагу желали: «Чтоб ты жил в эпоху перемен!»[782]. Негативное отношение к переменам укоренилось и в Японии. Чтобы избежать потрясений, катаклизмов в первый год шестидесятилетнего цикла 革令, который приходился на 甲子の年 — «год мыши», пятый год 革運 — 戊辰の年 «год дракона» и пятьдесят восьмой год 革命 — 辛酉の年 «год петуха» императоры обязательно меняли девизы правления»[783] .

Причиной выбора нового *нэнго:* могло быть счастливое предзнаменование. В марте 650 г. император Котоку изменил девиз 大化 «Великие преобразования»

---

[780] Концевич Л.Р. Хронология стран Восточной и Центральной Азии. М.: Восточная литература РАН, 2010. С. 697.

[781] 日本大百科全書(ニッポニカ) [Энциклопедия Ниппоника] [Электронный ресурс]. URL: https://kotobank.jp/word/改元-457152 (дата обращения: 09.05.2019).

[782] Bryan W. Van Norden. Introduction to Classical Chinese Philosophy. Indianapolis: Hackett, 2011. 271 p. P. 53 [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru/books?id=TtK5750bm30C&pg=PA53&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 05.12.2020).

[783] 大辞林 第三版 [Толковый словарь Дайдзирин, 3 издание] [Электронный ресурс]. URL: https://kotobank.jp/word (дата обращения: 10.10.2019).

на 白雉 — «Белый фазан» в связи с тем, что в провинции Нагато поймали белоснежного фазана[784]. Белый цвет — сакральный цвет чистоты, а фазанов японцы считали посланниками богини Аматэрасу.

В 757 г. императрица Кокэн изменила девиз правления 天平勝宝 — «Мир Поднебесной — победоносное сокровище» (749–757) на 天平宝字 — «Мир Поднебесной — драгоценная надпись» (757–765). Поводом послужила надпись, сделанная шелкопрядом на листе тутового дерева, которую сочли счастливым знамением. «Небесный Владыка 8-го числа 5-й луны сошел на землю и возвестил, что император будет жить сто лет»[785].

Нэнго: могли быть связаны с памятными, знаковыми событиями в жизни общества. Например, в 708 г. в честь открытия залежей меди девиз правления императоров Момму и императрицы Гэммэй 慶雲 «Радужные облака» был изменен на 和銅 — «Японская медь»[786]. С наступлением эры *Вадо*: в Японии начали чеканить медные монеты 和同開珎.

О влиянии основных нравственно-религиозных принципов и постулатов буддизма и конфуцианства на мировоззрение японцев свидетельствуют девизы правления, появившиеся после проникновения этих учений в Японию из Китая. Например, 大同 – «Великое единство» (806-810), 弘仁 — «Всесторонняя человечность» (810–824), 天長 — «Высота небес» (824–834), 承和 —

---

[784] Концевич Л.Р. Хронология стран Восточной и Центральной Азии. М.: Восточная литература РАН, 2010. С. 722.

[785] 日本の元号がわかる事典てんぴょうほうじ[天平宝字] [Словарь гэнго: эра Тэмпё: хо:дзи] [Электронный ресурс]. URL: https://kotobank.jp/word/天平宝字-578833 (дата обращения: 12.10.2019).

[786] Петрова О.П., Горегляд В.Н. 1963. Девизы правления. Описание японских рукописей, ксилографов и старопечатных книг. Вып. I. М.: Восточная литература [Электронный ресурс]. URL:. http://www.orientalstudies.ru/rus/images/pdf/c_petrova_co_1963_v.pdf (дата обращения: 09.10.2019).

«Воспринимая гармонию» (934–848), 天延 — «Небесная продолжительность» (974–976) и другие[787].

В середине VII в. девизы правления не употреблялись. В 701 г. император Момму объявил о начале эры 大宝 — «Великое сокровище» (701–704). С тех пор *гэнго:* используются вплоть до наших дней[788].

Нэнго:, как правило, записывались двумя иероглифами, однако в эпоху Нара (710–794) пять девизов состояли из четырех иероглифов: 天平感宝 — «Мир Поднебесной — благодарность за сокровище» (749), 天平勝宝 — «Мир Поднебесной — победоносное сокровище» (749–757), 天平宝字 — «Мир Поднебесной — драгоценная надпись» (757–765), 天平神護 (765–767*)* — «Мир Поднебесной — божественная стража» (765–767), 神護景雲 — «Божественная стража — радужные облака» (767–777).

На протяжении царствования одного императора девизы могли менять неоднократно. При императоре Го-Дайго, правившим с 1318г. по 1339 г., сменилось 8 девизов[789].

В сентябре 1868 г. 122-й император Муцухито (Мэйдзи) подписал указ 一世一元の制 — «Один монарх — одна система правления». 23 сентября 1868 г. девиз 慶応 — «Радостное согласие» (1865–1868) заменили на новый — 明治 – «Просвещенное правление» (1868–1912). 11 февраля 1889 г. в первой редакции был принят «Закон об императорском доме», законодательно закрепивший

---

[787] 日本年号一覧 日本大百科全書（ニッポニカ）[Список японских нэнго:. Энциклопедия Ниппоника] [Электронный ресурс]. URL: https://kotobank.jp/word/日本年号一覧-1614547 (дата обращения: 12.10.2019).

[788] Broun Delmer M., Ishida Ichiro. The Future and the Past. A translation and study of the Gukansho, an interpretative history of Japan written in 1219. Berkeley: University of California Press, 1979. P. 32.

[789] Концевич Л.Р. Хронология стран Восточной и Центральной Азии. М.: Восточная литература РАН, 2010. С. 742.

систему «Один монарх — один девиз»[790]. Она должна была служить символом стабильности императорского правления. С этого времени в отношении девизов стал употребляться термин *гэнго:*, а не *нэнго:*[791].

Анализ эмпирического материала позволил заключить, что *нэнго:* служит способом вычленения, осмысления и воспроизведения исторического прошлого, на каждом этапе социокультурного развития раскрывается как форма общественного бытия.

Необходимо отметить, что начиная с эпохи 明治 *Мэйдзи* посмертное имя императора стало совпадать с девизом правления. 122-й император Японии Муцухито (1852–1912) вошел в историю как 明治天皇 — император *Мэйдзи.*

Период истории Японии с 1912 по 1926 г. получил название эпоха 大正– «Великая справедливость». Прижизненное имя императора *Тайсё:* — Ёсихито (1878–1926).

Летосчисление 昭和 *Сё:ва* — «Просвещенный мир» (1926–1989) стало самым долгим за всю историю Японии. Оно продолжалось 63 года. Прижизненное имя императора *Сё:ва* — Хирохито (1901–1989).

Эпоха 平成 *Хэйсэй* — «Установление мира» длилась с 8 января 1989 г. по 30 апреля 2019 г. Имя императора этой эпохи Акихито.

Обращаясь к исследованию концептуальной сущности названия новой эпохи Рэйва, рассмотрим процедуру выбора и утверждения *гэнго:* в современной Японии, предпосылки выбора названия и его интерпретацию в политическом дискурсе.

8 августа 2016 г., в 28 г. эпохи *Хэйсэй,* 82-летний император Акихито (23.12.1933) выступил с телевизионным обращением к японскому народу.

---

[790] 皇室典範 [Закон об императорском доме] [Электронный ресурс]. URL: https://www.kantei.go.jp/jp/singi/kousitu/dai1/1sankou.pdf#search= %27 皇室典範第 4 条 %27 (дата обращения: 05.10.2019).

[791] 所 功, 久禮旦雄, 吉野健一 [Токоро Исаму, Курэ Асао, Ёсино Кэнъити. Как понять историю Японии посредством нэнго:-гэнго:]、文春新書、2018.

Акихито заявил, что в силу преклонного возраста ему будет сложно исполнять обязанности в качестве символа государства и единства народа. «Мне уже исполнилось более 80 лет, к счастью, я здоров, но когда я думаю о том, что постепенно слабею, то беспокоюсь, что не смогу, как раньше, исполнять обязанности символа, прилагая все физические и душевные силы»[792].

Статья 4 皇室典範 Закона об императорском доме, вступившего в силу вместе с Конституцией 3 мая 1947 г., предусматривает наследование титула только в случае кончины императора: наследный принц становится императором сразу же после смерти предыдущего[793]. Кроме того, как указывает профессор Касахара Хидэхико, отречение императора по собственной воле было бы нарушением статьи 4 Конституции, определяющей отсутствие политических полномочий у императора-символа, поэтому вопрос, принимать ли отречение, должен быть решен в ходе широкого всенародного обсуждения[794].

В июне 2017 г. парламент Японии принял закон 天皇の退位等に関する皇室典範特例法 «О связанных с императорским отречением исключениях из традиционных положений об императорском доме». Этот закон не предусматривает последующих отречений. Он был принят с учетом настоятельного пожелания императора Акихито передать трон кронпринцу. 30 апреля 85-летний император Акихито отрекся от престола, титул 126 императора принял наследный принц Нарухито. Эпоха *Хэйсэй* завершилась. Прижизненная передача наследнику титула императора произошла в Японии впервые более чем

---

[792]象徴としてのお務めについての天皇陛下のおことば：象徴としてのお務めについての天皇陛下のおことば（ビデオ）（平成 28 年 8 月 8 日） — 宮内庁 [Выступление императора 8.08.2016. Официальный сайт Управления императорского двора] [Электронный ресурс]. URL: http://www.kunaicho.go.jp/page/okotoba/detail/12#41 (дата обращения: 20.08.2016).

[793] 皇室典範。 [Закон об императорском доме] [Электронный ресурс]. URL: https://www.kantei.go.jp/jp/singi/kousitu/dai1/1sankou.pdf#search= %27 皇室典範第 4 条 %27 (дата обращения: 05.10.2019).

[794] Касахара Хидэхико. 2017. Отречение императора и Закон об императорском доме [Электронный ресурс]. URL: https: // www.nippon.com/ru/in-depth/a05402/ (дата обращения: 10.04.2019).

за двести лет. Последний раз отказался от трона и передал полномочия своему сыну 119-й император Японии Кокаку (1771–1840) в 1817 г.[795]

Смена названия эры происходила в соответствии с 元号法 «Законом о *гэнго:*», принятым в июне 1979 г. кабинетом премьер-министра Охира Масаёси. «Закон о *гэнго:»* гласит: 1) *Гэнго:* определяется правительственным указом; 2) *Гэнго:* меняется только в случае смены императоров. Этот текст считается самым коротким японским законодательным актом [796].

В октябре 1979 г. также были приняты шесть принципов для выбора *гэнго:*. *Гэнго:* должен соответствовать идеалам нации, состоять из двух иероглифов, легко писаться, легко читаться, не быть использованным ранее в качестве девиза или посмертного имени императора и не быть широко используемым термином.

Утверждение нового девиза правления строго регламентируется. По указанию премьер-министра главный секретарь кабинета министров, главный секретарь канцелярии премьер-министра и главный секретарь законодательного бюро правительства проводят совещание, на котором тщательно рассматривают отобранные главным секретарём канцелярии премьер-министра варианты нового *гэнго:* и осуществляют первоначальный отбор. После этого на пленарном заседании кабинета министров проводится обсуждение. Затем премьер-министр связывается с председателями и заместителями председателей палаты представителей и палаты советников и узнает их мнение о вариантах нового девиза. После этого на заседании кабинета министров издается указ о смене *гэнго:*, соответственно, названия эры[797].

---

[795] インターネット版官 [Кампо:. Интернет-издание] [Электронный ресурс]. URL: https://kanpou.npb.go.jp/old/20170616/20170616g00128/20170616g001280036f.html (дата обращения: 08.10.2019).

[796] 元号について — 内閣府 [О гэнго:. Канцелярия премьер-министра] [Электронный ресурс]. URL: https://www.cao.go.jp/others/soumu/gengou/index.html (дата обращения: 05.04.2019).

[797] 元号選定手続について。 昭和 54 年 10 月 23 日 [О процедуре выбора гэнго. 23.10.1979] [Электронный ресурс]. URL: www.kantei.go.jp/jp/content/kakugihoukoku.pdf (дата обращения: 09.10.2019).

В отличие от предыдущих случаев смены *гэнго:*, впервые в истории Японии со времен конституции *Мэйдзи*, утвержденной в 1890 г., было принято решение объявить *гэнго:* за целый месяц до начала новой эры. Это было сделано для того, чтобы избежать путаницы в повседневной жизни японцев и подготовиться к переводу календаря на новое летоисчисление.

Еще в середине марта 2019 г. для отбора правильного, соответствующего духу времени, отражающего идеалы нации *гэнго:* была сформирована комиссия, в которую вошли двадцать лучших экспертов в области японской и китайской литературы, истории Японии и Восточной Азии. В первую очередь эксперты исключили варианты названия новой эпохи, начинавшиеся в латинском написании на M, T, S или H во избежание ассоциации с эпохами *Мэйдзи*, *Тайсё:*, *Сё:ва* и *Хэйсэй*[798].

1 апреля 2019 г. в резиденции премьер-министра Японии состоялась 元号に関する懇談会 Конференция по названию эры, в которой приняли участие видные деятели науки и культуры[799]. Участники конференции высказались относительно лучших из предложенных вариантов. Основной акцент при выборе источника был сделан на его происхождении. Эксперты поддержали вариант *Рэйва*, исходя из единодушного мнения о том, что источником для названия новой эры должно послужить произведение японской классики. После того, как были заслушаны председатели обеих палат парламента и их заместители, в резиденции премьер-министра состоялось внеочередное заседание кабинета министров, на котором было принято окончательное решение относительно названия новой эры. Главный секретарь управления императорского дворца Ямамото Синъитиро доставил

[798] 東京新聞、2019 年 4 月 2 日。「令和」来月 1 日から新元号」 [Токио симбун, 02.04.2019. Новый гэнго: Рэйва вступает в силу 1 мая] [Электронный ресурс]. URL: https://www.tokyonp.co.jp/article/politics/list/201904/CK2019040202000134.html (дата обращения: 03.05.2019).

[799]毎日新聞、2019 年 4 月 1 日。「元号」有識者懇メンバー9 人」 [Майнити симбун, 1.04.2019. Конференция с участием 9 экспертов по выбору нового гэнго:] [Электронный ресурс]. URL: https://mainichi.jp/articles/20190401/k00/00m/040/023000c (дата обращения: 05.04.2019).

официальное послание в Императорский дворец в Токио, а его заместитель во дворец Тогу, резиденцию наследного принца [800]. После этого генеральный секретарь кабинета министров Суга Ёсихидэ на пресс-конференции объявил название новой эры, продемонстрировав табличку с каллиграфически написанными иероглифами 令和 *Рэйва* на японской традиционной бумаге *васи* [801].

Важно отметить, что впервые за 1400-летнюю историю системы традиционного летосчисления иероглифы для названия эры были взяты не из китайских источников, а из старейшего сборника японской поэзии в жанре *вака* Манъё:сю «Антология мириад листьев», составленном в VIII в.

Для *гэнго:* были выбраны 令 *рэй* из 令月 *рэйгэцу* — «прекрасный месяц» и 和 *ва* из 風和 *кадзэ яварагu* — «мягкое дуновение» из предисловия к собранию 32 стихотворений о цветущей сливе. «13 дня 1-го месяца 2-го г. Тэмпё все собрались в доме благородного старца — генерал-губернатора Дадзайфу, пировали и сочиняли песни.

Был прекрасный месяц ранней весны. Приятно было мягкое дуновение ветерка. Сливы раскрылись, словно покрытые белой пудрой красавицы, сидящие перед зеркалом. Орхидеи благоухали, словно пропитанные ароматом драгоценные женские пояса, украшенные жемчугом. А в час зари возле горных вершин проплывали белые облака, и сосны, покрытые легкой дымкой, слегка наклоняли зеленые верхушки, словно шелковые балдахины. В часы сумерек горные долины

---

[800] 毎日新聞、2019年4月1日。陛下と皇太子さまに直接報告。　菅官房長官が「令和」発表前に [Майнити симбун, 1.04.2019. Император и наследный принц получают сообщение о названии новой эпохи Рэйва перед ее объявлением генеральным секретарем кабинета министров Суга] [Электронный ресурс]. URL: https://mainichi.jp/articles/20190401/k00/00m/040/108000c (дата обращения: 05.04.2019).

[801] 新元号の選定について | 首相官邸ホームページ [Об утверждении нового гэнго:. Официальный сайт премьер-министра Японии] [Электронный ресурс]. URL: https://www.kantei.go.jp/jp/headline/singengou/singengou_sentei.html (дата обращения: 10.06.2019).

наполнялись туманом, и птицы, окутанные его тонким шелком, не могли найти дорогу в лесах» (пер. А.Е. Глускиной)[802].

Премьер-министр Японии Абэ Синдзо, выступив на пресс-конференции, разъяснил смысл названия новой эпохи. *Рэйва* означает «рождение и расцвет культуры при объединении прекрасных людских сердец».

Таким образом, впервые источником для названия новой эры послужило произведение японской классики — поэтическая антология «Манъё:сю», сокровищница японской литературы. Абэ отметил, что антология Манъё:сю, написанная 1200 лет назад — ценнейший памятник культуры, символизирующий ее самобытные традиции. Антология содержит стихотворения представителей различных социальных слоев. Среди них не только императоры, члены императорского дома, аристократы, но и простые воины и даже крестьяне. Премьер-министр выразил надежду «на превращение Японии в процветающую страну, где будут во множестве цвести самые разные цветы». По его словам, *гэнго:* олицетворяет стремление каждого человека в Японии достичь высоких устремлений, подобно тому, как цветок японской сливы расцветает после суровой зимы: «Здесь описан вид прекрасной расцветающей сливы, когда после студеной зимы приходит весна»[803]. Премьер-министр подчеркнул, что с заимствованием названия из древней японской литературы будущим поколениям будут переданы древняя история, традиции, богатая культура и прекрасная природа каждого сезона. Глава правительства выразил надежду, что японский народ примет благосклонно имя новой эпохи.

---

[802] Манъёсю : [японская поэзия] : [антология] / пер. с яп., вступ. ст. и коммент. А.Е. Глускиной В 3 т. [Электронный ресурс]. URL: https: // loviknigu.ru/book/манъесю/read/page/1772 (дата обращения: 01.05.2019).

[803] 平成 31 年 4 月 1 日 安倍内閣総理大臣記者会見 | 令和元年 | 総理の演説・記者会見など | ニュース | 首相官邸ホームページ [Пресс-конференция премьер-министра Японии С. Абэ 1.04.2019. Официальный сайт премьер-министра] [Электронный ресурс]. URL: https://www.kantei.go.jp/jp/98_abe/statement/2019/0401singengou.html (дата обращения: 20.04.2019).

В тот же день было принято постановление № 143 от 1 апреля 2019 года 元号を改める政令 «О смене эры», получившее формальное одобрение императора, а также извещение от 1 апреля 2019 г. 元号の読み方に関する内閣告示 «О прочтении названия новой эры»[804].

МИД Японии сообщил 195 странам и международным организациям, которых официально признает Япония, что латинским алфавитом название новой эпохи записывается как *Reiwa*[805].

Обнародование нового девиза правления вызвало широкий резонанс, некоторые СМИ самостоятельно интерпретировали значения слова *Рэйва*. В частности, британская вещательная корпорация Би-Би-Си акцентировала внимание на основных словарных значениях иероглифа 令 *рэй* «приказ» и «порядок». В связи с этим 3 апреля 2019 г. Министерство иностранных дел Японии объявило, что на английский язык *Рэйва* переводится как *beautiful harmony* — «прекрасная гармония»[806].

Рассматривая традиционную систему летосчисления, важно подчеркнуть, что трансформационные преобразования, происходившие в Японии под влиянием проникающих в жизнь образцов американского варианта западноевропейской культуры, затрагивают все сферы социокультурной жизни японцев: заимствуются не только и не столько слова, сколько инокультурные понятия, которые, являясь культурными смыслами, привносят в японскую среду новое содержание, приводят к размыванию японской идентичности и традиционной системы ценностей. В повседневной жизни отношение к использованию традиционной

---

[804] 元号について — 内閣府 [О гэнго:. Канцелярия премьер-министра] [Электронный ресурс]. URL: https://www.cao.go.jp/others/soumu/gengou/index.html (дата обращения: 05.04.2019).

[805] 毎日新聞、 2019 年 4 月 1 日 [Майнити симбун, 1.04.2019. Посла США в Японии проинформировали о переводе нового гэнго: Рэйва на английский язык] [Электронный ресурс]. URL: https://mainichi.jp/articles/20190401/k00/00m/040/215000c (дата обращения: 05.04.2019).

[806] The Japan Times, April 3, 2019. Osaki Tomohiro. Japan assures world that Reiwa is all about «beautiful harmony» and has nothing to do with «command» [Электронный ресурс]. URL: https://www.japantimes.co.jp/news/2019/04/03/national/japan-assures-world-reiwa-beautiful-harmony-nothing-command/#.XchI3C1eOSM (дата обращения: 05.04.2019).

системы летосчисления также меняется. Согласно опросу, проведенному газетой «Майнити симбун», сейчас только 34 % опрошенных пользуются системой *гэнго:*, 25 % предпочитают григорианский календарь, а 34 % — в равной степени обращаются и к западной, и к японской системе летоисчисления. Аналогичный опрос, проведенный в 1975 г., показал, что в то время системой счета лет по годам правления императоров пользовались 82 % японцев[807].

Мы убеждены, что, несмотря на модификацию ценностных установок, смена эпох для подавляющего большинства японцев имеет сакральное значение. *Гэнго:* — это не просто способ подсчета лет, это маркер эпохи, актуализирующий дух времени, основные события и настроения определенного исторического периода.

Имя новой эры используется в большинстве официальных документов, будет отчеканено на монетах, напечатано в календарях наряду с летоисчислением в григорианском стиле

Выводы по главе

Мир повседневности скрывает множество кодов. Как точно отмечает российский культуролог Г.С. Кнабе, «…на языке знаков раскрывает свой культурно-исторический смысл материально-пространственная среда, окружающая каждого из нас, — архитектурная и повседневно-бытовая»[808]. Код повседневности в данной работе трактуется как предметно-материальная деятельность в пространственно-временном выражении, другими словами, жизненная сфера, воплощающая характер труда и досуга, образ жизни, мир вещей, окружающий человека. Ввиду многообразия структурных компонентов исследуемого кода в данной работе были рассмотрены лишь некоторые его составляющие: деньги, маркеры бытовой культуры, борьба сумо, зодиакальный календарь и традиционная система летосчисления. Интерпретация

[807] The Japan Times, April 1, 2019. Foster Malcolm. Japan's Imperial era names are societal bookmarks for politics, history and culture [Электронный ресурс]. URL: https://www.japantimes.co.jp/news/2019/04/01/national/japans-imperial-era-names-bookmarks-politics-history-culture/#.XbqSyi1eMU1 (дата обращения: 05.04.2019).

[808] Кнабе С.Г. Семиотика культуры : конспект учеб. курса. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2005. С. 47.

полисемантичности культурных ценностей и смыслов, заложенных в данных категориях, способствует постижению аксиологических оснований японской культуры, выявлению ее базовых системообразующих характеристик.

Итак, проведенный анализ позволил сформулировать следующие выводы.

– Деньги — важнейший элемент кода повседневности, универсальное средство, способное актуализироваться в различных дискурсах. Социокультурное отношение к деньгам отражает сложную систему не только материально-денежных отношений, но и систему духовно-нравственных и морально-этических ценностей социума в целом и духовного мира каждого индивида. Культурная составляющая денег и денежных отношений весьма значима: деньги — важный компонент культуры японского общества. Этнокультурными особенностями монетарного поведения японцев можно назвать особое отношение к наличным, обычай дарить деньги, отсутствие общепринятой системы чаевых. Напрасная трата денег чужда японцам, это не является частью их культуры. Наоборот, им свойственно поощрение бережливости, осуждение неразумных трат. Основные причины делать сбережения — подготовка к жизни в старости и создание средств на случай болезни или стихийных бедствий. Анализ фразеологических и паремиологических единиц, номинирующих различные свойства денег в японском языке, показал амбивалентное отношение к деньгам в Японии: в социуме преобладает отрицательное отношение к богатству, актуализирующее противоречивую природу этого социокультурного феномена: с одной стороны, деньги — жизненная необходимость, всемогущая сила, универсальный критерий качества жизни, с другой — нечто, противоречащее морально-этической системе ценностей. То есть, наличие моральной доминанты можно назвать еще одной этнокультурной особенностью отношения к деньгам. В мировосприятии японского народа отразилось архетипическое представление о том, что деньги должны быть честно заработанными, а истинное богатство состоит в наличии целого комплекса условий, включающих в себя не только материальное благополучие, но и трудолюбие, усердие, внутренний покой, духовность.

– Японская культура веками культивировала традиции повседневности, передавая их от поколения к поколению. Бытовая культура — особый модус жизненной сферы человека, ее своеобразие восходит к специфике культурно-исторического развития. Обычаи, привычки, правила поведения, весь жизненный уклад, передаваемый из поколения в поколение, не только обеспечивают культурно-историческую преемственность, но и служат важным фактором формирования культурного образа Японии. Одна из характерных черт японского быта — это стремление к его «миниатюризации», простоте в быту, что нашло отражение в небольших размерах традиционных помещений, в миниатюрности вещей повседневного обихода, в искусстве чайной церемонии, культуре вееров.

В качестве предметов анализа маркеров бытовой культуры были рассмотрены традиция *набэ,* культ камней, игра *дзянкэн* — «камень, ножницы, бумага», использование бамбуковых штор в повседневной жизни. Проведенный анализ показал, что маркеры бытовой культуры могут выступать приметой культурно-исторических эпох, служить объектами сакрализации, мифологизации и эстетизации, средством социокультурного взаимодействия и воспитания чувства общности.

– Японская национальная борьба сумо, впитавшая и обобщившая тысячелетний опыт единоборств, отличается оригинальностью и самобытностью. Являясь неотъемлемой частью культуры, сумо несет в себе особые культурные коды, вырабатывает собственную семиотическую систему ментальных смыслов, архетипов и отношений, отражающих характер ценностных установок японцев. Вехи становления и развития сумо тесно взаимосвязаны с общественными отношениями на разных этапах исторического развития. Зародившись как религиозный ритуал, сумо превратилось в профессиональный вид спорта, популярный не только в Японии, но и за ее пределами. С течением времени сумо стало восприниматься не только как религиозный ритуал, важное средство военной подготовки, но и как уникальный метод самосовершенствования и устойчивый элемент культуры.

Под влиянием глобализации сумо подвергается модификации, будучи сугубо японским видом спорта, становится интернациональным. Несмотря на наличие определенных барьеров, все больше иностранных атлетов становятся профессиональными борцами. В наши дни турниры сумо, сочетая элементы спорта, традиций, шоу и бизнеса, подобны театрализованному представлению, каждый элемент которого несет в себе глубокое сакральное начало. На наш взгляд, именно ритуалы и церемонии, неразрывно связанные с религией синто, ядром японской культуры, определяют этнокультурную специфику этого вида спорта.

– Исследование традиционной системы летосчисления и зодиакального календаря доказало, что систему летосчисления можно рассматривать как способ самоидентификации культуры, связующее звено между прошлым, настоящим и будущим. Выявлено сакральное отношение японцев к смене императора и эпох. Анализ истории возникновения, причины смены «девизов правления» позволил сделать вывод о том, что в качестве универсальной категории *гэнго:* может служить не только маркером определенного исторического периода, актуализирующим различные социокультурные контексты, но и многоуровневым смыслом, специфичным кодом культурной памяти, в котором отражается история и преемственность духовных ценностей.

ГЛАВА 6. АНТРОПОНИМИЧЕСКИЙ КОД

6.1. Фамильные антропонимы

Антропонимы — важнейшая часть любого языка, активно взаимодействующая с лексической системой в целом. На каждом этапе исторического развития они аккумулируют информацию об истории и быте народа, его духовных устремлениях, верованиях, культурных ценностях и традициях. Антропонимический код «шифрует» всю картину мира, выступая экспликатором и хранителем культурологической информации.

Состав антропонимов определяется историческими, экономическими, политическими, культурными факторами, поэтому многие из них несут на себе отпечаток соответствующей эпохи, «имеют свое идеологическое и социологическое наполнение»[809]. Японские личные имена и фамилии «являются своеобразным живым памятником таких явлений в истории языка и народа Японии, которые нельзя обнаружить ни в какой-либо другой области современного японского языка, ни в современной общественной жизни страны»[810]. В японском антропонимиконе функционирует обязательная двухкомпонентная формула именования: родовое имя (фамилия) + личное имя. Имя следует за фамилией.

Чтения японских имен собственных — одно из самых сложных явлений в японском языке. Трудности эти связаны с тем, что японские антропонимы записываются с помощью иероглифов, которые могут иметь несколько вариантов чтения[811]. К тому же у многих иероглифов, использующихся для обозначения

---

[809] Суперанская А.В. Общая теория имени собственного / отв. ред. А.А. Реформатский. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. С. 41.

[810] Капул Н.П. Японские имена и фамилии как явление языка и письменности // Словарь японских имен и фамилий / сост. Е.А Фолькман. М., 1958. С. 6–25. С. 7.

[811] Гуревич Т.М. Японская грамматика как зеркало национального менталитета // Россия и Запад: диалог культур : сб. статей XII международной конференции. МГУ 28–30 ноября 2007. Ч.

имен и фамилий, употребляются специальные чтения 名乗り *нанори*. Литературные памятники Японии показывают, что такого рода чтения существовали в древности, но с течением времени они исчезли из языка и остались только в области имен и фамилий.

Присущая языку кумулятивная функция определяет возможность накопления и отражения в антропонимах национально-культурной информации. Под национально-культурным компонентом семантики фамильных антропонимов понимается компонент фамилии, отражающий совокупность национально-специфичных знаний, представлений, коннотаций и ассоциаций, воплощающий специфические черты материальной и духовной культуры японского народа.

Фамилия — наследственное именование семьи и рода, передающееся из поколения в поколение, наиболее стабильный компонент имени, меньше всего подверженный внешним влияниям. Слово «фамилия» обозначается в японском языке несколькими синонимами: 名字（苗字） *мё:дзи*, 姓氏 *сэйси*, 姓名 *сёмэй,* 氏名 *симэй.*

Фамилия прибавляется к личному имени и переходит от отца (матери) к детям, а также от мужа к жене, указывает на принадлежность человека к определенной семье и фиксируется документально. Основными функциями этого антропонима являются следующие: объединяющая (объединяет членов одной семьи, рода); дифференцирующая (способствует различению членов одной семьи, одного рода от членов другой семьи, рода); идентифицирующая (идентифицирует человека в социуме)[812].

Появление института фамилий в Японии, обусловленное социально-экономическим развитием общества, принято относить к VIII–IX вв., на целых шесть столетий раньше, чем в России. Как и в других странах, первые фамилии

---

2. 2008. С. 26–32; Лихолетова О.Р., Чиронов С.В. Японская иероглифика. Сборник заданий и упражнений для старших курсов. М.: МГИМО-Университет, 2015.

[812] Мадиева Г.Б., Супрун В.И. Антропонимы как средство выражения национальной культуры // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010. № 6 (50). С. 96–102. С. 100.

были достоянием самых влиятельных японских семей — сёгунов, даймё — властителей провинций[813]. Никогда не было фамилии у императора Японии и членов его семьи. Все остальное население довольствовалось только личными именами или прозвищами.

Число аристократических фамилий было строго ограничено и имело древние корни. Каждый клан имел собственное родовое имя 姓 *удзи.* Наследственные титулы 姓 *кабанэ* указывали на социальный статус и род деятельности, передавались по наследству[814].

Родовое имя в сочетании с титулами и рангами использовалось для формирования социально-политической структуры государства, решения проблем в среде придворных, возвышения фаворитов и избавления от неугодных, служило «маркером социального статуса»[815]. Император мог не только жаловать имена, но и издавать указы об их лишении. Изгнание, арест, конфискация имущества считались менее опасными, чем лишение родового имени, поскольку человек «без имени» терял покровительство родового божества. Известны случаи временного «отлучения от имени»: от нескольких недель до года. Преступники должны были обязательно менять имя при должностном или ином преступлении, при ссылке в монашество (или, наоборот, разжаловании в простые миряне) и при отлучении от императорского дома. Лишению имени подвергали даже посмертно, чтобы бесчестье пало на потомков[816].

13 февраля 1875 г. новое, модернизированное и вестернизированное правительство Мэйдзи приняло законопроект 平民苗字必称義務 «Об

---

[813] Фролова Е.Л. Некоторые особенности японских имен собственных // Вестник Новосибирского государственного университета. 2002. Серия: История, филология. Т.1. Вып. 2. С. 70–77. С. 71.

[814] Suzuki Mami. A Long History of Japanese Names. 10.09.2014 [Электронный ресурс]. URL: https://www.tofugu.com/japan/history-of-japanese!-names/ (дата обращения: 02.02.2017).

[815] Collazo A.M. The Japanese Naming System-Morphology and Semantics of Individual Names. Thesis of Dissertation. Kyoto University (京都大学). 23.03.2016. 151 p. [Электронный ресурс]. URL: http://hdl.handle.net/2433/215635 (дата обращения: 02.08.2017).

[816] Фролова Е.Л. Этносоциальные функции имени в традиционной Японии : автореф. дисс. … канд. ист. наук. Томск, 2012. С. 20.

обязательной регистрации фамилий», согласно которому все граждане должны были зарегистрировать свои фамилии, используя разрешенные иероглифы. В честь этого события в Японии появился «День фамилий», который отмечается в наши дни 13 февраля [817].

В то время большую часть населения составляло крестьянство, наследственные наименования имели только аристократы, самураи, купцы, некоторые артисты. Большинство созданных тогда фамилий происходит от топонимов, так как люди отождествляли себя с регионом, где родились, или от названия профессии. Значение многих из них связано с характерными чертами крестьянской жизни, сельским пейзажем, выращиванием риса и его обработкой. Некоторые японцы выбирали исторические имена или фамилии представителей высших классов. Иногда фамилии просто придумывали или обращались к священнику для их создания. Наверное, это и объясняет существование огромного числа фамильных наименований в современной Японии.

По числу фамильных антропонимов Япония занимает второе место в мире после США (1 млн), затем с большим отрывом следует Финляндия (60 тыс.) и Великобритания (10 тыс.)[818]. Множество фамилий жителей США легко объяснить регулярным смешиванием разных наций и народов, постоянным наплывом беженцев и переселенцев. Япония, несмотря на свою исключительную гомогенность, значительно опережает другие азиатские страны по числу фамильных наименований. Например, в Китае, чьё население в 10 раз превышает население Японии, фамилий используется всего несколько тысяч, а в Корее около двух сотен[819].

---

[817] 苗字制定記念日(День фамилий) //日本実業出版、10.02.2017 [Электронный ресурс]. URL: http://www.njg.co.jp/column/column-22014/ (дата обращения: 24.08.2021).

[818] Power John. Japanese Names // The Indexer. June 2008. Vol. 26. No. 2. P. 4–8 [Электронный ресурс]. URL: https://www.theindexer.org/files/26-2/26-2-cp4_002.pdf. (дата обращения: 10.08.2017).

[819] Hoffman M. The long road to identity // The Japan Times. 11.10.2009 [Электронный ресурс]. URL: http://www.japantimes.co.jp/life/2009/10/11/general/the-long-roadtoidentity/#.WAOG0Dty6T8 (дата обращения: 24.08.2021).

«Большой словарь японских фамилий» антрополога Нива Мотодзи (1919–2006) насчитывает около 300 тыс. фамильных наименований [820]. При этом результаты исследования Нива говорят о том, что 96,4 % населения Японии носит всего лишь 7 тыс. фамилий, а 4 % из 300 тыс. представляют из себя редкие, трудно читаемые образования[821].

Как отмечает исследователь японских фамилий Мориока Хироси, согласно статистическим данным, в Японии насчитывается от 150 до 300 тыс. фамилий. Однако, по его мнению, реально используется около 100 тыс. Это объясняется значительной вариативностью японских фамильных антропонимов: так, фамилия Такисава может записываться разными иероглифами「滝沢」「滝澤」「瀧沢」「瀧澤」и звучать как Такисава или Такидзава. Таким образом, в справочники и словари включается 8 вариаций фамилий Такисава [822]. Кроме того, Мориока указывает на наличие большого числа так называемых 幽霊名字 *ю:рэй мё:дзи* — «фамилий призраков», т.е. фамилий, внесенных в справочники и словари, но не существующих на самом деле[823].

Как известно, в национально-культурной специфике имен собственных отражаются своеобразие культурно-исторического опыта народа, традиции, обычаи, верования, а также географические и климатические условия. Кроме того, в самом факте возникновения и развития системы фамилий фиксируются статус индивида в обществе, его место в картине мира, а в самом тематическом наборе

---

[820] 「日本苗字大辞典」[Большой словарь японских фамилий] 。 1996 年。 芳文館。1994 p.

[821] 丹羽 基二。 苗字を知ればルーツが分る [Нива Мотодзи. Если узнаешь фамилию, поймешь свое происхождение] // 教授対談シリーズ。09.2005 [Электронный ресурс]. URL: https://www.athomeacademy.jp/archive/culture/0000000147_01.html (дата обращения: 05.11.2016).

[822] 日本人の名字の数 [Число японских фамилий. Официальный сайт Х. Мориока] [Электронный ресурс]. URL: http://office-morioka.com/myoji/kazu.html (дата обращения: 16.11.2016).

[823] 幽霊名字とは [Фамилии-«призраки». Официальный сайт Х. Мориока] [Электронный ресурс]. URL: http://home.r01.itscom.net/morioka/myoji/yureimyoji.html (дата обращения: 04.11.2016).

фамилий — элементы этой картины[824]. Огромная роль, которую играют фамилии в обществе при идентификации личности, свидетельствует о важности изучения фамилий не только в историческом и культурологическом аспектах, но и в лингвистическом.

Более 80 % современных японских фамилий происходят от топонимов[825]. В них чаще всего используются иероглифы, связанные с семантическим полем «природа». Исследователи объясняют это анимистическими взглядами японцев: природа в национальном сознании носит сакральный характер[826].

Наиболее частотными являются следующие иероглифы: 川 *кава* «река», 橋 *хаси* «мост», 井 *и* «колодец», 田 *та, да* «рисовое поле», 原 *хара, бара, вара* «равнина», 野 *но* «поле», 芝 *сиба* «газон», 藤 *фудзи* «глициния», 松 *мацу* «сосна», 杉 *суги* «криптомерия», 竹 *такэ* «бамбук», 木 *ки* «дерево», 林 *хаяси* «роща», 森 *мори* «лес», 坂 *сака* «склон», 岡 *ока* «холм», 山 *яма* «гора», 池 *икэ* «пруд», 沼 *нума* «болото», 石 *иси* «камень», 岩 *ива* «скала», 谷 *тани* «долина», 浜 *хама* «берег», 島 *сима* «остров», 村 *мура* «деревня», 戸 *то* «дверь», 宮 *мия* «дворец», 神 *ками* «бог»[827].

Анализ лексико-семантических характеристик фамильных именований позволяет выделить следующие группы:

1. Фамилии, образованные от географических названий: 以東 Ито:, 上杉 Уэсуги, 成田 Нарита и др.

---

[824] Рылов Ю.А. Имена собственные в европейских языках : романская и русская антропонимика : курс лекций по межкультурной коммуникации. М.: АСТ, 2006. С. 163–164.

[825] 森岡浩 。 名字の日本史 [Мориока Хироси. История фамилий]。ビジネス社、2005年。247 p.

[826] 阿部武彦 。氏姓 [Абэ Такэхико. Фамилия]、日本歴史親、東京、至文堂、1960年。170 p. P.152–153; Plutschow Herbert E. Japan's Name Culture: the Significance of Names in a Religious, Political and Social context. 1995. Japan Routledge; 1 edition. 256 p. P. 2.

[827] 日本人の名字 [Японские фамилии. Официальный сайт Х. Мориока] [Электронный ресурс]. URL: http://home.r01.itscom.net/morioka/myoji/ (дата обращения: 16.11.2016).

2. Фамилии, компонентами которых являются наименования явлений природы: 小川 Когава — «маленькая река», 山田 Ямада — «горное рисовое поле», 小島 Кодзима — «маленький остров», 市川 Итикава — «городская река» и др.

3. Фамилии, образованные от названия профессий:犬養 Инукаи — «заводчик собак», 鳥飼 Торикаи — «человек, который занимается разведением птиц», 鍛冶 Кадзи — «кузнец», 服部 Хаттори — «производитель текстильной продукции».

4. Фамилии, компонентами которых являются иероглифы, обозначающие стороны света: 北 «север», 南 «юг», 西 «запад», 東 «восток» и другие пространственные обозначения: 上 «верх», 下 «низ»,中 «внутри», 末 «конец», 尻 «задняя часть» и др. Например, 西村 Нисимура — «западная деревня», 西田 Нисида — «западное поле», 中島 Накадзима — «середина острова», 村上 Мураками — «деревня», «вверх» и др.

5. Фамилии, образованные от терминов, имеющих отношение к буддизму и синтоизму: 宮崎 Миядзаки — «храм, дворец», «мыс», 寺田 Тэрада — «буддийский храм», «поле», 宮本 Миямото — «храм, дворец», «основа» и др.

6. Фамильные образования, восходящие к придворным чинам и геральдическим титулам 姓 *кабанэ*: 連 *мурадзи* — «старосты сёл», 臣 *оми* — «слуга», «придворный», 直 *атаи* — «прямой слуга». До реформы Тайка в 645 г. существовало 30 титулов, которые император жаловал своим вассалам [828]. Иероглиф 御 *го, гё:* в фамилии указывал на то, что человек служит императору, например, 御門 Микадо.

7. Фамилии, в которых присутствует иероглифы, связанные с основным продуктом японской кухни — рисом: 飯田 Иида — «вареный рис», «поле», 米田 Ёнэда — «рисовое поле», 酒井 Сакаи — «рисовое вино», «колодец» и др.

---

[828] 新編。日本史辞典 [Новое издание. Словарь истории Японии]。京大日本史辞典編纂会、東京創元社、1994 年。1457 p. P. 190.

8. Фамилии, в которых присутствует иероглиф 藤 «глициния», ассоциирующийся со знаменитым аристократическим кланом 藤原 Фудзивара, властвовавшим в течение эпохи Хэйан (794-1185): 斎藤 Сайто: — «религиозный ритуал», глициния», 加藤 Като: — «прибавлять», «глициния», 藤田 Фудзита — «глициния», «поле» и др.

9. Под влиянием глобализации в японской антропонимической системе появляются иноязычные фамилии. Если иностранный гражданин рассчитывает получить японское гражданство, он может записать свою фамилию иероглифами, соответственно, она подвергается фонетической и морфологической адаптации в языке-реципиенте. Так, например, футболист Сантос Алессандро (Santos Alessandro) изменил фамилию на 三都主 アレサンドロ Сантосу Арэсандоро, а гитарист Клауди Тиари (Claude Ciari) 智有 蔵上人 стал Тиари Кураудо[829].

Фамилии могут состоять из одного иероглифа, например, 森 Мори; двух — 阿部 Абэ; трех иероглифов — 佐佐木 Сасаки. Фамильные образования, записанные четырьмя или более знаками, встречаются очень редко. Основы в составе имен и фамилий могут быть японскими — 和語 *ваго* и китайскими 漢語 — *канго*. *Ваго* — 橋本 Хасимото, *канго* — 阿部 Абэ. Кроме того, есть фамилии, где один компонент китайский (本), другой — японский (田), например, 本田 Хонда.

70 % фамилий состоят из двух иероглифов, из них большая часть приходится на фамилии из японских корней, которые наиболее просты для прочтения. К этой группе можно отнести антропонимы, компонентом которых являются прилагательные в форме 2-й основы: 小 «маленький», 大 «большой», 白 «белый», 黒 «черный», 高 «высокий» и др. 高木 Такаги — «высокое дерево», 黒田 Курода — «черное поле», 小林 Кобаяси — «маленькая роща» и др.

---

[829] Suzuki Mami. How «Cow Poop» Became A Real-Life Japanese Family Name. September 3, 2014 [Электронный ресурс]. URL: https://www.tofugu.com/japan/cow-poop-is-a-japanese-surname/ (дата обращения: 04.10.2016).

Некоторые фамилии являются уникальными и редкими, они находятся на грани исчезновения, так как их носит всего лишь несколько японских семей. Например, 回り道 Маваримити «окольный путь, объезд» (3 семьи), 東京 То:кё: «Токио» (1 семья из г. Осака), 鰻 Унаги «угорь» (2 семьи), 猫屋敷 Нэкоясики — «кошкин дом» (5 семей), 降魔 Го:ма «падший дьявол» (2 семьи), 七五三田 Симэта «753 поля» (2 семьи)[830]. Встречаются необычные фамилии с нестандартными чтениями. В эту группу можно включить антропонимы, обозначающие числа месяца. Например, число 正月一日 — «1 января», которое произносится как *сё:гацу цуйтати,* может быть фамилией Ара или Ао. Дата 4 апреля 四月一日 *сигацу цуйтати* может использоваться в качестве фамилии и в этом случае звучать как Цубоми или Ватунуки. Числа 123 一二三 «ити ни сан» также могут служить фамилией с чтением Хифуми. Число 753 в качестве наименования произносится как Симэ или Нагоми.

Самой сложной для прочтения оказалась фамилия, записываемая простым иероглифом 九 *ку* «девять»: она имеет чтения Итидзику, Итиноку, Ку, Кутиноку, Мару[831].

Некоторые редкие антропонимы произошли от апеллятивной лексики, обозначающей продукты питания: 砂糖 Сато: «сахар», 味噌 Мисо «паста мисо», 塩 Сио «соль», 素麺 Со:мэн «пшеничная лапша»[832].

---

[830] 日本に現在 5 世帯以下しかいない絶滅寸前の「珍しい名字」20 選 | エンタメウス [20 редких японских фамилий (их носят меньше пяти семей, находящихся на грани исчезновения)] [Электронный ресурс]. URL: http://entermeus.com/72209/ (дата обращения: 02.11.2016).

[831] 読めそうで読めない苗字ランキング — gooランキング[Рейтинг фамилий, которые невозможно прочитать при всем желании] // goo ランキング、04.10.2016 [Электронный ресурс]. URL: https://ranking.goo.ne.jp/column/363 (дата обращения: 13.11.2016).

[832] 実在する日本人の珍しい苗字25選！ 信ジられないけど存在する凄い苗字|ニュース＆エンタメ情報 [25 удивительных фамилий: невозможно представить, что такие отвратительные фамилии существуют] // Yumerumo news, 21.01.2017 [Электронный ресурс]. URL: http://news.merumo.ne.jp/article/genre/5614223 (дата обращения: 15.08.2017).

Отдельную группу составляют неблагозвучные и странные фамилии, имеющие отрицательные коннотации. Например, 牛糞 Усикусо «коровий навоз», 馬尻 Умадзири «лошадиный зад», 蛭沼 Хирунума «болото с пиявками», 鬼 Ому «дьявол», 禿 Току, Камуро, Хагэ «лысина», «плешь», 霊園 Рэйэн «кладбище», 馬鹿 Масика «дурак» (по-японски слово «дурак» звучит *бака*, но записывается данными иероглифами).

В Японии регулярно составляются всевозможные рейтинги фамилий, в том числе неблагозвучных и странных, подсчитывается число их владельцев. Так например, 1000 человек носит фамилию 白髪 Сирага, что означает «седина», 400 человек фамилию 百足 Мукадэ «сороконожка», «скалапендра», 400 человек фамилию 髭 Хигэ «борода», 30 человек фамилию 肥満 Химан или Комицу «толстяк», 20 человек фамилию 鼻毛 Ханагэ «волосы в носу» [833] .

Несмотря на наличие в японском антропонимиконе редких, уникальных, неблагозвучных и сложных для прочтения фамилий, наиболее частотные не представляют трудности и за редким исключением состоят из двух иероглифов.

Таблица 1 — Самые распространенные фамилии в Японии по состоянию на август 2021 г.[834]

n/n	Японские фамилии	Значения иероглифов японских фамилий	Число носителей фамилии
1. 佐藤	Сато:	佐 «помощник», 藤	1 862 000 чел.

[833] 悪い意味を持つ漢字を含む苗字」挙げてくわ/哲学ニュース [Фамилии, в состав которых входят плохие иероглифы] // 哲学ニ、 20.03.2016 [Электронный ресурс]. URL: http://blog.livedoor.jp/nwknews/archives/5024528.html (дата обращения: 09.08.2017).

[834] Таблица составлена по данным сайта 名字由来 net Мё:дзи ю:рай, использующего данные правительственной статистики и телефонных справочников для составления рейтингов и подсчетов числа носителей фамилий. База данных сайта включает 300 000 японских фамилий. 名字検索 No.1／名字由来 net｜日本人の名字(苗字) 98 %以上を掲載!!｜全国名字ランキング TOP 200 [Всеяпонский рейтинг фамилий. 200 самых распространенных фамилий] [Электронный ресурс]. URL: https://myojiyurai.net/prefectureRanking.htm https://myoji-yurai.net/prefectureRanking.htm (дата обращения: 17.08.2021).

		«глициния»	
2. 鈴木	Судзуки	鈴 «колокольчик», 木 «дерево»	1 791 000 чел.
3. 高橋	Такахаси	高 «высокий», 橋 «мост»	1 405 000 чел.
4. 田中	Танака	田 «поле», 中 «середина»	1 330 000 чел.
5. 伊藤	Ито:	伊 «щеголь», 藤 «глициния»	1 069 000 чел.
6. 渡辺	Ватанабэ	渡 «переправляться», 辺 «окрестности»	1 059 000 чел.
7. 山本	Ямамото	山 «гора», 本 «основа»	1 045 000 чел.
8. 中村	Накамура	中 «середина», 村 «деревня»	1 040 000 чел.
9. 小林	Кобаяси	小 «маленький», 林 «лес»	1 024 000 чел.
10. 加藤	Като:	加 «добавлять», 藤 «глициния»	884 000 чел.
11. 吉田	Ёсида	吉 «удача»,田 «поле»	826 000 чел.
12. 山田	Ямада	山 «гора», 田 «поле»	810 000 чел.
13. 佐々木	Сасаки	佐 «помощник», 木 «дерево»	669 000 чел.
14. 山口	Ямагути	山 «гора», 口 «рот»	640 000 чел.
15. 松本	Мацумото	松 «сосна», 本 «основа»	625 000 чел.
16. 井上	Иноуэ	井 «колодец», 上 «верх»	612 000 чел.
17. 木村	Кимура	木 «дерево», 村 «деревня»	573 000 чел.
18. 林	Хаяси	林 «роща»	543 000 чел.
19. 斎藤	Сайто:	斎 «религиозный ритуал», 藤 «глициния»	540 000 чел.
20. 清水	Симидзу	清 «чистый», 水 «вода»	530 000 чел.

Анализ первых по частотности двадцати фамилий выявил преобладание антропонимов, компонентом которых является иероглиф, указывающий на естественные географические особенности местности и пейзажа: «поле», «гора», «роща», «окрестности», «деревня», «лес», «колодец», «мост», «вода», а также фамилий, связанных с фитонимами, произрастающими в Японии: «глициния», «сосна», «дерево», «колокольчик».

Ряд фундаментальных трудов Х. Мориоки посвящены происхождению японских фамилий[835]. Как указывает ученый, японцы с фамилиями 渡辺 Ватанабэ

[835] 森岡浩 。 名字の日本史 [Мориока Хироси. История фамилий]。 ビジネス社、2005年。 247 p.; 森岡浩 。 全国名字大辞典 [Мориока Хироси. Большой словарь японских фамилий]。編

и 安倍 Абэ являются прямыми потомками японских императоров. Мориока отмечает, что бывший премьер-министр Японии Синдзо Абэ является потомком «живого бога» восьмого императора династии Ямато Ко:гэн [836].

Обратимся к этимологии трех самых частотных фамилии — 佐藤 Сато:, 鈴木 Судзуки, 高橋 Такахаси, которые носят 5 млн 58 тыс. японцев. Х. Мориока, исследуя «тайны фамилий», подчеркивает, что иероглиф 藤 *mo:* в фамилии Сато: означает «глициния», «фудзи», что сразу же отсылает к клану Фудзивара. Иероглиф 佐 *са* имеет альтернативное чтение *сукэ* «титул в бюрократической системе». В конце XII в. произошла первая гражданская война между кланами 源氏 Гэндзи и 平家 Хэйкэ, западные Хэйкэ были разгромлены, а их земли отошли Сато:, пришедшим на их место и взявшим контроль в свои руки. Мориока приходит к выводу, что почти два миллиона современных Сато: в той или иной степени являются потомками Фудзивара. Данная фамилия, главным образом, распространена в восточной части Японии, за исключением префектур Хиросима, Токусима и Оита.

Слово Судзуки на местном диалекте полуострова Кии первоначально означало «тюк рисовой соломы». Сейчас фамилия Судзуки встречается в восьми префектурах регионов Канто и Токай, а в 19 префектурах входит в десятку наиболее частотных.

Такахаси является наиболее распространенной из множества антропонимов, берущих свое происхождение от топонимов. Такахаси означает «высокий мост».

東京堂出版、2011年。780 p.; 森岡浩 。名字の謎 [Мориока Хироси. Тайны фамилий]。改訂版、筑摩書房、2011年。363 p.; 森岡浩 。ルーツがわかる名字の事典 [Мориока Хироси. Словарь происхождения японских фамилий]。 大月書店、2012年。321 p.; 森岡浩 。知ってる? 名字の話 [Мориока Хироси. Вы это знаете? Рассказы о фамилиях]。監修 宝島社、2015年。63 p.

[836] 渡辺」「安倍」は天皇の子孫、“藤”が付く名字は藤原氏の末裔…つい話したくなる「名字」の雑学！ [Ватанабэ и Абэ — потомки императора, владельцы фамилий с иероглифом «глициния», имеют отношение к клану Фудзивара] // ダ・ウィンチニュース、29.05.2015 [Электронный ресурс]. URL: http://ddnavi.com/news/241064/a/ (дата обращения: 05.02.2017).

Сегодня в Японии мосты можно встретить где угодно, но в прежние времена они были достаточно редки, настолько, что явно выделяли среди прочих местность, в которой находились[837]. Еще с мостами связаны фамилии 橋本 Хасимото «основа моста», 大橋 О:хаси «большой мост» и 石橋 Исибаси «каменный мост».

6.2. Мужские имена

Уже более двух тысяч лет, начиная с платоновского диалога «Кратил»[838], имена собственные привлекают внимание логиков и философов, а также представителей других гуманитарных наук.

«Антропонимы — самый загадочный класс слов любого языка. Все аспекты их онтологии и функционирования представляют собой целый ряд особенностей, которые отражают всю сложность и противоречивость его носителя и создателя — человека»[839].

В мужских японских именах чаще, чем в женских, встречаются нестандартные и редкие чтения, а также необычные модификации компонентов. Несмотря на то, что многие типичные японские имена можно записать понятными иероглифами и легко прочитать, многие родители выбирают имена с необычными иероглифами или произношением. Такие имена не имеют однозначного чтения или написания.

---

[837] 日本人の名字ランキング [Рейтинг японских фамилий. Официальный сайт Х. Мориока] [Электронный ресурс]. URL: http://office-morioka.com/myoji/best200.html (дата обращения: 02.11.2016).

[838] Платон. Кратил. Диалоги — Электронная Библиотека античной философии. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Platon/kratil.php (дата обращения: 02.10.2017).

[839] Рылов Ю.А. Имена собственные в европейских языках : романская и русская антропонимика : курс лекций по межкультурной коммуникации. М.: АСТ, 2006. С. 11.

В электронном словаре имен お名前辞典 представлено более 100 тыс. мужских имен[840]. При выборе имени для мальчика родители предпочитают наиболее понравившиеся иероглифы, исходя из их значения. В Японии до сих пор сохраняется многовековая традиция выбирать такие иероглифы, которые бы символизировали и предопределяли судьбу новорожденного и черты его характера — честность, справедливость, рассудительность, смелость, надежность[841].

Например, популярное в Японии имя Хирото имеет 108 вариантов написания[842]. В зависимости от выбранных иероглифов имя может означать 光斗 «светлый», 優斗 «выдающийся», 大人 «взрослый», 大空 «небесный» и т.д. Кроме того, имя 大翔 Хирото, записанное иероглифами 大 «большой» и 翔 «полет», имеет 14 вариантов прочтения: О:га, Харуто, Ямато, Дайто, Тайга, Сора, Тайто, Масато, Ямато и др. Зачастую лишь носитель имени может точно знать, как оно произносится.

Имя Рэн можно записать, используя 40 сочетаний одного или двух иероглифов. Например, 廉 «мужественный», 恋 «любовь», 蓮 «лотос», 蓮武 «лотос», «мужественный» и т.д.[843]

Мужские антропонимы часто заканчиваются иероглифами с чтением 郎 *po:* «сын», «мужчина», 朗 *po:* «ясный», «светлый», «чистый», 大 *ma* «большой», 太

---

[840] お名前辞典 — 赤ちゃん・子供の名前 約 18 万件から検索できる名前辞書[Словарь детских имен — 180 тысяч единиц] [Электронный ресурс]. URL: http://name.m3q.jp (дата обращения: 12.10.2017).

[841] Лихолетова О.Р. Японские приметы и суеверия как источник лингвокультурологической информации // Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания : материалы науч.-методич. конференции «Японский язык в вузе» (октябрь 2014 г.). М.: Ключ-С, 2015. Вып. 12. С. 74–83. С. 74.

[842] お名前辞典 — 赤ちゃん・子供の名前 約 18 万件から検索できる名前辞書。ひろと Словарь детских имен-180 тысяч единиц. Хирото] [Электронный ресурс]. URL: http://name.m3q.jp/list?s=ひろと&g=1 (дата обращения: 11.10.2017).

[843] お名前辞典 — 赤ちゃん・子供の名前 約 18 万件から検索できる名前辞書。れん [Словарь детских имен — 180 тысяч единиц. Рэн] [Электронный ресурс]. URL: http://name.m3q.jp/list?g=&s=れん (дата обращения: 02.10.2017).

та «толстый». Например, 愛太郎 Айтаро:, 一郎, 一朗 Итиро:,健太 Кэнта. Кроме того, компонентом многих мужских антропонимов являются числительные 一 *ити «один»,* 二 *ни* «два». Иероглиф 一 *ити* в имени означает «первый сын», 二 *ни* — «второй сын», 次 *дзи* — «следующий», например 次郎 Дзиро:.

В мужских именах, записанных двумя иероглифами, часто используются иероглифы — показатели мужского имени: 夫 *о* «муж» (助夫 Сукэо,) 男 *о* «мужчина» (明男 Акио), 雄 *о* «герой» (熊雄 Кумао), иероглифы 樹 *ки* «дерево» (新樹 Араки), 助 *сукэ* «помощник» (勘助 Кансукэ) и многие другие.

Мужские личные имена — пласт антропонимической лексики, который подвергался трансформации на протяжении столетий.

Согласно исследованиям страховой компании Мэйдзи Ясуда сэймэй, с 1920 по 1970 гг. самым распространенным именем в Японии было Хироси.

В 1973 г. вышла манга 愛と誠 *ай то макото* «Любовь и искренность». После этого необычайную популярность приобрело имя Макото, записанное одним иероглифом 誠 *макото* «искренность», «правдивость».

В 80-е и 90-е гг. прошлого века многие родители называли сыновей Акира. Это объяснялось всемирной известностью режиссера Акиры Куросавы, а также популярностью научно-фантастической манги «Акира» Кацухиро Отомо. Манга выходила в журнале «Young Magazine» с 1982 по 1990 гг., позже была издана в шести томах объемом 2000 страниц издательством Ко:дансяа. Сейчас имя Акира вышло из моды, правда, им стали называть и девочек.

В 90-гг. благодаря популярности актера, модели Такаси Соримати (родился в 1973 г.) многие родители выбрали имя Такаси[844].

Е.Л. Фролова, анализируя основные тенденции изменения личных мужских имен, отмечает: «В первой половине XX в. в десятке мужских имен стабильно держатся имена Киёси, Хироси, Осаму, Сигэру (в разном написании). Десятка

[844] Japanese Common names For Boys [Электронный ресурс]. URL: https://www.spinjapan.net/japanese_common_names_for_boys/ (дата обращения: 22.09.2017).

самых популярных имен почти постоянна, имена только меняют свои позиции. Преобладают имена, образованные от глаголов (Исаму, Сусуму) или прилагательных в старой форме (Хироси, Такаси, Тадаси). Часто встречаются и имена с окончанием -po: (Сабуро:, Дзиро:). Изменения начинаются со второй половины XX в., появляются имена с окончаниями -ка, -ки (Ютака, Наоки). С начала 80-х гг. особенно популярными становятся мужские имена с окончанием -та (Кэнта, Сё:та). На рубеже веков первая десятка имен полностью изменяется, лидируют новые имена: 翔 Сё::, 翼 Цубаса, 大樹 Дайки, 海斗 Кайто, 蓮 Рэн»[845].

Согласно исследованиям страховой компании Мэйдзи Ясуда сэймэй, в течение эры Хэйсэй (1989–2019) самым популярным именем у мальчиков было Хирото (大 — «большой»; 翔 — «полёт»). Оно занимало первое место восемь раз. На втором месте имя 翔太 Сё:та (翔 — «полёт» и 太– «большой, великий»), возглавившее рейтинг шесть раз. На третьем месте Рэн (蓮 — «лотос»), оно занимало первое место пять раз[846].

В Японии ежегодно составляют рейтинги популярных имен.

Таблица 2 — Десятка самых распространенных имен в 2019 г. [847]

1. Рэн	れん 蓮 （廉 廉大 怜 怜音 恋 恋音 憐 漣 鏡音 蓮武）
2. Харуто	はると 陽翔 （一温 優音 墾任 大斗 大翔 大透 大門 天翔 始寿 心陽）

[845] Фролова Е.Л. Мужские имена у японцев // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2006. Т. 5. Вып. 4. С. 61–67. С. 65–66.

[846] 明治安田生命「生まれ年別の名前調査」特別企画 ~子供の名前て◌振り返る「平成 30 年史」~ [Мэйдзи Ясуда Сэймэй. Исследование популярности имен в различные годы. 30-летняя история имен эпохи Хэйсэй] [Электронный ресурс]. URL: https://www.meijiyasuda.co.jp/profile/news/release/2018/pdf/20190329_01.pdf#search= %27 平成名前ランキンク◌゛%27 (дата обращения: 29.07.2020).

[847] 明治安田生命 | 名前ランキング 2019 — 名前ベスト 10 の読み方 — 男の子 [Рейтинг имен страховой компании Мэйдзи Ясуда Сэймэй. 10 лучших мужских имен 2019 г.] [Электронный ресурс]. URL: https://www.meijiyasuda.co.jp/enjoy/ranking/read_best10/index.htm (дата обращения: 22.07.2020).

3. Арата	あらた 新 （亜良多 亜良太 安良太 嵐多 嵐太 愛羅太 改太 新 新多 ）
4. Минато	みなと 湊 （三奈戸 光翔 南人 南夏都 南斗 南那斗 南都 南音 奏海 ）
5. Аой	あおい 蒼 (亜乙已 亜和一 亜和伊 亜和衣 亜夫維 亜夫衣)
6. Рицу	りつ 律 (利月 利都 律 立 里津)
7. Ицуки	いつき 樹 (一來 一喜 一基 一妃 一嬉 一季 一己 一希 一希一月)
8. Хирото	ひろと 大翔 （優斗 光斗 博人 博尊 博斗 博永 博渡 博翔 大人 大空 ）
9. Ю:ма	ゆうま 悠真 (佑馬 佑麻 侑眞 侑真 侑磨 侑麻 優宇 優守 優摩 優真)
10. Асахи	あさひ 朝陽 (亜佐日 亜佐陽 亜早陽 亜沙斐 亜沙陽 亜紗陽 光皐陽)

Начиная с 2010 г. детям стали давать キラキラネーム *киракира нэ:му* «сверкающие», «блестящие имена». Их невозможно прочитать даже японцам, так как для их записи часто используют 当て字 *атэдзи* — иероглифы, употребляемые чисто фонетически, или не в их привычных чтениях, а только по смыслу [848].

«Сверкающие имена» могут быть созвучны иностранным, записанными понравившимися иероглифами. Например, 真九州 Маккусу (Макс), 馬周 Массю: (Мэтью), 栄務 Абурахаму (Авраам), 十兵 Кристофа: (Кристофер), 憂入合夢 Уириаму (Уильям).

Под влиянием западной культуры у японцев появляется стремление продемонстрировать свою сопричастность американскому образу жизни. В этом

[848] キラキラネームランキング [Рейтинг «сверкающих» имен] [Электронный ресурс]. URL: https://namae-yurai.net/rareNameKirakira.htm (дата обращения: 12.10.2017).

случае они называют мальчиков именами — производными от английских слов, записанных иероглифами. Прочитать такие имена не могут не только иностранцы, но и японцы.

Например, 宇宙 Наса (от англ. NASA «НАСА»), 王様 Кингу (от англ. king «король»), 赤斗 Рэддо (от англ. red «красный»), 主人公 Хи:ро: (от англ. hero «герой»), 誕生 Ба:су (от англ. birth «рождение»), 愛人 Ха:то (от англ. heart «сердце»), 聖闘 Сэйнто (от англ. saint «святой»), 渉愛人 Файто (от англ. fight «борьба»), 初珠 Уиссю (от англ. wish «желание»), 明日 Тумороу (от англ. tomorrow «утро»), 音 Ридзму (от англ. rhythm «ритм»), 高飛 Дзямпу (от англ. jump «прыгать»), 大 Биггу (от англ. big «большой»)[849].

Некоторые родители называют детей в честь любимой спортивной команды, героев комиксов, манги или исторических личностей: 大賀寿 Тайгасу (бейсбольная команда), 皇帝 Сиидза: (Цезарь), 宗真葉 Сю:маххa (Шумахер), 光宙 Пикатю: (Пикачу).

Если выбор имени 勉次 Бенцу (Бенц) для мальчика можно объяснить желанием родителей видеть его в будущем богатым и успешным владельцем престижной иностранной машины Мерседес-Бенц, то совершенно непонятно, что послужило толчком назвать ребенка 救世主 Мэсиа (Мессия), 聖戦 Джиха:до (Джихад), 須佐之雄大牙 Сусано: тайга (Тигр Сусано) или женским именем エリカ Эрика.

В Японии бьют тревогу по поводу распространения моды на «сверкающие» имена и призывают креативных родителей отказаться от выбора нелепых и глупых имен, которые в будущем могут стать причиной насмешек и травли со

[849] キラキラネームのランク別 200 選を一挙紹介！ — 永遠の大学生になるために [Представляем 200 лучших «сверкающих» имен. Чтобы стать вечным студентом] [Электронный ресурс]. URL: https://www.eternalcollegest.com/entry/kirakira (дата обращения: 01.10.2017).

стороны сверстников[850]. Скорее всего, мальчикам, которых назвали ラッキー星 Ракки ста: (Счастливая звезда, от англ. lucky star), ハム太郎 Хамутаро: **(**Первенец «ветчина», от англ. ham «ветчина»), 動画 Тэрэби (Телевизор) или 王子様 О:дзисама (Принц) придется столкнуться с множеством проблем.

6.3. Женские имена

Антропонимы пронизывают все сферы человеческой жизни и деятельности. Будучи частью языковой системы, антропонимы, в частности имена, обретают уникальную идеосемантику и коннотации, что связано с историей народа, его фольклором, традициями, культурой. А.В. Суперанская, признавая историческую изменчивость антропонимов и их особую связь с культурой, подчеркивает: «…имя, созданное в ту или иную эпоху, может быть однозначно соотнесено с культурой и культурно-исторической традицией известного народа» [851] . В языковой картине мира имена занимают особое положение, так как они одни из первых слов, которые усваивает человек, и последние, которые он утрачивает при афатических расстройствах речи[852].

В Японии имя для новорожденного традиционно выбирают родители, старшие родственники, иногда с помощью гадалок, прорицателей или синтоистского священника. Некоторые семьи обращаются за помощью в выборе имени к гадателям, и это еще один довод в пользу того, чтобы выбор имени проводился только после рождения. Связано это не с какими-либо суевериями[853], а с тем, что гадание по именам учитывает не только знаки имени, но и дату,

---

[850] 伊東ひとみ 。キラキラネームの大研究 [Ито: Хитоми. Исследование «сверкающих имен»]、新潮社、 2015. 256 p.

[851] Суперанская А.В. Общая теория имени собственного / отв. ред. А.А. Реформатский. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. С. 40.

[852] Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972. С. 95–113. С. 98.

[853] Лихолетова О.Р. Лингвокультурологическая интерпретация некоторых японских примет // Материалы научно-методической конференции «Методика преподавания японского языка в вузе» (март, 2016 г). М.: Ключ-С, 2016. С. 100–110.

точное время и место рождения. Поэтому выбор имени — подготовительный этап церемонии имянаречения, который длится не более недели, и ответственность за него чаще всего ложится на отца и старшее поколение[854].

Как уже отмечалось, в Японии издается множество словарей имен, с помощью которых родители выбирают имя новорожденному. В электронном словаре имен お名前辞典 представлено более 120 тыс. женских имен[855]. Родители исходят из выбора наиболее понравившихся иероглифов из трех тысяч и их комбинаций друг с другом. Например, распространенное в Японии имя Кэйко имеет 117 вариантов написания[856].

Около четверти японских женских имен имеют окончание 子 *ко* «ребенок». До 1868 года окончание 子 *ко* использовалось только членами императорской семьи, но в эпоху Мэйдзи до середины XX в. такие имена были очень популярны. После 2006 г. этот показатель женского имени перестал быть модным в связи с появлением новой моды на имена.

Женские антропонимы можно разделить на несколько групп. Большинство японских женских имен имеют абстрактное значение. Ожидая рождения девочки, будущие родители при выборе имени руководствуются значением иероглифов, выбирают их в соответствии с семейными традициями и в качестве пожелания счастья, процветания, гармонии для ребенка. В имени может заключаться пожелание родителей для девочки стать красивой, умной, нежной.

---

[854] Фролова Е.Л. Гадание по именам как один из этапов имянаречения в современной Японии // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. № 4. С. 151–163. С. 154.

[855] お名前辞典 — 赤ちゃん・子供の名前 約 18 万件から検索できる名前辞書 [Словарь детских имен — 180 тысяч единиц] [Электронный ресурс]. URL: http://name.m3q.jp (дата обращения: 30.09.2016).

[856] お名前辞典 — 赤ちゃん・子供の名前 約 18 万件から検索できる名前辞書。けいこ [Словарь детских имен — 180 тысяч единиц. Кэйко] [Электронный ресурс]. URL: http://name.m3q.jp/list?s=けいこ&g=2 (дата обращения: 02.07.2020).

Обычно в таких именах присутствуют иероглифы 美 *ми* «красота», 愛 *ай* «любовь», 安 *ан* «спокойствие», 知 *ти* «ум», 優 *ю:* «нежность», 真 *ма* «правда», 理 *ри* «разум», 心 *кокоро* «сердце».

Некоторые японцы при выборе имени для ребенка исходят из звучания имени. Считается, что имя может повлиять на характер девочки. Например, девочки, чьи имена начинаются на А あ — Ай（愛、亜衣）, Аой（葵、蒼）, Ая（絢、亜耶）– стойкие и уверенные в себе личности, они обладают качествами лидера и стремятся к неуклонному движению вперед, а обладательницы имен, начинающихся на Ка か — Кахо（果歩、華保）, Кана（加奈、佳菜）, Карэн（夏恋、可憐）– спокойные и рассудительные, но при этом склонные к щедрости.

Выбрав желаемое слово, определяют иероглифы, которым будет записываться это имя. Кроме того, многие родители уделяют большое внимание числу черт в иероглифах и считают, что их количество может повлиять на судьбу ребенка.

– 5 черт — здоровье, богатство, процветание: Цукаса 司, Хиро 央, Эй 永.

– 6 черт — доверие, искренность, старание: Асахи 旭, Хикари 光, Мицуки 充.

– 8 черт — трудолюбие, старание, успех: Акари 明, Сати 幸, Маса 昌.

– 11 черт — счастье, богатство, положение: Кэй 啓, Ая 彩, Аса 麻.

– 13 черт — совершенство, слава, популярность: Соно 園, Кан 寛, Мики 幹.

– 16 черт — популярность, неожиданный успех, достижение цели: Ицуки 樹, Рэй 澪, Каору 薫.

Раньше наличие в именах иероглифов, обозначающих животных и птиц, например 虎 «тигр», 鹿 «олень», 亀 «черепаха», 鶴 «журавль», считалось способствующим здоровью и долголетию, однако сейчас такие имена считаются старомодными и почти не используются. Словарь дает только 18 имен с иероглифом «олень», 12 с «черепахой» и 15 с «тигром». Встречаются даже имена с иероглифом 蛇 «змея», например Сэйдзя 青蛇 «голубая змея» или Миисаку 蛇桜 «змеиная сакура».

Исключением является иероглиф 鶴 «журавль». Помимо женского имени Цуру 鶴 «журавль», насчитывается 168 имен с иероглифом 鶴, например, Адзу 亜鶴, Адзуми 安鶴実, Кадзуру 香鶴, Тидзуру 竹鶴 и др.[857]

Имена с числительными также встречаются редко. Такие имена происходят от старой традиции называть девушек знатных семей по порядку рождения. В настоящее время из числительных обычно употребляются следующие иероглифы 千 *ти* «тысяча», 三 *ми* «три», 五 *го* «пять» и 七 *нана* «семь».

Как отмечают японские исследователи, в последние годы в женских именах чаще всего встречаются следующие иероглифы: 結（ゆい、ゆ） «связь», 陽（ひ） «солнечный», «светлый, 心（こ、ここ）«сердце», 月（つき、づき）«месяц», 菜（な） «овощи, зелень», 美（み） «красота», 莉（り）«разновидность жасмина»[858].

В антропонимах может использоваться ключевое слово — сезонное явление, оттенок цвета, название растения. Лингвокультурологической особенностью современных женских антропонимов является преобладание имен, в которых отражается природный фактор. Их можно подразделить на следующие группы:

– Женские имена, в которых отражаются сезонные признаки:

Вакаба 若葉, Судзунэ 涼音, Минори 実乃梨, Мику 美紅, Хидзири 聖, Юкино 雪乃.

– Имена, в которых присутствует понятие 光 «свет», «сияние»: Мицуги 光希, Кирари 煌梨, Мики 美輝, Харуна 陽菜, Юцуги 柚月.

– Имена, связанные со значением 水 «вода»: Минами 美波, Манами 愛海, Хару 波留, Хонока 帆乃香, Сиори 汐里, Мио 水音.

---

[857] お名前辞典 [Словарь имен. Цуру] [Электронный ресурс]. URL: http://name.m3q.jp/list?g=2&s=鶴 (дата обращения: 02.10.2016).

[858] 女の子の名前 170 選と名付け基礎知識 [170 женских имен и основные правила имянаречения] [Электронный ресурс]. URL: http://www.weddingpark.net/magazine/2302/ (дата обращения: 05.10.2017).

– Имена, связанные с понятием 大地 «земля»: Рикука 陸花, Хирона 大菜, Мито 美大, Кото 湖土, Рику 陸, Томо 土望[859]。

– Неизменной популярностью пользуются так называемые «цветочные» и «фруктовые» имена: Цубаки 椿 «камелия», Сакура 桜 «сакура», Момо 桃 «персик», Аямэ 菖 «ирис», Андзу 杏 «абрикос», Сумирэ 菫 «фиалка», Минори 実 «урожай», Цубоми 蕾 «бутон», Момидзи 椛 «японский клен», Кири 桐 «павловния», Надзуна 薺 «пастушья сумка».

В последние годы все большую популярность приобретают женские имена, которые записываются одним иероглифом. В список 100 самых популярных имен вошли следующие имена: Аой 葵 «алтей», «мальва», Рин 凛 «импозантная», Хана 花 «цветок», Ан 杏 абрикос «андзу», Каэдэ 楓 «клен», Цумуги 紬 «чесуча», Хана 華 «цветок», Мио 澪 «фарватер», Ран 蘭 «орхидея», Юй 結 «связь».

Тенденцией последних лет можно назвать возвращение моды на старинные имена, как то: Ото 音 «звук», Ая 絢 «узор», Кото 琴 «японский струнный инструмент кото», Ай 藍 «яркий узор», Кодзуэ 梢«верхушка дерева», Рэй 礼 «благодарность», Нодока 和 «мирная», «тихая», Мияби 雅«изящная», Юкари 縁 «связь», «знакомство», Мэгуми 恵«благодеяние», «милость», Сато 郷 «родина», Мисао 操 «целомудрие», «невинность», Ута 詩«песня», Ироха 彩 «японская азбука».

Многие японцы в наши дни предпочитают называть девочек простыми по звучанию именами, которые легко могли бы запомнить иностранцы. Большая часть таких антропонимов читаются по онному чтению, некоторые по кунному. Например, Ан 安 «спокойная», Дзюн 純 «чистая», Ю:優«превосходная», Кэй 恵

[859]女の子の名前 170 選と名付け基礎知識 [170 женских имен и основные правила имянаречения] [Электронный ресурс]. URL: http://www.weddingpark.net/magazine/2302/ (дата обращения: 02.10.2017).

«милосердная», Руй 塁 «форт», «крепкая», Сэй 聖«святая», Рэй 怜 «умная», Хару 晴 «ясная», Мэй 茗 в сочетаниях «чай», Нана 七 «семь», Ран 藍 «индиго».

Родители имеют право записать имя девочки не иероглифами, а хираганой. Такие имена набирают все большую популярность. Самые популярные имена, записанные хираганой: Сакура さくら, Акари あかり, Химари ひまり, Хината ひなた, Хикари ひかり, Сумирэ すみれ, Кохару こはる, Хиёри ひより.

Как уже отмечалось, в антропонимах отражаются все изменения социокультурной жизни общества. Под влиянием глобализации и стремлением молодых японцев стать 国際人 «людьми мира» распространилась мода на иностранные имена, которые родители могут записать хираганой или понравившимися иероглифами[860]. Например, Сара (沙羅、咲空、紗良、彩来), Эма (絵麻、依茉、笑舞、恵麻), Ан (按、安、鞍、晏), Карэн (夏恋、花蓮、可憐、叶恋), Эмири (絵美梨、恵美莉、咲里、笑里), Рэйна (礼奈、怜那、麗奈、鈴菜), Анна (杏菜、安那、杏南、晏奈), Кэйто (景都、佳音、恵都、景糸), Риса (里紗、梨沙、凛桜、莉彩), Канон (花音、果音、華音、香音), Дзюн (順、純、潤、絢), Ханна (帆奈、葉菜、凡奈、覇奈).

Согласно исследованиям страховой компании Мэйдзи Ясуда Сэймэй, в течение эры Хэйсэй (1989–2019) самым популярным женским именем было 美咲 Мисаки (美 — «красивый»; 咲 — «цвести»). Имя Мисаки 8 раз возглавляло ежегодный рейтинг. На втором месте — имя 陽菜 Хина (陽 — «солнце» и 菜 — «рапс»). Имя Хина семь раз занимало первое место в списке самых популярных имен. На третьем месте — さくら Сакура — «сакура» и 葵 Аой — «мальва». Эти имена четыре раза на протяжении эпохи Хэйсэй выходили на первое место[861].

---

[861] 明治安田生命「生まれ年別の名前調査」特別企画 ~子供の名前で振り返る「平成 30 年史」~ [Мэйдзи Ясуда Сэймэй. Исследование популярности имен в различные годы. 30-летняя история имен эпохи Хэйсэй] [Электронный ресурс]. URL:

Таблица 3 — Десятка самых популярных женских имен в 2019 г.[862]

1. Рин	りん 凛 （倫 凌 凛 凛心凛音 凛名 凛音 利 厘 ）
2. Химари	ひまり 陽葵 (一愛 久茉莉 仁葵 光向葵 光愛里)
3. Юа	結愛 (佑亜 佑彩 佑蒼 侑亜 侑愛 侑杏 侑空 優亜)
4. Ан	あん 杏 （亜姫 亜杏 愛夢 愛晏 愛杏 愛音 晏 朱音 杏）
5. Цумуги	つむぎ 紬 (亜麦 摘喜 摘来 摘武儀 摘麦 津夢紀 津夢綺)
6. Рико	りこ 莉子 (凛恋 凛湖 凛琥 凛瑚 凛紅 凛香凛鼓 凛子)
7. Юдзуки	ゆずき 結月 (佑好 佑好喜 佑好季 佑好生 佑好祈 佑好稀)
8. Мэй	めい 芽依 (名星 命 命生 夢 夢彩 夢愛 夢来 夢生 夢結)
9. Мицуки	みつき 美月 (三生 三葵 允葵 充嬉 充希 充月 充生 充綺)
10. Кохару	こはる 心春 (五春 今春 來春 來暖 來治 來流 來華 來遼)

Современные японские женские имена и их значения наглядно демонстрируют изменение отношения японцев к своим традициям. Называть ребенка в честь знаменитостей — известных спортсменов, политиков, актеров, эстрадных звезд — было модно всегда. В последнее время в Японии все чаще стали давать детям имена персонажей анимэ или манги. Так, например, благодаря популярности анимэ «Наруто», главную героиню которого зовут Сакура, имя Сакура в 2015 г. заняло первое место в списке популярных женских имен, а имя

---

https://www.meijiyasuda.co.jp/profile/news/release/2018/pdf/20190329_01.pdf#search= %27 平成名前ランキング%27 (дата обращения: 31.07.2020).

[862] 明治安田生命 | 名前ランキング 2019 — 名前ベスト 10 の読み方 — 女の子 [Мэйдзи Ясуда Сэймэй. Рейтинг 10 лучших женских имен] [Электронный ресурс]. URL: https://www.meijiyasuda.co.jp/enjoy/ranking/read_best10/girl.html (дата обращения: 30.07.2020).

Анна оказалось на 6 строчке благодаря популярности диснеевского мультфильма «Холодное сердце»[863].

Выводы по главе

В ходе исследования антропонимического кода была изучена система японских фамильных антропонимов, мужских и женских имен в диахронии и синхронии. Рассмотрена история становления и развития института фамилий, которые в результате многовекового процесса формирования приобрели уникальную идеосемантику и коннотации; проанализированы статистические данные относительно частотности фамилиекона в разных странах, проведена классификация редких и частотных фамилий, описана этимология трех самых часто встречающихся фамилий.

Выявление лексико-семантических характеристик фамильных именований позволило выделить семантические группы японских антропонимов, связанных с ландшафтом, природными явлениями, местом жительства, профессией, общественным статусом, религиозными верованиями, местоположением отдельных объектов в пространстве.

Большая часть фамилий связана с компонентами семантического поля «природа», что объясняется анимистическими взглядами на окружающую природу древних японцев, жизненным укладом, связанным с возделыванием риса, а также огромным влиянием, который оказал «природный» фактор на формирование японской идентичности и мышления.

Анализ фактического материала показал, что мужские и женские имена содержат в своей семантике национально-культурный компонент, несут фоновые знания, связанные с историей и культурой, отражают ценностные ориентации и особенности восприятия окружающего мира японцев, что позволяет отнести их к артефакту культуры и национально-специфическому культурному коду.

---

[863] Japan’s top baby names for 2015. Will Naruto-influenced monikers still reign supreme? RocketNews24 [Электронный ресурс]. URL: http://en.rocketnews24.com/2015/11/13/japans-top-baby-names-in-2015-will-naruto-influenced-monickers-still-reign-supreme (дата обращения: 12.10.2016).

Доказано, что в мужских японских именах чаще, чем в женских, встречаются нестандартные и редкие чтения, а также необычные модификации компонентов. Несмотря на то, что многие типичные японские имена можно записать понятными иероглифами и легко прочитать, родители выбирают имена с необычными иероглифами или произношением, которые не имеют однозначного чтения или написания. До сих пор сохраняется многовековая традиция выбирать иероглифы, которые символизируют и предопределяют судьбу новорожденного и черты его характера: честность, справедливость, рассудительность, смелость.

Под влиянием западной культуры у японцев появилось стремление продемонстрировать свою сопричастность американскому образу жизни, что нашло отражение в имянаречении: начиная с 2010 г. детей стали называть «сверкающими», «блестящими» именами, производными от английских слов или иностранных имен, которые не могут прочитать даже сами носители японского языка.

В результате лингвокультурологического анализа женских имен выявлено несколько групп: женские имена с абстрактными значениями; женские имена, в которых отражаются сезонные признаки; имена, в которых присутствует понятие «свет», «сияние»; имена, связанные со значениями «вода», «земля»; «фруктовые», «цветочные» имена. Установлено, что тенденцией последних лет стало возвращение моды на старинные имена, простые по звучанию имена, которые легко запомнить иностранцам; имена, записанные одним иероглифом или хираганой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как известно, современная культурология, интегрируя и систематизируя знания, накопленные смежными науками, высвечивает непроявленные научным дискурсом грани социально-исторического бытия, раскрывает множественность точек зрения на мир культуры. Несмотря на динамику и историческую изменчивость культурного развития в каждой культуре существуют «несущие конструкции», коды, позволяющие на протяжении столетий сохранять свою самобытность. На наш взгляд, изучение культурных кодов в условиях актуализации вопросов о цивилизационном своеобразии и культурных различиях, самосознания культур и их идентификации представляет интерес для исследователя в первую очередь потому, что предполагает интерпретацию коннотативных аспектов скрытых смыслов — не только того, что эксплицируется в культуре, но и того, что в ней имплицируется. При этом, конечно, возникает риск подмены имплицитной семантики явлений культуры субъективным мнением исследователя, невозможностью отстранения субъекта познания от объекта. Научное знание фиксирует объективную реальность, но его истинность относительна, она легитимитируется в рамках соответствующей парадигмы, сквозь призму которой ученые видят мир «и своим видением в определенном смысле конструируют его»[864]. «Степень убедительности наших экспликаций, — отмечал К. Гирц, — измеряется не объемом неинтерпретированного материала, описаний, оставшихся “ненасыщенными”, а силой научного воображения, открывающей нам жизнь чужого народа»[865]. В представленной диссертационной работе рассмотрены теории и концепции, в рамках которых категория «культурный код» определяется различным образом, что свидетельствует о

[864] Запесоцкий А.С., Марков А.П. Современная культурология как научная парадигма // Вопросы философии. 2010. № 8. С. 76–87. С. 81.

[865] Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Антология исследования культуры. Т. 1. Интерпретация культуры. СПб: Университетская книга, 1997. С. 171–203. С. 185.

множественности трактовок явлений культуры, неоднозначности осмысления данного многомерного понятия.

Рассматривая код культуры как совокупность знаков, смыслов, которые зашифрованы в материальной и духовной деятельности человека, объектах природы, мы определяем код как ценностную матрицу, включающую константы культуры, инструмент соотнесения информации с определенными знаками (символами), позволяющий перейти от значения к смыслу, к объективизации субъективного значения. Результаты исследования доказали многомерный характер и функциональную подвижность данного концептуального понятия. Установлено, что основными характеристиками кода культуры являются универсальность, культурно-историческая детерминированность, системообразующая, информативная и регулятивная функции, коммуникативные возможности, способность в концентрированном виде фиксировать и транслировать содержание ценностей и смыслов.

Проведенное исследование подтвердило гипотезу, согласно которой постижение и интерпретация кодов как ключевых характеристик культуры, которые передают материальный и духовный опыт народа, сохраняют и транслируют культурно значимые смыслы, способствует пониманию уникальности национально-специфичных особенностей, передающихся из поколения в поколение и идентифицирующих культуру. Установлено, что культурные коды в условиях социокультурной динамики, заключающейся в постоянном самообновлении культуры, трансформации существующих систем и форм, обеспечивают функционирование культурных процессов, обладающих уникальными чертами, и задают вектор развития локальных цивилизаций. Они могут играть роль факторов стабилизации, обеспечивать процессы самоидентификации и эволюционного прорыва социокультурных систем.

Актуальность прочтения и интерпретации кодов культуры Японии обусловлена факторами, к которым можно отнести следующие:

– чрезвычайное ускорение социальных трансформаций;

– культурная экспансия стран Запада, распространяющаяся по всему миру, насильственное внедрений моделей экономического и политического устройства;

– поворот вектора внешней политики России на Восток, дальнейшая интенсификация российско-японских связей;

– усиление тенденций унификации и универсализации этнических культур, противоречий между тенденциями глобализации и ответной охранительной реакцией традиционных культур;

– изменение ценностных ориентиров в экономике, политике, науке, образовании;

– неопределенность не только будущего, но и настоящего;

– отношение к языку как социокультурному фактору национальной идентичности, как средству национального самоопределения.

Динамика интереса к Японии также обусловлена своеобразием японской культуры, истоки которой восходят к особенностям природно-климатических условий, географического положения, способа производства, влиянию религии. Родившись на национальной почве, японская культура впитала в себя многие черты континентальной культуры Китая и Кореи, а на позднем этапе развития и стран Запада, и при этом не потеряла самобытности. На протяжении всех этапов своего развития она отличалась особенно бережным отношением к традиционным ценностям, что обеспечивало ее целостность и устойчивость.

В ходе диссертационного исследования были выделены шесть основополагающих кодов японской культуры, которые соотносятся с древнейшими представлениями человека. Выбор кодов, воплощенных в элементах духовной и материальной культуры и актуализирующих ту или иную зону японского культурного континуума, обусловлен тем, что они характеризуются максимальной значимостью для членов социума, в них представлены ядерные ценности культуры, отражены особенности менталитета японцев. Именно поэтому все описанные нами коды, будь то духовный, коммуникативный, природно-ландшафтный и др., следует рассматривать как

каналы и механизмы трансляции культурного и духовного опыта. Предложенный нами подход, построенный на анализе структуры, концептуальных и вербально-семиотических оснований, аксиологического потенциала, позволил выявить их этнокультурную специфику. В качестве предмета анализа и описания были представлены явления и события, обладающие определенной семантической значимостью: объекты материальной и духовной культуры, реалии окружающего мира (флора, фауна, национальная кухня); культурные практики (обряды, фестивали, праздники, спортивные состязания); поведенческие нормы и стереотипы; прецедентные тексты, паремии, фразеологизмы.

Анализ **духовного кода,** определяющего место человека в мироздании, смысл жизненных интенций личности, выявил его онтологическое основание — религиозный синкретизм: синтоизм, буддизм, даосизм и конфуцианство заложили этические основы японской культуры и повлияли на формирование взглядов японцев на все основополагающие аспекты бытия.

– Синтоизм определил нравственный тон всей японской культуры, центральное место культа предков в японской традиции. Уважение к старшим, ответственность, доброта, терпимость, чувство солидарности, неконфликтность, вежливость во взаимоотношениях являются нормой для повседневной жизни.

– Нравственно-религиозные постулаты буддизма оказали влияние на прагматическое и далекое от глубокого осознания религиозных корней своего мировоззрения японское национальное сознание. Став органической составляющей японской духовной культуры, буддизм наполнил новым содержанием такие метафизические категории, как жизнь, судьба, счастье, несчастье, смерть.

– Конфуцианские идеи не потеряли актуальности и в наши дни. До сих пор система отношений «начальник — подчиненный» во многих компаниях строится на принципах единой семьи, сыновней почтительности и преданности руководству.

– Идеи даосизма о том, что человек не должен нарушать естественного течения жизни, оказались очень близки японскому национальному сознанию и актуализировались в таких чертах национального характера, как уступчивость, отказ от борьбы, готовность идти на компромисс.

– Стабильность и инвариантность — составляющих духовного кода — обусловлена доминирующей ролью в системе ценностей. Результаты исследования подтвердили, что традиционный духовный код японского народа всегда включал такие приоритеты, как культ предков, коллективизм, сакральное отношение к природе, острое чувство момента, патриотизм, стремление к сглаживанию острых углов, скромность, сдержанность, дух жертвенности, бережное отношение к традициям. Выявлено, что характерными чертами японского мировосприятия являются «интуитивный и эмоциональный» образ мышления, обостренное чувство времени, преобладание партикуляристских ориентаций над универсалистскими, конкретности над абстрактностью.

В контексте динамики и исторической изменчивости культурных процессов был проанализирован современный этап развития японского общества, который характеризуется существенными преобразованиями во всех сферах социокультурной деятельности, девальвацией системы ценностей, размыванием традиционной японской идентичности, трансформацией гендерных стереотипов и деструктуризацией традиционной модели семьи. Исследование привело к выводу, что в Японии большинство тенденций глобализации активно реализуется, нанося урон традиционным и цивилизационным особенностям японцев. С одной стороны, происходит расширение границ внешней свободы на основе развития новых видов коммуникации, различных коммуникативных инфраструктур, социальных и политических институтов, с другой — идет процесс усиления отчуждения личности от общества, государства, от других личностей и от собственной природы. На первый план выдвигаются примитивные формы духовной самореализации человека, что приводит к раздробленности, характеризующейся

не глобализацией, а вестернизацией, попыткой навязывания неолиберальных ценностей социуму, размыванию традиционных японских ценностей.

Анализ **коммуникативного кода** позволил сделать вывод о том, что японцам в силу «инсулярного» мышления свойственно культивирование чувства группового единства среди «своих» — 内 *ути* и резкое противопоставление «чужих» — 外 *сото*. Этнокультурными чертами стиля японской коммуникации являются фиксированный, формализированный характер, соответствующий строго ранжированными отношениями между людьми, нечеткость, двусмысленность, широкая распространенность невербальной и интраперсональной форм коммуникации.

Изучения влияния интернета как способа глобальной коммуникации на трансформацию социокультурных процессов выявило, что негативное влияние интернета актуализируется в распространении фальшивых новостей и альтернативных фактов, поляризации общества, эффекте эхо-камеры, манипулировании общественным мнением, росте преступлений и кибер-зависимостей — от связей, от контента, от интерактивных приложений с азартными играми и др., а также использование социальных сетей способствует увеличению числа самоубийств и подстрекательств к ним онлайн.

В качестве культурно маркированного средства японской коммуникации рассмотрен дарообмен. Доказано, что культура подарков в Японии служит консервативным и национально-специфическим способом социокультурного взаимодействия, способствует сохранению и трансляции традиционных японских ценностей, играет роль катализатора гармонизации и укрепления вертикальных и горизонтальных связей, выступает барометром социокультурного статуса личности, его места в общественной иерархии. Установлено, что обмен подарками в Японии представляет собой исторически сложившееся ритуальное действие, имеющее универсальный характер и предусматривающее выполнение строго регламентированных правил.

В ходе осмысления этнокультурной специфики **природно-ландшафтного кода** были изучены образно-символические, смысловые и ассоциативные составляющие зоологического, энтомологического, флористического кода, выявлен аксиологический потенциал горы Фудзи как священного символа Японии. Значимым итогом исследования стало обоснование особого, сакрального отношения японцев к природе, обостренного эстетического восприятия жизни. Исследование выявило, что мифологические, религиозные, социальные, эстетические функции природно-ландшафтного кода, его полисемантичность отражают глубинный архетип неразрывной связи человека и природы и позволяют рассматривать его как мировоззренческую систему, в которой отражено образное восприятие мира.

Изучение традиционной японской культуры *васёку* как ключевого компонента национально-специфичной картины мира позволило сделать следующие выводы:

– Японская традиционная кухня *васёку* — **гастрономический код** и кулинарный феномен с богатой историей и многовековыми традициями, концептообразующими компонентами которого являются рис и сакэ.

– В мировосприятии японцев рис не только основной продукт питания, но и душа нации, сакральный символ достатка, материального благополучия. С возделыванием риса связано множество религиозных праздников и обрядов, которые дают богатый материал для анализа мифологических представлений, духовно-нравственных ценностей японского народа.

– Также, как и рис, сакэ для японцев — больше, чем просто алкогольный напиток, это ритуальный напиток с тысячелетней историей, концентрат культурных смыслов, отождествляющих человека и общество в их неразрывной взаимосвязи. Обращение к древним литературным источникам, художественным произведениям и японской фразеологии выявило совокупность представлений о рисе и сакэ в мировидении носителей японского языка, определило их роль в повседневной и праздничной культуре японцев.

Учитывая, что пространство повседневности и элементы, которые ее актуализируют, охватывают разнородный круг феноменов, в качестве компонентов **кода повседневности** мы рассмотрели национально детерминированные явления культуры, воплощенные в архетипических представлениях: деньги как важный элемент повседневной жизни, маркеры бытовой культуры, традиционную систему летоисчисления и борьбу сумо.

Было установлено следующее:

– Деньги — базисное понятие современной цивилизации, универсальная категория, формирующая социальное поведение и картину мира, в которой актуализируется не только сфера товарно-денежных отношений, но и весь спектр системы нравственных ценностей, детерминирующих потребности существования и самореализации. Изучение языкового материала, номинирующего различные свойства денег в японском языке, выявило амбивалентный характер отношения к деньгам в языковом сознании японцев с существенным преобладанием моральной доминанты.

Исследование показало, что этнокультурными особенностями монетарного поведения японцев является особое отношение к наличным, обычай дарить деньги, отсутствие общепринятой системы чаевых, склонность к самоограничению и умеренность в тратах, бережливость и скромность. Расточительство, демонстрация богатства, показуха не свойственны японцам.

– Традиционная борьба сумо неотделима от истории и культуры Японии, все трансформации, которые она претерпевала на протяжении столетий, отражают социокультурные изменения в жизни японского народа.

В наши дни турниры сумо, сочетая элементы спорта, традиций, шоу и бизнеса, подобны театрализованному представлению, каждый элемент которого несет в себе глубокое сакральное начало. На наш взгляд, именно ритуалы и церемонии, неразрывно связанные с религией синто, определяют этнокультурную специфику этого вида спорта. Семантика поединков, сохранив мифопоэтическое содержание, не изменилась со времени эпохи Эдо. Строго регламентированные ритуалы и

церемонии, уходящие корнями в синтоистские воззрения, передаются из поколения в поколение, стимулируют нравственное поведение современных японцев, способствуют сохранению культурных ориентиров, основанных на традиционном японском мировоззрении, а не на чуждых национально-культурной традиции образцах западной массовой поп-культуры, которая приводит к падению нравов и крушению веками существовавшей системы ценностей.

– Анализ маркеров бытовой культуры (традиция *набэ,* культ камней, игра *дзянкэн* — «камень, ножницы, бумага», использование бамбуковых штор в повседневной жизни) выявил их культурную полифункциональность и знаковый характер. Установлено, что маркеры бытовой культуры могут выступать приметой культурно-исторических эпох, аккумулировать традиции, поведенческие паттерны, служить объектами сакрализации, мифологизации и эстетизации, средством социокультурного взаимодействия и воспитания чувства общности.

– Деление на календарные эры сохранилось только в Японии и может рассматриваться как часть японской культуры и способ хранения памяти о том, что лежало в ее первооснове. Изучение особенностей японского летосчисления позволяет рассматривать *гэнго:* как к средство отражения фоновых знаний, составляющих суть японской культуры, способ воспроизведения и осмысления исторического прошлого.

Проведенный анализ **антропонимического кода** показал, что антропонимы — важнейшая часть лексики любого языка, активно взаимодействующая с лексической системой в целом. На каждом этапе исторического развития они аккумулируют информацию об истории и быте народа, его духовных устремлениях, верованиях, культурных ценностях и традициях и выполняют разнообразные функции: информативную, нормативную, регулятивную. Лингвокультурологический анализ лексико-семантических характеристик фамильных именований позволил выделить семантические группы японских антропонимов, свидетельствующих о ландшафте, природных явлениях, месте

жительства, профессии, общественном статусе, религиозных верованиях, местоположении отдельных объектов в пространстве и др. Сделан вывод о том, что большая часть фамилий состоит из компонентов семантического поля «природа», что объясняется анимистическими взглядами древних японцев, жизненным укладом, связанным с возделыванием риса.

Анализ структуры, семантики и функций мужских и женских имен показал, что этимология большинства имен содержит в своей семантике национально-культурный компонент, несет фоновые знания, связанные с историей и культурой. Доказано, что имена собственные являются одной из наиболее трудных групп лексики японского языка. Они реагируют на все исторические и культурные события быстрее, чем любой другой его элемент. Обладая национально-культурной спецификой, связанной с образом жизни, культурой и мировосприятием японского народа, они определенным образом отражают социокультурные трансформации и ценностные ориентации носителей языка.

Обобщая вышесказанное, необходимо подчеркнуть, что иерархия кодов представляет открытую, но при этом постоянно меняющуюся, не имеющую жестких границ систему моделирования национально-специфичной картины мира. Несмотря на динамику социокультурных изменений, обусловленную не только экономическими проблемами, но и построением новой духовной парадигмы, культурные коды удерживают общество в устойчивом состоянии и становятся духовным источником и механизмом общественной интеграции.

Подчеркнем, что перечисленные выше кодовые системы продолжают оказывать мощное формирующее воздействие на современное японское общество.

Диссертант полагает, что разработанная в данном исследовании концептуальная методология лингвокультурологического анализа позволяет рассмотреть локальные цивилизации сквозь призму базовых культурных кодов. Полученные в ходе научного поиска данные и выводы могут быть использованы в дальнейших лингвокультурологических и междисциплинарных исследованиях

японской культуры, в определении эффективных ракурсов межкультурной коммуникации.

Объективно признаем, что данная работа не претендует на исчерпывающий по полноте охвата анализ и классификацию культурных кодов Японии, но диссертант надеется, что она позволит лучше понять некоторые значимые грани социокультурной жизни японцев, воплощенные в системе знаков материального и духовного мира. За рамками диссертации, но как задел для последующего анализа, остались исследования соматического, цветового, числового и др. кодов. Перспективным представляется рассмотрение кодов культуры в сопоставительном ключе, так как интерпретация их природы и структуры, изучение механизмов воздействия на поведение индивидов может оказать существенное влияние на понимание закономерностей культурных процессов с точки зрения их генезиса и перспектив развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Книги, монографии, научные сборники

1. Абэ, К. Женщина в песках : чужое лицо / К. Абэ ; пер. с яп. В. Гривнина. — М.: Художественная литература, 1988. — 352 с.

2. Аванесова, Г.А. Коды культуры: понимание сущности, функциональная роль в культурной практике / Г.А. Аванесова, И.А. Купцова // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии : сб. ст. по материалам XLVII Междунар. науч.-практич. конф. — No 4 (47). — Новосибирск: СибАК, 2015. — 194 с. — С. 28–37.

3. Автономова, Н.С. Философский язык Жака Дерриды / Н.С. Автономова. — М.: РОССПЭН, 2011. — 510 с.

4. Александер, Дж. Обещание культурной социологии: технологический дискурс и сакральная и профанная информационные машины / Дж. Александер // Контексты современности — II : актуальные проблемы общества и культуры в западной социальной теории : хрестоматия / сост. и общ. ред. С.А. Ерофеева. — 2-е изд., доп. и перераб. — Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2001. — 184 с.

5. Александер, Дж. Смыслы социальной жизни : культурсоциология / Дж. Александер ; пер. с англ. Г. Ольховикова ; под ред. Д. Куракина. — М.: Праксис, 2013. — 640 с.

6. Алексеев, В.Н. Бабочки в мифах и легендах / В.Н. Алексеев. — М.: Дрофа, 2006. — 192 с.

7. Алпатов, В.М. Языкознание от Аристотеля до компьютерной лингвистики / В.М. Алпатов. — М.: Альпина нон-фикшн, 2018. — 253 с.

8. Алпатов, В.М. Японистика : теория языка : социолингвистика : история языкознания / В.М. Алпатов. — М.: Языки славянских культур, 2017. — 520 с.

9. Алпатов, В.М. Япония : язык и культура / В.М. Алпатов. — М.: Языки славянских культур, 2008. — 208 с.

10. Алпатов, В.М. Япония : язык и общество / В.М. Алпатов. — М.: Муравей, 2000. — 208 с.

11. Альшевский, А. Сказание о сакэ : истоки самобытности японцев / А. Альшевский. — М.: Издательские решения, 2017. — 202 с.

12. Апресян, Ю.Д. Основания системной лексикографии / Ю.Д. Апресян // Языковая картина мира и системная лексикография / отв. ред. Ю.Д. Апресян. — М.: Языки славянских культур, 2006. — 912 с. — С. 32–160.

13. Арнольд, И.В. Семантика : стилистика : интертекстуальность : сб. ст. / И.В. Арнольд ; науч. ред. П.Е. Бухаркин. — СПб.: Изд-во С. Петерб. Ун-та, 1999. — 444 с.

14. Арутюнов, С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие / С.А. Арутюнов. — М.: Наука, 1989. — 247 с.

15. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. — М.: Языки русской культуры, 1998. — 895 с.

16. Аскин, Я.Ф. Проблема времени / Я.Ф. Аскин. — М.: Мысль, 1966. — 200 с.

17. Афанасьев, А.Н. Древо жизни : избранные статьи / А.Н. Афанасьев ; подготовка текста и коммент. Ю.М. Медведева ; вступит. статья Б.П. Кирдана. — М.: Современник, 1982. — 464 с.

18. Бабочки полет : японские трехстишья. — М.: Летопись, 1998. — 348 с.

19. Барт, Р. S/Z / Р. Барт ; под ред. Г.К. Косикова ; пер. с фр. — 2-е изд., испр. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 232 с.

20. Барт, Р. Империя знаков / Р. Барт ; пер. с франц. Я.Г. Бражниковой. — М.: Праксис, 2004. — 144 с.

21. Барт, Р. К психосоциологии современного питания / Р. Барт // Система Моды : статьи по семиотике культуры. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. — 512 с. — С. 366–378.

22. Басё. Стихи. — М.: Художественная литература, 1985. — 224 с.

23. Батлер, Дж. Гендерное беспокойство. Гл. 1. Субъекты пола/гендера/желания / Дж. Батлер // Антология гендерной теории : сб. пер. / сост. и комментарии Е.И. Гаповой, А.Р. Усмановой. — Минск: Пропилеи, 2000. — 384 с. — С. 297–346.

24. Бахтин, М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин. — М.: Худ. лит., 1990. — 543 с.

25. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. — М.: Искусство, 1979. — 424 с.

26. Бенедикт, Р. Хризантема и меч : модели японской культуры / Р. Бенедикт. — СПб.: Наука, 2007. — 360 с.

27. Бергер, П. Социальное конструирование реальности : трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. — М.: Медиум, 1995. — 323 с.

28. Бердяев, Н.А. О назначении человека / Н.А. Бердяев. — М.: Республика, 1993. — 383 с. (Б-ка этической мысли).

29. Березович, Е.Л. Язык и традиционная культура : этнолингвистические исследования / Е.Л. Березович. — М.: Индрик, 2007. — 600 с.

30. Библиотека Всемирной литературы : классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. — М.: Художественная литература, 1977. — 926 с.

31. Боги, святилища, обряды Японии : энциклопедия синто / ред. С.И. Смирнов // Труды института восточных культур и античности. — Вып. 26. — М.: РГГУ, 2010. — 310 с.

32. Бодрийяр, Ж. Общество потребления / Ж. Бодрийяр. — М.: Республика, 2006. — 268 с.

33. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр ; пер. О.А. Печенкиной. — Тула: Тульский полиграфист, 2013. — 204 с.

34. Бодрийяр, Ж. Соблазн / Ж. Бодрийяр. — М.: Ad Marginem, 2000. — 306 с.

35. Бодуэн де Куртенэ, И. Общее языкознание : избранные труды / И. Бодуэн де Куртенэ. — М: Юрайт, 2019. — 329 с.

36. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика / Н.Н. Болдырев. — Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2000. — 123 с.

37. Бразговская, Е.Е. Семиотика : языки и коды культуры : учебник и практикум для академического бакалавриата / Е.Е. Бразговская. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Юрайт, 2019. — 187 с.

38. Бродель, Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное (Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв.) / Ф. Бродель ; пер. с фр. Л.Е. Куббеля. — М.: Прогресс, 1986. — 622 с.

39. Буддизм в Японии. — М.: Наука, 1993. — 704 с.

40. Буддийская философия в средневековой Японии. — М.: Янус-К, 1998. — 392 с.

41. Буслаев, Ф.И. Русский богатырский эпос : русский народный эпос / Ф.И. Буслаев. — Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. — 255 с.

42. Вайсгербер, Л. Родной язык и формирование духа / Л. Вайсгербер ; пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О.А. Радченко. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 232 с.

43. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер ; пер. с нем. М. Левин, А. Филиппов и др. — М.: Прогресс, 1990. — 804 с.

44. Веденина, Л.Г. Человек : человек в лингвоэтнокультурном пространстве / Л.Г. Веденина. — М.: Языки славянской культуры, 2017. — 664 с.

45. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 288 с.

46. Вежбицкая, А. Язык : культура : познание / А. Вежбицкая. — М.: Русские словари, 1996. — 416 с.

47. Вещь в японской культуре (Сборник статей) / сост. Н.Г. Анарина, Е.М. Дьяконова. — М.: Восточная литература, 2003. — 264 с.

48. Виноградов, В.В. История русских лингвистических учений / В.В. Виноградов. — М.: Высшая школа, 1978. — 367 с.

49. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн ; пер. с нем. Л. Добросельского. — М.: АСТ, 2018. — 160 с.

50. Вкус Востока : гастрономические традиции в истории, культуре и религиях народов Азии и Африки : монография / под ред. И.Т. Прокофьевой, Е.Ю. Карачковой. — М.: МГИМО-Университет, 2019. — 639 с.

51. Выготский, Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. — М.: Лабиринт, 2007. — 352 с.

52. Гарри, И.Е. Дзэн-буддийское миросозерцание Эйхэй Догэна / И.Е. Гарри. — М.: Восточная литература, 2003. — 208 с.

53. Гачев, Г. Ментальности народов мира / Г. Гачев. — М.: Алгоритм ; Эксмо, 2008. — 544 с.

54. Гачев, Г. Национальные образы мира : космо-Психо-Логос / Г. Гачев. — М.: Прогресс-Культура, 1995. — 480 с.

55. Гендерная психология / под ред. И.С. Клецина. — СПб.: Питер, 2009. — 496 с.

56. Герасименко, И.Е. Гендер в коннотативном пространстве русской лингвокультуры : монография / И.Е. Герасименко. — Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2008. — 189 с.

57. Гердер, И.Г. Трактат о происхождении языка / И.Г. Гердер. — М.: ЛКИ, 2007. — 88 с. — (История лингвофилософской мысли).

58. Гессе-Вартег, Э. Япония и японцы : жизнь, нравы и обычаи современной Японии / Э. Гессе-Вартег ; под ред. и с примеч. Д.И. Шрейдера. — СПб., 1902. — 283 с.

59. Гирц, К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры / К. Гирц // Антология исследования культуры. Т. 1. Интерпретация культуры / сост. С.Я. Левит. — СПб.: Университетская книга, 1997. — 728 с. — С. 171–203.

60. Гирц, К. Интерпретация культур / К. Гирц ; пер. с англ. О.В. Барсукова, А.А. Борзунов и др. — М.: РОССПЭН, 2004. — 560 с.

61. Главева, Д.Г. Традиционная японская культура : специфика мировосприятия / Д.Г. Главева. — М.: Восточная литература, 2003. — 264 с.

62. Глаголев, В.С. Межкультурная коммуникация в условиях глобализации : учеб. пособие / Глаголев В.С. и др. — М.: Проспект, 2016. — 200 с.

63. Глускина, А.Е. Заметки о японской литературе и театре / А.Е. Глускина. — М.: ГРВЛ «Наука»,1979. — 300 с.

64. Григорьева, Т.П. Дао и логос (Встреча культур) / Т.П. Григорьева. — М.: Наука, 1992. — 424 с.

65. Григорьева, Т.П. Красотой Японии рожденный / Т.П. Григорьева. — М.: Искусство, 1993. — 464 с.

66. Григорьева, Т.П. Япония: путь сердца / Т.П. Григорьева. — М.: Новый акрополь, 2008. — 392 с.

67. Гудков, Д.Б. Единицы кодов культуры: проблемы семантики / Д.Б. Гудков // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. — М.: МАКС Пресс, 2004. — Вып. 26. — 168 с. — С. 39–50.

68. Гудков, Д.Б. Телесный код русской культуры : материалы к словарю / Д.Б. Гудков, М.Л. Ковшова. — М.: Гнозис, 2007. — 288 с.

69. Гумбольдт, В. фон. Избранные руды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. — М.: Прогресс, 2000. — 400 с.

70. Гуревич, А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов» / А.Я. Гуревич. — М.: Индрик, 1993. — 328 с.

71. Гуревич, П.С. Культурология : учебник для вузов / П.С. Гуревич. — М.: ПРОЕКТ, 2008. — 333 с.

72. Гуревич, Т.М. Человек в японском лингвокультурном пространстве : монография / Т.М. Гуревич. — М.: МГИМО-Университет, 2005. — 201 с.

73. Гуревич, Т.М. Японский язык : стратегия и тактика делового общения / Т.М. Гуревич. — М.: ВКН, 2016. — 272 с.

74. Гуревич, Т.М. Японский язык и японцы / Т.М. Гуревич. — М.: МГИМО-Университет, 2003. — 128 с.

75. Гуссерль, Э. Избранные работы / Э. Гуссерль ; сост. В.А. Куренной. — М.: Территория будущего, 2005. — 464 с.

76. Гуссерль, Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / Э. Гуссерль ; пер. с нем. Д.В. Скляднева. — СПб.: Владимир Даль, 2004. — 399 с.

77. Две старинные японские повести / пер. со старояп. В. Марковой. — М.: Художественная литература, 1976. — 349 с.

78. Дёлэ, Н. Япония вечная / Н. Дёлэ. — М.: Астрель, 2003. — 160 с.

79. Древние Фудоки (Хитати, Харима, Бунго, Хидзэн) / отв. ред. Н.И. Конрад. — М.: ГРВЛ «Наука», 1969. — 341 с.

80. Дугин, А.Г. Теория многополярного мира / А.Г. Дугин. — М.: Евразийское движение, 2013. — 532 с.

81. Жеребкина, И.А. Субъективность и гендер: гендерная теория субъекта в современной философии антропологии / И.А. Жеребкина. — СПб.: Алетейя, 2007. — 312 с.

82. Жинкин, Н.И. Речь как проводник информации / Н.И. Жинкин ; предисл. Р.Г. Котова, А.И. Новикова. — М.: Наука, 1982. — 159 с.

83. Завгороднева, М.П. Природно-ландшафтный код немецкой культуры: лингвокультурологический и лингводидактический аспекты / М.П. Завгороднева, С.В. Шустова. — Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т., 2019. — 172 с.

84. Иванов, О.В. Сумо: живые традиции древней Японии / О.В. Иванов. — Пермь: Звезда, 2004. — 287 с.

85. Игнатович, А.Н. Буддизм в Японии : очерк ранней истории / А.Н. Игнатович. — М.: Наука, 1988. — 313 с.

86. Игнатович, А.Н. Лотос и политика / А.Н. Игнатович, Г.Е. Светлов. — М.: Мысль, 1989. — 283 с.

87. Игнатович, А.Н. Философские, исторические и эстетические аспекты синкретизма (на примере «чайного действа») / А.Н. Игнатович. — М.: Русское феноменологическое общество, 1996. — 288 с.

88. Из истории общественной мысли Японии XVII-XIX вв. : [Сб. статей] / [Отв. ред. В. Н. Горегляд]. — М.: «Наука», 1990. — 210 с.

89. Иофан, Н.А. Культура древней Японии / Н.А. Иофан. — М.: ГРВЛ «Наука», 1974. — 261 с.

90. Kakebo. Японская система ведения семейного бюджета. — Альпина Паблишер, 2016. — 200 с.

91. Кавабата, Я. Избранные произведения / Я. Кавабата. — М.: Панорама,1993. — 448 с.

92. Канке, В.А. Формы времени / В.А. Канке. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1984. — 302с.

93. Капкан, М.В. Культура повседневности : [учеб. пособие] / М.В. Капкан. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. — 110 с.

94. Капул, Н.П. Японские имена и фамилии как явление языка и письменности / Н.П. Капул // Словарь японских имен и фамилий / сост. Е.А Фолькман. — М.: ГИИНС, 1958. — 1211 с. — С. 6–25.

95. Кассирер, Э. Избранное : опыт о человеке : введение в философию человеческой культуры : хрестоматия по культурологи [Электронный ресурс]. — URL: http://kulturoznanie.ru/?work=opyt_o_cheloveke (дата обращения: 02.11.2016).

96. Кассирер, Э. Философия символических форм / Э. Кассирер. Т. 2. Мифологическое мышление. — М.; СПб.: Университетская книга, 2001. — 280 с.

97. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс ; под науч. ред. О.И. Шкаратана ; пер. с англ. — М.: ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.

98. Кацуки, С. Практика дзэн / С. Кацуки. — М.: Амрита-Русь, 2004. — 228 с.

99. Кирилина, А.В. Гендер: лингвистические аспекты / А.В. Кирилина. — М.: Институт социологии РАН, 1999. — 226 с.

100. Кнабе, С.Г. Семиотика культуры : конспект учеб. курса / С.Г. Кнабе. — М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2005. — 63 с.

101. Ковшова, М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии : коды культуры / М.Л. Ковшова. — 2-е изд. — М.: ЛИБРОКОМ, 2013. — 456 с.

102. Кодекс бусидо: хагакурэ : сокрытое в листве. — М.: Эксмо, 2004. — 432 с.

103. Кодзики : записи о деяниях древности. Свиток 1 / сост. и общ. ред. Р.В. Грищенков ; предисл. Е.М. Пинус ; пер. с яп. — СПб.: Кристалл, 2000. — 608 с.

104. Кон, И.С. Введение в сексологию / И.С. Кон. — М.: Логос ; Высшая школа, 1999. — 205 с.

105. Кон, И.С. Сексуальная культура в России / И.С. Кон. — М.: АСТ, 2018. — 464 с.

106. Конфуций. Беседы и суждения. Лунь Юй. — СПб.: Кристалл, 2001. — 188 с.

107. Концевич, Л.Р. Хронология стран Восточной и Центральной Азии / Л.Р. Концевич. — М.: Восточная литература РАН, 2010. — 806 с.

108. Корнилов, О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. — М.: ЧеРо, 2003. — 349 с.

109. Костомаров, В.Г. Язык и культура / В.Г. Костомаров, Е.М. Верещагин. — М.: Индрик 2005. — 1040 с.

110. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология : курс лекций / В.В. Красных. — М.: Гнозис, 2002. — 284 с.

111. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. — М.: Гнозис, 2003. — 375 с.

112. Красных, В.В. Коды и эталоны культуры (Приглашение к разговору) / В.В. Красных // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. — М.: МАКС Пресс, 2004. — Вып. 26. — 168 с. — С. 5–19.

113. Культурология : учебник / под ред. Ю.Н. Солонина, М.С. Кагана. — М.: Высшее образование, 2007. — 566 с.

114. Лао-цзы. Дао Дэ Цзин. Два вектора на Графике Первоединства / пер. с кит., предисл., илл. А.Ю. Гольштейна. — Орел: ИНБИ, 2003. — 186 с.

115. Ле Гофф, Ж. История тела в средние века / Ж. Ле Гофф, Н. Трюон. — М.: Текст, 2008. — 189 с.

116. Леви-Стросс, К. Мифологики / К. Леви-Стросс. — В 4 т. Том 3. Происхождение застольных обычаев. — М. ; СПб.: Университетская книга, 2000. — 461 с.

117. Леви-Стросс, К. Обратная сторона луны: Заметки о Японии / К. Леви-Стросс. — М.: Текст, 2013. — 157 с.

118. Лелеко, В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре / В.Д. Лелеко. — СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств, 2002. — 320 с.

119. Лиетар, Б. Будущее денег [Электронный ресурс]. — URL: https://e-libra.ru/read/366424-buduschee-deneg.html (дата обращения: 02.11.2016).

120. Лихолетова, О.Р. Японская иероглифика : сборник заданий и упражнений для старших курсов / О.Р. Лихолетова, С.В. Чиронов. — М.: МГИМО-Университет, 2015. — 299 с.

121. Лич, Э. Культура и коммуникация: логика взаимосвязи символов / Э. Лич. — М.: Восточная литература, 2001. — 142 с.

122. Лосев, А.Ф. Знак : символ : миф / А.Ф. Лосев. — М.: МГУ, 1982. — 682 с.

123. Лосев, А.Ф. Философия имени / А.Ф. Лосев. — М.: МГУ, 1990. — 269 с.

124. Лотман, Ю.М. Беседы о русской культуре : быт и традиции российского дворянства (XVIII – начало XIX вв.) / Ю.М. Лотман. — СПб.: Искусство-СПБ, 1999. — 414 с.

125. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров : человек — текст — семиосфера — история / Ю.М. Лотман. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 464 с.

126. Лотман, Ю.М. История и типология русской культуры: Семиотика и типология культуры : текст как семиотическая проблема : семиотика бытового поведения : история литературы и культуры / Ю.М. Лотман. — СПб.: Искусство-СПб, 2002. — 765 с.

127. Лотман, Ю.М. Культура и взрыв / Ю.М. Лотман. — М.: Гнозис ; Прогресс, 1992. — 272 с.

128. Луман, Н. Реальность массмедиа / Н. Луман ; пер. с нем. А.Ю. Антоновского. — М.: Праксис, 2005. — 256 с.

129. Манъёсю. (Собрание мириад листьев) [антология] / пер. с яп. и комментарий А.Е. Глускиной.— В 3 т. — М.: ГРВЛ «Наука», 1971. — 678 с.

130. Маркарьян, С.Б. Праздники в Японии: обычаи, обряды, социальные функции / С.Б. Маркарьян, Э.В. Молодякова. — М.: ГРВЛ «Наука», 1990. — 340 с.

131. Марков, Б.В. Культура повседневности / Б.В. Марков. — СПб.: Питер, 2008. — 352 с.

132. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи (1844). [Электронный ресурс]. — URL: https://www.marxists.org/russkij/marx/1844/manuscr/10.htm (дата обращения: 02.11.2016).

133. Мартынов, А.С. Конфуцианство. «Лунь юй» / А.С. Мартынов. — В 2 т. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. — 368 с.

134. Маслова, В.А. Коды лингвокультуры : учеб. пособие / В.А. Маслова, М.В. Пименова. — 2-е изд., стер. — М.: ФЛИНТА, 2016. — 180 с.

135. Маслова, В.А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студентов высших учебных заведений / В.А. Маслова. — М.: Академия, 2001. — 208 с.

136. Махлина, С.Т. Семиотика культуры повседневности / С.Т. Махлина. — СПб.: Алетейя, 2009. — 232 с.

137. Мещеряков, А.Н. Гора Фудзи: между небом и землей / А.Н. Мещеряков. — М.: Наталис, 2010. — 282 с.

138. Мещеряков, А.Н. Книга японских символов : книга японских обыкновений / А.Н. Мещеряков. — М.: Наталис, 2008. — 556 с.

139. Мир по-японски: эстетические и этические ценности в японской культуре / сост. Е. Маевский. — СПб.: Северо-запад, 2000. — 568 с.

140. Мокиенко, В.М. В глубь поговорки: рассказы о происхождении крылатых и образных выражений / В.М. Мокиенко. — [3-е изд., перераб.]. — СПб.: Авалон: Азбука-классика, 2007. — 253 с.

141. Молодякова, Э.В. Синто в послевоенные годы / Э.В. Молодякова // Синто : путь японских богов : [Сб.: В 2 т.]. Т. 1. Очерки по истории синто / отв. ред. Е.М. Ермакова и др. — СПб.: Гиперион, 2002. — 702 с. — С. 312–351.

142. Моррис, Ч.У. Значение и означивание / Ч.У. Моррис ; пер. с англ. В.П. Мурат // Семиотика: антология / сост. Ю.С. Степанов. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Академ. проект; Екатеринбург: Деловая кн., 2001. — 701 с.

143. Мосс, М. Общества : обмен : личность / М. Мосс. — М.: «Восточная литература» РАН, 1996. — 360 с.

144. Мурасаки Сикибу. Повесть о Гэндзи. — В 3 т. — М.: Гиперион, 2018. — 1424 с.

145. Накорчевский, А.А. Синто / А.А. Накорчевский. — 2-е изд., испр. и доп. — СПб.: Азбука-классика: Петербургское Востоковедение, 2003. — 448 с. — (Мир Востока).

146. Никитина, С.Е. Устная народная культура и языковое сознание : монография / С.Е. Никитина. — 2-е изд. — М.: URSS, 2014. — 192 с.

147. Нитобэ, И. Бусидо: душа Японии : кодекс чести самурая / И. Нитобэ. — М.: АСТ, 2018. — 96 с.

148. Нихон Рёики — Японские легенды о чудесах : Свитки 1-й, 2-й и 3-й / пер., предисл. и коммент. А.Н. Мещерякова. — СПб.: Гиперион, 1995. — 256 с. (Литературные памятники древней Японии).

149. Нихон сёки — Анналы Японии. — В 2 т. Т. 1. Свитки I-XVI / пер. и коммент. Л.М. Ермаковой, А.Н. Мещерякова. — СПб.: Гиперион, 1997. — 496 с.

150. Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс ; пер. с англ. — М.: Академический проект, 2018. — 435 с.

151. Петрова, О.П. 1963. Девизы правления. Описание японских рукописей, ксилографов и старопечатных книг. Вып. I / О.П. Петрова, В.Н. Горегляд. М.:

Восточная литература [Электронный ресурс]. — URL:http://www.orientalstudies.ru/rus/images/pdf/c_petrova_co_1963_v.pdf (дата обращения: 20.03.2020).

152. Пирс, Ч.С. Избранные философские произведения / Ч.С. Пирс ; пер. с англ. К. Голубович, К. Чухрукидзе Т. Дмитриев. — М.: Логос, 2000. — 448 с.

153. Платон. Кратил. Диалоги — Электронная Библиотека античной философии [Электронный ресурс]. — URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Platon/kratil.php (дата обращения: 20.03.2020).

154. Постовалова, В.И. Язык и миропонимание : опыт лингвофилософской интерпретации / В.И. Постовалова. — М.: URSS, 2017. — 312 с. — (История лингвофилософской мысли).

155. Потебня, А.А. Символ и миф в народной культуре / А.А. Потебня ; сост., подг. текстов, ст. и коммент. А.Л. Топоркова. — М.: Лабиринт, 2000. — 480 с.

156. Пронников, В.А. Японцы / В.А. Пронников, И.Д. Ладанов. — М.: Наука, 1983. — 270 с.

157. Пушкарева, Н.Л. Гендерная теория и историческое знание / Н.Л. Пушкарева. — СПб.: Алетейя, 2007. — 495 с.

158. Радуль-Затуловский, Я.Б. Конфуцианство и его распространение в Японии / Я.Б. Радуль-Затуловский ; отв. ред. Н.И. Конрад. — М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1947. — 452 с.

159. Рапай, К. Культурный код: как мы живем, что покупаем и почему / К. Рапай. — М.: Альпина Паблишер, 2019. — 236 с.

160. Режабек, А.Я. Когнитивная культурология : учеб. пособие / А.Я. Режабек, А.А Филатова. — СПб.: Алтейя, 2010. — 316 с.

161. Розенберг, О.О. Буддизм в Японии / О.О. Розенберг. — М.: Наука, 1993. — 704 с.

162. Розенберг, О.О. Труды по буддизму /— М.: ГРВЛ «Наука», 1991. — 295с.

163. Розенкова, Х.Е. Анималистический код английской культуры в лингводидактическом аспекте : монография / Х.Е. Розенкова, С.В. Шустова. — Пермь: Пермский институт экономики и финансов, 2018. — 152 с.

164. Рылов, Ю.А. Имена собственные в европейских языках. Романская и русская антропонимика : курс лекций по межкультурной коммуникации / Ю.А. Рылов. — М.: АСТ, 2006. — 300 с.

165. Савицкий, В.М. Лингвокультурный код (состав и функционирование) : монография / В.М. Савицкий, Е.А. Гашимов. — М.: Московский городской педагогический университет, 2005. — 169 с.

166. Садохин, А.П. Межкультурная коммуникация : учеб. пособие / А.П. Садохин. — М.: Альфа-М: ИНФРА-М, 2012. — 288 с.

167. Светлов, Г.Е. Путь богов / Г.Е. Светлов. — М.: Мысль, 1985. — 240 с.

168. Свод законов «Тайхорё» 702–718 гг. / пер. К.А. Попова. — М.: Наука, 1985. — 267 с.

169. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологи / Э Сепир. — М.: Прогресс, 1993. — 656 с.

170. Сила-Новицкая Т.Г. Культ императора в Японии / Т.Г. Сила-Новицкая. — М.: Наука, 1990. — 206 с.

171. Силантьева, М.В. Проблемы современной культурологии в исследовании взаимодействия культур : современные исследования культуры в России: между наукой и философией / М.В. Силантьева // Контуры будущего в контексте мирового культурного развития: XVIII Международные Лихачевские научные чтения, 17–19 мая 2018 г. — СПб.: СПбГУП, 2018. — 628 с. — С. 448–449.

172. Симбирцева, Н.А. Специфика культурологической интерпретации (тексты культуры и читатели) : монография / Н.А. Симбирцева. — М.: Инфра-М, 2018. — 233 с.

173. Синто. Путь японских богов: в 2 т. / отв. ред.: Е. М. Ермакова и др. — СПб.: Гиперион, 2002.

174. Сонода Минору. Мир синто. — М.: Научная книга, 2001. — 80 с.

175. Соссюр Фердинанд де. Курс общей лингвистики / пер. с французского. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.

176. Сталкер, Н. Япония : история и культура: от самураев до манги / Н. Сталкер. — М.: Альпина нон-фикшн, 2021. — 588 с.

177. Стёпин, В.С. Культура / В.С. Стёпин // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 2. — М.: Мысль, 2001. — 634 с.

178. Стернин, И.А. Исследование значения как феномена языкового сознания : монография / И.А. Стернин. — Алматы: Полилингва, 2018. — 199 с.

179. Судзуки, Д.Т. Дзэн и японская культура / Д.Т. Судзуки. — СПб.: Наука, 2003. — 522 с.

180. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская ; отв. ред. А.А. Реформатский. — М.: ЛИБРОКОМ, 2009. — 240 с.

181. Супрун, В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал / В.И. Супрун. — Волгоград: Перемена, 2000. — 172 с.

182. Сычева, Е.С. Символизм традиционной культуры Японии в аниме и манге: снег, цветы, светлячки : монография / Е.С. Сычева. — М.: МГИМО-Университет, 2020. — 225 с.

183. Сэй Сёнагон. Записки у изголовья. — М.: Художественная литература, 1988. — 479 с.

184. Таити Сакаиа. Что такое Япония? / пер. с яп. и комментарии В.С.Гривнина. — М.: Партнер Ко. ЛТД., 1992. — 334 с.

185. Тартаковская, И.Н. Гендерная социология / И.Н. Тартаковская. — М.: Вариант: Невский простор, 2005. — 368 с.

186. Телия, В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В.Н. Телия // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В.Н. Телия. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 336 с. — С. 13–24.

187. Телия, В.Н. Русская фразеология : семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М.: Языки русской культуры, 1996. — 288 с.

188. Толстая, С.М. К понятию культурных кодов / С.М. Толстая // Сборник статей к 60-летию А.К. Байбурина. — СПб.: Издательство Европейского университета, 2007. — 578 с. — С. 23–31. — (Studia Ethnologica).

189. Толстая, С.М. Пространство слова : лексическая семантика в общеславянской перспективе / С.М. Толстая. — М.: Индрик, 2008. — 528 с.

190. Толстой, Н.И. О Словаре «Славянские древности» / Н.И. Толстой, С.М. Толстая // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под ред. Н.И. Толстого. В 5 т. Т. 1. А–Г. — М.: Международные отношения, 1995. — 584 с. — С. 5–14.

191. Топоров, В.Н. Миф : ритуал : символ : образ: исследования в области мифоэпического / В.Н. Топоров. — М.: Прогресс: Культура, 1995. — 624 с.

192. Торчинов, Е.А. Даосизм / Е.А. Торчинов. — СПб.: Андреев и сыновья, 1993. — 310 с.

193. Трубникова, Н.Н. Традиция «исконной просветленности» в японской философской мысли / Н.Н. Трубникова. — М.: РОССПЭН, 2010. — 414 с.

194. Тумаркин, П.С. Жесты и мимика в общении японцев : лингвострановедческий словарь-справочник / П.С. Тумаркин. — М.: Просвещение: Дрофа, 2008. — 168 с.

195. Уорф, Б. Отношение норм поведения и мышления в языке / Б. Уорф // Новое в лингвистике. — М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960. — Вып. 1. — 464 с.

196. Уотс, А. Путь Дзэн : истоки, принципы, практика / А. Уотс. — Киев: София, 1993. — 320 с.

197. Успенский, Б.А. Избранные труды. В 2 т. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры / Б.А. Успенский. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Языки русской культуры, 1996. — 698 с.

198. Уфимцева, Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность / Н.В. Уфимцева. М.; Калуга: Институт языкознания РАН, 2011. — 252 с.

199. Федоренко, Н.Т. Кавабата Ясунари : очерк / Н.Т. Федоренко. — М.: Советский писатель, 1978. — 272 с.

200. Флоренский, П.А. Имена / П.А. Флоренский. — СПб.: Авалон, 2007. — 332 с.

201. Флоренский, П.А. Столп и утверждение Истины / П.А. Флоренский. — М.: Путь, 1914. — 810 с.

202. Фуко, М. Слова и вещи : археология гуманитарных наук / М. Фуко ; пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. — М.: Прогресс, 1977. — 487 с.

203. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер ; пер. с нем. В.В. Бибихина. — Харьков: Фолио, 2003. — 503 с.

204. Хамфриз, К. Дзэн-буддизм / К. Хамфриз. — М.: Фаир-пресс, 2002. — 313 с.

205. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. — М.: АСТ, 2003. — 603 с.

206. Херн, Л. Душа Японии / Л. Херн. — М.: Муравей, 1997. — 352 с.

207. Херн, Л. Из книги «Душа Японии. Кокоро» : лучшие японские легенды, истории и предания, или для чего мы постигаем японский язык : нулевой уровень / Л. Херн ; сост. О.Н. Кун. — М.: АСТ: Хранитель: Восток-Запад, 2008. — 285 с.

208. Хиксон, Л. Десять сезонов просветления: дзенские поиски быка / Л. Хиксон // Что такое просветление? / под ред. Д. Уайта. — М.: Изд-во Трансперсонального Института, 1996. — 326 с. — С. 194–205.

209. Хэдленд, Д. Мифы и легенды Японии / Д. Хэдленд. — М.: Центрполиграф, 2008. — 379 с.

210. Цивьян, Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы / Т.В. Цивьян. — 3-е изд., испр. — М.: КомКнига, 2006. — 280 с.

211. Чепкунова, Е.Г. Пособие к подготовке к экзамену по дисциплине «Теоретические основы информатики» / Е.Г. Чепкунова. — Казань: Казанский университет, 2012. — 92 с.

212. Черная, Л.А. Антропологический код древнерусской культуры / Л.А. Черная. М.: Языки Славянской Культуры, 2008. — 465 с.

213. Чугров, С.В. Япония в поисках новой идентичности / С.В. Чугров. — М.: Вост. литература, 2010. — 312 с.

214. Шмелева, Н.Б. Гносеологические основания возникновения и развития теории социального конструирования гендера / Н.Б. Шмелева, Г.М. Хайсарова // Вестник Казанского технологического университета. — 2013.— Том 16. — № 18. — С. 346–351.

215. Шютц, А. Смысловая структура повседневного мира : очерки по феноменологической социологии /А. Шютц ; сост. А.Я. Алхасов. — М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. — 336 с.

216. Эко, У. Отсутствующая структура : введение в семиологию / У. Эко. — СПб.: Симпозиум, 2004. — 544 с.

217. Элиаде, М. Священное и мирское / М. Элиаде [Электронный ресурс]. — URL: https://litresp.ru/chitat/ru/Э/eliade-mircha/svyaschennoe-i-mirskoe/2 (дата обращения: 20.03.2020).

218. Эрхарт, Х.Б. Религиозные традиции Японии / Х.Б. Эрхарт // Религиозные традиции мира: в 2-х т. — М.: Крон-Пресс, 1996.

219. Якобсон, Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол Р.О. Якобсон // Принципы типологического анализа языков различного строя. — М.: Наука, 1972. — С. 95–113.

220. Якобсон, Р.О. Язык в отношении к другим системам коммуникации : избранные работы / Р.О. Якобсон. — М.: Прогресс, 1985. — 460 с.

221. Яковенко, И.Г. Манихейство и гностицизм : культурные коды русской цивилизации / И.Г. Яковенко, А.И. Музыкантский. — М.: Русский путь, 2010. — 320 с.

222. Япония : как ее понять : очерки современной японской культуры. — М.: АСТ: Астрель, 2006. — 318 с.

223. Япония в ретроспективе смены поколений / [О.А. Добринская и др.] ; под ред. Д.В.Стрельцова. — М.: Аспект Пресс, 2020. — 320 с.

224. Япония в эпоху великих трансформаций / под ред. Д.В. Стрельцова. — М.: АИРО-XXI, 2020. — 320 с.

225. Японская мифология : энциклопедия / сост. Н. Ильина. — СПб.: Мидгард, 2007. — 460 с.

226. A look into Japan. — Japan Travel Bureau, Inc., 1984. — 191 p.

227. Béjar, H. Therapeutic Culture and Self-Help Literature: The Positive Psychology Code / H. Béjar // Landini T.S., Dépelteau F. (eds) Norbert Elias and Empirical Research. — New York: Palgrave Macmillan, 2014.

228. Bocking, B.A Popular Dictionary of Shinto / B.A. Bocking. Surrey: Curzon Press, 2005. — 211 p.

229. Bodart-Bailey, B.M. The Dog Shogun: The Personality and Policies of Tokugawa Tsunayoshi / B.M. Bodart-Bailey. — Honolulu: University of Hawai'i Press, 2006. — 378 p.

230. Breen, J. A New History of Shinto / J. Breen. — Chichester: Wiley-Blackwell, 2010. — 264 p.;

231. Broun Delmer M., Ishida Ichiro:. The Future and the Past. A translation and study of the Gukansho:, an interpretative history of Japan written in 1219. — Berkeley: University of California Press, 1979. — 479 p.

232. Bryan, W. Van Norden. Introduction to Classical Chinese Philosophy / W. Bryan. — Indianapolis: Hackett, 2011. — 271 p.

233. Cali, J. Shinto Shrines: A Guide to the Sacred Sites of Japan's Ancient Religion / J. Cali. — Honolulu, 2013. — 328 p.

234. Cali, J. Shinto Shrines: A Guide to the Sacred Sites of Japan's Ancient Religion / J. Cali. — Honolulu, 2013. — 328 p.

235. Coyle, D. The Culture Code: The Secrets of Highly Successful Groups / D. Coyle. — Bantan, 2018. — 304 p.

236. Danesi, M. Food: Semiotics / M. Danesi // Encyclopaedia of language and linguistics / ed. K. Brown. — 2nd ed. — Oxford: Elsevier, 2006. — 9000 p. — P. 533–535.

237. De Mente Boye Lafayette. Japan's Cultural Code Words: 233 Key Terms That Explain the Attitudes and Behavior of the Japanese. — Tuttle Publishing, 2004. — 316 p.

238. Douglas, M. Purity and Danger: An Analysis of Concepts of Pollution and Taboo / M. Douglas. — Routledge, 2002. — 272 p.

239. Hardacre, H. Shinto: A History / H. Hardacre. — New York: Oxford University Press, 2017. — 698 p.

240. Hardacre, H. Shinto: A History / H. Hardacre. — New York: Oxford University Press, 2017. — 698 p.

241. Huffman, J. Modern Japan: an Encyclopedia of History, Culture, and Nationalism / J. Huffman. — New York: Garland Pub, 1998. — 316 p.

242. Ko, D. Women and Confucian Cultures in Premodern China, Korea, and Japan / D. Ko, J.K. Haboush, J.R. Piggott. — Berkeley: University of California Press, 2003. — 350 p.

243. Leeds-Hurwitz, W. Semiotics and Communication: Signs, Codes, Cultures / W. Leeds-Hurwitz. — Routledge, 1993. — 252 p.

244. Masuda, Y. The Informational Society as Post-Industrial Society / Y. Masuda. — World Future Society, 1981. — 171 p.

245. Merrell, D. The Art of Adventure: Eco, Joyce, and the Open Work / D. Merrell // Umberto Eco, The Da Vinci Code, and the Intellectual in the Age of Popular Culture. — Palgrave Macmillan, Cham, 2017.

246. Merrell, D. The Art of Adventure: Eco, Joyce, and the Open Work / D. Merrell // Umberto Eco, The Da Vinci Code, and the Intellectual in the Age of Popular Culture. — Palgrave Macmillan, Cham, 2017.

247. Minsky, M.L. The Emotion Machine: Commonsense Thinking, Artificial Intelligence, and the Future of the Human Mind / M.L. Minsky. — New York: Simon & Schuster, 2007. — 400 p.

248. Moore, Ch.A. Editor’s supplement: the enigmatic Japanese mind. Essentials of Japanese philosophy and culture / Ch.A. Moore. — Tokyo, 1973. — 357 p.

249. Nakamura Hajime. Basic Features of the Legal, Political and Economic thought of Japan. In the Japanese Mind: Essentials of Japanese Philosophy and Culture. — University of Hawaii Press, 1967. — 372 p.

250. Nakamura Hajime. Consciousness of the individual and the universal among the Japanese // The Japanese mind: Essentials of Japanese philosophy and culture ; ed. by Ch.A. Moore. — Tokyo: Charles E. Tuttle, 1986. — 357 p.

251. Noda Yoshiyuki. Introduction to Japanese law. — Tokyo: University of Tokyo Press, 1989. — 253 p.

252. Ohnuki-Tierney, E. Kamikaze, Cherry Blossoms, and Nationalisms: The Militarization of Aesthetics in Japanese History / E. Ohnuki-Tierney. — Chicago: The University of Chicago Press, 2002. — 411 p.

253. Plutschow, H.E. Japan's Name Culture: the Significance of Names in a Religious, Political and Social context / H.E. Plutschow. — 1st ed. — Japan Routledge, 1995. — 256 p.

254. Prohl Inken, Nelson John. Handbook of contemporary Japanese. — Leiden: Brill, 2012. — 652 p.

255. Sharnoff Lora, Matsuoka Lynn. Grand Sumo: The Living Sport and Tradition. — Publisher: Weatherhill, 1993. — 254 p.

256. Spae Joseph J. Shinto Man. — Tokyo: Oriens Institute for Religious Research, 1972. — 80 p.

257. Stano Simona. Semiotics of Food // International Handbook of Semiotics / ed. P. Trifonas. — Springer, Dordrecht, 2015. — 1308 p. — P. 647–671.

258. Watanabe Tsuneo. Iwata Junichi. The Love of the Samurai: A Thousand Years of Japanese Homosexuality. — 1 st ed. — Heretic Books, 1990. — 160 p.

259. Абэ Такэхико. 阿部武彦 。氏姓[Фамилия], 日本歴史親、東京、至文堂、1960 年。170 p.

260. Аида Ю:дзи. 会田雄次。日本人とは何か。日本人の意識こうぞうとコミュニケーションの特質。[Кто такие японцы? Структура японского сознания и особенности коммуникации]、東京: 講談社、1973. 237 p.

261. Бэфу Харуми. ベフハルミ。文化的概念として の贈答の 考察 、日本人の贈答 [Церемония обмена подарками как культурный концепт]、 ミネルヴァ書房, 1984. 160 p. P. 18–44.

262. Гэнда Ю:дзи. 玄田 有史。孤立無業（SNEP). [Одинокие неработающие люди (SNEP)]、日本経済新聞出版社, 2013. 236 p.

263. Икэгами Ёсихико. 池上 嘉彦 .自然と文化の記号論 (放送大学教材) [Семиотика природы и культуры], 放送大学教育振興会, 2002. 204 p.

264. Икэгами Ёсихико. 池上 嘉彦 .記号論講義 日– 常生活批判のためのレッスン[Лекции по семиотике: уроки критики повседневной жизни], 筑摩書房, 2020. 630 p.

265. Икэгами Ёсихико.池上 嘉彦 . 文化記号論への招待 –ことばのコードと文化のコード[Приглашение в семиотику: языковые и культурные коды], 有斐閣, 1983. 222 p.

266. Инатоми Эйдзиро.稲富栄次郎。日本人と日本文化[Японцы и японская культура]、東京、理想者、1963. 212 p.

267. Исида Хидэтака, Адзума Хироки.石田英敬, 東浩紀 。 新記号論 脳とメディアが出会うとき [Новая теория символов: когда встречаются мозг и медиа], ゲンロン, 2019. 450 p.

268. Ито: Сатоси.伊藤聡。 神道とは何か [Синто:]。 中央公論新社、 2012 年。306 p.

269. Ито: Хитоми.伊東ひとみ 。キラキラネームの大研究 [Исследование «сверкающих имен»]、新潮社、 2015. 256 p.

270. Кага Отохико. 加賀乙彦。不幸な国に幸福論 [Теории счастья в несчастной стране]、集英社 、2010. 240 p.

271. Касаи Масааки. 笠井 昌昭。虫と日本文化 [Насекомые и японская культура]。大巧社、1997. 171 p.

272. Ко:яма Ивао. 高山岩男。日本民族の心。文化類型学的考察。[Душа японской нации], 東京: 玉川大学出版部, 1972. 204 p.

273. Кобаяси Сю:ити. 小林修一。日本のコード―〈日本的〉なるものとは何か [Что такое «японский код»], みすず書房, 2009. 272 p.

274. Комацу Кадзухико. 小松和彦 聖。地と日本人 [Священные места и японцы], 角川ソフィア文庫, 2021. 272 p.

275. Комацу Кадзухико.小松和彦。 呪いと日本人 [Проклятия и японцы], 角川ソフィア文庫, 2014. 236 p.

276. Комацу Кадзухико.小松和彦. 鬼と日本人 [Демоны и японцы], 角川ソフィア文庫、2018, 272 p.;

277. Комацу Кадзухико. 小松和彦.妖怪文化入門 [Введение в культуру японских призраков — ёкай], 角川ソフィア文庫, 2012. 255 p.

278. Курита Исаму.栗田勇。雪月花の心[Японская идентичность],東京、1987. 191 p.

279. Курокава Ихоко. 黒川伊保子。コミュニケーション・ストレス 男女のミゾを科学する[Стресс общения: научный подход к проблеме гендерных различий], PHP 研究所, 208 p.

280. Мацуока Сэйго:, Эверетт Браун. 松岡 正剛, エバレット・ブラウン。 日本力 [Сила Японии], パルコ 、2010. 304 p.

281. Мацуока Сэйго:. 松岡 正剛。日本文化の核心 「ジャパン・スタイル」を読み解く [Суть японской культуры. Расшифровка японского стиля], 講談社現代新書, 2020. 352 p.

282. Мацуока Сэйго:.松岡正剛 。知の編集工学 [Редакционная инженерия знаний]、 朝日新聞出版, 2001, 346 p.

283. Мидзусима Кэнъити. 水島健一。日本人の思想と行動 [Мысли и поведение японцев]、東京、共同出版、1973. 222 p.

284. Миура Мари.三浦 まり。日本の女性議員 どうすれば増えるのか[Как увеличить число женщин-депутатов в Японии?], 朝日新聞出版. 2016, 392 p.

285. Миякэ Сицурэй.三宅 雪嶺。偽悪醜日本人。[Лживый, страшный и злой японец] 、 政 教 社 、 1891 [Электронный ресурс]. — URL: https://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/900414 (дата обращения: 20.11.2020).

286. Миякэ Сицурэй. 三宅 雪嶺。真善美日本人。[Правдивый, добрый и красивый японец]、政教社、1891 のち講談社学術文。[Электронный ресурс]. — URL: https://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/980637 (дата обращения: 20.11.2020).

287. Мориока Хироси. 森岡浩 。全国名字大辞典 [Большой словарь японских фамилий]。編 東京堂出版、2011 年。780 p.

288. Мориока Хироси.ルーツがわかる名字の事典 [Словарь происхождения японских фамилий]。 大月書店、2012 年。321 p.

289. Мориока Хироси.森岡浩 。 名字の日本史 [История фамилий]。ビジネス社、2005 年。 247 p.

290. Мориока Хироси.森岡浩 。名字の謎 [Тайны фамилий]。改訂版、筑摩書房、2011 年。363 p.

291. Мориока Хироси.森岡浩 。知ってる? 名字の話 [Вы это знаете? Рассказы о фамилиях]。監修 宝島社、2015 年。63 p.

292. Нагаясу Сибун. 永易 至文。 同性パートナーシップ制度 [Система однополого партнерства], 日本加除出版, 2016. 320 p.

293. Нагаясу Сибун. 永易 至文。 同性パートナー生活読本 [Однополое партнерство: хрестоматия], 緑風出版, 2009. 187 p.

294. Нэма Хироми. 根間弘美。 大相撲行司の世界 [Мир гё:дзи профессионального сумо]、吉川弘文館、2011 年 11 月 1 日。208 p.

295. Татибана Хитоси.立花均。日本人の価値観。[Ценности японцев], ペリカン社、2009. 240 p.

296. Токоро Исаму, Курэ Асао, Ёсино Кэнъити. 所功, 久禮旦雄, 吉野健一 。2 元号-年号から読み解く日本史、。[Как понять историю Японии посредством нэнго:-гэнго:], 文春新書、2018。352 p.

297. Усикубо Мэгуми.牛窪恵。草食系男子「お嬢マン」が日本を変える [Травоядные мужчины меняют Японию], 講談社、2008。192 p.

298. Учение Будды. 仏教聖典。 仏教伝道協会[Общество проповедования буддизма]、1985. 307 p.

299. Фудзита Масакацу. 藤田 正勝 。日本文化を読む 5 つのキーワード [Пять ключевых слов, с помощью которых можно «прочитать» японскую культуру»], 岩波書店, 2017. 182 p.

300. Хаясия Тацусабуро:, Умэсао Тадао, Тада Мититаро, Като Хидэтоси. 林屋辰三郎・多田道太郎・梅棹忠夫・加藤秀俊。日本人の知恵 [Мозг японцев]、中公文庫,1981. 246 p.

301. Хори Акико. 堀あきこ。 欲望のコード—マンガにみるセクシュアリティの男女差 (ビジュアル文化シリーズ) [Код желания: гендерные различия сексуальности в манге], 臨川書店, 2009. 242 p.

302. Цунода Таданобу.角田忠信。日本人の脳—脳の働きと東西の文化 [Мозг японцев. Работа мозга, восточная и западная культура]、大修館書店、 1 978。388 p.

303. Цуруми Кадзуко. 鶴見和 。好奇心と日本。 新版。多重構造社会の理論 [Любопытство и японцы. Новое издание. Теория общества с многослойной структурой], 藤原書店, 2020. 272 p.

304. Ягири Томэо. 八切止夫。日本原住民史[История коренных жителей Японии]、作品社、2004. 264 p.

305. Ямада Масахиро. 山田昌弘。パラサイト・シングルの時代 [Эпоха паразитов-одиночек], ちくま新書、1999. 204 p.

306. Ямамото Мотоко.山本素子。日本文化ビ。ジュアル解体新書 (SB ビジュアル新書) [Японская культура. Визуальный анализ], SB クリエイティブ, 2019.195 p.

307. Янагита Кунио.柳田國男。食物と心臓 [Еда и душа], 講談社、1988/06 発売。247 p.

Статьи в периодических изданиях

308. Алпатов, В.М. Японская природа и японский язык / В.М. Алпатов // История и современность. — 2007. — № 2. — С. 219–230.

309. Бабосов, Е.М. Культурный код нации: сущность и особенности / Е.М. Бабосов // Наука и инновации. — 2016. — 3 (157). — С. 48–50.

310. Баранов, А.В. Политические технологии установления медиаповестки дня и фрейминга в интернет-СМИ (на материалах воссоединения Крыма с Россией) / А.В. Баранов, С.В. Васюк // Вестник Пермского университета. — Серия: Политология. — 2019. — Том 13. — № 2. С. 47–56.

311. Борейко, В.Е. Постижение экологической теологии / В.Е. Борейко. Киевский эколого-культурный центр, 2000 [Электронный ресурс]. — URL: http://padaread.com/?book=9466 (дата обращения: 20.03.2020).

312. Вальденфельс, Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности / Б. Вальденфельс // Социо-Логос. — М.: Прогресс, 1991. — С. 39–50.

313. Головацкая, О.Е. Значение и происхождение термина «fake news» / О.Е. Головацкая // Коммуникология. — 2019. — 7(2). — С. 139–152.

314. Горина, Л. Умэ мацури — душистый праздник грядущей весны: праздники и традиции / Л. Горина // Исторический журнал. — М.: НБ-Медиа. — 2013. — № 3. — С. 86–103.

315. Гуревич, А.Я. Время как проблема истории культуры / А.Я. Гуревич // Вопросы философии. — 1969. — № 3. — С. 105–116.

316. Гуревич, Т.М. Японская грамматика как зеркало национального менталитета / Т.М. Гуревич // Россия и Запад: диалог культур : сб. статей XII международной конференции (Москва, 28–30 ноября 2007). — Ч. 2. — М.: МГУ, 2008. — С. 26–32.

317. Гуревич, Т.М. Японский язык: проблема перевода зоонимов / Т.М. Гуревич // Сопоставительная лингвистика. Типология языков. Теория перевода : материалы 3-й международной конференции (Москва — Казань, 2006–2008). — М.: МГУ, 2008. — С. 47–56.

318. Ермакова, Л.М. Огуро Тацуо. Вы немцы, мы японцы. Сравнение менталитета и образа мышления / Л.М. Ермакова [Электронный ресурс]. — URL: http: http://national-mentalities.ru/east/vostochnaya_i_yugovostochnaya_aziya/yaponiya_v_sravnitelnyh_sociokulturnyh_issledovaniyah_referativnyj_sbornik/oguro_tacuo_vy_nemcy_my_yaponcy_sravnenie_mentaliteta_i_obraza_myshleniya/ (дата обращения: 20.03.2020).

319. Жигунова, Н.Г. Повседневность как социальный феномен / Н.Г. Жигунова // Современные исследования социальных проблем. — 2015. — № 8 (52). — С. 56–71.

320. Жинкин, Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи / Н.И. Жинкин // Вопросы языкознания. — 1964. — № 6. — С. 26–38.

321. Запесоцкий, А.С. Современная культурология как научная парадигма / А.С. Запесоцкий, А.П. Марков // Вопросы философии. — 2010. — № 8. — С. 76–87.

322. Зарубина, Н.Н. Деньги как социокультурный феномен: пределы функциональности / Н.Н. Зарубина // Социологические исследования. — 2005. — №7 (255). — С. 13–21.

323. Здравомыслова, Е.А. Государственное конструирование гендера в советском обществе / Е.А. Здравомыслова, А.А. Тёмкина // Журнал исследования социальной политики. — 2003. — Том 1. — № 3/4. — С. 299–321.

324. Здравомыслова, Е.А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии / Е.А. Здравомыслова, А.А. Тёмкина // Социологические исследования. — 2000. — № 11. — С. 15–24.

325. Капкан, М.В. Гастрономическая культура: понятие, функции, факторы формирования / М.В. Капкан, Л.С. Лихачева // Известия Уральского государственного университета. — 2008. — 55 (15). — С. 34–43.

326. Катермина, В.В. Гастрономическая картина мира в английской неологии: лингвокультурологический аспект / В.В. Катермина // Лингвокультурология. — 2017. — № 11. — С. 33–47.

327. Кнабе, Г.С. Диалектика повседневности / Г.С. Кнабе // Вопросы философии. — 1989. — №5. — С. 26–46.

328. Колесников, А. Сакэ и сакура. Традиционный японский символ на военных чашках / А. Колесников // Словесница искусств. — Хабаровск, 2009. — № 24. — С. 184–187.

329. Коноплева, Н.А. К вопросу определения сущностных характеристик и факторов формирования повседневной культуры питания и гастрономической культуры / Н.А. Коноплева, М. Винокурова // Гуманитарный вектор. — 2019. — № 14(4). — С. 143–152.

330. Кравченко, С.А. Культуральная социология Дж. Александера (генезис, понятия, возможности инструментария) / С.А. Кравченко // Социологические исследования. — 2010. — № 5. — С. 13–22.

331. Лефевр, А. Повседневное и повседневность / А. Лефевр // Социол. обозрение. — 2007. — № 6 (3). — С. 33–36.

332. Лихолетова, О.Р. Концепт «間 MA» и способы его репрезентации в японском языке» / О.Р. Лихолетова // Филологические науки в МГИМО. — 2019. — № 19. — С. 92–99.

333. Лихолетова, О.Р. Линвокультурологическая интерпретация некоторых японских примет» / О.Р. Лихолетова // Японский язык в ВУЗе: актуальные проблемы преподавания. — Выпуск 15: материалы науч.-методич. конференции «Методика преподавания японского языка в вузе» (март, 2016). — С. 100–110.

334. Мадиева, Г.Б. Антропонимы как средство выражения национальной культуры / Г.Б. Мадиева, В.И. Супрун // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2010. — № 6 (50). — С. 96–102.

335. Маслова, В.А. Духовный код с позиций лингвокультурологии: единство сакрального и светского / В.А. Маслова // Метафизика. — 2016. — № 4(22). — С. 78–97.

336. Мелко, С.В. Представления о гендере и гендерной идентичности в современном психоанализе / С.В. Мелко, А.В. Кудрина // Развитие личности. — 2016. — № 3. — С. 165–186.

337. Мещеряков, А.Н. История Японии в 20 пунктах / А.Н. Мещеряков [Электронный ресурс]. — URL: http://arzamas.academy/materials/724 (дата обращения: 20.03.2020).

338. Молчанова, Г.Г. Традиции гастики как отражение национальной и региональной идентичности / Г.Г. Молчанова // Вестник Московского университета. — Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2013. — № 2. — С. 9–19.

339. Мошняга, П.А. Японская культура в глобализирующемся мире / П.А. Мошняга // Знание. Понимание. Умение. — 2008. — № 3. — С. 24–29.

340. Нагаясу Сибун. Сексуальные меньшинства в Японии. Миф о толерантности. 28.10.2016 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.nippon.com/ru/currents/d00253/ (дата обращения: 20.03.2020).

341. Норманская, Ю.В. К проблеме анализа семиотики гастрономической культуры / Ю.В. Норманская // Крымское историческое обозрение. — 2015. — № 2. — С. 319–328.

342. Павловская, А.В. Продукты питания как орудие политической борьбы в современном мире [Электронный ресурс] / А.В. Павловская // Россия и Запад: диалог культур. — № 5. — 2014. — URL: http://regionalstudies.ru/journal/homejornal/rubric/2012-11-02-22-11-32/323--q-q.html (дата обращения: 20.03.2020).

343. Пелипенко, А.А. Интернет как феномен эволюции культуры / А.А. Пелипенко // Власть. — 2015. — С. 163–169.

344. Пелипенко, А.А. Отношения Запада и Востока: перспективы культурного взаимодействия / А.А. Пелипенко // Культура и образование. — 2016. — 4(23). — С. 14–22.

345. Русаков, А.Ю. Эхо-камеры в современной массовой культуре / А.Ю. Русаков // Вестник СПбГИК. — 2019. — 2 (39). — С. 11–15.

346. Савицкий, В.М. Культурные коды: сущность, состав и функционирование в составе общения / В.М. Савицкий // Дискурс профессиональной коммуникации. — No. 1–4. — 2019. — С. 68–77.

347. Савицкий, В.М. Этноспецифика культурных кодов / В.М. Савицкий// Этническая культура. — 2020. — No 3 (4). — С. 40–44.

348. Сиднева, Т.Б. Литература и музыка как пограничные коды культуры [Электронный ресурс] / Т.Б. Сиднева, В.Г. Зусман // Международный журнал исследования культуры. — 2019. — 2(35). — URL: https://culturalresearch.ru/ru/archives/162-2-35-2019 (дата обращения: 20.03.2020).

349. Силантьева, М.В. Антропологические и ценностные основания коммуникации: теоретические и прикладные аспекты / М.В. Силантьева, А.В. Шестопал // Концепт: философия, религия, культура. — 2017. — № 1(1). — С. 11–23.

350. Силантьева, М.В. Диффузная идентичность — современная версия гражданской идентичности / М.В. Силантьева // Вестник МГИМО-Университета. — 2012. — №2 (23). — С. 173–179.

351. Симбирцева, Н.А. Код культуры как культурологическая категория / Н.А. Симбирцева // Знание. Понимание. Умение. — 2016. — № 1. — С. 157–167.

352. Скворцова, Е.Л. К вопросу об особенностях современного развития японской культуры [Электронный ресурс] / Е.Л. Скворцова // Litera. — 2016. — № 3. — С. 44–59. — URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=19572 (дата обращения: 20.03.2020).

353. Скворцова, Е.Л. Японская культура сегодня: проблемы и решения (на примере анализа воззрений Сугиямы-Лебра Такиэ) / Е.Л. Скворцова // Культурология. — 2017. — 1(80). — С. 80–97.

354. Скульмовская, Л.Г. Повседневность как культурно-историческая категория / Л.Г. Скульмовская, Н.В. Назарова // Теория и практика общественного развития. — 2014. — № 12. — С. 97–100.

355. Смирнова, И.Б. Мужская ипостась флористического архетипа древней японской литературы: ирис (на материале поэтических антологий «Манъёсю» 万葉集 (V-VIII вв.) и «Кокинвасю» 古今和歌集 (VIII–X вв.) / И.Б. Смирнова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. — Цикл: Восток и запад — спор или диалог? — 2017. — № 2. — С. 78–99.

356. Старостин, А.М. Нематериальное наследие России в контексте концепции культурного кода цивилизации [Электронный ресурс] / А.М. Старостин // Журнал Института Наследия. — 2017. — № 1 (8). — URL: http://nasledie-journal.ru/ru/journals/117.html (дата обращения: 20.03.2020).

357. Сычева, Е.С. Символизм бабочек и светляков в фольклоре и современной массовой культуре Японии / Е.С. Сычева // Осмысление природы в японской культуре [под общ. ред. А.Н. Мещерякова]. — М.: Дело, 2017. — С. 167–190.

358. Сэнда Юки.千田 有紀。日本人の家族観変化する意識・変化しない制度 [Японская семья. Сознание меняется, порядок остается] [Электронный ресурс]. — URL: http://www.nippon.com/ja/currents/d00095/ (дата обращения: 20.05.2021).

359. Сэтияма Каку. Свободы сексуальных меньшинств: права человека в XXI веке. 9.06.2015 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.nippon.com/ru/currents/d00174/?pnum=2# (дата обращения: 10.12.2019).

360. Тартаковская, И.Н. Социальные трансформации гендера и сексуальности в свете идей И.С. Кона / И.Н. Тартаковская, И.И. Лунин // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. — 2018. — С. 14–19.

361. Тушков, А.А. К вопросу об идентичности как фактору национального самоопределения Японии / А.А. Тушков, Э.М. Черникова // Международный научно-исследовательский журнал. — 2021. — 2 (104). — С. 165–167.

362. Фадеева, И.В. Эстетический код культуры: к постановке проблемы / И.В. Фадеева // Человек. Культура. Образование. — 2017. — 1 (23). — С. 138–145.

363. Флиер, А.Я. Системный характер нормативной теории культуры / А.Я. Флиер // Знание. Понимание. Умение. — 2019. — № 2. — С. 147–156.

364. Фролова, Е.Л. Мужские имена у японцев / Е.Л. Фролова // Вестник Новосибирского государственного университета. — Серия: История, филология. — 2006. — Т. 5. — Вып. 4. — С. 61–67.

365. Фролова, Е.Л. Некоторые особенности японских имен собственных / Е.Л. Фролова // Вестник Новосибирского государственного университета. — 2002. — Серия: История, филология. — Т.1. — Вып. 2. — С. 70–77.

366. Хахулина, Л.В. Скульптурное наследие эпохи Карафуто на Сахалине: «кома-ину» / Л.В. Хахулина, Ф.А. Поволкович // Современные проблемы сервиса и туризма. — №1. — 2014. — С. 69–75.

367. Чугров, С.В., Карелова Л.Б. Япония как «обычная страна»: метаморфозы политической идентичности (аналитический обзор опросов общественного мнения) / С.В. Чугров, Л.Б. Карелова // Социологический журнал. — 2020. — 26 (1). — С. 87–108.

368. Шишлова, Е.А. Гендер как инновационный научный и философский дискурс / Е.А. Шишлова // Вестник МГИМО-Университета. — 2013. — № 1(28). — С. 148152.

369. Яковенко, Ю.И. Основные теоретические подходы к определению культурных кодов в социологии / Ю.И. Яковенко, Т.Л. Багаева, А.Ю. Тащенко // Вестник РУДН. — Серия: Социология. — Июль 2015. — Том 15. — № 3. — С. 19–31.

370. Bailey Elizabeth Anne // The Internet, Social Media and Politics in Political Participation on Social Media. — 2021. — P. 19–37.

371. Boulianne Shelley. Social media use and participation: A meta-analysis of current research // Information Communication & Society. — 2015. — 18(5). — P. 524–538.

372. Bouyahya Driss. The Semiotics of the Culinary [Электронный ресурс] // Revue Interdisciplinaire. — 2018. — № 3 (2). — URL: https://revues.imist.ma/index.php/RevueInterdisciplinaire/article/view/14669 (дата обращения: 21.10.2020).

373. Carbaugh Donal. Cultural Discourse Analysis: Communication Practices and Intercultural Encounters // Journal of Intercultural Communication Research. — 2007. — 36 (3). — P. 167–182.

374. Chen C., Gotti G., Kang, T. et al. Corporate Codes of Ethics, National Culture, and Earnings Discretion: International Evidence // J Bus Ethics 151. — 2018. — P. 141–163.

375. Cobley P. Codes and Interpretation in Nature and Culture // Cultural Implications of Biosemiotics. — 2016. — Biosemiotics.— Vol. 15. — P. 75–90.

376. Doctoroff T. The China Code // Soc 48. — 2011. — P. 123–130.

377. Maeda Mikihiro. The Japan Society — Japan Power (Nihon Ryoku). Review by Mikihiro Maeda [Электронный ресурс]. — URL: https://www.japansociety.org.uk/review?review=243 (дата обращения: 15.11.2020).

378. May R., Chaplin K. Cracking the Code: Race, Class, and Access to Nightclubs in Urban America // Qual Sociol 31. — 2008. — P. 57–72.

379. Norton M. Meaning on the move: synthesizing cognitive and systems concepts of culture // Am J Cult Sociol 7. — 2019. — P. 1–28.

380. Perry Leonard. Legends of the Chrysanthemum [Легенды о хризантемах] [Электронный ресурс]. — URL: http://pss.uvm.edu/ppp/articles/mumsleg.html (дата обращения: 20.03.2020).

381. Power John. Japanese Names [Электронный ресурс] // The Indexer. — June 2008. — Vol. 26. — No. 2. — P. 4–8. — URL: https://www.theindexer.org/files/26-2/26-2-cp4_002.pdf. (дата обращения: 20.03.2020).

382. Schilt K, Westbrook L. Doing Gender, Doing Heteronormativity: "Gender Normals," Transgender People, and the Social Maintenance of Heterosexuality // Gender & Society. — 2009. — 23(4). — P. 440–464.

383. Simko C., Olick J.K. What we talk about when we talk about culture: multi-facet approach // Am J Cult Sociol. — 2020.

384. Spicheva D.I., Polyanskaya E.V. Culture codes of scientific concepts in global scientific online discourse // AI & Soc 35. — 2020. — P. 699–714.

385. Suzuki Mami. A Long History of Japanese Names. 10.09.2014. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.tofugu.com/japan/history-of-japanese!-names/ (дата обращения: 20.03.2020).

386. Tosa Naoko, Seigow Matsuoka. ZENetic Computer: Exploring Japanese Culture [Электронный ресурс] // Leonardo. — Vol. 39. — No. 3. — 2006. — P. 205–228. — URL: www.jstor.org/stable/20206218. (дата обращения: 20.03.2020).

387. Uno Yoshiyasu, Rosenthal Robert. Tacit communications between Japanese experimenters and subjects // Psycholgia-An International Journal of Psychology in the Orient. — Kyoto, 1972. — Vol. 15. — № 5. — P. 213–222.

388. Vitolla Filippo, Raimo Nicola, Rubino Michele, Giovanni Maria Garegnani. Do cultural differences impact ethical issues? Exploring the relationship between national culture and quality of code of ethics // Journal of International Management. — 27(1). — 2021.

389. Игараси Юко. 五十嵐裕。折り紙の歴史と保育教材としての折り紙に関する一考察 сай [Исследование истории оригами и оригами как средство обучения] 、浦和大学・浦和大学短期大学部 浦和論叢 第 46 号 2012-2. P. 45–68 [Электронный ресурс]. — URL: https://urawa.repo.nii.ac.jp/?action=repository_action_common_download&item_id=351&item_no=1&attribute_id=18&file_no=1 (дата обращения: 20.03.2020).

390. Сэнда Юки. 千田 有紀。日本人の家族観変化する意識・変化しない制度 [Японская семья. Сознание меняется, порядок остается]. [Электронный ресурс]. — URL: http://www.nippon.com/ja/currents/d00095/ (дата обращения: 20.03.2020).

391. Умэя Кэндзи. 梅谷 献二。無視を聴くぶんか。 [Культура, которая слышит насекомых] [Электронный ресурс]. — URL: https://www.jataff.jp/konchu/listen/listen.html (дата обращения: 17.03.2019).

392. 季刊政策経営研究 (Quarterly journal of public policy & management). 2000. — Vol. 3. — P. 202–225. Editor-in Chief Interview: «Ongoing Edition of Globalization». [Электронный ресурс]. — URL: https://www.murc.jp/wp-content/uploads/2012/07/202.pdf (дата обращения: 21.10.2019).

Диссертационные исследования

393. Алексеев-Апраксин, А.М. Восток в культуре Петербурга : автореф. дис. ... д-ра культурологии : 24.00.01 / Алексеев-Апраксин Анатолий Михайлович. — СПб., 2011. — 42 с.

394. Безруков, И.В. Нисида Китаро: сравнительный анализ японской и западной философии : автореф. дис. … канд. философ. наук : 09.00.03 / Безруков Иван Вячеславович. — СПб., 2010.

395. Васильева, И.А. Социокультурная обусловленность отношения к деньгам в российской и западноевропейской культурных традициях: трансформации в условиях глобализации : автореф. дис. … канд. философ. наук : 24.00.01 / Васильева Ирина Александровна. — Томск, 2019. — 21 с.

396. Воркина, К.С. Японская семья как феномен культуры : дисс. … канд. культурологии : 24.00.01 / Воркина Ксения Сергеевна. — М., 2019. — 168 с.

397. Гашимов, Э.А. Структурно-семантические и прагматические характеристики английского лингвокультурного кода (на материале лексико-фразеологического поля «Продукты питания») : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Гашимов Эльчин Айдын оглу. — Волгоград, 2005. — 189 с.

398. Головницкая, Н.П. Лингвокультурные характеристики немецкоязычного гастрономического дискурса : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Головницкая Наталья Петровна. — Волгоград, 2007. — 304 с.

399. Гуревич, Т.М. Лингвокультурологический анализ концептосферы человек в японской языковой картине мира : дисс. … д-ра культурологии : 24.00.01 / Гуревич Татьяна Михайловна. — М.: МГУ, 2006. — 330 с.

400. Гутенберг, Р.О. Дворцовая повседневность в культуре Санкт-Петербурга первой трети XIX века : дисс. … канд. культурологии : 24.00.01 / Гутенберг Роман Олегович. — СПб., 2019. — 184 с.

401. Гуткелова, Ф.Н. Зооморфный код культуры в языковой картине мира (на материале разноструктурных языков: французского, кабардино-черкесского и русского языков) : автореф. дисс. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / Гуткелова Фатимат Нашировна. — М., 2009. — 47 с.

402. Гуткелова, Ф.Н. Зооморфный код культуры в языковой картине мира (на материале разноструктурных языков: французского, кабардино-черкесского и русского языков) : дисс. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / Гуткелова Фатимат Нашировна. — М., 2009. — 431 с.

403. Дроздова, А.В. Визуализация повседневности в современной медиакультуре : дисс. … д-ра культурологии : 24.00.01 / Дроздова Алла Владимировна. — М., 2017. — 347 с.

404. Дукальская, И.В. Семантические и прагматические характеристики английского лингвокультурного кода «артефакты» : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Дукальская Ирина Владимировна. — Самара, 2004. — 171 с.

405. Железняк, О.Н. Эстетическое воспитание в Японии : автореф. дисс. ... канд. философ. наук : 09.00.04 / Оксана Николаевна. — М., 1998. — 28 с.

406. Завьялова, Н.А. Культурно-коммуникативные формулы как отражение цивилизационных картин мира : дисс. ... д-ра культурологии : 24.00.01 / Завьялова Наталья Алексеевна. — М.: Московский гуманитарный университет, 2018. — 569 с.

407. Зубко, Г.В. Проблемы реконструкции культурного кода фульбе: Западная Африка : автореф. дисс. ... д-ра культурологии : 24.00.01 / Зубко Галина Васильевна. — М.: МГУ, Ин-т стран Азии и Африки, 2004. — 54 с.

408. Карибэ Ёсихито. Традиционная японская идентичность с древних времен до эпохи глобализации : дисс. … канд. ист. наук : 07.00.03 / Карибэ Ёсихито. — М., 2004. — 196 с.

409. Лян Сяонань. Русский темпоральный код в свете лингвокультурологического подхода (на фоне китайского языка) : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Лян Сяонань. — М., 2008. — 175 с.

410. Мироненко, Л.А. Временные границы повседневности : дисс. … канд. философ. наук : 09.00.13 / Мироненко Лариса Александровна. — Владивосток, 2005. — 153 с.

411. Михайлин, В.Ю. Мужские пространственно-ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции : автореф. дисс. ... д-ра философ. наук : 24.00.01 / Михайлин Вадим Юрьевич. — Саратов, 2006. — 30 с.

412. Мостицкая, Н.Д. Праздничное и повседневное в коммуникативном пространстве культуры: сущность, содержание, функциональность : автореф. дисс.

… д-ра культурологии : 24.00.01 / Мостицкая Наталья Дмитриевна. — М., 2019. — 36 с.

413. Назарова, О.В. Концепт «деньги» в пространстве современной культуры. Опыт междисциплинарного исследования : автореф. дисс. … канд. культурологии : 24.00.01 / Назарова Олеся Владимировна. — Саранск, 2018. — 24 с.

414. Никитина, Л.В. Культура современного японского питания: традиции и новации : автореф. дисс. … канд. культурологии : 24.00.01 / Никитина Лидия Владимировна. — М., 2008. — 33 с.

415. Пак, Г.С. Многомерное время истории как человеческой деятельности : дисс. … д-ра философ. наук : 09.00.11 / Пак Галина Станиславовна. — Екатеринбург, 2000. — 323 с.

416. Сарач, Х. Природно-ландшафтный код культуры (на материале русского и турецкого языков) : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Сарач Хакан. — М., 2016. — 211 с.

417. Сосновская, Е.А. Этос японского общества : дисс. … канд. философ. наук : 09.00.05 / Сосновская Елена Александровна. — Новосибирск, 2006. — 180 с.

418. Фролова, Е.Л. Этносоциальные функции имени в традиционной Японии : автореф. дисс. … канд. ист. наук : 07.00.07 / Фролова Евгения Львовна. — Томск, 2012. — 28 с.

419. Храмова, М.Н. Семантика зооморфных образов в современной европейской культуре : автореф. дисс. … канд. культурологии : 24.00.01 / Храмова Марина Николаевна. — СПб., 2015. — 26 с.

420. Чугров, С.В. Социокультурная традиция и внешнеполитический менталитет современной Японии : автореф. дисс. … д-ра социол. наук : 23.00.02 / Чугров Сергей Владиславович. — М., 2007. — 60 с.

421. Collazo Anja Maria. The Japanese Naming System-Morphology and Semantics of Individual Names. Thesis of Dissertation. Kyoto University (京都大学). — 2016. — 151 p.

Словари и справочные издания

422. Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. — 3-е изд. — М.: Сов. энцикл., 1969–1978.

423. Большой энциклопедический словарь «Языкознание» / под. ред. В.Н. Ярцева. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. — 682 с.

424. Большой японо-русский словарь: в 2 т. / под. ред. Н.И. Конрада. — М.: Живой язык, 2007. — 950 с.

425. Быкова, С.А. Японо-русский фразеологический словарь / С.А. Быкова. — М.: Муравей-гайд, 2000. — 272 с.

426. Всемирная энциклопедия: Философия / главн. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. — М.: АСТ; Л.: Харвест: Современный литератор, 2001. — 1312 с.

427. Гуревич, Т.М. Японо-русский учебный словарь ёдзидзюкуго / Т.М. Гуревич. — М.: Моногатари, 2011. — 144 с.

428. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль ; вступ. статья А.М. Бабкина. — М.: ГИС, 1955.

429. Зарубин, С.Ф. Русско-японский словарь / С.Ф. Зарубин, А.М. Рожецкин. — М.: Русский язык, 1988. — 895 с.

430. Кононенко, Б.И. Большой толковый словарь по культурологи / Б.И. Кононенко. — М: Вече, 2003. — 512 с.

431. Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — 688 с.

432. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / науч.-ред. совет.: В.С. Степин [и др.]. — М.: Мысль, 2000–2001.

433. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. — М.: Русский язык, 1990. — 921 с.

434. Отин, Е.С. Словарь коннотативных собственных имён / Е.С. Отин. — Донецк: Юго-Восток, 2004. — 412 с.

435. Постмодернизм : энциклопедия / сост. и науч. ред. А.А. Грицанов, М.А. Можейко. — Минск: Интерпрессервис: Книжный Дом, 2001. — 1040 с.

436. Словарь по этике / под ред. А.А. Гусейнова, И.С. Кона. — М.: Издательство политической литературы, 1989. — 430 с.

437. Степанов, Ю.С. Константы : словарь русской культуры : опыт исследования / Ю.С. Степанов. — М.: Языки русской культуры, 1997. — 824 с.

438. Философский энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1983. — 840 с.

439. Японо-русский учебный словарь иероглифов / под. ред. Н.И. Фельдман-Конрад. — М.: Русский язык, 1977. — 698 с.

440. Evans Vyvyan. A Glossary of Cognitive Linguistics. — Edinburgh University Press&, 2007. — 251 p.

441. The Modern Readers Japanese — English Character Dictionary by Andrew N. Nelson, second revised edition — Tokyo: Rutland Vermont, 1979. 1109 p.

442. Oxford Advanced Learner's Dictionary. 7th edition — Oxford University Press, 2005. — 1780 p.

443. Webster’s New World Dictionary. — Oxford & IBH publishing CO, 1974. — 994 p.

444. 日本語解読辞典 — 東京: 東洋出版, 2006.

445. 和露辞典 — 研究者, 2002.

446. 日本絵とき事典 — JTB, 1984.

447. コンサイス露和辞典「第５版」– 東京: 小学館, 2003–2007.

448. コンサイス和露和辞典「第３版」– 東京: 三省堂, 2005–2007.

449. ジーニアス英和辞典 — 大修館書店, 2001–2008.

450. 日本—その姿と心 — 学生社 (Casio Electronic Dictionary XD-A7700).

451. デジタル大事線–小学館 (Casio Electronic Dictionary XD-A7700).

452. 認知語源学キーワード事典– 汁幸夫編 研究者, 2002.

453. 百科事典マイペデイア — 電子辞書版, 2008.

454. 使え方のわかる類語例解辞典 — 東京: 小学館, 2003.

455. 日常語の意味変化辞 — 東京: 東京道出版, 2003.

456. 日本語解読辞典 — 東京: 東洋出, 2006.

457. 例解学習国語辞典 — 東京: 小学館, 1996.

458. 国語に強くなる事典 — 東京: 旺文社, 1996.

459. 明鏡国語辞典 — 大修館書店, 2002–2009.

460. 新漢語林 –大修館書店, 2004–2008.

461. 日本語 コロケーション 事典 — 学研, 2006.

462. 日本苗字大辞典. 1996 年。　芳文館。

463. 明鏡 ことわざ成句使い方事典–大修館書店, 2007–2009.

464. 四字熟語事典 –大修館書店, 2004–2008.

465. 現代スピーチ事典 — ダイソーミニミニ事典シリーズ, 1996

466. 大辞林 第三版 [Электронный ресурс]. — URL: https://kotobank.jp/word (дата обращения: 14.07.2020).

467. お名前辞典 — 赤ちゃん・子供の名前 約 18 万件から検索できる名前辞書[Электронный ресурс]. — URL: http://name.m3q.jp (дата обращения: 14.07.2020).

Ресурсы Интернет

468. 令和２年版自殺対策白書｜自殺対策｜厚生労働省 [Белая книга о мерах по борьбе с самоубийствами за 2020 г. Министерство здравоохранения, труда и социального обеспечения Японии] [Электронный ресурс]. — URL: https://www.mhlw.go.jp/stf/seisakunitsuite/bunya/hukushi_kaigo/seikatsuhogo/jisatsu/jisatsuhakusyo2020.html

469. 皇室典範 [Закон об императорском доме] [Электронный ресурс]. — URL: https://www.kantei.go.jp/jp/singi/kousitu/dai1/1sankou.pdf#search= %27 皇室典範第 4 条 %27

470. LGBT 総合研究所 [Исследовательский институт ЛГБТ. Официальный сайт] [Электронный ресурс]. — URL: https://lgbtri.co.jp

471. 日本国憲法 | e-Gov 法令検索 [Конституция Японии] [Электронный ресурс]. — URL: https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=321CONSTITUTION

472. 外務省 [Официальный сайт Министерства иностранных дел Японии] [Электронный ресурс]. — URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/index.html

473. [Официальный сайт Агентства по делам культуры] [Электронный ресурс]. — URL: https://www.bunka.go.jp

474. 首相官邸ホームページ [Официальный сайт премьер-министра Японии] [Электронный ресурс]. — URL:https://www.kantei.go.jp

475. 内閣府ホームページ [Официальный сайт правительства Японии] [Электронный ресурс]. — URL: https://www.cao.go.jp/index.html

476. 総務省｜情報通信統計データベース [Официальный сайт Министерства внутренних дел и коммуникаций. Статистическая база данных] [Электронный ресурс]. — URL: http://www.soumu.go.jp/johotsusintokei/index.html

477. 独立行政法人国立印刷局 — お札の特長 [Официальный сайт Национального бюро печати Японии. Особенности банкнот] [Электронный ресурс]. — URL: http://www.npb.go.jp/ja/intro/tokutyou/index.html

478. 厚生労働省 [Официальный сайт Министерства здравоохранения, труда и благосостояния Японии] [Электронный ресурс]. — URL: https://www.mhlw.go.jp/index.html

479. 日本相撲協会公式サイト [Официальный сайт Ассоциации сумо]. Nihon Sumo Kyokai Official Grand Sumo Home Page [Электронный ресурс]. — URL: http://www.sumo.or.jp/

480. セイゴウちゃんねる, 松岡正剛 [Официальный сайт Мацуока Сэйго:] [Электронный ресурс]. — URL: https://seigowchannel-neo.com

481. 近代デジタルライブラリー 女大学 [Современная электронная библиотека: Великое учение о женщинах] [Электронный ресурс]. — URL: http://kindai.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/754896/

482. 大辞林 第三版 [Словарь Дайдзирин. 3-е издание] [Электронный ресурс]. — URL: https://kotobank.jp/word

483. Центр Всемирного наследия Юнеско [Электронный ресурс]. — URL: https://whc.unesco.org/ru/list

484. 日本大百科全書(ニッポニカ) [Энциклопедия Ниппоника] [Электронный ресурс]. — URL: https://kotobank.jp/dictionary/nipponica/254/